

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Гайдаренко В.А. «Детская» и «подростковая» тематика в социально-когнитивном пространстве современного западного и российского медийного дискурса 5

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Бычков П.И., Смирнова А.С. Изучение мотивации курсантов Курсов подготовки офицеров запаса Сухопутных войск США к военной службе (социологический анализ) 12

Антонюк В.П., Иванова Я.С., Кулешов С.М., Морозова А.С. Дефицит доверия в трансформирующихся современных экономических отношениях: устранять или наращивать..... 19

Борисенко В.И., Чернышева Е.Н. Российское движение детей и молодежи: становление..... 26

Ураськина Н.И., Бусыгина Л.В., Ямаева Н.П. Управление в сфере этнокультурного образования Удмуртской Республики: современное состояние, проблемы и перспективы 29

Осипенко Э.Б., Кифичак Т.Ю. Проблемы социологического анализа изучения социального здоровья военнослужащих 36

Кремнёв Е.В. Эпистемологические основания выявления современных исследовательских моделей (на примере социального управления как объекта китайской социологии)..... 41

Платонова Е.Д. Управление персоналом в российских подразделениях транснациональных корпораций: обобщение практик 46

Рябова Т.М., Мишенин С.А. Технологии социального оценивания граждан в контексте развития субъектов Российской Федерации 52

Ушаков Е.В. Проблема теоретических оснований публичного управления: парадигмы и действующие концепции 57

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Боровой Е.М. Проблема страха в философии и культуре итальянского возрождения 61

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюсов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.09.2023 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Дробышев В.А.</i> О независимой доступности в природе и функциональности ПСЧ и общественного сознания.....	65
<i>Кандалов В.И., Карташова Д.А.</i> Особенности реализации современных военных информационно-коммуникативных операций	69
<i>Кафтан В.В., Осмоловская Д.В.</i> К вопросу о парадигмальных основаниях современной информационной войны	73
<i>Каюмов А.Т.</i> Язык и реальность: информация как средство социального инжиниринга и управления.....	77
<i>Миндигулова А.А.</i> Искусственный интеллект: дисциплинарная демаркация понятия.....	80
<i>Пичугин В.Г.</i> Функции модели системной защиты исторического сознания российского общества	83
<i>Сельдинова Д.О.</i> Мифология бренда как социокультурный феномен	88
<i>Сироткин А.В.</i> Экзистенциализм Ж.-П. Сартра и «виртуальный экзистенциализм»	93
<i>Урсул В.И.</i> Социально-политический анализ идеологии германского нацизма первой половины XX века.....	96
<i>Пичугин В.Г.</i> Детерминанты влияния на историческое сознание общества.....	101
<i>Циткилов П.Я.</i> Культурно-религиозные, политические и нравственно-правовые особенности функциональной матрицы евразийско-общерусской цивилизации.....	106
ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ	
<i>Галухин А.В.</i> Эпистемологически адекватные условия преднамеренного усвоения убеждений	114
<i>Раджабов О.Р., Раджабова З.К., Лобачева З.Н.</i> Некоторые проблемы вузовского образования в условиях современности	121
<i>Шадже А.Ю.</i> Бренд региона в гуманитарном познании: некоторые методологические особенности ...	125

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Викторов А.Ш.</i> Социальные технологии как идеология элиты в современном обществе.....	130
<i>Брода С.Б.</i> Институционализация лоббирования как политического института в условиях демократизации общества	136
<i>Брызгов Н.В.</i> Современная политика России в области промышленного дизайна	141
<i>Воронкова О.А.</i> Дискурсные процессы в сетевой реальности.....	144
<i>Михайленок О.М., Назаренко А.В.</i> Сетевизация политических отношений: источник, способ, среда. Часть 1. Человек как источник политического	149
<i>Семёнова О.В.</i> Основные аспекты управления данными в государственных и международных организациях.....	154

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Кураев А.Н., Мякинина Н.П., Баранова В.А.</i> Англо-русские противоречия на Северном Кавказе в 1830–1860 гг.....	160
---	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Гэ Синьжун.</i> Влияние реализации положений «Индотихоокеанской стратегии» США на российско-индийские отношения	165
<i>Жарков А.А.</i> «Системная парадигма» в комплексе «мягкой силы»	170

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ван Наньнань, Лян Инин.</i> Исследование политики охраны нематериального культурного наследия России в рамках концепции культурного пространства	175
---	-----

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Gaidarenko V.A. “Children’s” and “Adolescent” Topics in the Social and Cognitive Space of Modern Western and Russian Media Discourse..... 5

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Bychkov P.I., Smirnova A.S. Study of motivation of cadets of the US Army Reserve Officers Training Courses for military service (sociological analysis)..... 12

Antonyuk V.P., Ivanova Ya.S., Kuleshov S.M., Morozova A.S. The deficit of trust in the transforming modern economic relations: to eliminate or increase 19

Borisenko V.I., Chernysheva E.N. Russian movement of children and youth: formation..... 26

Uraskina N.I., Busygina L.V., Yamaeva N.P. Management in the field of ethnocultural education of the Udmurt Republic: current state, problems and prospects 29

Osipenko E.B., Kifichak T. Yu. Problems of sociological analysis of the study of the social health of military personnel..... 36

Kremnyov E.V. Epistemological foundations for identifying modern research models (on the example of social management as an object of Chinese sociology) 41

Platonova E.D. Personnel management in Russian divisions of transnational corporations: generalization of practice..... 46

Rjabova T.M., Mishenin S.A. Technologies for social assessment of citizens in the context of the development of constituent entities of the Russian Federation..... 52

Ushakov E.V. The problem of theoretical foundations of public administration: paradigms and functioning concepts 57

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

Borovoy E.M. The problem of fear in the philosophy and culture of the Italian Renaissance..... 61

Drobyshev V.A. On Independent Accessibility in the Nature and Functionality of the PSC and Public Consciousness..... 65

Kandalov V.I., Kartashova D.A. Features of the implementation of modern military information and communication operations 69

Kaftan V.V., Osmolovskaya D.V. On the question of paradigmatic foundations modern information warfare..... 73

Kayumov A.T. Language and reality: information as a means of social engineering and management..... 77

Mindigulova A.A. Artificial intelligence: disciplinary demarcation of the concept 80

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.09.2023. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”.

<i>Pichugin V.G.</i> Functions of model of systemic protection of the Russian society's historical consciousness	83	<i>Broda S.B.</i> Institutionalization of lobbying as a political institution in the context of democratization of society	136
<i>Seldinova D.O.</i> Brand mythology as a sociocultural phenomenon.....	88	<i>Bryzgov N.V.</i> Modern Russian policy in the field of industrial design	141
<i>Sirotkin A.V.</i> Existentialism of J.-P. Sartre and “virtual existentialism”	93	<i>Voronkova O.A.</i> Discourse Processes in Network Reality....	144
<i>Ursul V.I.</i> Socio-Political Analysis of the Ideology of German Nazism in the First Half of the 20th Century	96	<i>Mikhaylenok O.M., Nazarenko A.V.</i> Networking of political relations: source, method, environment. Part 1. Man as a source of the political	149
<i>Pichugin V.G.</i> Determinants of influence on the historical consciousness of society	101	<i>Semenova O.V.</i> The main aspects of data management in state and international organizations	154
<i>Tsitkilov P. Ya.</i> Cultural-religious, political and moral-legal features of the functional matrix of the Eurasian-all-Russian civilization	106	POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT	
PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE		<i>Kuraev A.N., Myakinina N.P., Baranova V.A.</i> Anglo-Russian conflict in the North Caucasus in 1830–1860 years.	
<i>Galukhin A.V.</i> Epistemologically Adequate Conditions for Deliberate Belief Acquisition	114	160	
<i>Radjabov O.R., Radzhabova Z.K., Lobacheva Z.N.</i> Problems of university education in modern conditions.....	121	INTERNATIONAL RELATIONSHIPS	
<i>Shadzhe A.Y.</i> Brand of the region in humanitarian cognition: some methodological features	125	<i>Ge Xinrong.</i> The Impact of the Implementation of the Provisions of the “Indo-Pacific Strategy” of the United States on Russian-Indian Relations	165
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES		<i>Zharkov A.A.</i> «System paradigm» in the complex of «soft power».....	170
<i>Viktorov A. Sh.</i> Social technology as an elite ideology in modern society	130	INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH	
		<i>Wang Nannan, Liang Yining.</i> Study of the policy of protection of intangible cultural heritage of Russia within the framework of the concept of cultural space	175

«Детская» и «подростковая» тематика в социально-когнитивном пространстве современного западного и российского медийного дискурса

Гайдаренко Вадим Анатольевич,

к.ф.н., доцент Департамента иностранных языков
и межкультурной коммуникации Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Vadim.gaidarenko@mail.ru

В статье рассмотрено социально-когнитивное пространство, отображающее социальные и психологические проблемы детей и подростков в Великобритании, США и России в связи с использованием социальных сетей в качестве инструмента Интернет-социализации. Особое внимание уделено анализу определенной модели когнитивного и психологического воздействия детей (подростков)-инфлюенсеров на сознание и образ жизни современной молодежи. Рассматривается вербализация концептов, связанных с социальными проблемами детей и подростков Великобритании и США. Материалом для исследования послужили статьи журнала «The Economist» и репортажи телевизионной компании the BBC, посвященные детской и подростковой тематике и статьи по теме из российских СМИ. В статье также рассматриваются некоторые концепты, которые часто вербализируются в экономических западных и российских СМИ.

Ключевые слова: концепт, вербализация, социальные сети, психическое здоровье, социализация, безопасность в использовании соцсетей, социальная архитектура, дети (подростки)-инфлюенсеры, кидфлюенсеры.

Понятие «медиалингвистика» появилось в 2000 г. Появление термина было вызвано необходимостью определить лингвистическое направление, связанное с функционированием естественного языка в сфере массовой коммуникации. Предпосылки развития медиа лингвистики начали формироваться в 70-е годы XX в. В это время, как в России, так и за рубежом возник стабильный интерес к изучению функционирования языка в сфере массовой коммуникации. Среди исследователей, внесших значительный вклад в формирование медиа лингвистики как лингвистической дисциплины, находятся такие известные ученые как С.И. Бернштейн, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Г.Н. Маенаенко, М.В. Панов, Ю.В. Рождественский, С.И. Сметанина, С.В. Светлана-Толстая, Г.Я. Солганик, Д.Н. Шмелев, А.Д. Шмелев. Западная традиция изучения языка СМИ представлена такими именами, как Т. ван Дейк, А. Белл, Дж. Корнер, М. Монтомери, Р. Фаулер, Н. Фейерклаф и др. [1, стр. 288].

Концептуальная картина современного медийного дискурса представляет особый интерес, когда речь идет о влиянии социальных сетей на формирование сознания детей и подростков. Появление концепта **child social-media influencer** сопряжено с созданием определенной модели взаимодействия детей с помощью социальных сетей. Дети-инфлюенсеры воздействуют на поведение и социальную жизнь своих сверстников, выкладывая видеоматериал как обучающего характера (**tutorial on dancing and hand-washing**) так и развлекательный контент. Создаются определенные ролевые модели с помощью блогеров-детей, которые рассказывают о своей жизни ежедневно (**lifestyle bloggers**), не забывая рекламировать определенные товары и услуги. Многомиллионная аудитория популярных детей-инфлюенсеров меняет формы социализации и поведенческие модели благодаря регулярным постам кумиров в Тик-Токе и Инстаграм¹.

Видеохостинг YouTube давно стал площадкой, с помощью которой люди зарабатывают известность и средства к существованию. Многие из ныне популярных блогеров начинали свою деятельность еще в подростковом возрасте, однако с течением времени возрастная планка создателей видео значительно снизилась. Сейчас можно говорить о существовании детского YouTube, на котором популярен контент, созданный детьми для детей.

Разумеется, съемкой видеороликов дети занимаются не сами, да и инициатива заведения блога малышам, чаще всего, не принадлежит. Тем не менее юные блогеры-миллионники подходят к процессу создания контента с большим интересом, что подкупает их аудито-

¹ Экстремистская организация, запрещенная на территории РФ.

рию. Тематика видео на детских каналах разнообразна: на платформе можно найти как познавательные ролики, так и забавные видео о детских шалостях, челленджи, обзоры игрушек и даже влоги из путешествий. На каждую разновидность находят свои зрители, и их количество зачастую сильно превосходит число зрителей взрослого контента.

Супер Полина (23,6 млн подписчиков)

Полине Роговцевой всего 8 лет, но она уже ведет два многомиллионных канала. На основном канале «Супер Полина» (14,4 млн подписчиков) выходят развлекательные и познавательные видео, которые понятны русскоязычным детям. Второй канал девочки – «Super Polina Play» (9,21 млн. подписчиков) посвящен игрушкам и ведется на английском языке. Всего же за деятельностью блогерши следят более 23 миллионов малышей по всему миру, а суммарное количество просмотров Супер Полины только на одном канале превышает 4 миллиарда.

Известно, что аккаунт на YouTube был создан по инициативе самой юной звезды интернета ради забавы, но шутка вышла из-под контроля – сейчас девочка хорошо зарабатывает на своих роликах. Как сообщает «Москва 24», за месяц Полина зарабатывает до 300 тысяч долларов, что покрывает затраты на производство контента и обучение школьницы.

Возьмем, к примеру, трехлетнего Райана Каджи. Все началось с конструктора Lego Choo Choo Train. На видео трехлетний Райан Каджи выбирает его в магазине. «Потому что он мне нравится», – говорит он своей матери Лоанн. Когда они возвращаются в свой дом в Хьюстоне, штат Техас, ребенок открывает коробку и играет с новой игрушкой. Ничего необычного – но такие ролики сделали семью Каджи миллионерами.

Лоанн загрузила это видео на новый канал Ryan Toys Review на YouTube. Спустя 8 лет у Райана множество распаковок игрушек и 35 млн подписчиков. Райан – один из представителей нового поколения детей-инфлюенсеров младше 18 лет, которые меняют формат детских развлечений в США и зарабатывают на этом много денег. Этот бизнес процветает в США. Ролики, в которых дети демонстрируют свои игрушки и учат юных зрителей мыть руки, набирают миллионы просмотров – и приносят их создателям миллионы долларов.

Может ли воздействие подобного контента оказать негативное влияние на психологическое развитие маленьких детей и подростков? Образовательный контент, несомненно, может оказать полезное влияние на психологическое развитие детей и подростков. Выстраивая определенную архитектуру взаимодействия и социализации с помощью социальных сетей, дети-инфлюенсеры способны создать социальную экосистему вокруг продукта или услуги. Прагматический потенциал такого воздействия огромен. Дети-инфлюенсеры воспринимаются подписчиками как друзья. С ними может быть интереснее общаться чем с физическими друзьями в реальной жизни. Когда ваш кумир демонстрирует как правильно чистить зубы и мыть руки вы следуйте его примеру и у вас формируются навыки, которые повлияют позитивно на вашу взрослую жизнь в дальнейшем. Таким образом, мы можем говорить о формировании особой социально-психологической архитектуры социализации в Интернет-пространстве. Может ли подобный вид социализации быть подспорьем физической социализации детей и подростков? Если образовательный контент детей-инфлюенсеров создается профессионалами в сфере психологии, педагогики или мира развлечений, то Интернет-жизнь может стать

конкурентом реальному физическому общению детей и подростков.

Kids Diana Show (103 млн подписчиков)

8-летняя Диана является одним из самых популярных ютуберов планеты. Сниматься девочка начала практически с пеленок – канал Kids Diana Show был создан в 2015 году. Вместе с Дианой в съемках участвуют ее братья **Рома** и **Оливер**. На троих у ребят создано 13 каналов с суммарной аудиторией более 240 миллионов подписчиков.

Наиболее популярным роликом на основном канале Дианы является клип на песню «Like It», набравший 2 миллиарда просмотров. Однако, как отмечено в описании канала, присоединяться к числу подписчиков девочки заставляет контент, благодаря которому дети могут изучать новые слова, получать знания об окружающем мире, формировать представления о дружбе и общественных нормах.

Like Nastya (более 291 млн подписчиков)

Уроженка Краснодара **Анастасия Радзинская** в своем юном возрасте уже несколько раз входила в рейтинг самых высокооплачиваемых ютуберов по версии Forbes. Самойкой контента девочка занимается вместе с родителями: отец Насти является героем большинства видео. Помимо этого, в роликах часто появляются друзья маленькой блогерши.

Основу канала «Like Nastya» составляют сюжетные скетчи и челленджи, однако иногда девочка снимается во влогах и познавательных роликах для детей. Так, несколько месяцев назад на канале появилось видео о летних правилах безопасности для детей, которое набрало более 11 миллионов просмотров. Счетчик воспроизведенных видео о нормах поведения детей, вышедшего год назад, уже перевалил за 193 миллиона (рис. 1).

Рис. 1. Скриншот: YouTube / Like Nastya

Серьезный подход родителей девочки к ведению YouTube привел к невероятным результатам. По данным журнала Forbes, на начало 2022 года Настин годовой заработок составлял 28 миллионов долларов, что обеспечило девочке 6 место в рейтинге ютуберов по версии издания, а ее семья комфортно проживание в Майами. Кстати, доход с канала позволил семье Радзинских переехать в США еще в 2018 году. Смена места жительства повлияла на развитие канала: уже несколько лет все видео Насти выходят на английском языке, что привлекает новых зрителей.

У многих детей с ограниченными возможностями благодаря каналам детей-инфлюенсеров, появляется шанс привнести радость в свою жизнь с помощью танцевальных уроков и развлекательных языковых курсов на Интернет-платформах. «Спортивные» дети-инфлюен-

серы способны радикально изменить жизнь многих детей и подростков. Однако не стоит забывать и об опасности излишней коммерциализации онлайн контента, рассчитанного на детскую аудиторию. Когда контентом управляют не профессиональные педагоги и психологи (или их влияние минимизировано) встает вопрос о психическом здоровье как детей-инфлюенсеров, так и детей, подвергающихся воздействию безудержной рекламной машины. Когда дети проводят 8–10 часов в Интернете, то это негативно влияет на их психическое развитие. Много визуального контента может создать искаженную картину реальной жизни в формирующемся сознании детей и подростков.

Использование социальных сетей часто приводит к термину **«социального сравнения»**. Инфлюенсеры публикуют сообщения о своих достижениях, успехах, и позитивных жизненных событиях, что заставляет некоторых детей и подростков чувствовать свою неспособность, несостоятельность и некий «низкий социальный уровень». К примеру, увидев красивые фото с отдыха или фото дорогих покупок, демонстрирующих финансовый успех, человек невольно начинает сравнивать жизнь других людей со своей, даже зная тот факт, что контент тщательно отобран и часто не соответствует действительности.

«Киберзапугивание» происходит, когда кто-то намеренно и многократно причиняет боль другому человеку через Интернет. Это могут быть оскорбительные и унижающие комментарии, публикации фото и видео с целью выставить Вас с худшей стороны. Человек, столкнувшийся с **киберзапугиванием**, испытывает страх, тревогу, стыд и отсутствие чувства собственной безопасности. Все это может привести к развитию **депрессивного состояния**. Группа ученых из Великобритании и Нидерландов опубликовала исследование влияния социальных сетей на психическое здоровье подростков. Исследователи пришли к выводу, что соцсети могут оказывать негативное влияние на эмоциональное развитие. Особенно это проявляется в период полового созревания. Исследование проводилось на базе опросов более 72 тыс. жителей Великобритании в возрасте от 10 до 80 лет. Опросы проводились с 2011 по 2018 год, и каждый раз респондентам задавали ряд вопросов о том, сколько времени они проводят в социальных сетях и насколько они удовлетворены своей жизнью.

Из всех ответов собрали только те, которые относятся к людям от 10 лет и до 21 года. У респондентов в возрасте 10–15 лет не наблюдалось корреляции между уровнем удовлетворенности жизнью и временем, проводимым в соцсетях. Среди подростков старшего возраста выяснилось, что девушки, проводящие значительную часть времени в соцсетях, менее довольны своей жизнью.

Помимо открытых данных ученые провели и собственный опрос, в котором приняли участие более 17 тыс. девушек и юношей того же возраста. Результаты показали, что есть связь между долгим пребыванием в социальных сетях и оценкой качества собственной жизни. У девочек такая тенденция прослеживается в возрасте 11–13 лет, а у мальчиков – в 14–15 лет. Исследователи связали полученные данные с половым созреванием, которое начинается у девушек и юношей примерно в это же время.

Предполагается, что в период полового созревания подростки обращают больше внимания на идеальные картинки в социальных сетях и сравнивают их с собой. Это может приводить к общему неудовлетворению жизнью и мыслям, что они не такие, как все.

Ученые отмечают, что пока не могут точно утверждать, что именно Интернет и социальные сети приводят к подобным расстройствам. Но подчеркивают, что такая корреляция точно прослеживается. Сейчас ученые планируют продолжить исследование и выявить группы подростков, которые наиболее подвержены влиянию социальных сетей.

Журнал «Слэйт» (США) проводил исследования социальных сетей на предмет возникновения негативных эмоций. По их результатам самой депрессивной, угнетающей сетью является именно «Инстаграм». Объясняется это тем, что пользователи обычно выкладывают снимки, свидетельствующие об их успешности, о красивой, насыщенной жизни, о счастье, материальном благополучии, наличии семьи и др. В результате действительно получается картинка «идеальной жизни», которая начинает угнетать других пользователей, которые не могут соответствовать подобным стандартам. В итоге может возникнуть чувство зависти, несостоятельности, не благополучности, одиночества.

«Дети, которые круглыми сутками находятся под камерами, зачастую теряют связь между реальностью и визуальным миром. Их бурно обсуждают, период взросления происходит на глазах у всего интернета. И, как следствие, на них с раннего возраста навешиваются определенные ярлыки, которые мешают им выстраивать свою жизнь в будущем», – объяснил «Газете.Ру» психотерапевт Александр Санников.

Они с раннего возраста привывают к телефону, расставание с которым приводит к истерикам. «Отсюда развитие истерического типа личности. Если не изменить воспитание такого ребенка, то дальше разовьется истерическая психопатия или даже шизофрения», – пояснил специалист.

Многие родители, к примеру, не в состоянии купить дорогие Лего наборы для своих детей, а так как дети очень эмоционально восприимчивы к отказам или запретам в определенном возрасте, то Интернет-кумир может вызвать как нервный срыв, так и более серьезные психологические проблемы. Более того, онлайн социализация детей и подростков не может заменить физическую социализацию и тут возникает необходимость регулирования Интернет-контента профессиональными психологами. Детей необходимо поощрять физически общаться со сверстниками, делиться впечатлениями, играть в подвижные спортивные игры. Умелое интегрирование образовательного контента в ткань социальных сетей может сыграть важнейшую роль в формировании и психологическом развитии ребенка и подростка. Другой важный момент связан с осуществлением родительского контроля за контентом, который просматривает ребенок. В последнее время превалирование видеоигр и с насилием и экстремистского контента (ролики с насилием) оказывает негативное воздействие на психику подростков в Англии. Преступления с применением ножей увеличились в Англии значительно в последние годы.

За последние 10 лет количество преступлений с применением ножей в Англии и Уэльсе выросло на 34%.

Проблема настолько пронзила всю британскую жизнь, что местные власти и активисты устанавливают по стране шкафчики с комплектом для остановки кровотечения.

Такое негативное явление как **«grooming»** можно отнести к наиболее опасным проявлениям Интернет-жизни. В определенном возрасте, особенно активно у подростков, проявляется интерес к сексуальной жизни. Педофилы начинают общаться в социальных сетях с наивными подростками и уговаривают их выкладывать

сексуальный контент для удовлетворения своих низменных желаний. Вопрос об установлении четких законов о безопасности подростков и детей в социальных сетях встает как нельзя остро (**on-line safety laws**). Пока речь идет о финансовой безопасности только детей-инфлюенсеров.

Губернатор штата Иллинойс подписал закон, который защищает доходы несовершеннолетних инфлюенсеров. Он предусматривает, что с 01 июля 2024 года инфлюенсеры младше 16 лет или несовершеннолетние, родители которых выкладывают фото и видео с ними в соцсети, должны получать процент доходов от публикаций. Размер отчислений определяется тем, как часто они появляются в постах. Это первый закон такого рода, принятый в США.

Рекуррентность концепта (частотность его языковых репрезентаций в речи) является важным показателем актуальности концепта в когнитивном сознании народа. Если возрастает частотность единиц, объективирующих тот или иной концепт, то это свидетельствует прежде всего о повышенной коммуникативной релевантности концепта. То есть о том, что он активно обсуждается в обществе, и следовательно, о его профилировании в национальной концептосфере – выдвижении на передний план, усилении яркости концепта как компонента национальной концептосферы, то есть его актуализации. Это можно назвать законом коммуникативной релевантности концепта: если концепт актуализируется «профилируется» в концептосфере, то возрастает и его рекуррентность, т.е. повышается частотность номинирующих его лексических единиц [2, стр. 148–149].

Выделим вербализации наиболее популярных концептов в **Интернет экосистеме** детей и подростковой аудитории. Материал взят из западных и российских СМИ.

Концепт: **Child online-influencer – Ребенок – Интернет- инфлюенсер**

post viral videos – постить вирусные видео
million of subscribers – миллион подписчиков
You-Tube for children – детский You-Tube
famous – известный

истерическая психопатия и шизофрения
жизнь на показ

меняют формат развлечений

многомиллионные каналы

mental health – психическое здоровье

финансовая безопасность

идеальные картинки в соцсетях

tutorials – образовательный контент

новый формат развлечений

Концепт: On-line safety – Интернет безопасность

cyberbullying – Интернет- травля

grooming- груминг детей и подростков

parental controls – осуществление родительского контроля за Интернет жизнью детей

финансовый контроль за доходами детей и подростков (создание трастового фонда, которым дети-инфлюенсеры могут воспользоваться при достижении 18-летнего возраста)

Экосистема Интернет-жизни может способствовать и формированию определенной культуры и норм поведения. Многие инфлюенсеры являются амбассадорами определенных национальных культур (танцы, живопись). Приобщение людей к определенной культуре и познанию нового способствуют блогеры-путешественники, которые в своих постах рассказывают о том или ином

проявлении культурного своеобразия. История Тамайо, молодого инфлюенсера из Кореи показательна. Многие молодые люди видят себя в сфере социальных сетей в качестве профессионала. Развивая свой канал и выкладывая свои вирусные видео о национальной культуре, он способствует распространению знаний о культуре малых народов.

Mr. Tamayo is not the first non-Korean to dabble in K-pop, which itself drew inspiration from American hip-hop. But two things make his efforts distinct. For a start, because he lacks the backing of a big record label to imitate K-pop< he has more creative liberty to reinvent it. His recording studio is run by friends, and his mother helps him crate his music. Mr. Tamayo is also part of generation of influencers in Peru who are building their careers on social media. Since he went viral last year, his videos have had more than 5 m plays per month on Tik-Tok, where he has more than 200,00 followers

Целесообразно с нашей точки зрения выделить способы репрезентации социально-когнитивной экосистемы «**Интернет-социализация**» в социально-когнитивном пространстве, связанным с детской и подростковой Интернет-жизнью.

Экосистема «**Интернет-социализация**»

child social-media influencer

on-line safety laws

social life

cyberbullying

financial safety laws

tutorials

mental health

parental controls

Таким образом, мы выделили наиболее рекуррентные концепты из концептуальной социально-когнитивной экосистемы, связанной с влиянием социальных сетей на поведение, образ жизни и психическое здоровье детей и подростков. Как показал анализ материала из западных и российских СМИ исследователи фокусируются в основном на негативном влиянии социальных сетей на неокрепшую психику детей и подростков. С другой стороны, влияние детей-инфлюенсеров на сознание и образ жизни их подписчиков может иметь и положительный эффект, когда в составлении контента популярных блогеров-детей участвуют профессиональные психологи, педагоги. Обучающие программы и развлекательный контент может мотивировать многих детей и подростков развиваться как в интеллектуальном, так и физическом плане. Интернет – наставничество в разных сферах Интернет-жизни должно иметь профессиональную базу и осуществляться на регулярной основе. В обучении иностранным языкам привнесение развлекательного онлайн компонента в учебный процесс (чат GPT) может стать подспорьем традиционным формам обучения. Осуществление родительского контроля за Интернет-жизнью детей и подростков представляется важным из-за превалирования негативного контента в Интернет-пространстве. Киберзапугивание, груминг и другие негативные проявления Интернет-жизни должны быть под пристальным контролем правоохранительных органов. Интернет-безопасность в рассматриваемой социально-когнитивной экосистеме может иметь проявление как в финансовой сфере (защита финансовых прав детей-инфлюенсеров), так и в сфере защиты психического здоровья детей и подростков. Познавательный и культурный аспект Интернет-жизни не стоит недооценивать. Как показал анализ материала, многие дети и подростки-инфлюенсеры способны привить лю-

бовь к национальной культуре и традициям с помощью регулярного стриминга контента, связанного с путешествиями, национальными развлечениями, танцами малых народов.

Профилирование когнитивных признаков концепта «безопасность» в экономическом дискурсе западных СМИ происходит своеобразно. Говоря о таком концепте как «job security», следует отметить, что в период пандемии произошла переоценка ценностей и отношения к работе в западном мире. Так называемая «hustle culture» с акцентом на отношение к работе как способу не только зарабатывать денег, но и выстраиванию социального статуса и карьеры постепенно уходит на второй план. (Hustle culture is a lifestyle of someone who continues to work and only rests for a short time. This is done because those who run the culture feel that doing so will make themselves successful. People with this culture are often called workaholics.) Пандемия повлияла на мировосприятие людей и понимание своей роли в этом мире. Новое поколение молодых людей на западе часто рассматривает работу сквозь призму своих ценностных ориентаций и воспринимают труд, к примеру, как некую благородную миссию, как инструмент воздействия на окружающую среду и спасения человечества от климатической катастрофы. В период пандемии столкновение со смертью лицом к лицу заставила людей переосмыслить некоторые ценности и задуматься о смысле своего существования в этом мире. Цифровая революция позволила многим людям работать дома и проводить больше времени со своими близкими.

Пандемия коронавируса COVID-19, захватившая мир в 2020 г., только ускорила этот процесс: люди, вынужденно или добровольно, стали больше внимания уделять дому, семье и собственному психологическому здоровью. Миллионы из них впервые попробовали работать удаленно и уже не хотят возвращаться в офис. Пандемия повлияла на рынок труда, но все главные тренды так или иначе уже были обусловлены технологическим прогрессом, отмечают эксперты Всемирного экономического форума (ВЭФ). Они в начале 2021 г. сформулировали пять тенденций, которые будут влиять на рынок труда в ближайшие пять лет. Это автоматизация, «революция роботов», переподготовка кадров, удаленка, а также аналитическое мышление, креативность и гибкость.

С разгаром пандемии в марте 2020 г. абсолютно все компании быстро отреагировали на пандемию, сделав приоритетом здоровье и благополучие сотрудников, делалась ЕУ результатом опроса 72 российских компаний. Две из пяти компаний во всем мире расширили инвестиции в программы DEI (от английского diversity, equity and inclusion, т.е. разнообразие, справедливость и вовлеченность. – «Ведомости&»), несмотря на сокращение бюджета в других областях, выяснили эксперты McKinsey по результатам опроса 1122 руководителей и 2656 сотрудников, проведенного в 11 странах в августе – сентябре 2020 г.

После пандемии необходимость работы с 9 до 5 часов в офисе стало рассматриваться как вынужденная повинность. Отсюда появление такой тенденции на рынке труда как «quite quitting». Выполнение необходимого минимума работы, требуемого работодателем, и избежание профессионального выгорания стало приоритетом для многих сотрудников. Забота о психическом здоровье, работа в удаленном формате стала восприниматься как неотъемлемая часть профессиональной жизни. Что касается программ DEI, то следует отметить, что вовлеченность сотрудников в производственный процесс пострадала в период пандемии. Для многих сотрудников интерес к обыденной работе исчез, а многие

люди открыли для себя новые сферы профессиональной самореализации. Цифровые кочевники в эпоху заботы об окружающей среде и о собственном психическом и физическом здоровье стали восприниматься как люди нового формата. Именно они создают «новые ценности» в мире после пандемии. Идеологический вакуум наполняется идеями справедливого переустройства мира и отношений работодателя и сотрудников. Воздействие на государство с помощью профсоюзов в западном мире продиктовано не только экономическим кризисом и бедственным положением людей в период экономического кризиса. Люди воспринимают государство как средство переустройства миропорядка на «справедливой» основе, где они смогут наслаждаться благами цифровой цивилизации и не задумываться о хлебе насущном. Вера в то, что государство преобразует «несправедливое» экономическое пространство настолько велика, что способствует волне протестов, к примеру, в Англии. Люди требуют повышения заработной платы категорично и готовы пожертвовать своей «профессиональной» безопасностью и выходить на улицу с протестными акциями. Сложившийся мощный институт профсоюзного движения, к примеру в Англии, используется как инструмент воздействия и радикального преобразования общества по принципу справедливости.

Массовое увольнение сотрудников в США (great resignation), пассивное увольнение (quite quitting) как тенденция на рынке труда, – все это является ничем иным, как проявлением поиска современным человеком своей профессиональной и социальной идентичности в быстро меняющемся цифровом мире.

Размывается линия между профессиональным и личным. Современный человек самовыражается и растет в профессионально-цифровой среде и выкристаллизовывается новое поколение ищущих себя людей с разнообразной шкалой ценностей. Диверсификация ценностных ориентаций для современного мира, вероятно, будет становится нормой и на этом пути неизбежен конфликт интересов и жесткие столкновения как в медийном и цифровом пространстве (медийные войны) так и физическом пространстве (традиционные военные конфликты).

Фрейм-сценарий «Quite Quitting»

Not going above and beyond
Mental health
Burnout
Great resignation
Happiness
Quality time with family members and friends

Категория **идеологической модальности** строится на основе общезыковой универсальной категории модальности (от латинского modus – мера, способ). Категория модальности выражает как разные виды отношения высказывания к действительности (объективная модальность), так и разные виды отношения говорящего к предмету сообщения (субъективная модальность). Субъективная модальность тесным образом связана с понятием оценки. «Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды **эмоциональной (иррациональной) реакции**». С помощью категории идеологической модальности из широкого спектра оценочных отношений выделяются те, которые строятся на основе определенных политических взглядов и идеологических ценностей.

Идеологическая модальность на страницах журнала «The Economist»

By now **Ukraine's was supposed to have disintegrated**, it's government to have collapsed and its president to be in exile.

The "referendums" held in in the Russian-speaking south and eastern parts of Ukraine **were meant** to mark the success of Vladimir Putin's "special military operation".

From September 23rd-27th Russia held **sham** "referendums" in the occupied Ukrainian provinces.

The draft has badly **undermined** Russians (largely passive) support for Mr. Putin's "special military operation".

Mr. Putin is suffering **the first cracks in his carefully cultivated aura of invincibility**. He has smothered most dissent, yet disquiet is being aired. Hawkish voices are criticizing the conduct of the war. Ramzan Kadyrov, a fearsome Chechen warlord whose men have fought and **terrorized** Ukrainians, has called the situation on the ground "astounding". A nationalist on Russian television suggested tactfully that Mr. Putin had been badly advised. A few brave local politicians in Moscow and St. Petersburg have been called for the man in the Kremlin to resign.

Russia's retreat could also **erode the morale of Russian mercenaries**. They signed up to make money, not to die for Mr. Putin in a Ukrainian ditch. Most important, Russia's top military brass, **already afraid to make their own decisions**, could now face blame for their failure. Few of them expected they would be fighting a well-equipped and highly motivated army backed by Western powers.

Угрозы создаются для системы морально-этических ценностей западного мира. Глобалисты активно внедряют в сознание людей то, что попрание норм международного права, экономического взаимодействия на основе создания комфортных условий для экономического и политического функционирования становится прерогативной стратегией авторитарных политиков, для которых приоритетом являются другие «неправильные» ценности. Об особых морально-этических нормах этнической и гендерной толерантности говорится и на страницах учебных пособий для младшей и средней школы. Конечный продукт такой морально-этической политики – пропаганда однополых браков.

В последнее время все часто в западных СМИ привязывают кризис, связанный с инфляцией и повышением цен на энергию, к военной операции, проводимой Россией на Украине. Продовольственный кризис в развивающихся странах может возникнуть из-за нарушения функционирования отлаженной логистической цепочки поставок зерна и подсолнечного масла с Украины. Причиной всех экономических неурядиц является «вторжение» России в Украину и блокирование портов, откуда должны поставляться товары из Одессы. Для достижения пропагандистской цели разрушения «позитивного» образа России, который создается российскими СМИ, используются ложные методы отслеживания причинно-следственной связи между политическими и экономическими событиями. Интересно, что для актуализации концепта «безопасность» западные СМИ используют лексику, которая несет в себе прагматически-эмоциональный заряд. Представляется целесообразным в этой связи рассмотреть регулятивную зону концепта «безопасность». Регулятивная зона объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо, а что не надо делать в сфере, «покрываемой» концептом. [2, С. 112–113]. Для создания «безопасной» среды западным странам представляется необходимым «обуздать» Россию экономически. Против России вводится пакет «жестких» экономических санкций, а также в Украину поставляются вооружения. Вводится так называемая «культура отмены».

По словам А.П. Чудинова, политическая коммуникация оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира [3, стр. 7]. Письменная политическая коммуникация, ориентированная на общество в целом, реализуется, как правило, с использованием средств массовой коммуникации. Одной из серьезных задач, стоящих перед журналистами, работающими в жанре политических репортажей, является формирование (намеренное или ненамеренное) образа страны и её жителей. Как правило, за этим стоят вполне прагматические цели, нередко весьма четко поставленные руководством той или иной страны.

Русофобские настроения, раздуваемые западными СМИ, создают особую концептуально-оценочную среду, где все «российское» осуждается. В западных СМИ происходит «героизация» образа украинского президента. Создаваемая концептуальная среда нацелена на создание образа врага из России. «Враг» готов бомбить жилые дома и убивать детей для достижения своих целей. Образы «несчастных детей войны» часто появляются в репортажах западных СМИ. Западные журналисты не брезгают пользоваться непроверенными источниками для своих репортажей, а порой просто «создают» ложный контент. Завуалированная «модальность», где предполагаемое, догадки и спекуляции подаются с категоричностью истины последней инстанции, широко применяется как в печатных СМИ, так и в репортажах известных журналистов BBC.

Регулятивная зона концепта «безопасность» в западных СМИ

impose sanctions on Russia – наложить санкции на Россию
defeat Russia on the battlefield – поражение России на поле боя

create "cancellation culture" – создание «культуры отмены»

bolster NATO – укрепить позиции НАТО

provide financial and military support to Ukraine – обеспечить Украину финансовой и военной поддержкой

to glorify Ukrainian president – восхваление и героизация украинского президента

По мнению Т.Г. Добросклонской, «концепция медиатекста выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, приближает к семиотическому толкованию понятие текст, которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков» [1, с. 154]. Понятие медиатекста гораздо шире: оно включает голосовые качества, музыку и звуковые эффекты, визуальные образы – иначе говоря, медиатексты фактически отражают технологии, используемые для их производства и распространения. Созданием идеологического «фона» западные СМИ озадачены на ведущих новостных телеканалах (BBC, CNN). С помощью визуальных образов в трогательных и сентиментальных репортажах о бедствиях и страданиях жителей украинских городов, подвергающихся бомбардировке российскими войсками, создается образ «государства-злодея» и «президента-злодея», который, руководствуясь имперскими амбициями, поработает украинский народ и захватывает территорию. То, что подобная картина не соответствует действительности, не волнует западных журналистов. В обстановке «медийной» войны российские СМИ успешно противопоставляют откровенной лжи западных СМИ реальную картину боевых действий по освобождению, демилитаризации и денацификации украинского народа. В этом контексте представляется целесообразным

рассмотреть идеологемы современного политического дискурса. Идеологемами А.П. Чудинов называет наименования, которые передают специфический взгляд на соответствующую реалию. Подобные слова не просто вводят новые понятия или предлагают новые названия уже известным феноменам, но и отражают определенные политические взгляды, способствуют идеологическому воздействию на адресата. [3, с. 93].

В нашем же случае рассматриваются сценарии (скрипты). Мы имеем дело со фреймами, которые разворачиваются во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов. Эти скрипты нацелены на создание определенного представления о действиях военных и политических лидеров в сознании потребителя медийного продукта. Это когнитивные сценарии, профилирующие концепт для прагматических целей. Рассматриваемое концептуально-прагматическое и визуально-лексическое поле несет в себе ярко выраженный эмоциональный заряд. Постоянным повторением определенных идеологем в определенных контекстах западными СМИ создается образ «России-врага, угрозы». Целью создания концептуально-прагматического поля является внушение, внедрение в сознание потребителя медийного продукта необходимости оказания давления на Россию и, в конечном итоге, создания представления о неких «ценностях» западного общества, на которые посягают авторитарные режимы (табл. 1).

Таблица 1. Актуализация концепта «безопасность» в западных и российских СМИ

Идеологемы западных СМИ	Идеологемы российских СМИ
threat to national security – угроза национальной безопасности	денацификация демилитаризация
invasion – вторжение	освобождение Донбасса
aggression – агрессия	создание условий, которые гарантировали бы безопасность самой России
war crime – военное преступление	из Украины начали делать анти Россию – плацдарм, чтобы раскачивать саму Россию
genocide of Ukrainian people – геноцид украинского народа	борьба с русской культурой, с русским языком
targeting civilian casualties – направленность бомбардировки на гражданские цели	преследование людей, которые чувствуют себя частью Русского мира
shelling of civilian targets – бомбардировка гражданских целей	героизм
rape – изнасилование	НАТО-инструмент холодной войны
murder – убийство	запад самоутверждается смертями украинцев
barbaric acts – варварские деяния	
visual images of dead children, funerals of Ukrainian conscripts and destroyed residential apartment blocks (after indiscriminate bombardment) – визуальные образы убитых детей, образы похорон украинских призывников (CNN, BBC)	
weaponizing economy	

Таким образом, мы провели сравнительный анализ идеологем в западных и российских СМИ и выявили тенденции и концептуальные векторы медийного дискурса. Также в нашем исследовании представлен анализ и актуализация концептов «cost of living» и «безопасность» в западном медийном дискурсе.

Литература

1. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. 4-е. изд. – М.: Краснодар, 2013.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007.
3. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта, 2008.
4. Новостные выпуски CNN и BBC.
5. Материалы информационного сайта. – URL: <https://www.economist.com/>
6. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2021/04/28/868070-novaya-paradigma>
7. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2021/04/28/868070-novaya-paradigma>
8. The Economist July29, 2023.

“CHILDREN’S” AND “ADOLESCENT” TOPICS IN THE SOCIAL AND COGNITIVE SPACE OF MODERN WESTERN AND RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Gaidarenko V.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article focuses on cognitive and social configuration of modern mass media discourse with special attention paid to representation of social ills and problems, affecting children and adolescents in the UK and the USA and Russia. The research is based on articles, published in “The Economist” and reports of the BBC and Russian media sources, focusing on the influence of the Internet on social life and mental health of British and American children. Special attention is paid to the influence of social media on children and adolescents’ mental health and social behavior. Some concepts, often verbalized in Russian and western economic texts are also considered

Keywords: concept, verbalization, social media, mental health, socialization, online safety laws, child influencers, kidfluencers.

References

1. Dobrosklonskaya T.G. Questions of the study of media texts: Experience in the study of modern English media speech. 4th ed. – Moscow: Krasnodar, 2013.
2. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. – Moscow: Vostok-Zapad, 2007.
3. Chudinov A.P. Political linguistics. – Moscow: Flint, 2008.
4. News releases of CNN and BBC.
5. Materials of the information site. – URL: <https://www.economist.com/>
6. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2021/04/28/868070-novaya-paradigma>
7. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2021/04/28/868070-novaya-paradigma>
8. The Economist July29, 2023.

Изучение мотивации курсантов Курсов подготовки офицеров запаса Сухопутных войск США к военной службе (социологический анализ)

Бычков Петр Иванович,

к.с.н., доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) Военного университета имени князя Александра Невского
E-mail: pbychkov64@yandex.ru

Смирнова Анастасия Сергеевна,

младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) Военного университета имени князя Александра Невского
E-mail: Chas0609@mail.ru

В статье проанализированы результаты исследования, проведенного по изучению мотивации курсантов Курсов подготовки офицеров запаса Сухопутных войск США к военной службе. Обоснована необходимость изучения сильных и слабых сторон подготовки офицерского состава противника.

Ключевые слова: специальная военная операция, курсы подготовки офицеров запаса, курсант, офицер, исследование, теория самореализации, потребность, мотивация, шкала измерений, факторный анализ, компетентность, вовлеченность.

Уже давно не является ни для кого секретом, что в ходе проведения Специальной военной операции на Украине российским военнослужащим противостоят как украинские воинские части, подготовленные по стандартам НАТО американскими инструкторами, так и многочисленные наемники, из числа офицеров, ранее служившие в армии США [1, 2]. В этой связи небезынтересно и необходимо оценить процесс обучения офицерского корпуса американской армии, а также степень его подготовки. Подобная оценка позволит выявить сильные и слабые стороны противника, нащупать его уязвимые места.

Немаловажным является учет сильных и слабых сторон офицерского состава американской армии при подготовке военных специалистов для Вооруженных Сил Российской Федерации.

В качестве примера оценки системы подготовки офицеров американской армии имеет смысл обобщить опыт американских исследователей по изучению удовлетворенности психологических потребностей и мотивация курсантов на Курсах подготовки офицеров запаса, как базового учебного заведения американской армии.

С момента своего создания в 1916 году Курсы подготовки офицеров запаса (Reserve Officer Training Course, ROTC) подготовили более полумиллиона офицеров. Это больше, чем любой другой институт США. В организационной структуре Вооруженных сил США офицеры занимают основополагающее положение, поскольку они «командуют, устанавливают политику и управляют ресурсами Армии». Примерно 60% офицеров Сухопутных сил проходят обучение на Курсах подготовки офицеров запаса. В настоящее время 20000 курсантов обучаются по 273 программам ROTC в нескольких университетах и колледжах США. Курсанты получают специальную военную подготовку и образование, параллельно с освоением четырехлетней программы бакалавриата. Время, проведенное в ROTC, считается обязательной частью подготовки молодых офицеров [3].

Тем не менее, среди курсантов ROTC отмечаются высокие показатели отчисления. Например, Е. Доганка пишет, что 10% курсантов, получающих четырехлетнее образование, бросают учебу после первого курса [4]. Хотя причины службы в Вооруженных Силах носят комплексный характер и включают множество материальных и нематериальных факторов, было установлено, что мотивация является жизненно важным фактором для продолжения службы. Предыдущие исследователи обнаружили, что отсутствие внутренней мотивации или ее низкий уровень в значительной степени обуславливают более низкий уровень вовлеченности в военную службу.

Данное исследование было проведено в рамках теории самоопределения. Теория самоопределения обеспечивает всестороннее понимание предпосылок и последствий мотивированного поведения, таких как поступление в ROTC. Большинство «современных теорий моти-

вазии предполагают, что люди начинают что-то делать и упорствуют в той мере, какая, по их мнению, приведет к желаемым результатам или целям» [5]. Основная гипотеза теории самоопределения состоит в следующем: для того, чтобы получить глубокое понимание мыслей, чувств и поведения людей, важно учитывать не только количественные, но и качественные аспекты мотивации. Люди больше всего замотивированы, когда они замотивированы внутренне, что означает, что они не ориентированы не только на результат, а скорее мотивированы участием в самой деятельности и получением удовольствия от нее. Напротив, немотивированные люди не проявляют никакого интереса к целевому поведению. Между этими двумя концами мотивационного континуума существует целый спектр внешних правил, которые могут побуждать людей участвовать в той или иной деятельности. Внешние (чтобы получить вознаграждение или избежать наказания) и внутренние правила (чтобы избежать негативных внутренних чувств) характеризуются как несамодетерминированное поведение, поскольку действия людей контролируются источниками, полностью или частично внешними по отношению к ним.

По мнению Е. Деци и Р. Райана качество мотивации индивидов определяется удовлетворением присущих им базовых психологических потребностей в обретении компетентности, автономии и связи с коллективом. Компетентные курсанты уверены в своей способности успешно выполнять задачи, которые от них требуются. То есть чувствуют себя способными эффективно действовать в своей группе, роте. Самостоятельные курсанты имеют определенный выбор в решениях и действиях, а не просто выполняют то, что диктуется исключительно другими (например, начальниками). Они также оценивают свое поведение в соответствии с собственными ценностями. Наконец, курсанты чувствуют связь с коллективом, когда их принимают и ценят как членов группы, они связаны и близки с людьми, с которыми они взаимодействуют, и испытывают комфорт в своей соответствующей роли [6].

В свою очередь, на удовлетворение потребностей влияют различные мотивационные детерминанты или социальные факторы окружающей среды. В ROTC курсанты действуют в рамках иерархической организации, возглавляемой руководством – офицерами. Офицеры являются главными инструкторами и наставниками, которые следят за тем, чтобы курсанты развивались в соответствии с правилами и ожиданиями от своего учебного класса. Основная цель руководящего состава – обеспечить «оценку и обратную связь, организованную вокруг атрибутов и основных компетенций лидера» [5]. Учитывая эту важную функцию, представляется обоснованным предположить, что руководство также играет важную роль в развитии мотивации курсантов.

Хотя в настоящее время нет эмпирических доказательств того, как руководящий состав может влиять на удовлетворение основных психологических потребностей курсантов, литература по спортивной психологии предлагает разумную точку зрения в отношении роли авторитетных фигур как социальных факторов. В этой литературе, изложены результаты исследования тренеров и учителей физкультуры. Авторитетные лидеры могут либо придерживаться стиля контроля, характеризующегося высокой директивностью, либо стиля поддержки самостоятельности, который позволяет людям действовать в соответствии со своими собственными интересами и оставляет место для личного вклада. Многочисленные исследователи пришли к выводу, что чем более спортсмены оценивали свою социальную среду как «поддерживающую самостоятельность», а не «контро-

лирующую», тем более компетентными, самостоятельными и связанными с коллективом они себя чувствовали. Аналогичные выводы можно найти в других отраслях, в которых стили межличностного общения, дающие большую самостоятельность, продемонстрировали положительное влияние на удовлетворение потребностей отдельных лиц.

Стиль, поддерживающий самостоятельность, наиболее полезен, когда он сочетается с оптимальной структурой и вовлеченностью. Люди чувствуют себя более уверенными в своих способностях и с большей вероятностью достигнут желаемых результатов, когда они находятся в определенной структуре, которая поддерживает их развитие и направляет их к достижению важных целей. В этом процессе структуру не следует путать с контролем, который характеризуется сверх требовательностью, напористостью, санкциями и негибкими правилами. Вместо этого оптимальная структура направлена на предотвращение хаоса, возникающего, когда авторитетные фигуры сбивают с толку или противоречат друг другу и не обеспечивают людей средствами, необходимыми для удовлетворения их ожиданий. Что касается вовлеченности, то спортсмены, как правило, легче чувствуют значимую связь, когда тренеры сосредотачивают свои усилия на развитии спортсмена не только как профессионала, но и как личности. Чтобы развить доверительные отношения, спортсменам нужны тренеры, которые проявляют к ним интерес на личном уровне или могут поговорить о чем-то, не связанном со спортом. В целом, поддержка самостоятельности, структура и вовлеченность, обеспечивают разумную отправную точку для исследования поведения личного состава.

Цель

Проведенная работа носила исследовательский характер и была направлена на достижение следующих целей:

- изучить обоснованность и надежность существующих инструментов для измерения предполагаемого поведения курсантов, удовлетворенности основных психологических потребностей и мотивации;
- оценить предполагаемое поведение курсантов, удовлетворенность основных психологических потребностей и мотивацию;
- изучить потенциальные различия в предполагаемом поведении курсантов, удовлетворенности основных психологических потребностей и мотивации в зависимости от их года обучения по программе, возраста и пола).

Методы

Участники

В текущем исследовании приняли участие в общей сложности 728 курсантов ROTC Сухопутных войск США. В эту выборку вошли 568 мужчин (78%) и 160 женщин (22%) – курсантов в возрасте от 18 до 43 лет. На момент их участия 203 курсанта были на четвертом курсе (28%), 160 – на третьем (22%), 172 – на втором (24%) и 188 были на первом курсе (26%) [5].

Процедуры

Первоначально исследование было одобрено Институциональным наблюдательным советом и Управлением образования Сухопутных войск США. Один из авторов связался с профессорами военных наук из девяти университетов по электронной почте. В электронном письме профессорам военных наук была предоставлена информация об исследовании и предложено переслать ссылку

для онлайн-опроса своим курсантам. Курсантам, которые перешли по ссылке для опроса, предложили принять участие, им была предоставлена информация о проекте и сообщено, что их участие было добровольным и анонимным.

Инструменты

Поскольку не существует инструментов для измерения поведения личного состава, удовлетворенности основных психологических потребностей и мотивации в рамках ROTC, существующие шкалы, обычно используемые в контексте спорта и научных кругов, были изменены в соответствии с целью текущего исследования. Опрос, используемый в этом исследовании, состоял:

- из набора демографических показателей (т.е. класса, возраста и пола);
- модифицированной версии анкеты «Учитель как социальный фактор»;
- модифицированной версии Шкалы удовлетворенности основных потребностей;
- модифицированной версии шкалы спортивной мотивации.

Перед проведением исследования эксперты – офицеры Сухопутных войск США, рассмотрели все измененные шкалы на предмет их применимости к военным условиям.

Всего в исследовании было использовано три анкеты

1. TASCQ – это анкета из 24 пунктов, которая оценивает восприятие учащимися действий своего учителя по трем подшкалам: поддержка самостоятельности (8 пунктов), структура (8 пунктов) и вовлеченность (8 пунктов). Участников просят указать, как они воспринимают действия своего учителя, используя 4-балльную шкалу от 1 (совсем не верно) до 4 (очень верно). Оценка для каждой подшкалы рассчитывается путем усреднения соответствующих элементов. В текущем исследовании по всем пунктам слово «учитель» было заменено на «руководитель». Например, пункт поддержки самостоятельности «Мой учитель прислушивается к моим идеям» был изменен на «Мой руководитель прислушивается к моим идеям». Аналогичные корректировки были внесены для пунктов в других шкалах «структура» и «вовлеченность».

2. BNSS – это анкета из 21 пункта, предназначенная для оценки представлений отдельных лиц о компетентности (6 пунктов), самостоятельности (7 пунктов) и связи с коллективом (8 пунктов). Элементы в каждой подшкале оцениваются по 7-балльной шкале от 1 (совсем не верно) до 7 (очень верно). Оценка для каждой подшкалы рассчитывается путем усреднения соответствующих элементов. Для целей текущего исследования шкала была изменена, чтобы сделать вопросы более актуальными для курсантов ROTC (т.е. в пункты были добавлены слова «курсантом» или «в армии»). Например, в подшкале компетенций «Часто я не чувствую себя очень компетентным» было изменено на «Часто я не чувствую себя очень компетентным курсантом».

3. SMS-6 оценивает причины, по которым люди занимаются спортом. Анкета из 24 пунктов состоит из шести подшкал, которые измеряют различные типы мотивации: демотивация (4 пункта), внешнее регулирование (4 пункта), интроецированное регулирование (4 пункта), идентифицированное регулирование (4 пункта), интегрированное регулирование (4 пункта) и внутренняя мотивация (4 пункта). Для текущего исследования пункты, которые включали фразу «в моем виде спорта», были переписаны, чтобы включить фразу «в Вооруженных силах» (например, «Потому что участие в моем виде спорта соответствует моим глубочайшим ценностям» было изменено на «Потому что служба в Вооруженных Си-

лах соответствует моим глубочайшим ценностям»). Используя 7-балльную шкалу от 1 (совсем не соответствует) до 7 (точно соответствует), участникам было предложено указать, в какой степени каждый пункт соответствовал причинам, по которым они находились в ROTC. Оценка для каждой подшкалы рассчитывается путем усреднения соответствующих элементов [5].

Результаты

Цель 1

Первой целью исследования было изучить обоснованность и надежность существующих инструментов для измерения того, как руководство оценивает поведение курсантов, удовлетворенность их основных психологических потребностей и мотивацию. В результате многофакторного анализа была выбрана модель измерения, которая включала четыре пункта, связанных с поддержкой самостоятельности; пять пунктов, связанных с вовлеченностью; три пункта, связанных с компетентностью; четыре пункта, связанных с самостоятельностью; десять пунктов, связанных с самостоятельной мотивацией; и пять пунктов, связанных с несамостоятельной мотивацией. Остальные пункты признаны несостоятельными [5].

Цель 2

Вторая цель этого исследования состояла в измерении того, как руководство оценивает поведение курсантов, удовлетворенность их основных психологических потребностей и мотивацию. Оценка участниками поведения своих начальников выявила относительно высокий уровень воспринимаемой вовлеченности ($M = 3,16$, из 4) и низкий уровень воспринимаемой поддержки самостоятельности ($M = 1,71$, из 4). При заполнении вопросов об удовлетворении психологических потребностей военнослужащие указали на относительно высокий уровень компетентности ($M = 5,22$, из 7) и самостоятельности ($M = 4,87$, из 7). Наконец, курсанты сообщили о довольно высоком уровне самостоятельной мотивации ($M = 5,52$, из 7) и относительно низком уровне несамостоятельной мотивации ($M = 2,81$, из 7) в отношении их участия в ROTC [5].

Цель 3

Третья цель этого исследования состояла в изучении потенциальных различий в том, как руководящий состав воспринимает поведение курсантов, удовлетворение основных психологических потребностей и мотивацию в зависимости от их года обучения, возраста и пола. Все зависимые переменные были достоверно коррелированы ($p < 0,05$). Поэтому были проведены многомерные дисперсионные анализы для изучения средних различий на основе демографических переменных. Для переменной успеваемости результаты показали значительную разницу в мотивационных принципах курсантов в зависимости от их года обучения. Одномерный анализ показал, что эти различия являются значимыми для воспринимаемой вовлеченности участников со стороны личного состава, компетентности и несамостоятельной мотивации.

Пост-специальный тест Тьюки показал существенные различия при сравнении курсантов первого курса и других курсов. В частности, курсанты первого курса чувствовали меньшую вовлеченность со стороны своего руководства, чем курсанты более старших курсов. Они также считали себя менее компетентными, чем четверокурсники, и имели больше несамостоятельной мотивации, чем третьекурсники и четверокурсники. Кроме того, второй курс показал более низкие уровни компетентности и более высокие уровни несамостоятельной мотивации, чем третий и четвертый [5].

Аналогичным образом, средние различия в мотивационных принципах отдельных лиц были значимыми в зависимости от возраста участников. Одномерный последующий анализ показал, что курсанты старших курсов замечали значительно более высокую вовлеченность со стороны руководства, компетентность и самостоятельную мотивацию. Что касается пола участников, то не было обнаружено существенных различий в воспринимаемом руководством поведении курсантов, удовлетворении психологических потребностей и мотивации.

Модель измерения

В работе апробированы инструменты, которые использовались для измерения уровня поддержки самостоятельности, структуры, вовлеченности, удовлетворения основных психологических потребностей и мотивации в различных условиях (например, спорт, учеба). Однако, до настоящего исследования TASC, BNSS и SMS-6 не использовались в армейских условиях. Предварительный анализ выявил проблемы с моделью измерения, соответственно структура элементов на всех трех инструментах была пересмотрена.

Во-первых, были устранены все пункты, связанные со структурой, предоставленной руководством. TASC изначально был разработан для измерения восприятия учащимися структуры. Хотя было установлено, что инструмент обеспечивает достоверные и надежные измерения в других условиях, представляется разумным предположить, что среда, требования и задачи в академической и военной сферах существенно отличаются. Соответственно, способ обеспечения оптимальной структуры в этих контекстах отличается и элементы в TASCQ могут неэффективно представлять структуру в том виде, в каком она представлена в ROTC. Исследователи должны изучить стиль руководства для обеспечения оптимальной структуры для курсантов, чтобы создать элементы, позволяющие исследовать эту структуру в условиях ROTC.

Во-вторых, были устранены все пункты, связанные с восприятием курсантами связи с коллективом. Для текущего исследования пункты в BNSS были изменены с целью получения мнения курсантов о влиянии «людей в армии». Из 21 пункта было сохранено только 7. Вполне возможно, что на участников повлиял личный состав, коллеги-курсанты и другие важные люди в ROTC. Например, в спортивной среде Д. Раабе и Р. Закрайсек изучили разницу между влиянием тренеров и товарищей по команде на удовлетворение потребностей спортсменов-коллег и обнаружили существенные различия [7]. Изучая влияние социальных факторов в ROTC отдельно, исследователи могут получить более глубокое понимание восприятия курсантами всех трех основных психологических потребностей.

В-третьих, SMS-6 был разработан для оценки различных типов мотивации (т.е. амотивации, внешней регуляции, интегрированной регуляции и внутренней мотивации). Однако текущий анализ выявил двухфакторное решение со статистически значимыми нагрузками на факторы самостоятельной мотивации (например, потому, что это неотъемлемая часть жизни индивидов, и они наслаждаются ею) и несамостоятельной мотивации (например, для получения материального вознаграждения или социального признания), что затрудняет изучение различий в поведенческой регуляции курсантов. В целом, результаты указывают на необходимость дальнейшего пересмотра существующих инструментов или, в идеале, разработки новых шкал, которые оценивают именно мотивацию в военных условиях.

Как руководство оценивает поведение курсантов, удовлетворенность их основных психологических потребностей и мотивацию

Хотя текущие результаты указывают на высокую мотивацию курсантов (относительно высокий уровень воспринимаемой компетентности, самостоятельности и самостоятельной мотивации), участники отметили ограничения в их взаимодействии с руководством [5]. То есть курсанты в текущем исследовании сообщили о том, что руководство не поддерживает самостоятельность. Следовательно, руководящий состав потенциально упускает возможность для дальнейшего удовлетворения потребностей курсантов. В спортивной среде тренеры в первую очередь формируются как профессионалы посредством формального и неформального взаимодействия с другими тренерами и наставниками. К сожалению, это может часто приводить к преобладанию более доминантного, авторитарного поведения тренера, которое многие традиционно оценивали, как более эффективное. Такие ошибочные представления возникают из-за разрыва между эмпирическими данными и практикой, поскольку исследователи показали прямое положительное влияние климата в обществе на восприятие людьми компетентности, самостоятельности и связи с коллективом. Аналогичные теоретические и практические пробелы существуют в отношении стиля руководства.

Содействие оптимальному взаимодействию офицеров и курсантов имеет ряд важных преимуществ. Вполне вероятно, что более позитивное восприятие поведения личного состава может снизить показатели отчисления среди курсантов. В литературе имеется достаточно доказательств, подчеркивающих важную роль авторитетных фигур в определении стойкости людей в различных условиях. В частности, Д. Матье обнаружил, что удовлетворенность курсантов своей подготовкой, в частности, их отношение к преподавателям, сыграла значительную роль в определении их приверженности к военной среде [8]. Аналогичным образом Д. Кард пришел к выводу, что отношения курсантов с преподавателями являются одним из основных факторов, способствующих их желанию продолжить офицерскую карьеру в Вооруженных Силах [9]. Теоретически такие выводы могут быть объяснены тем, что, хотя люди имеют естественную склонность интегрироваться в более крупные социальные структуры, степень интериоризации ими социально санкционированных нравов или требований зависит от удовлетворения их трех основных психологических потребностей. Таким образом, похоже, что руководство упускает возможность поддержать усвоение курсантами ценностей армии США и организационной культуры Вооруженных Сил. Другими словами, без этой интериоризации люди с меньшей вероятностью будут оценивать себя, используя качества, убеждения, ценности и нормы организации. Кроме того, удовлетворение потребностей помогает укрепить психологическое здоровье курсантов, поскольку исследователи обнаружили связь между высоким восприятием компетентности, самостоятельности и связи с коллективом и различными преимуществами, включая повышение благосостояния.

Неправильная позиция руководства относительно самостоятельности существенно ограничивает обучение курсантов, поскольку как эмпирическое (через накопление обратной связи об успехах и неудачах), так и косвенное обучение (наблюдение за образцами для подражания) являются весьма заметными строительными блоками в развитии лидерства курсантов. Создание условий, удовлетворяющих потребности, согласуется с фундаментальным изменением характера подхода

Сухопутных войск США к организационному лидерству [10]. Заменяя концепцию «командования и управления», Сухопутные войска США стремились дать лидерам возможность добиться успеха в сложных и неоднозначных условиях, в которых решения должны приниматься в момент действия, вместо того, чтобы пытаться сформировать эти условия в соответствии с их философскими взглядами. В частности, когда существующие приказы больше не соответствуют ситуации или когда возникают непредвиденные возможности или угрозы, командование требует, чтобы солдаты проявляли дисциплинированную инициативу для реагирования на непредвиденные проблемы. Однако для того, чтобы будущие лидеры могли в полной мере воплотить основы командования и чувствовать уверенность в использовании такой независимости, им необходимо развить мотивацию к лидерству и, в первую очередь, способность самостоятельно действовать и принимать решения. Было установлено, что такая уверенность является значимым предиктором эффективности лидерства среди курсантов. Таким образом, как предположил Е. Видманн, «основное внимание должно быть сосредоточено на обучении тому, как думать, а не тому, о чем думать» [11]. В идеале способность к самостоятельному принятию решений развивается на ранней стадии этапа подготовки к началу службы, на котором формируются основные ценности, влияющие на последующую ценность солдата для армии с точки зрения организационной идентификации и гражданского поведения. Другими словами, создавая благоприятный климат для самостоятельного принятия решений, руководство не только способствует удовлетворению потребностей курсантов ROTC, но и способствует их превращению в уверенных, наделенных полномочиями лидеров [5].

Несмотря на эти ограничения, не следует упускать из виду, что результаты продемонстрировали позитивные тенденции, поскольку участники сообщили об относительно высоком уровне компетентности, независимости и самостоятельной мотивации. Эти результаты показывают, что руководство значительно влияет на психологический и эмоциональный комфорт, но, вероятно, существуют дополнительные социальные факторы, которые существенно повлияли на опыт курсантов в ROTC. Это предположение подтверждается предыдущими исследованиями. Например, Д. Раабе и Р. Закрайсек пришли к выводу, что влияние социальных факторов может варьироваться по величине, поскольку исследования показали, что товарищи по команде оказали значительно более положительное влияние на компетентность, самостоятельность и отношения между спортсменами, чем тренеры [7]. Вполне возможно, что аналогичная динамика наблюдается и в ROTC, поскольку курсанты проводят много часов, обучаясь, тренируясь и общаясь с другими курсантами. Было показано, что позитивные взаимодействия со сверстниками не только способствуют удовлетворению потребностей отдельных людей, но также положительно влияют на их производительность, а также на усвоение организационных ценностей, целей и поведения [5].

Разница в реальности и воспринимаемом руководством поведении курсантов, удовлетворении потребностей и мотивации

За исключением низкой поддержки самостоятельности, текущие результаты подчеркивают положительные тенденции в отношении воспринимаемого руководством поведения, удовлетворения потребностей и мотивации курсантов. Однако в этих представлениях также наблюдались существенные различия, основанные на классе

и возрасте участников. Эти различия были значимыми для воспринимаемой руководством вовлеченности, компетентности и мотивации курсантов. Что, по-видимому, имеет наиболее значимые практические последствия, так это очевидное несоответствие в восприятии начальниками вовлеченности курсантов. То есть, казалось бы, чтобы приспособиться к военной среде, младшим курсантам требуется больше внимания со стороны преподавателей. Фактически, будущие лидеры, такие как курсанты ROTC, независимо от того, насколько они одарены, изначально приходят в организации в качестве новичков. Таким образом, им не хватает базовых знаний, которые дают им представление о работе, организационных структурах и руководящих ролях, что может привести к низкому уровню воспринимаемой компетентности.

Низкие баллы по таким пунктам, как «мои коллеги проводят со мной время» или «мои коллеги разговаривают со мной», указывают на то, что, по-видимому, наблюдается особый недостаток эмоциональной поддержки. Этот недостаток вовлеченности может оказать существенное влияние на чувство братства у молодых курсантов. В этом контексте важно отметить, что, хотя военнослужащие часто обеспокоены чрезмерной вовлеченностью, и личный состав может просто захотеть дать молодым курсантам возможность сначала приспособиться к новому окружению, Р. Андерсон, С. Мангунян и Д. Резник пришли к выводу, что отсутствие вовлеченности было бы еще хуже для мотивационных моделей индивидов, чем контроль [12]. Раскрытие коммуникативных навыков, терпение, честность и надежность – необходимые качества для наставников.

Следует ожидать различия в компетентности в зависимости от года обучения и возраста, поскольку у молодых людей на первом или втором курсе программы не было времени полностью погрузиться в культуру ROTC и развить свои знания и навыки. По-видимому, по мере перехода курсантов ROTC на старшие курсы внешние факторы начинают оказывать все большее влияние на их поведение. Однако и на первых двух курсах поведение курсантов – по крайней мере частично определяются внешними факторами, такими как награды, наказания и чувство вины. Кроме того, учитывая высокие показатели отчисления первокурсников, возможно, что более низкие показатели несамостоятельной мотивации отражают не улучшения в поведении руководящего состава, а скорее тип людей, которые остаются в ROTC. Опять же, это указывает на необходимость развивать более автономный стиль межличностного общения, чтобы помочь этим людям понять важность социальных норм, ассимилировать их в свое интегрированное чувство себя и, таким образом, полностью принять их как своих. Для такой интериоризации одновременно требуется и обеспечение участия, и поддержка самостоятельности, потому что курсанту, чье руководство поддерживает его независимость, но не поддерживает его эмоционально, это руководство может показаться равнодушным, в то время как вовлеченный начальник, который не поддерживает независимость, может казаться слишком контролирующим.

Практические последствия

Несмотря на эмпирические доказательства преимуществ укрепления представлений людей о компетентности, самостоятельности и связи с коллективом, руководство, по-видимому, не желает поддерживать основные психологические потребности курсантов. Таким образом, настоящие результаты подчеркивают необходимость дальнейшего обучения членов руководящего состава

способам оптимального взаимодействия и поддержания отношений с курсантами. Хотя не следует сомневаться, что высшие должности занимают квалифицированные офицеры и сержанты с многолетним опытом руководства солдатами, принципы мотивации зависят от среды. Это говорит о том, что восприятие и потребности курсантов, скорее всего, отличаются от потребностей солдат действительной службы. Следовательно, Сухопутные войска США должны продолжать инвестировать в обучение офицеров с учетом конкретных условий. Возможной отправной точкой в обучении преподавателей являются работы Г. Маго и Р. Валлерана, которые выделили семь уровней поддержания самостоятельности [13]. Необходимо дальнейшие исследования того, что представляет собой такой стиль межличностного общения, который поддерживает самостоятельность в армии США, в целом и в ROTC в частности.

Вывод американских исследователей

Результаты показали многообещающую тенденцию, поскольку курсанты сообщили о положительных уровнях по большинству исследуемых переменных. Одним из исключений были низкие уровни воспринимаемой поддержки самостоятельности со стороны руководства, что раскрывает широкие перспективы для проведения исследований в данной области с целью улучшения обучения личного состава [5].

Вывод для нас

Исследование, проведенное американскими специалистами показали сильные стороны подготовки курсантов – высокую мотивацию, вовлеченность в существующую структуру, удовлетворенность в большинстве психологических потребностей. В то же время отмечаются существующие проблемы во взаимоотношениях «командование-курсант». Отмечаются трудности в развитии лидерских качеств, оперативного принятия решений в нестандартных ситуациях, действие по шаблону у будущих офицеров американской армии.

Имеет смысл учитывать все вышеперечисленные отрицательные стороны подготовки курсантов в ROTC как при подготовке будущих офицеров Минобороны России, так и при проведении мероприятий в рамках СВО на Украине.

Литература

1. Д. Медведев заявил о «полноценной войне» НАТО с РФ на Украине. *gazeta.ru*. Новости: 2023/08/23/21127478.shtml [Электронный ресурс] (дата обращения: 24.08.2023).
2. НАТО и Украина зашли в тупик. – URL: inosmi.ru/20230824/ukraina-nato-265266430.html [Электронный ресурс] (дата обращения: 24.08.2023)
3. Армия США. (2020a). Армейский ротный. – URL: <https://www.goarmy.com/rotc/legacy-and-value.html>. [Электронный ресурс] (дата обращения: 11.06.2023).
4. Доганка Э. (2006). Пути карьерного роста офицеров и влияние использования источников информации на модели выживания армейских офицеров. (Неопубликованная магистерская диссертация). Военно-морская аспирантура, Монтерей, Калифорния.
5. Воспринимаемое кадровое поведение, удовлетворение основных психологических потребностей и мотивация курсантов ROTC армии США: перспектива теории самоопределения.
6. Деси Э.Л., Райан Р.М. (2000). «Что и почему» в достижении целей: человеческие потребности и самоопределение поведения. *Психологическое исследование*, 11, 227–268.
7. Раабе Дж., Закрайсек, Р.А. (2017). Тренеры и товарищи по команде как социальные агенты для удовлетворения основных психологических потребностей спортсменов колледжа. *Журнал межвузовского спорта*, 10, 67–82.
8. Матье Ж.Э. (1988). Причинно-следственная модель организационной приверженности в условиях военной подготовки. *Журнал профессионального поведения*, 32, 321–335.
9. Кард Дж. (1976). ROTC-программные факторы, определяющие карьерные устремления курсантов. Пало-Альто, Калифорния: Американские исследовательские институты.
10. Кадетское командование армии США. (2011). Учебный корпус старших офицеров запаса армии США (ROTC) Базовый курс для офицеров-лидеров-А (BOLC – А) – Обучение на территории кампуса и развитие лидерских качеств (Регламент USACC 145–3). Форт-Нокс, Кентукки: Автор.
11. Видман Э.А. (2005). Учебный корпус офицеров запаса армии Соединенных Штатов: подготовка подходящего лидера для преобразующих сил. Казармы Карлайла, Пенсильвания: Военный колледж армии.
12. Андерсон Р., Манугян С.Т., Резник Дж.С. (1976). Ослабление и усиление внутренней мотивации у детей дошкольного возраста. *Журнал личностной и социальной психологии*, 34, 915–922.
13. Мажо Г.А., Валлеран Р. Дж. (2003). Отношения между тренером и спортсменом: мотивационная модель. *Журнал спортивной науки*, 21, 883–904.

STUDY OF MOTIVATION OF CADETS OF THE US ARMY RESERVE OFFICERS TRAINING COURSES FOR MILITARY SERVICE (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

Bychkov P.I., Smirnova A.S.

Military University named after Aleksandr Nevskiy

The article analyzes the results of a study conducted to study the motivation of cadets of the US Army Reserve Officers Training Courses for military service. The necessity of studying the strengths and weaknesses of the training of enemy officers is substantiated.

Keywords: special military operation, reserve officer training courses, cadet, officer, research, theory of self-realization, psychological needs, motivation, measurement scale, factor analysis, competence, involvement.

References

1. Medvedev declared a “full-fledged war” between NATO and the Russian Federation in Ukraine. *gazeta.ru* “News”2023/08/23/21127478.shtml [Electronic resource] (accessed: 24.08.2023).
2. NATO and Ukraine have reached an impasse. – URL: inosmi.ru/20230824/ukraina-nato-265266430.html [Electronic resource] (accessed: 24.08.2023).
3. US Army. (2020a). Army ROTC. Retrieved from. – URL: <https://www.goarmy.com/rotc/legacy-and-value.html>. [Electronic resource] (accessed: 11.06.2023).
4. Doganca E. (2006). Officer career paths and the effects of commissioning sources on the survival patterns of Army officers. (Unpublished Master’s Thesis). Naval Postgraduate School, Monterey, CA.
5. Perceived cadre behavior, basic psychological need satisfaction, and motivation of US Army ROTC cadets: A self-determination theory perspective.
6. Deci E.L., & Ryan, R.M. (2000). The «what and why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 11, 227–268.

7. Raabe J., Zakrajsek R.A. (2017). Coaches and teammates as social agents for collegiate athletes' basic psychological need satisfaction. *Journal of Intercollegiate Sport*, 10, 67–82.
8. Mathieu J.E. (1988). A causal model of organizational commitment in a military training environment. *Journal of Vocational Behavior*, 32, 321–335.
9. Card J.J. (1976). ROTC-program determinants of cadets' career commitment. Palo Alto, CA: American Institutes for Research.
10. US Army Cadet Command. (2011). Army senior Reserve Officers' Training Corps (ROTC) Basic Officer Leader Course-A (BOLC-A)—On-campus training and leadership development (USACC Regulation 145–3). Fort Knox, KY: Author.
11. Wiedmann E.A. (2005). The United States Army reserve officer's training corps: Providing the right leader for the transforming force. Carlisle Barracks, PA: Army War College.
12. Anderson R., Manoogian, S.T., Reznick, J.S. (1976). The undermining and enhancing of intrinsic motivation in preschool children. *Journal of Personality and Social Psychology*, 34, 915–922.
13. Mageau G.A., Vallerand R.J. (2003). The coach-athlete relationship: A motivational model. *Journal of Sports Science*, 21, 883–904.

Дефицит доверия в трансформирующихся современных экономических отношениях: устранять или наращивать

Антонюк Валерия Павловна,

стажёр-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VPAntonyuk@fa.ru

Иванова Яна Сергеевна,

стажёр-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: YaSivanova@fa.ru

Кулешов Сергей Михайлович,

к.с.н., доцент, старший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: SMKuleshov@fa.ru

Морозова Анастасия Сергеевна,

стажёр-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ASMorozova@fa.ru

В статье авторами рассматривается состояние доверия в современных международных экономических отношениях. В ходе исследования особое внимание уделяется изучению феномена «кризиса доверия» путём анализа публичного международного научного и политического пространства на предмет оценки состояния экономических отношений и доверия. Контент-анализ основывается на изучении сообщений участников ежегодных экономических форумов и конференций за 8 лет. Были выявлены основные тенденции доверия: рост важности всеобщего доверия и потребность в нем; снижающийся уровень доверия на уровне государств и между гражданами и государствами, рост недоверия к новым технологиям и информационным источникам. Результаты контент-анализа подкрепляются экспертными оценками состояния вызовов доверию в международных экономических отношениях. Экспертами была осуществлена детальная оценка 15 сфер экономических отношений с дефицитом доверия и определены основные причины сложившейся ситуации в России и мире. Также даны рекомендации по тому, в каких сферах необходимо укреплять доверие и какие условия необходимы для роста уровня доверия. В итоге были выделены основные аспекты развития экономики и то, какое место в ней на данный момент занимает доверие.

Ключевые слова: доверие, вызовы доверию, дефицит доверия, кризис доверия, международные экономические отношения, международные форумы, неопределённость будущего.

Статья подготовлена по результатам научных исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

В настоящее время в связи с цифровой трансформацией экономики и кардинальным переустройством мирового порядка наблюдаются изменения в понимании концепта роли доверия во взаимодействии субъектов рынка. Процессы глобальной цифровизации оказали воздействие на коммуникационные процессы и привели к вытеснению «живого взаимодействия» в новый цифровой формат. Интеллектуальные сервисы, инновационные платформенные решения, интернет-ресурсы уже играют ключевую роль в реализации экономических отношений [5]. А изменения политических взаимоотношений между странами влияют на их социально-экономическое сотрудничество [6]. Кардинальное переустройство мирового порядка приводит к падению уровня доверия к государственным институтам внутри стран и кризису доверия в отношениях между государствами. Подобную ситуацию Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш еще в 2018 году назвал «острой формой синдрома дефицита доверия». Примечательно, что о дефиците доверия говорилось уже в 2007 году – так, П. Сноуден провозгласил «low trust globalisation» (глобализация с дефицитом доверия), выразившуюся в обострении процессов индигенизации и ужесточении межнациональных дискурсов [3].

Различные аспекты дефицита доверия изучались такими исследователями как: И. Валлерстайн, П. Штомпка, А. Аузан, А. Большунов, А. Тюриков, М. Зеленков и др., чьи взгляды находят отражение в теоретико-методологической основе исследования, результаты которого представлены в статье. Объектом исследования выступает доверие как социальный феномен, предметом – дефицит доверия в трансформирующихся экономических отношениях.

Для реализации поставленной цели, которая заключается в анализе и оценке актуального состояния доверия в трансформирующихся экономических отношениях, должны быть выполнены следующие задачи: 1) анализ и оценка уровня доверия в современных экономических отношениях; 2) оценка актуального состояния вызовов доверию в современных экономических отношениях; 3) прогнозирование перспектив развития феномена доверия и рисков дефицита доверия в экономических отношениях в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что сегодня сложилась ситуация дефицита доверия в современных экономических отношениях, которая перешла в острую фазу кризиса доверия.

Дефицит доверия – это явление, обусловленное низким и/или снижающимся уровнем доверия в обществе, который сложился в условиях трансформирующихся экономических отношений как дисфункциональное последствие общественных изменений. Происходит качественное изменение социального пространства, вследствие чего люди начинают испытывать неопределённость по отношению к будущему и его неконтролируемость. В совокупности данные процессы формируют в обществе «культуру манипуляций» и «культуру безразличия», согласно П. Штомпке, которые в свою очередь приводят к возникновению дефицита доверия.

Методология исследования. В статье представлены результаты проведенного исследования в 2023 го-

ду двумя методами. Во-первых, был осуществлен качественный контент-анализ публичного международного дискурса – были проанализированы сообщения участников следующих девяти ежегодных международных форумов и конференций, проводимых в период с 2014 по 2022 год: Гайдаровский форум; Astana Club; Россия зовёт!; Мюнхенская конференция по безопасности; Международный Муниципальный Форум стран БРИКС+; Петербургский международный экономический форум; Недели российского бизнеса; Восточный экономический форум; Всемирный экономический форум. Во-вторых, был проведён экспертный опрос методом глубинного интервью, в ходе которого экспертам из различных сфер деятельности (образование, финансы, IT, аналитика в сфере стратегического развития, фундаментальные и прикладные исследования, общественно-политическая деятельность, СМИ и телевидение) предлагалось оценить современное состояние и характер доверия в трансформирующихся экономических отношениях, а также описать вызовы, с которыми. В рамках исследования было опрошено 30 экспертов федерального уровня.

Результаты контент-анализа позволяют сделать утверждение о том, что из года в год важность доверия и потребность в нём растут, что отмечают как российские участники форумов, так и зарубежные [4]. Многие из них считают, что без межстранового взаимного

доверия невозможно мировое развитие, причём доминирующая группа спикеров отмечает, что взаимное доверие между странами – это важнейшая ценность, ресурс и залог стабильного развития. Основные тенденции и важнейшие свойства доверия, о которых говорилось на исследуемых международных форумах, представлены на рисунке 1. По мнению экспертов международных форумов, сегодня особо острой по сравнению с более ранними периодами является проблема высокого уровня межстранового недоверия. Хотя о том, что уровень доверия со временем понижается/происходит разрушение доверия, заявляют не только в 2021–2022 годы. Отмечается утрата доверия не только между странами, но и между другими субъектами экономического, социокультурного и политического взаимодействия. Так, происходит утрата доверия граждан к государству, к международным организациям.

Низкий уровень доверия в целом может привести к серьезным негативным последствиям, поэтому за доверие пора и нужно бороться – как отмечают эксперты.

Помимо глобальных угроз, последствий, предмета и субъектов недоверия на форумах обсуждались и важнейшие свойства, которые присущи современным отношениям. Таковыми являются: наличие общих взглядов и интересов у субъектов взаимодействия; безопасность и доверие, которое должно быть комплексным, идут рука об руку; «хрупкость» миропорядка.

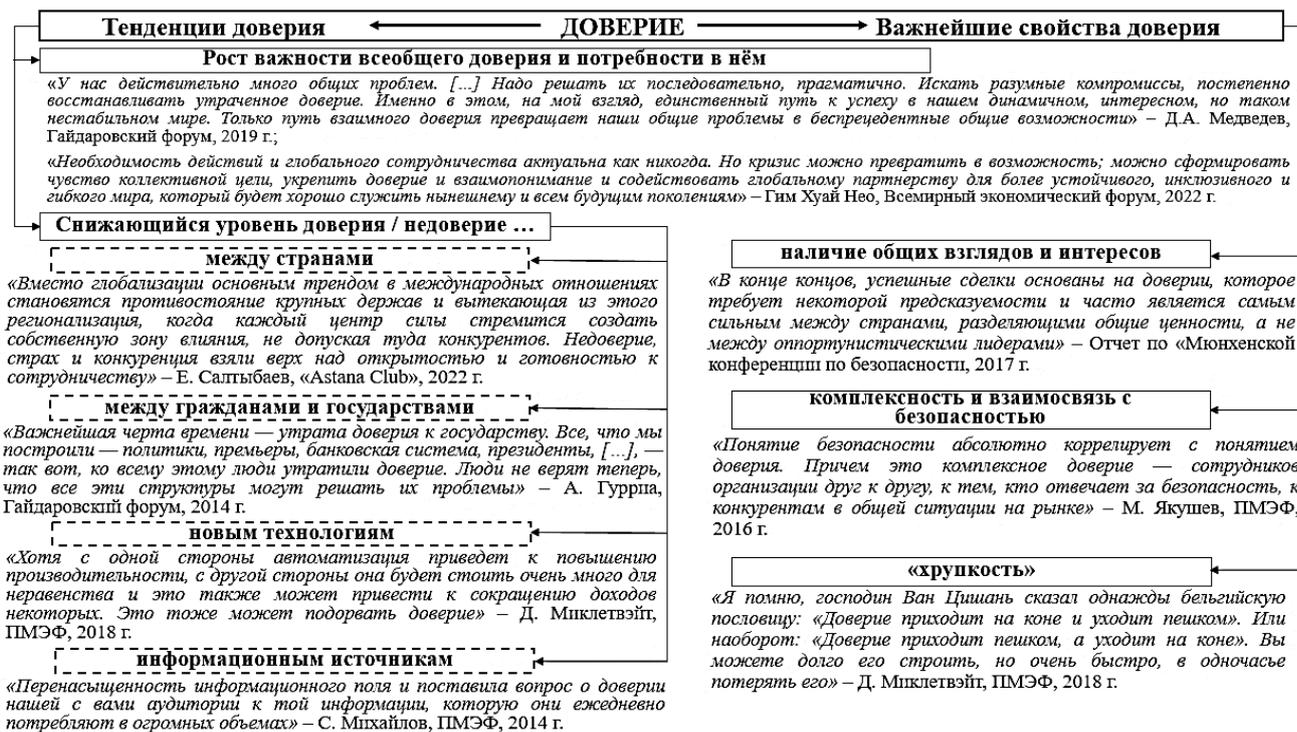

Рис. 1. Тенденции и важнейшие свойства доверия, выявленные при исследовании международных форумов и конференций

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

В рамках опроса экспертам необходимо было прокомментировать существующее в научной среде мнение о том, что сегодня сложилась ситуация дефицита доверия в современных международных экономических отношениях, которая перешла в острую фазу кризиса доверия. Мнение большинства экспертов совпало: в современных экономических отношениях наблюдается кризис доверия. Многие из них аргументировали свою позицию тем, что растёт недоверие к институтам, подчеркивая, что недоверие касается не только экономической сферы («...недоверие растёт практически ко всем

институтам (власти, социально-экономическим институтам, силовым ведомствам и прокуратуре, судам)» – эксперт в области IT).

Подобная ситуация сложилась в силу внешнеполитических событий. По оценкам экспертов ситуация очень турбулентная, чаще всего они характеризуют её следующими словами: нестабильная и рисковая («Февраль 22 года – это, конечно, совершенно форс-мажорная ситуация, и на один форс-мажор ответили другим форс-мажором, как вы понимаете, это уже переход из шахматной игры в Чапаева с окончательным битьём того, кто

посильнее по голове, шахматной доской» – эксперт в науке и образовании).

Социальные нормы и правила, установленные на мировом уровне, стали дисфункциональны – такую позицию транслируют эксперты («...ранее устоявшиеся нормы и правила перестали эффективно действовать в политике и в экономике, репутация международных арбитров разрушена» – эксперт в области финансов; «...в целом провалились ранее функционирующие нормы, принципы и правила взаимодействия в экономических отношениях» – эксперт в области IT).

Развивая в своих рассуждениях тему дисфункциональности норм, эксперты отмечают, что, когда основные законы не соблюдаются, предугадать поведение одной из сторон становится всё сложнее, также учащаются прецеденты несоблюдения взаимных соглашений, в итоге внешнеэкономическая среда в глазах субъектов международных экономических отношений становится рискогенной («И, мне кажется, здесь ключевым фактом

становится тот момент, что многие субъекты в международных отношениях зачастую в силу каких-то объективных причин вынуждены нарушать какие-то договоренности и это ведет к последствиям, которые формируют зону риска и, соответственно, недоверия» – эксперт в области высшего образования).

Носителями и блюстителями норм, правил, законов являются институты, логично сделать вывод, что если нормы дисфункциональны, а институты не могут выполнять и/или ранее не выполняли свои обязательства (быть носителем и блюстителем), то формируется и усугубляется недоверие, а турбулентная обстановка лишь усугубляет негативный тренд.

Эксперты выделили 15 сфер экономических отношений, в которых, по их оценке, фиксируется повышенный уровень недоверия, и назвали основные причины недоверия в этих сферах (табл. 1). При этом наиболее упоминаемыми стали геополитическая напряженность и неопределенность будущего.

Таблица 1. Сферы экономических отношений с дефицитом доверия

Сфера экономических отношений с дефицитом доверия	Основные причины дефицита доверия
Международные экономические отношения (торговля и логистика)	Геополитическая напряженность; перестройка логистических цепочек; влияние санкций; неопределенность будущего
Финансовый рынок в целом и финансовые инструменты	Геополитическая напряженность; недостаток информации/затрудненный доступ к информации; неопределенность будущего
Инвестирование	Неопределенность будущего; геополитическая напряженность; недоверие к финансовым институтам; влияние санкций
Страхование	Отсутствие у населения уверенности в справедливом возмещении ущерба при наступлении страхового случая; мисселинг и навязывание услуг
Кредитование	Неопределенность будущего; высокая закредитованность населения; разрыв между реальными и номинальными доходами населения; человеческий фактор (в том числе наивность)
Налогообложение	Некорректная работа системы налогообложения
Пенсионное обеспечение	Неопределенность будущего
Трудовые отношения	Геополитическая напряженность; дефицит кадров; влияние цифровизации на рынок труда; недостаток информации/затрудненный доступ к информации; неопределенность будущего; влияние санкций; мобилизация; пандемия; сомнения граждан в эффективном функционировании закона
Институт собственности	Геополитическая напряженность; неопределенность будущего; влияние санкций
Бизнес и предпринимательство	Геополитическая напряженность; неопределенность будущего; недоверие к финансовым институтам; перестройка логистических цепочек; разрыв между реальными и номинальными доходами населения
Сбережение и потребление	Неопределенность будущего; геополитическая напряженность; недоверие к финансовым институтам; влияние санкций
Рынок нефти	Геополитическая напряженность
Судебная система	Сомнения граждан в эффективном функционировании закона
Цифровая экономика	Несовершенство цифровых платформ; случаи утечек данных
Взаимодействие с органами местной власти	Геополитическая напряженность

Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.

Что касается прогнозов устранения дефицита доверия в указанных экономических отношениях, эксперты в основном видят возможность восстановления доверия лишь в среднесрочной (горизонт 5 лет) и долгосрочной перспективах (10 лет и более). Причём для того, чтобы дефицит доверия сократился, необходимо создать ряд условий, среди которых одним из самых распространен-

ных является обеспечение социальной, политической и экономической стабильности.

В процессе исследования эксперты оценили актуальность вызовов [3], на которые должны ответить субъекты экономических отношений, чтобы восстановить доверительные отношения относительно Российской Федерации и мира в целом (рис. 2). «Под вызовом доверию по-

нимается не любая проблема, барьер, преграда, а сложное воздействие, которое:

- содержит в себе угрозу существованию оптимальных доверительных отношений в сфере политики, экономики, культуре, экологии и др., при этом ответ на вызов может стать поводом к повышению эффективности и продуктивности, а не ответ – к деградации системы сложившихся и будущих отношений;
- способно нанести ущерб конкретному доверию в отношениях (т.е. вызов всегда персонафицирован или институционализирован);
- требует целеустремленных усилий, которые могут превышать возможности социального механизма

по поддержанию заданного уровня доверия (т.е. для ответа на вызов надо приложить сверх усилия);

- содержит внутри себя сильную мотивацию, способную укрепить доверие (т.е. является одновременно и стимулом для развития)» [1; 2; 7].

На основании оценок экспертов самыми актуальными вызовами доверию в экономических отношениях в России являются: информационные войны и взбросы в СМИ, Интернете и социальных сетях (97,1% экспертов считали вызов актуальным) и коррупция (91,2%). В мире также информационные войны и взбросы в СМИ, Интернете и социальных сетях (93,5%), но ещё и глобализация без доверия (92,9%), кризис легитимности и коррупция (88,0%).

Рис. 2. Оценка актуальности вызовов, на которые должны ответить субъекты экономических отношений, чтобы восстановить доверительные отношения

Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.

Напротив, менее актуальными вызовами, по мнению экспертов, как в России, так и в мире являются: искусственный интеллект (58,1% и 67,9% соответственно) и пандемия COVID-19 (15,2% и 20,0% соответственно).

Дополнительно эксперты назвали ряд вызовов доверию, актуальных в современных экономических отношениях. К ним относятся:

- низкий уровень доверия органам власти, системе управления на федеральном, региональном, муниципальном уровнях (эксперт в науке и образовании);
- расширение зон постоянной турбулентности на почти все сферы жизнедеятельности, резкие непредсказуемые политические события как в России, так и в мире (эксперт в науке и образовании);
- специальная военная операция (СВО) (эксперты в области финансов, в области IT и социологических исследований);
- «третья мировая война» (эксперт в аналитике в сфере стратегического развития);

- экономические санкции (эксперты в области финансов и в области IT);
- «дружба» Одних против Других» (эксперт в области финансов);
- Тайваньский вопрос (эксперт в сфере социологических исследований);
- «цивилизационный разлом» (эксперт в области финансов);
- «формирование нового гендерного порядка» (эксперт в сфере науки, общественной деятельности и СМИ).

Рассмотрение различных аспектов доверия отдельно от экономики и наоборот следует дополнить комплексным анализом высказываний участников форумов, которые включают суждения о роли доверия в экономике. В таблице 2 представлены ключевые вопросы развития экономики и места в ней доверия.

Таблица 2. Ключевые вопросы развития экономики и места в ней доверия

Что необходимо делать?	Для устойчивого экономического роста необходимо повышать доверие («Доверие – ключевой институт, одна из опор современной экономики. Его ничто не может заменить» – Д.А. Медведев, «Гайдаровский форум», 2015 г.)
------------------------	--

<p>Какие тенденции происходят в настоящее время?</p>	<p>Дефицит доверия между Россией и Западом («В свете затянувшегося кризиса доверия в западно-российских отношениях Кремль ускорил свою работу с другими регионами мира, включая Латинскую Америку, Ближний Восток и Африку» – отчёт по Мюнхенской конференции по безопасности, 2020 г.)</p> <p>Низкое доверие бизнесу («Глава «Реновы» остановился на «непреодоленных тенденциях», которые тормозят развитие бизнеса. Среди основных он назвал ограниченный доступ к финансовым ресурсам, в частности к долгосрочным – кредит пока малодоступен для бизнеса, в том числе среднего, а также сохраняющуюся чрезмерную активность контролирующих органов, что является проявлением общего недоверия к бизнесу» – Гайдаровский форум, 2018 г.)</p> <p>Разрушение доверия ввиду:</p> <p>нарушений общих принципов («Глобальное недоверие ставит под вопрос перспективы глобального роста. Логика экономического эгоизма плохо сочетается с сегодняшней специализацией стран и компаний, с выстраиванием сложных глобальных производственных цепочек. Фактически это может отбросить мировую экономику и торговлю далеко в прошлое, в эпоху натурального хозяйства, когда каждый был вынужден производить всё сам» – В.В. Путин, Россия зовёт!, 2014 г.)</p> <p>затяжных проблем в финансовом секторе («Есть довольно серьезные риски. Сейчас в очередной раз упала цена на нефть, фискальная политика также имеет свои ограничения. Существуют долгосрочные проблемы, которые оказывают влияние, в частности, на инвестиции: доверие инвесторов и технологические возможности» – Э. Рамирес, Гайдаровский форум, 2016 г.)</p> <p>последствий глобализации («Это правда, что глобализация со всеми ее фантастическими улучшениями в мире и связанным с ней технологическим прогрессом увеличила неравенство на уровне стран, особенно внутри стран. [...] И это стало фактором снижения доверия – доверия, доверия к правительствам, политическим учреждениям и международным организациям, подобным нашей, – и это также затрудняет разработку эффективных стратегий решения экономических проблем» – А. Гутерреш, Всемирный экономический форум, 2019 г.)</p>
<p>В каких сферах нужно укреплять доверие?</p>	<p>Финансы («Самое главное, культура финансового сектора должна измениться. Основная цель финансов – предоставлять услуги другим частям экономики, чего они не могут делать, если не пользуются доверием тех, кто зависит от этих услуг, то есть всех нас. Таким образом, восстановление доверия должно начинаться со всесторонних усилий по продвижению и обеспечению этического поведения во всей отрасли» – К. Лагард, Всемирный экономический форум, 2015 г.)</p> <p>Бизнес («Тем не менее, главные исполнительные директора теперь признают, что их роль заключается не только в получении прибыли, но и в том, чтобы высказываться по социальным и политическим вопросам. Руководствуясь отчасти подрывом общественного доверия к корпорациям, руководители считают приоритетом восстановление отношений с гражданским обществом. «Бизнес – это больше, чем чистая прибыль, – говорит Пол Полман, главный исполнительный директор Unilever. «Такие вопросы, как изменение климата, права человека и детский труд, влияют на то, что мы делаем и как мы это делаем» – Всемирный экономический форум, 2018 г.)</p> <p>Банки («Раньше наши агентства присваивали довольно высокие рейтинги банкам, у которых буквально через несколько дней отзывали лицензию. Случай с Межпромбанком тоже ставит вопрос о доверии к рейтингам. Это очень важно, поскольку подрывает доверие к частным банкам. Мы-то хотим, чтобы была конкуренция между банками с разной формой собственности» – А. Аксаков, Гайдаровский форум, 2016 г.)</p> <p>Суды («Конкурентоспособная национальная правовая система – это новые возможности для национального бизнеса и зарубежных инвесторов. Развитие цифровой экономики предоставляет возможность создания условий для транспарентности судебного процесса и повышения тем самым доверия к российским судам», Восточный экономический форум, 2018 г.)</p> <p>Государственная бюрократия («Нынешний рынок характеризуется тем, что у нас низкая ответственность нашей государственной бюрократии и низкое доверие по отношению к людям, выполняющим соответствующие функции. Давайте пройдем это препятствие, преодолеем кризис доверия, создадим конкуренцию и дадим рынку работать как следует. Тогда, уверен, мы добьемся успеха. Когда это будет, к сожалению, я сказать не могу», Е. Ясин, ПМЭФ, 2015 г.)</p>
<p>При каких условиях доверие будет укреплено?</p>	<p>Экономические отношения должны быть открытыми («Ни одна экономика не является островом; действительно, глобальная экономика более интегрирована, чем когда-либо прежде» – К. Лагард, «Всемирный экономический форум», 2015 г.)</p> <p>Государственные органы должны способствовать развитию доверия («Сегодня очень большая ответственность лежит на правительствах. Нам надо системно работать, чтобы восстановить стабильность и доверие на финансовых рынках» – Д.А. Медведев, Гайдаровский форум, 2014 г.)</p> <p>Доверие нужно повышать действиями, а не словами и ожиданиями («Как завоевать доверие? Естественно, не речами красивыми, а действиями» – Я. Френкель, Гайдаровский форум, 2015 г.)</p> <p>Иновации должны быть безопасными, ведь безопасность и доверие взаимосвязаны («Укрепление доверия и безопасного Интернета для мировой экономики – это серьезная задача, требующая сотрудничества между государственным и частным секторами и глубокой трансформации глобальной цифровой экосистемы» – Всемирный экономический форум, 2020 г.)</p> <p>Доверие нужно повышать между населением, бизнесом и государством («Мировая экономика, хотя в целом и встала в русло восстановления, но насколько это будет устойчиво, пока трудно предположить. В этих условиях одно из активных средств раскрытия потенциала глобального роста представляет собой создание между бизнесом, рынком и государством экономики доверия на основе равноправия, взаимодовыгодности, взаимовыгоды, толерантности и добросовестности» – В. Цишань, ПМЭФ, 2018 г.)</p>

<p>При каких условиях доверие будет укреплено?</p>	<p>В экономике нужно делать упор и на социальные аспекты («Практика ответственности перед заинтересованными сторонами стала необходимой для компаний, которые хотят развивать свой самый ценный капитал: доверие. Клиенты, сотрудники и инвесторы хотят быть связаны с компанией, которая заботится о планете и обществе и придерживается стандартов ESG. Они хотят, чтобы компании включали социальную и экологическую ответственность во все виды своей деятельности» – К. Шваб, Всемирный экономический форум, 2021 г.)</p> <p>Доверие растёт, если люди ощущают стабильность («В свете затянувшегося кризиса доверия в западно-российских отношениях Кремль ускорил свою работу с другими регионами мира, включая Латинскую Америку, Ближний Восток и Африку» – Мюнхенская конференция по безопасности, 2020 г.)</p> <p>В сторону глобализации необходимо двигаться сообща («Некоторые страны не могут угнаться за темпом развития. Это вызывает нарушение доверия между людьми и международными организациями. Сейчас есть понимание того, что надо двигаться к глобализации для всех» – А. Гутерреш, ПМЭФ, 2019 г.)</p>
<p>Что будет, если ничего не делать?</p>	<p>Сокращение / дефицит доверия ведет к экономическому ущербу («Глобальное недоверие ставит под вопрос перспективы глобального роста. Логика экономического эгоизма плохо сочетается с сегодняшней специализацией стран и компаний, с выстраиванием сложных глобальных производственных цепочек. Фактически это может отбросить мировую экономику и торговлю далеко в прошлое, в эпоху натурального хозяйства, когда каждый был вынужден производить всё сам» – В.В. Путин, ПМЭФ, 2018 г.)</p>

Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.

Таким образом, на основе проведённых исследований, можно сделать вывод, что в настоящее время в обществе можно обнаружить такой феномен как дисфункциональность норм. Происходит формирование негативного тренда в отношении доверия, так как ответственные за исполнение законов институты не могут выполнять или не выполняют свои основные полномочия. Поэтому происходит усугубление проблемы недоверия на институциональном уровне. По результатам экспертного опроса было выявлено, что основными причинами дефицита доверия являются геополитическая напряженность, неопределенность будущего, влияние санкций и др. В соответствии с мнениями экспертов, решение данной проблемы возможно только в среднесрочной (5 лет) и/или долгосрочной (10 и более лет) перспективе. Для восстановления доверия институтам в первую очередь необходимо ответить на следующие актуальные вызовы: коррупция, информационные войны и взбросы в СМИ, Интернете и социальных сетях, социально-экономическая трансформация общества, кризис легитимности.

Решение проблемы дефицита доверия возможно при условии открытости и согласованности экономических отношений не только между странами, но и между населением, бизнесом и государством. Помимо этого, немаловажную роль играет тот факт, что именно государство должно формировать устойчивую тенденцию повышения уровня доверия на различных уровнях. В свою очередь более эффективным способом формирования доверия является выполнение конкретных действий, а не только их обсуждение на различных политических и экономических площадках.

Литература

1. Глобализация. – Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (дата обращения: 23.01.2022).
2. Зеленков М.Ю., Тюриков А.Г. Модель вызовов доверию в современной Российской Федерации. Социодинамика. – 2022. – № 2. – С. 26–43. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.2.37600.
3. Тюриков А.Г. Вызов-ответ: межкультурные коммуникации в глобальном мире: Монография / А.Я. Большунов, С.А. Большунова, Т.С. Давыдова и др. / Под ред. проф. А.Г. Тюрикова – М.: ИНФРА-М, 2022. – 203 с.

4. Тюриков А.Г., Коленкина П.Д., Костаков Г.С. Феномен доверия в публичном международном пространстве: анализ дискурса международных форумов / Самоуправление. 2022. № 5 (133). С. 80–84.
5. Bryson, J. AI & global governance: No one should trust AI, 2018. – Текст: электронный // United Nations University Centre for Policy Research Article: [сайт]. – 2018. – URL: <https://cpr.unu.edu/publications/articles/ai-global-governance-no-one-should-trust-ai.html> (дата обращения: 23.01.2022).
6. Luhmann, N. Trust and power / N. Luhmann. – Chichester, Toronto: Wiley, 1979. – 208 p. ISBN 0471997587.
7. Rothstein, B. All for all: Equality, corruption, and social trust / B. Rothstein, E.M. Uslaner // World Politics. – 2011. – № 58(1). – P. 41–72.

THE DEFICIT OF TRUST IN THE TRANSFORMING MODERN ECONOMIC RELATIONS: TO ELIMINATE OR INCREASE

Antonyuk V.P., Ivanova Ya.S., Kuleshov S.M., Morozova A.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

In the article, the authors consider the state of trust in modern international economic relations. In the course of the research, special attention is paid to the study of the phenomenon of the “crisis of trust” by analyzing the public international scientific and political space in order to assess the state of economic relations and trust. Content analysis is based on the study of reports from participants of annual economic forums and conferences for 8 years. The main trends of trust were identified: the growing importance of universal trust and the need for it; the declining level of trust at the state level and between citizens and states, the growing distrust of new technologies and information sources. The results of the content analysis are supported by expert assessments of the state of challenges to trust in international economic relations. Experts carried out a detailed assessment of 15 areas of economic relations with a lack of trust and identified the main causes of the current situation in Russia and the world. Recommendations are also given on what areas it is necessary to strengthen trust and what conditions are necessary for the growth of the level of trust. As a result, the main aspects of economic development and the place of trust in it were highlighted.

Keywords: trust, challenges to trust, lack of trust, crisis of trust, international economic relations, international forums, uncertainty of the future.

References

1. Globalization. – Text: electronic // United Nations: [website]. – 2022. – URL: <https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (accessed: 23.01.2022).

2. Zelenkov M. Yu., Tyurikov A.G. Model of challenges to trust in the modern Russian Federation. *Sociodynamics*. – 2022. – No. 2. – pp. 26–43. DOI: 10.25136/2409–7144.2022.2.37600.
3. Tyurikov A.G. Challenge-response: intercultural communications in the global world: Monograph / A. Ya. Bolshunov, S.A. Bolshunova, T.S. Davydova, etc. / Edited by prof. A.G. Tyurikov – M.: INFRA-M, 2022. – 203 p.
4. Tyurikov A.G., Kolenkina P.D., Kostakov G.S. The phenomenon of trust in the public international space: analysis of the discourse of international forums / *Self-government*. 2022. No. 5 (133). pp. 80–84.
5. Bryson, J. AI & global governance: No one should trust AI, 2018. – Text: electronic // United Nations University Centre for Policy Research Article: [website]. – 2018. – URL: <https://cpr.unu.edu/publications/articles/ai-global-governance-no-one-should-trust-ai.html> (accessed: 23.01.2022).
6. Luhmann, N. Trust and power / N. Luhmann. – Chichester, Toronto: Wiley, 1979. – 208 p. ISBN 0471997587.
7. Rothstein, B. All for all: Equality, corruption, and social trust / B. Rothstein, E.M. Uslaner // *World Politics*. – 2011. – № 58(1). – P. 41–72.

Борисенко Владимир Иванович,

к.и.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: bvi095@mail.ru

Чернышева Елена Николаевна,

к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: chernel0602@gmail.com

В статье освещается первоначальный период существования российского движения детей и молодёжи. В центре внимания – содержательные и организационные вопросы становления новой молодёжной организации, а именно: общественная и законодательная инициативы создания новой организации и Федеральный закон «О российском движении детей и молодёжи» от 14 июля 2022 года. Далее рассматриваются шаги по созданию движения: учреждение 20 июля 2022 года РДДМ, формирование центральных органов управления организации, состоявшийся 18–20 декабря 2022 года I съезд российского движения детей и молодёжи «Движение первых».

Ключевые слова: молодёжное движение, российское движение детей и молодёжи, РДДМ, «Движение первых», общероссийское общественно-государственное движение.

В статье рассматривается начальный период существования российского движения детей и молодёжи. При этом в фокусе внимания находятся как содержательные, так и организационные вопросы становления новой молодёжной организации.

Создание этого движения стало ответом на общественный запрос. Инициаторами создания движения были сами школьники. В ходе многочисленных встреч с депутатами дети и подростки говорили о необходимости организации, объединяющей всех учащихся. Такого же мнения были их родители и учителя. Этот вопрос неоднократно становился предметом обсуждения участниками разных детско-юношеских проектов.

20 апреля 2022 года в ходе заседания в Екатерининском зале Кремля наблюдательного совета некоммерческой организации «Россия – страна возможностей» (объединяет 26 проектов, олимпиад и конкурсов; создана по инициативе Президента РФ в 2018 г.) В. Путин поддержал предложение школьницы из Севастополя Дианы Красовской о создании детского движения, объединяющего всех ребят России [7].

19 мая 2022 года, в день столетней годовщины создания пионерской организации в советской России, 11 депутатов Госдумы и 3 сенатора РФ внесли в нижнюю палату парламента России законопроект «О российском движении детей и молодёжи «Большая перемена» [9]. После утверждения ФЗ «О российском движении детей и молодёжи» Государственной Думой (6 июля 2023 года) и Советом Федерации (8 июля) 14 июля 2022 года он был подписан президентом Российской Федерации, опубликован и в тот же день вступил в законную силу [12].

Федеральным законом закрепляются правовой статус, цели, а также организационные и имущественные принципы деятельности движения.

Оно определяется как добровольное, самоуправляемое общероссийское общественно-государственное движение. Согласно закону целью движения, в частности, является подготовка молодого поколения к полноценной жизни в обществе, формирование мировоззрения на основе традиционных российских духовных и нравственных ценностей, традиций народов РФ, воспитание таких качеств, как трудолюбие, правовая культура, бережное отношение к окружающей среде и др.

Участниками движения могут быть как индивидуальные, так и коллективные участники, а именно: несовершеннолетние обучающиеся учащиеся, совершеннолетние участники-наставники, а также юридические лица – общественные организации, прошедшие государственную регистрацию (кроме политических партий, религиозных организаций и территориальных общественных объединений).

Структурно движение делится на региональные отделения в субъектах федерации, местные отделения в муниципалитетах, а также первичные отделения в организациях образования, культуры, спорта и других организациях, ведущих работу с детьми и молодёжью.

Центральные органы Движения – Съезд, Наблюдательный совет, Координационный совет, Правление и Председатель Правления Движения. Съезд движения выступает высшим руководящим органом организации. Председателем Наблюдательного совета является Президент РФ, который утверждает и изменяет состав сове-

та. Исключительно в компетенцию совета, в частности, входят предварительное рассмотрение программы развития движения и главных направлений его деятельности перед Съездом организации; распределение денежных и материальных средств по важнейшим областям их использования; выработка рекомендаций органам движения во всех сферах деятельности; формирование состава Координационного совета.

Правление движения – коллегиальный исполнительный орган, подотчётный Наблюдательному и Координационному советам, а также Съезду. Единоличным исполнительным органом движения является Председатель Правления, который руководит текущей деятельностью организации. Назначение на должность и освобождение от должности Председателя осуществляет Президент России по представлению председателя Координационного совета. Председатель правления движения может присутствовать на заседаниях Правительства РФ, других федеральных и региональных госорганов исполнительной власти.

Движение получило право на получение в собственность определённого имущества, а также право на получение из федерального бюджета ежегодного пособия на осуществление своей деятельности. Движение может создавать свою символику: флаги, эмблемы, гимн и другие.

Участниками нового движения на добровольной основе могут стать все 18 млн школьников России, начиная с шестилетнего возраста, а также учащиеся колледжей и техникумов. Воспитание и организация отдыха членов движения станет делом взрослых наставников. В новое движение могут войти и другие действующие детские движения.

20 июля 2022 года стало днём учреждения Российского движения детей и молодёжи. Местом этого события стал Международный лагерь «Артек», где участники конкурса «Большая перемена» проводили финал соревнования. В учредительном собрании приняли участие представители крупнейших детских организаций, администрации Президента России, органов исполнительной власти. В состав учредителей движения вошли АНО «Большая перемена», «Российское движение школьников», Российский союз молодёжи, «Юнармия», «Российские студенческие отряды» и другие. На собрании было принято решение о создании организации и утверждён её устав. Однако ряд вопросов остался открытым. Так, определение полного названия движения было перенесено на съезд организации. Первоначально движению планировалось дать название конкурса «Большая перемена», но при рассмотрении законопроекта в Государственной Думе депутаты пришли к выводу, что название должны выбрать сами участники организации.

Президент России по видеосвязи пообщался с участниками учредительного собрания. При этом В. Путин принял предложение стать главой наблюдательного совета нового движения [2].

29 июля 2022 г. В. Путин возглавил наблюдательный совет Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодёжи [10]. Одновременно был утверждён состав наблюдательного совета, в который вошли 15 человек: члены Администрации Президента РФ и Правительства России, губернаторы, ректоры вузов, руководители общественных организаций. Члена совета стали, в частности, вице-премьер Т. Голикова, 1-й заместитель главы администрации президента С. Кириенко министр просвещения С. Кравцов, министр науки и высшего образования В. Фальков.

20 августа 2022 года в городе Пятигорске Ставропольского края в центре знаний «Машук» состоялось

первое заседание Координационного совета движения. Его председателем был избран С. Кириенко. На заседании было принято решение создать региональные отделения движения в каждом субъекте Российской Федерации. Одновременно были назначены руководители региональных отделений в ряде субъектов Федерации [5].

1 сентября 2022 г. В. Путин провёл первое заседание наблюдательного совета Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодёжи. В ходе обсуждения со школьниками, учителями, родителями и министрами глава государства высказал убеждение, что участие в движении должно быть исключительно добровольным, что все решения следует принимать исходя из мнения детей, что движение должно присутствовать не только в больших городах, но и в небольших посёлках и сёлах. В. Путин высказался также о необходимости активного общения молодёжи всех регионов страны [1].

В конце сентября 2022 г. В. Путин дал правительству России ряд поручений, связанных с организацией деятельности Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодёжи. Среди них, в частности, выделение движению из федерального бюджета, начиная с 2023 года, более 21 млрд рублей ежегодно; обеспечение введения государственной должности РФ председателя Правления движения; формирование материально-технической базы функционирования региональных отделений движения [6].

13 декабря 2022 г. состоялось назначение Президентом РФ председателя Правления Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодёжи. Им стал заместитель главы Минобрнауки РФ Григорий Гуров [11].

С 18 по 20 декабря 2022 г. в центральном выставочном зале «Манеж» в Москве прошёл I съезд Российского движения детей и молодёжи. В работе съезда приняли участие около 1500 представителей всех 89 регионов Российской Федерации, включая ДНР и ЛНР, Запорожскую и Херсонскую области. В делегации от каждого субъекта федерации было 16 человек, включая 13 детей, двух педагогов-наставников и руководителя регионального отделения.

Президент России, выступая с видеообращением к участникам съезда, подчеркнул, что именно они определяют будущее молодёжного движения и отметил главный смысл существования организации – доступность на всей территории страны.

На пленарном заседании съезда 18 декабря была утверждена Декларация, содержащая ключевые характеристики движения: миссию, ценности и направления деятельности [5]. Миссия движения состоит в том, чтобы «Быть с Россией, быть человеком, быть вместе, быть в движении, быть первыми» [5]. Ценностями нового движения стали: жизнь и достоинство, патриотизм, дружба, добро и справедливость, мечта; созидательный труд, взаимопомощь и взаимоуважение, а также историческая память, единство народов России, служение Отечеству и крепкая семья. Главными направлениями деятельности движения являются: образование и знания; наука и технологии; труд, профессия и своё дело; культура и искусство; волонтерство и добровольчество; патриотизм и историческая память; спорт; здоровый образ жизни; медиа и коммуникации; дипломатия и международные отношения; экология и охрана природы; туризм и путешествия.

Вопрос о названии организации обсуждался в первый день работы съезда. Однако сразу решить его не удалось. На выбор названия участникам съезда потребовалось два дня и три голосования. 19 декабря

2022 г. из пяти предложенных вариантов было утверждено название «Российское движение детей и молодежи «Движение первых» (РДДМ «Движение первых») [4].

Однако 19 апреля 2023 года Президент России на совещании с правительством предложил вице-премьеру Т. Голиковой подумать над использованием слова «пионеры» в названии всероссийского движения детей и молодежи. При этом В. Путин отметил, что данный термин не несёт никакой идеологической нагрузки в отличие, например, от термина «комсомол», т.е. «коммунистический союз молодежи». На реплику Т. Голиковой о том, что дети сами выбрали название движения, В. Путин ответил, что знает об этом, и порекомендовал посоветоваться по этому вопросу с «ребятами» [8].

Создание нового общероссийского движения детей и молодежи стало новым этапом в сфере воспитания подрастающего поколения. РДДМ «Движение первых» объединяет детско-юношеские организации страны в действующую систему, направленную на развитие детей и их участие в общественной жизни.

Литература

1. Владимир Путин обсудил со школьниками и министрами новое детское движение. – URL: <https://rg.ru/2022/09/02/vse-po-vzrosloму.html> (дата обращения: 07.05.2023).
2. «В любом деле ставьте перед собой смелые цели»: Путин обсудил будущее страны с финалистами конкурса «Большая перемена». – URL: <https://rg.ru/2022/07/20/klassnyj-chas.html> (дата обращения: 09.05.2023).
3. Декларация Российского движения детей и молодежи. – URL: https://xn-90acagbhgpc7c8c7f.xn-p1ai/media/rddm_declaration.pdf (дата обращения: 14.05.2023).
4. Как прошёл первый съезд всероссийского детского движения. – URL: <https://www.rbc.ru/society/19/12/2022/639f4da39a7947639145fd1b> (дата обращения: 14.05.2023).
5. Кириенко стал председателем Координационного совета движения детей и молодежи. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/857546> (дата обращения: 12.05.2023).
6. Перечень поручений по вопросам организации деятельности Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69456> (дата обращения: 12.05.2023).
7. Путин поддержал идею девочки из Севастополя создать объединяющее всех детей из РФ России. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/14424033> (дата обращения: 06.05.2023).
8. Путин предложил ещё раз подумать над названием движения детей и молодежи. – URL: <https://ria.ru/20230419/dvizhenie-1866439650.html> (дата обращения: 03.05.2023).
9. Система обеспечения законодательной деятельности Госдумы. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126384-8> (дата обращения: 06.05.2023).
10. Указ Президента Российской Федерации от 29.07.2022 № 509 «О членах Наблюдательного совета Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207290004?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 07.05.2023).
11. Указ Президента Российской Федерации от 13.12.2022 № 914 «О Председателе Правления

Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212130002> (дата обращения: 12.05.2023).

12. Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140025> (дата обращения: 07.05.2023).

RUSSIAN MOVEMENT OF CHILDREN AND YOUTH: FORMATION

Borisenko V.I., Chernysheva E.N.
Pushkin State Russian Language Institute

The article highlights the initial period of the existence of the Russian movement of children and youth. The focus is on the content and organizational issues of the formation of a new youth organization, namely: public and legislative initiatives to create a new organization and the Federal Law “On the Russian Movement of Children and Youth” dated July 14, 2022. Next, the steps to create a movement are considered: the establishment of the RDDM on July 20, 2022, the formation of the central management bodies of the organization, which took place on December 18–20, 2022, the I Congress of the Russian Movement of Children and Youth “Movement of the First”.

Keywords: youth movement, Russian movement of children and youth, RDDM, “Movement of the First”, all-Russian social and state movement.

References

1. Vladimir Putin discussed a new children's movement with schoolchildren and ministers. – URL: <https://rg.ru/2022/09/02/vse-po-vzrosloму.html> (date of access: 05.07.2023).
2. “In any business, set bold goals for yourself”: Putin discussed the future of the country with the finalists of the “Big Change” contest”. – URL: <https://rg.ru/2022/07/20/klassnyj-chas.html> (date of access: 05.09.2023).
3. Declaration of the Russian Movement of Children and Youth. – URL: https://xn-90acagbhgpc7c8c7f.xn-p1ai/media/rddm_declaration.pdf (date of access: 05.14.2023).
4. How was the first congress of the All-Russian children's movement. – URL: <https://www.rbc.ru/society/19/12/2022/639f4da39a7947639145fd1b> (date of access: 05.14.2023).
5. Kiriienko became chairman of the Coordinating Council of the Movement of Children and Youth. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/857546> (date of access: 05.12.2023).
6. A list of instructions on the organization of the activities of the All-Russian public-state movement of children and youth. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69456> (date of access: 05.12.2023).
7. Putin supported the idea of a girl from Sevastopol to create a uniting all children from the Russian Federation of Russia. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/14424033> (date of access: 05.06.2023).
8. Putin offered to think again about the name of the movement of children and youth. – URL: <https://ria.ru/20230419/dvizhenie-1866439650.html> (date of access: 05.03.2023).
9. The system for ensuring the legislative activity of the State Duma. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126384-8> (date of access: 05.06.2023).
10. Decree of the President of the Russian Federation of July 29, 2022 No. 509 “On the members of the Supervisory Board of the All-Russian Public and State Movement of Children and Youth”. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207290004?index=0&rangeSize=1> (date of access: 05.07.2023).
11. Decree of the President of the Russian Federation of December 13, 2022 No. 914 “On the Chairman of the Board of the All-Russian Public-State Movement of Children and Youth”. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212130002> (date of access: 05.12.2023).
12. Federal Law No. 261-FZ of July 14, 2022 “On the Russian Movement of Children and Youth”. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140025> (date of access: 07.05.2023).

Управление в сфере этнокультурного образования Удмуртской Республики: современное состояние, проблемы и перспективы

Ураськина Надежда Ивановна,

канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник, директор, Казенное научное учреждение Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования»

E-mail: uraskinan@bk.ru

Бусыгина Людмила Васильевна,

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник, Казенное научное учреждение Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования»

E-mail: buslw@mail.ru

Ямаева Надежда Петровна,

младший научный сотрудник, Казенное научное учреждение Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования»

E-mail: ujschor@udm.ru

В условиях новых стратегических направлений развития образования значимыми становятся анализ проблем и рисков, актуальных вопросов управления этнокультурной сферой. Важным является систематическое проведение мониторинговых исследований деятельности муниципальных органов, осуществляющих управление в сфере реализации этнокультурного образования, а также руководителей образовательных организаций, деятельность которых направлена на эффективное выстраивание реализации задач государственной политики в области этнокультурного образования, развитие взаимодействия между участниками образовательного процесса. Ежегодные исследования позволяют отслеживать текущее состояние и определять основные направления развития и совершенствования этнокультурного образования. Изменения в образовании требуют некоторых корректировок в управленческих стратегиях. В статье представлены обобщения мониторингового исследования по теме «Управление в сфере этнокультурного образования Удмуртской Республики: современное состояние, проблемы и перспективы», проведенного казенным научным учреждением Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования». Выявлены проблемы и выработаны рекомендации по повышению эффективности управленческой деятельности в сфере этнокультурного образования.

Ключевые слова: этнокультурное образование, управленческие стратегии, мониторинг, текущее состояние, проблемы, рекомендации.

Воплощение государственных задач в области этнокультурного образования осуществляется через государственное управление, социальная функция которого направлена на упорядочение процессов его развития в интересах всего общества, где государственный аппарат обеспечивает осуществление государственной политики через систему административной деятельности. Для организации и эффективного функционирования управленческого процесса необходимо обладать в полной мере объективной, надежной и достоверной информацией, основанной на реальных данных, их анализе и интерпретации.

С целью анализа содержания, выявления проблем и разработки направлений перспективного развития управленческой деятельности в сфере этнокультурного образования в Удмуртской Республике казенным научным учреждением Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования» проведено мониторинговое исследование по теме «Управление в сфере этнокультурного образования Удмуртской Республики: современное состояние, проблемы и перспективы».

Задачи исследования:

- анализ текущего состояния управленческой деятельности в сфере этнокультурного образования в муниципальных образованиях Удмуртской Республики;
- выявление и анализ проблем и рисков в управлении системой этнокультурного образования на муниципальном уровне;
- выявление достижений в управленческой деятельности муниципальных систем этнокультурного образования;
- выработка рекомендаций по совершенствованию стратегии деятельности и дальнейшему развитию муниципальных систем управления в сфере этнокультурного образования в Удмуртской Республике.

В мониторинге приняли участие органы управления образованием органов местного самоуправления в Удмуртской Республике и общеобразовательные организации республики. Респондентами стали 1281 человек, являющиеся участниками отношений в сфере образования в Удмуртской Республике.

Основными группами потребителей результатов мониторинга являются сотрудники органов управления образованием муниципального и регионального уровней, руководители и педагогические работники образовательных организаций, представители общественности, заинтересованные в развитии этнокультурного образования.

Основной метод мониторинга – анкетный опрос. Используется сплошная и простая вероятностная выборка. Для обработки полученных данных используется метод количественного анализа, при интерпретации результатов анкетирования – сопоставительный и описательный методы.

Теоретической основой исследования являются научные положения работ А.Ю. Белогурова, Л.В. Волошиной, Н.В. Солововой, Н.Б. Стрекалова, А. Файоля, Н.В. Харинной, Е.В. Яковлева.

Управление образованием – это процесс, носящий целенаправленный и организованный характер и нацеленный на создание условий для оптимального и результативного функционирования объектов управления, в результате которого достигается переход на новый, более высокий уровень развития этих объектов [1]. Развитие системы образования, по мнению О.Е. Лебедева, «определяется тремя основными факторами: социальным заказом, образовательной средой и потенциалом самой образовательной системы» [4, С. 17].

Этнокультурное образование представляет собой целостный учебно-воспитательный процесс освоения учащимися содержания этнокультуры, направленный на сохранение этнокультурной идентичности личности путем приобщения к родному языку, культуре и пониманию этнокультурного многообразия. Являясь сложной образовательной системой, оно нуждается в эффективном управлении, способствующем его развитию.

Проанализировав точки зрения исследователей (М.А. Галановой, А.Я. Данилюк, М.М. Поташника, Г.Н. Серикова) на структуру региональной образовательной системы, Л.В. Волошина и Н.В. Харина выделили следующие ее компоненты:

- ценностно-ориентационный, включающий цели, задачи, принципы не только региональной, но и в первую очередь государственной образовательной политики;
- организационный, координирующий управленческую связь между различными образовательными учреждениями;
- нормативно-регламентирующий, юридически закрепляющий обязательное выполнение оказания образовательных услуг и возможности их вариативности в регионе;
- материально-пространственный, определяющий материальное обеспечение и географическое положение региональной образовательной системы;
- информационно-содержательный, в котором имеют место государственные образовательные стандарты, равноуровневые образовательные программы, информационные образовательные ресурсы, где центром ставится образовательная задача;
- перспективно-проективный компонент, основной задачей которого является прогнозирование развития образования, его тенденции и стратегии (см.: [3, С. 105]).

Данные компоненты легли в основу мониторингового исследования управленческой деятельности в сфере этнокультурного образования в муниципальных образованиях Удмуртской Республики.

Согласно концепции классического менеджмента и администрирования А. Файоля управление представляет собой взаимосвязанные функции предвидения (прогнозирование и выработка программы действий), организации (создание материальных и социальных условий работы), распоряжения (побуждение к работе), координирования (гармонизация выполняемых действий) и контроля (обеспечение выполнения работ в соответствии с программами и распоряжениями), которые составляют единое целое и образуют замкнутый цикл (см. об этом: [7]). При этом основатель административной школы управления определил следующие принципы управления: разделение труда, власть – ответственность, дисциплина, единство распорядительства (командования), единство руководства, подчинение частных интересов общим, вознаграждение, централизация, иерархия, порядок, справедливость, постоянство состава персонала, инициатива, единство персонала.

Теоретические основы администрирования, предложенные А. Файолем, носят универсальный характер, однако в управлении образованием следует учитывать особенности социального управления, так как оно связано с общественными отношениями и потребностями. Современные исследователи менеджмента образования (Н.В. Соловова, Е.В. Яковлев) обращают внимание на такие отличия управления образованием от управления бизнес-процессами, как обусловленность, изменчивость, инновационность, рефлексивность, прогностичность, информационность (см.: [10, С. 57]).

Как отмечают Н.В. Соловова и Н.Б. Стрекалова, «разные уровни управления современным образованием – управление системой образования, управление образовательным учреждением, управление образовательной программой, управление отдельным учебным процессом, предполагают разные функции и разные подходы к управлению. С этой точки зрения, в образовательном менеджменте должны органично переплетаться две научные составляющие: педагогическая, обеспечивающая достижение запланированных образовательных целей на фундаменте дидактических законов и принципов, и управленческая, направленная на создание благоприятных условий для их качественной реализации в конкретном образовательном учреждении» [5, С. 4].

При исследовании состояния управления в сфере этнокультурного образования в Удмуртской Республике были учтены функции в управлении образовательными организациями в современных условиях, предложенные П.И. Третьяковым: информационно-аналитическая; мотивационно-целевая, планомерно-прогностическая, организационно-исполнительская, контрольно-диагностическая, регулятивно-коррекционная [6, С. 25].

Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования определены в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [8]. Данные принципы предполагают сочетание государственного и договорного регулирования отношений в сфере образования.

В соответствии с федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» «граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании» [8]. Системой управления в сфере этнокультурного образования обеспечивается реализация указанных прав граждан путем создания следующих условий:

- нормативно-правовое обеспечение этнокультурного образования;
- создание необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования;
- научно-методическое и учебно-методическое сопровождение этнокультурного образования;
- кадровое обеспечение.

Одним из основных полномочий муниципальных органов управления образованием является организация предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования, в том числе этнокультурного образования, в образовательных организациях.

82,1% руководителей органов управления образованием муниципальных образований республики, при-

нявших участие в мониторинге, считают, что основная их роль в реализации этнокультурного образования заключается в способствовании развитию этнокультурного образования в соответствии с новыми федеральными государственными образовательными стандартами. 67,9% начальников управлений образованием большое внимание уделяют содействию инновационных моделей реализации федеральных образовательных стандартов в процессе этнокультурного образования; 64,3% респондентов подчеркивают важность обеспечения условий для реализации права граждан на изучение родного языка.

В общеобразовательных организациях Удмуртской Республики в 2022–2023 учебном году созданы условия для изучения русского, удмуртского, татарского и марийского языков и литератур. 16486 учащихся в 179 школах выбрали для изучения в рамках предметной области «Родной язык и родная литература» («Родной язык и литературное чтение на родном языке») родной (нерусский) язык и литературу. В 420 общеобразовательных организациях 148110 учащихся в качестве родного изучают русский язык.

Результаты мониторинга позволяют сделать выводы о том, что учащиеся общеобразовательных организаций Удмуртской Республики имеют возможность реализации своего права на изучение родного (в том числе русского) языка и литературы. 84,3% опрошенных родителей считают, что нет никаких препятствий для изучения их ребенком родного языка в школе.

95,7% родителей отмечают, что в школе не было случаев отказа их ребенку в изучении родного языка. Однако не всегда дети и их родители (законные представители) имеют достаточный уровень мотивации для осуществления выбора в пользу изучения родного языка. Так по сравнению с предыдущим учебным годом в 2022–2023 учебном году на 263 человека сократилось количество учащихся, изучающих в качестве родного удмуртский язык и литературу.

Основными факторами, чаще всего отрицательно влияющими на желание учащихся изучать родной (удмуртский, татарский, марийский) язык, руководители общеобразовательных организаций считают нехватку времени на изучение родного языка по причине интенсивной подготовки к экзаменам по другим предметам (42,5%) и негативное отношение родителей к изучению родного языка (38,5%).

В целях устранения этих факторов 71,4% опрошенных директоров школ считают целесообразным проведение просветительских мероприятий для родителей о значимости изучения родного языка в формировании личности ребенка; 68,1% респондентов подчеркивают необходимость организации встреч с известными людьми различных профессий, являющихся носителями разных языков; 52,4% руководителей общеобразовательных учреждений признают важность организации проектной и исследовательской деятельности учащихся этнокультурного содержания.

Помимо низкой мотивации к изучению родного языка сокращению количества обучающихся, изучающих родной язык способствуют изменения в федеральных образовательных программах начального общего и основного общего образования, которые предоставляют возможность выбора вариантов учебных планов, не содержащих в структуре предметную область «Родной язык и родная литература» («Родной язык и литературное чтение на родном языке»). Негативные последствия в организации обучения родным языкам имеет и переход общеобразовательных организаций на пятидневную учебную неделю.

В соответствии с действующим законодательством в сфере образования каждая общеобразовательная организация самостоятельно определяет режим работы (пятидневная или шестидневная учебная неделя). В настоящее время более половины школ, принявших участие в мониторинге, работают по шестидневной учебной неделе:

Однако настораживает, что 38,6% родителей учащихся хотели бы поменять шестидневную учебную неделю на пятидневную. Пятидневная учебная неделя привлекательна им тем, что дети могут больше времени проводить в семье (68,7%) и отдыхать (65,3%), учащимся значительно проще подготовиться к новой учебной неделе (50,8%), у детей появляется дополнительное время для регулярных и серьезных занятий спортом, музыкой, для учебы в художественной школе (45,3%).

Риски перехода на пятидневную учебную неделю родители прежде всего связывают с увеличением количества уроков в день, что ведет к перегруженности учеников и учителей (56,7%), свободное время ребенком может быть потрачено на просиживание в сети Интернет, компьютерных играх (29,9%) и др.

Серьезная опасность перехода на пятидневную учебную неделю школ с изучением родного (нерусского) языка и литературы заключается в том, что сокращается количество часов, выделяемое в учебном плане на изучение родного языка и литературы. Кроме того, в таком учебном плане отсутствуют часы для части, формируемой участниками образовательных отношений. Поэтому большинство руководителей управлений образованием, директоров школ и учителей родного языка и литературы наиболее приемлемой для образовательных организаций, в которых изучаются родной язык и литература, считают шестидневную учебную неделю.

В целях сохранения контингента изучающих родной язык, удовлетворения их языковых потребностей в Удмуртской Республике обучение родному языку в зависимости от уровня владения учащимися данным языком осуществляется с использованием вариативных учебно-методических комплексов:

- для учащихся, владеющих родным языком (44%);
- для учащихся, не владеющих родным языком (56%).

По данным статистического мониторинга наблюдается ежегодное сокращение количества учащихся, изучающих удмуртский язык и литературу по образовательной программе для учащихся, владеющих удмуртским языком: в 2021 году – 7818 учащихся, в 2022 году – 7445 школьников, в 2023 году – 7079 учащихся.

Данная тенденция связана не только с процессами ассимиляции и глобализации, но и методически неправильным выбором вариантов образовательных программ по удмуртскому языку и литературе. 40,7% респондентов-учителей для всего класса выбирают один вариант программы с учетом уровня владения языком большинства учащихся:

Нет единого мнения у начальников управлений образованием и директоров школ о наиболее эффективной модели этнокультурного образования (табл. 1).

Директорами школ предложенные модели этнокультурного образования (пункты а), б), в)) примерно в равной степени признаются эффективными для своих школ. Однако 25,6% директоров школ считают достаточным изучение родного языка и литературы только в рамках факультативных и/или кружковых занятий.

Начальниками органов управления образованием предпочтение отдается моделям этнокультурного образования, представленным в пунктах а) и в). При этом факультативные и кружковые занятия рассматриваются в качестве дополнительных, а не альтернативных ресурсов этнокультурного образования.

Таблица 1. Как Вы считаете, какая модель этнокультурного (удмуртского, марийского, татарского) образования является наиболее эффективной для общеобразовательных организаций Вашего района (города) / для Вашей школы?

Варианты ответов	Руководители органов управления образованием МО, %	Руководители школ, %
а) родной (удмуртский/ марийский/ татарский) язык и литература изучаются в общеобразовательных организациях в качестве предмета по одной программе для учащихся, владеющих данным языком; дополнительно могут изучаться в рамках факультативных и кружковых занятий	32,1	16,9
б) родной (удмуртский/ марийский/ татарский) язык изучается в общеобразовательных организациях в качестве предмета по одной программе для учащихся, не владеющих данным языком; дополнительно могут изучаться в рамках факультативных и кружковых занятий	14,3	15,0
в) родной (удмуртский/ марийский/ татарский) язык и литература изучаются в общеобразовательных организациях в качестве предмета с использованием вариативных программ для учащихся владеющих и не владеющих данным языком; дополнительно могут изучаться в рамках факультативных и кружковых занятий	32,1	18,0
г) родной (удмуртский/ марийский/ татарский) язык и литература изучаются в общеобразовательных организациях только в рамках факультативных и/или кружковых занятий	3,6	25,6
д) родной (удмуртский/ марийский/ татарский) язык и литература не изучаются в общеобразовательных организациях нашего района (города)	0	4,4
Другое	0	2,6
Нет ответа	17,9	17,6

Для обеспечения единых подходов к организации этнокультурного образования начальникам управлений образованием совместно с директорами школ необходимо выработать стратегические решения по реализации эффективного этнокультурного образования в муниципальном образовании.

Участникам мониторинга был задан вопрос об основных факторах, влияющих на качество, эффективность этнокультурного образования.

Директора школ (34,5%) и руководители управлений образования (31,8%) считают, что эффективность этнокультурного образования главным образом зависит от кадровых ресурсов образовательных организаций, от профессионализма учителей. При этом лишь 17,4% учителей и 15,2% родителей поддерживают их мнение. Они (37,3% учителей и 35,9% родителей) уверены, что ключевой фигурой в этнокультурном образовании являются специалисты управлений образованием.

Примерно 20% респондентов связывают эффективность этнокультурного образования с мотивированностью учащихся к изучению родного языка и культуры родного народа.

В то же время 35% руководителей управлений образованием и 17,5% директоров школ отмечают значимость личных качеств и компетенций в своей профессиональной деятельности.

Современные вызовы системе образования предъявляют новые требования к результатам управленческих функций и педагогической деятельности. В связи с этим возникает необходимость в корректировке, а, возможно, и в постановке новых задач как перед педагогическим сообществом, так и руководящими кадрами. Решение задач требует поиска новых возможностей для повышения уровня профессиональной компетентности педагогов и руководителей, а также создания и реализации соответствующих условий для их профессионального роста.

Респонденты отмечают, что получить знания и навыки эффективного менеджмента можно, пройдя специальное обучение. Руководители управлений образованием

и руководители образовательных организаций регулярно проходят курсы повышения квалификации. Однако 70% директоров школ и 50% начальников управлений образованием отмечают отсутствие тем, посвященных этнокультурному образованию, в программах дополнительного профессионального образования. Наибольший интерес у них вызывают темы, посвященные вопросам организации и развития этнокультурного образования во взаимодействии дошкольного учреждения и школы, формам и методам работы с родительской общественностью по вовлечению их детей в освоение программ этнокультурного содержания, способам мотивации участников образовательного процесса к изучению этнокультурного образования и др.

Около половины респондентов отмечают, что их образовательные организации в текущем году особое внимание уделяют повышению профессиональной компетентности педагогов в области этнокультурного образования. Как писал известный педагог С.Т. Шацкий, «без учителя, способного творить и понимать творимое, путей к новой школе быть не может» [9, С. 102]. Но чтобы воспитать такого учителя в современной школе, его нужно растить и развивать. Поэтому задачей управлений образованием и администрации школы является правильное выстраивание стратегии творческого развития учителя. Органам управления образованием и администрации школы необходимо заботиться о каждом педагоге, о создании мотивации его педагогической деятельности: реализации методической работы, направленной на создание успешности педагога (организация методических объединений, курсов повышения квалификации и т.д.), и разработке системы финансового стимулирования творческих педагогов.

Согласно мониторингу, желание учителей и их стремление к самосовершенствованию поддерживается руководителями школ. Результативность педагогической деятельности по этнокультурному направлению учитывается при установлении стимулирующих выплат. В большинстве школ предусматриваются такие показатели, как результативное участие учащихся в олимпиа-

дах по родному языку и литературе, в конкурсных мероприятиях этнокультурного содержания, участие педагога в конкурсах профессионального мастерства этнокультурного содержания и в инновационной деятельности по этнокультурному образованию.

Однако 38,8% директоров школ отмечают, что показатели, связанные с организацией этнокультурного образования в школе, при установлении стимулирующих выплат педагогам не учитываются.

Тем не менее, стимулом к работе у педагогов является желание и заинтересованность школьников изучать их предмет. Поэтому учителя работают над повышением своего педагогического мастерства, активно используют современные технологии, цифровые образовательные ресурсы, сотрудничают с учителями и педагогами других школ. 24,2% учителей участвуют в инновационных проектах разных уровней: 20,7% учителей – на школьном уровне, 11,1% – на муниципальном уровне, 15% – на региональном.

Педагоги понимают, что новый уровень повышения их педагогической компетенции и профессионализма связан с расширением зоны общения. Взаимодействие участников отношений в сфере образования обуславливает отбор содержания и форм сотрудничества для обеспечения эффективного этнокультурного образования детей.

Мониторинг выявил наиболее популярные формы сотрудничества участников образовательного процесса. Поскольку задача руководителя состоит в осуществлении информационного обеспечения, анализа, целеполагания, планирования, исполнения, контроля и коррекции, руководители управлений образованием в работе с директорами школ предпочитают такие формы, как совещания, круглые столы, семинары и т.п. (78,6%), при работе с родителями – проведение родительских форумов, семинаров, собраний (50%), проведение мониторингов, опросов родителей (46,4%) и работу с обращениями (устные, письменные, электронные, 39,3%).

Результативность педагогического взаимодействия, успешность деятельности школы во многом определяется тем, как директор школы использует в своей управленческой деятельности потенциал коллектива, особенности и возможности его отдельных членов. Директора в работе с педагогами наиболее эффективной формой взаимоотношений считают индивидуальную беседу (100%). Такая технология помогает найти подход к каждому педагогу, позволяет спланировать индивидуальную траекторию его профессионального роста в целях развития этнокультурного образования и образовательной организации в целом.

В развитии этнокультурного образования важное место занимает обмен педагогическим опытом. Учителя делятся актуальным, успешным опытом на районных методических объединениях (48,4% выборов), конференциях, семинарах (39,3%), участвуют в конкурсах педагогического мастерства (20,5%), в сетевых инновационных проектах (19,5%). Обмен знаниями между педагогами повышает эффективность каждого из них, обогащает новыми практиками региональную систему образования.

Сегодня особое значение приобретает работа по решению проблемы взаимодействия семьи и школы. Как показывают ответы респондентов, наиболее популярной формой взаимодействия руководителей школ с родителями является участие в форумах, семинарах, собраниях, организованных для родителей (43,2%); чуть меньше – участие во внеклассных мероприятиях с участием родителей (совместные экскурсии, праздники, классные часы, связанные с родным языком и родной культурой,

39,6%). Учителя удмуртского языка и литературы также взаимодействуют с родителями обучающихся чаще всего в формате внеклассных мероприятий (69%) и индивидуальных бесед (64,7%).

Родители предпочитают индивидуальные беседы с учителями (52,7%) и досуговые формы – внеклассные мероприятия с участием родителей (совместные экскурсии, праздники, классные часы, связанные с родным языком и родной культурой, 52,2%), а также участие в мониторингах, опросах родителей (43,8%). Кроме того, родители, согласно их ответам, нуждаются в методической помощи по повышению мотивации детей к изучению родного языка (49,8%) и по вопросам возрастной психологии детей (31,2%).

79,8% родителей отмечают, что при реализации программ этнокультурного образования они преимущественно взаимодействуют с педагогами. Однако опрос педагогов лишь в 44,2% случаев подтверждает их совместную работу с родителями. Примерно такой же процент взаимодействия с родителями отражают ответы руководителей управлений образованием и образовательных организаций. Данные результаты указывают на необходимость совершенствования системы взаимодействия руководителей управлений образованием с учителями и родителями.

По данным мониторинга очевидна проблема управления деятельностью родительских комитетов школ, «Школ наставничества», советов обучающихся. Непосредственная их цель – поддерживать и укреплять контакт между родителями, учениками и школьной администрацией, педагогами, другими участниками образовательных отношений. Слаженная работа таких организаций приносит положительные результаты в первую очередь для школьников и их семей.

Все формы взаимодействия участников отношений в сфере образования в основе своей диалогичны. Взаимопонимание, открытость участников к контактам, умение принимать различные точки зрения, корректно отстаивать собственную позицию в диалоге обеспечивают эффективность в решении задач образовательного и воспитательного процесса. Кроме этих традиционных форм общения руководителям, педагогам и родителям целесообразно использовать современные формы взаимодействия: различные тренинги, дни открытых дверей, деловые игры, сетевое взаимодействие, блоги сетевого сообщества и т.д. Эти формы взаимодействия являются более привычными современному поколению. Более того, вводя в свой профессиональный арсенал социальные сети, учителя и руководители создают новое образовательное пространство. Социальные сети становятся не только средством общения и развлечения, но и средством обучения.

Применение новейших цифровых технологий – одно из условий эффективного развития этнокультурного образования, как и отрасли образования в целом. Интерактивные электронные учебники, а также медиаконтент в интернете приобретают все большую популярность и становятся серьезной альтернативой классическим источникам знаний. Поэтому наряду с развитием материальной инфраструктуры, перед школьной администрацией стоит задача повышения навыков преподавателей в сфере цифровых технологий.

В настоящее время, помимо электронных форм учебников по удмуртскому языку и литературе, с целью информационно-методического обеспечения этнокультурного образования создан и функционирует информационно-образовательный портал по обучению удмуртскому языку и литературе «Удмурт кылдунне» («Мир удмуртского языка»).

Благодаря portalу, пользователи имеют доступ к многочисленным источникам информации, представленным в различных форматах, включая файлы документов, веб-страницы, электронные книги и целые курсы. Разнообразный набор средств обучения может использоваться педагогами для создания творческой атмосферы на занятиях. Эти инструменты делают обучение более интересным, интерактивным, значимым и стимулирующим к активной учебной деятельности.

Однако в своей работе ресурсы портала используют лишь 30,9% опрошенных учителей. Зачастую это связано с недостаточным высоким уровнем технической оснащенности большинства общеобразовательных организаций. На это указывают ответы опрошенных руководителей и учителей: создание достаточных условий подтверждают лишь 35,7% руководителей управлений образованием, 41,7% директоров школ и 43,5% учителей.

Требуется системная работа по постоянному обновлению материально-технической базы образовательных организаций.

Анализ результатов мониторинга обозначил проблемы в сфере этнокультурного образования. Основные проблемы в организации обучения родному языку и литературе, существующие в системе образования района (города), начальники управлений образованием и руководители школ связывают со следующими факторами: быстрые темпы обрусения населения, снижение количества детей, владеющих родным языком, увеличение количества родителей, выбирающих русский язык для изучения их детьми в качестве второго, отсутствие в семьях общения с детьми на удмуртском языке; недостаточное понимание родителями важности изучения их детьми родного языка и литературы, низкая мотивация детей к изучению родного языка и литературы, недостаточно широкая сфера применения удмуртского языка, недостаточное оснащение школ современными техническими средствами, потребность в дополнительной литературе на удмуртском языке, дидактических играх, национальных костюмах для детей.

В целях решения вышеназванных проблем этнокультурного образования от органов государственной и муниципальной власти Удмуртской Республики, образовательных и общественных организаций требуется обеспечение реализации этнокультурного образования и воспитания, изучения родных языков народов Удмуртской Республики с учетом преемственности дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования и с использованием образовательных ресурсов семьи. При этом важно устанавливать партнерские отношения между участниками образовательных отношений (обучающимися, родителями, педагогическими работниками, образовательными организациями и др.) в целях формирования социокультурной среды, соответствующей возрастным, индивидуальным, психологическим и физиологическим особенностям обучающихся. Кроме того, повышению мотивации детей и их родителей к изучению родного языка будет способствовать расширение сферы функционирования удмуртского языка.

Учитывая значимую роль семьи в формировании языковой личности ребенка, необходимо осуществлять информационно-консультационную работу с родителями (законными представителями) о потенциале этнокультурного образования, изучения родного языка для общекультурного, личностного, интеллектуального развития учащихся, а также оказывать поддержку и осуществлять стимулирование активных родителей, воспитывающих в своих детях уважение к национальным традициям, родным языкам и культурам народов Удмуртской Респу-

блики. Усилению эффективности данной работы будет способствовать использование ресурсов национально-культурных объединений, общественных организаций.

Выработанные по результатам проведенного мониторинга рекомендации будут способствовать совершенствованию стратегии деятельности и дальнейшему развитию муниципальных систем управления в сфере этнокультурного образования.

Литература

1. Афонина Н. Что включает в себя управление системой образования. [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnick.ru/pedagogika/chto_vklyuchayet_v_sebya_upravlenie_sistemoy_obrazovaniya/ (дата обращения: 06.09.2023).
2. Белогуров А.Ю. Становление и развитие этнорегиональных образовательных систем в России на рубеже XX–XXI веков: диссертация ... доктора педагогических наук: 13.00.01. Пятигорск, 2003. 457 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.disscat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-etnoregionalnykh-obrazovatelnykh-sistem-v-rossii-na-rubezhe-xx-xxi-ve> (дата обращения: 31.08.2023).
3. Волошина Л.В., Харина Н.В. Особенности региональной образовательной системы и ее устойчивость // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2015. 1 (7). С. 102–110.
4. Лебедев О.Е. Управление образовательными системами: теория и практика. Учебно-методическое пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2011. 108 с.
5. Соловова Н.В., Стрекалова Н.Б. Управление образовательными системами: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. 80 с.
6. Третьяков П.И. Управление школой по результатам: практика педагогического менеджмента. М.: Новая школа, 1997. 288 с.
7. Файоль А. Учение об управлении // Научная организация труда и управление: сборник. М.: Экономика, 1965. 154 с.
8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.09.2023).
9. Шацкий С.Т. Деревенские дети и работа с ними // Избранные педагогические сочинения. Т. 2 М.: Просвещение, 1980. 414 с.
10. Яковлев Е.В. Внутривузовское управление качеством образования: монография. Челябинск: Издательство ЧГПУ, 2002. 390 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viperson.ru/uploads/attachment/file/951718/5._Яковле_elibrary_19004005_90328957.pdf (дата обращения: 05.09.2023)

MANAGEMENT IN THE FIELD OF ETHNOCULTURAL EDUCATION OF THE UDMURT REPUBLIC: CURRENT STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS

Uraskina N.I., Busygina L.V., Yamaeva N.P.
Research Institute of National Education

In the context of new strategic directions of education's development the problems and risks, actual issues of management of the ethnocultural sphere. It is important to conduct systematic monitoring researches on the activities of municipal bodies managing the implementation of ethnocultural education; on the heads of educational organizations, whose activities are aimed to effective development of tasks of the state policy in the field of ethnocultural education,

development of interaction between participants of educational process.

Annual studies allow monitor the current status and identify general directions of development and improvement of ethno-cultural education. Changes in education require some adjustments in management strategies.

The article deals with generalizations of monitoring research «Management in the sphere of the Udmurt Republic's ethnocultural education». The research was conducted by State-Owned Scientific Institution of the Udmurt Republic «Scientific Research Institute of National Education». The authors reveal problems and give recommendations to improve the effectiveness of management activities in the field of ethnocultural education.

Keywords: ethnocultural education, management strategies, monitoring, current state, problems, recommendations.

Reference

1. Afonina N. What does the management of the education system include. [Electronic resource]. URL: https://spravochnick.ru/pedagogika/chto_vklyuchaet_v_sebya_upravlenie_sistemoy_obrazovaniya/ (date of access: 09/06/2023).
2. Belogurov A. Yu. The formation and development of the ethnoregional educational system: dissertation for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.01. Pyatigorsk, 2003. 457 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-etnoregionalnykh-obrazovatelnykh-sistem-v-rossii-na-rubezhe-xx-xxi-ve> (date of access: 08/31/2023).
3. Voloshina L.V., Xarina N.V. Features of the regional educational system and its sustainability // Pedagogical Review. 2015. 1 (7). P. 102–110.
4. Lebedev O.E. Management of educational systems: theory and practice. Teaching manual. SPb.: Department of operational printing of HSE – St. Petersburg, 2011. 108 p.
5. Solovova N.V., Strekalova N.B. The management of educational systems: textbook. Samara: Publishing House of Samara University, 2018. 80 p.
6. Tretyakov P.I. Management of the school based on the results: the practice of pedagogical management. M.: New school, 1997. 288 p.
7. Fajol A. The doctrine of management // The scientific organization of labor and management: collection. M.: Economy, 1965. 154 p.
8. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 09/01/2023).
9. Shatsky S.T. Village children and working with them Selected pedagogical works. V. 2. M.: The publishing house «Enlightenment», 1980. 414 p.
10. Yakovlev E.V. Intra-university quality management of education: monograph. Chelyabinsk: Publishing House of ChSPU, 2002. 390 p. [Electronic resource]. URL: https://vi-person.ru/uploads/attachment/file/951718/5_Яковле__elibrary_19004005_90328957.pdf (date of access: 09/05/2023).

Проблемы социологического анализа изучения социального здоровья военнослужащих

Осипенко Эдуард Борисович,

Доцент, кандидат социологических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: reset.09puci@mail.ru

Кифичак Тамара Юрьевна,

адъюнкт кафедры социологии, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Lis.9301@Yandex.ru

В последние десятилетия все большую актуальность приобретает изучение проблемы соотношения индивидуального и общественного с учётом необходимости согласования индивидуальных и общественных интересов. Данное направление получило развитие в социологии в рамках постановки проблемы социального здоровья. Особую актуальность приобретают исследования, направленные на изучение специфики формирования социального здоровья в социальной среде, характеризующейся высоким уровнем рисков. В рамках статьи исследуются теоретико-методологические основания изучения социального здоровья военнослужащих. Анализируется предметная определённость основного круга проблем, связанных с тематикой социального здоровья военнослужащих. Определяется набор методологических установок, перспективных для осуществления исследования социального здоровья военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащие, социальное здоровье, социальные риски, формирование социального здоровья, институциональные факторы социального здоровья, личностные факторы социального здоровья.

Введение

Одной из центральных тем в социологии является вопрос о конструктивном характере общественных отношений и факторах их нормализации [2]. Данный вопрос затрагивает широкий спектр востребованных в исследовательской среде тем: социальная солидарность, социально-сберегающие механизмы, нормы морали, процессы социализации и т.д. Обратная сторона данного вопроса – это спектр угроз и нарушений, которые препятствуют установлению конструктивного состояния общества. Иными словами, для того, чтобы осмыслить то, какими средствами можно достичь общественного благополучия, необходимо, в том числе, локализовать и исключить деструктивные факторы, а также преодолеть негативные социальные состояния. По этой причине, как это ни парадоксально на первый взгляд, с тематикой социального благополучия непосредственно связаны вопросы социальных нарушений, что в социологии получило отражение в рамках анализа проблемы социальной аномии, а также на уровне специализированных исследований, посвящённых частным социальным нарушениям (правовой нигилизм, криминальные субкультуры, деструктивные сообщества и т.д.).

Проблема

На протяжении последних десятилетий исследователи все чаще обращают внимание на соотношение индивидуального и общественного в выстраивании социальных отношений. В рамках оценки степени конструктивности общественных отношений это получает раскрытие, с одной стороны, через рассмотрение того, насколько благоприятной является социальная ситуация для единичного субъекта или группы лиц; с другой стороны, серьёзный интерес представляет аналитика деятельности субъекта в разрезе того, как его действия влияют на состояние общества. Обозначенные подходы, будучи соотносённые друг с другом, легли в основу концепции социального здоровья, как сложного интегрирующего показателя степени благоприятности системы отношений человек-общество. При этом существует две трактовки категории «социальное здоровье», отражающие, по сути, социально-контекстуальный и личностный аспекты выстраивания конструктивных отношений между единичным субъектом и его внешним окружением. Одним из значимых авторов является М.В. Кибакин, через рассмотрение концепции которого, проблематика социального здоровья военнослужащих становится более понятной [4]. Он выразил идею социального здоровья посредством такого явления как социальная терпимость. По мнению автора, социальная терпимость способствует укреплению социального здоровья военнослужащих, так как она прямо влияет на качество их межличностных отношений. Военнослужащие с высоким уровнем социальной терпимости чаще устанавливают доверительные, уважительные и открытые отношения с коллегами, командиром и подчинёнными. Для укрепления социальной терпимости и социального здоровья военнослужащих важно учитывать взаимосвязь этих категорий с институтами права, экономики, образования

и управления. Создание благоприятных условий в этих сферах способствует повышению уровня социальной терпимости и социального здоровья. Законодательство должно обеспечивать равные возможности и права для всех военнослужащих, независимо от их национальности, расы, пола, религии и других характеристик. Защита прав военнослужащих способствует развитию социальной терпимости и укреплению социального здоровья. Социально-экономическая стабильность и доступ к материальным благам для военнослужащих и их семей являются важными предпосылками для формирования социальной терпимости и поддержания социального здоровья.

По мнению М.В. Кобакина, «порой наблюдается стремление подменить заботу о боевой мощи и боевом духе личного состава Вооружённых Сил заботой только лишь о своевременной выплате денежного довольствия. Это, в свою очередь, сказывается на снижении функциональности военной организации» [4]. Организация военной службы, включая выполнение служебных и боевых задач, должна обеспечивать здоровую социально-психологическую обстановку для военнослужащих. Разработка и внедрение программ, направленных на поддержание морали и боевого духа личного состава, улучшение условий проживания и социальной интеграции, а также проведение обучения в области толерантности и межкультурной коммуникации, могут способствовать формированию социальной терпимости и укреплению социального здоровья военнослужащих. «Пути формирования социальной терпимости военнослужащих структурируются на общесоциальном, институционально-организационном и конкретно-социальном уровнях. Каждый из них предопределяет специфику управленческих функций и включает: разработку соответствующей нормативной базы; проведение исследовательской работы по концептуализации социальных параметров военной организации, поиску и созданию оптимальных военно-организационных структур для эффективного ведения боевых действий; создание здоровой социально-психологической обстановки военной службы при выполнении служебных и боевых задач» [4].

Основные направления повышения эффективности процесса формирования и поддержания структуры и уровня социальной терпимости военнослужащих вытекают из специфики управленческого процесса, а также роли и значения в нем свойств объекта управления. Содержательно они заключают в себе: меры по совершенствованию структуры и функций органов военного управления; увеличение перечня и действенности средств воздействия; обеспечение систематичности и достоверности получения оперативной обратной связи; активное влияние на вопросы профессионального отбора [9].

То, каким образом общество влияет на удовлетворение ключевых социальных потребностей индивида получает отражение в категории социального самочувствия [11]. При этом, в качестве здорового рассматривается такое общество, в котором члены общества имеют возможность удовлетворения своих базовых интересов и потребностей. В свою очередь, деструктивные аспекты в поведении субъекта, порождающие риски для общества, могут быть рассмотрены как форма нарушения социального здоровья личности. И здесь ключевым моментом становится не только то, что является первопричиной аномичного поведения, но и сам факт активности, идущей вразрез с общественными интересами. Исходя из этого мы можем судить о том, что категория социального здоровья имеет сложный, многоуровневый и разноплановый характер, поскольку она отражает, с одной стороны, состояние субъекта или социальной группы,

с другой – область предпосылок и факторов, определяющих это состояние. При этом тематика социального здоровья приобретает актуальность в контексте постановки различных социальных проблем, начиная с вопроса о достижении и соблюдении интересов личности, и заканчивая вопросом о предпосылках стабилизации ситуации в обществе.

Существуют следующие факторы, влияющие на социальное здоровье военнослужащих [5]. Семейная стабильность, эмоциональная поддержка и взаимопонимание являются основой для формирования социального здоровья. Уровень образования и квалификация влияют на способность военнослужащих адаптироваться к быстро меняющимся условиям и выполнять сложные задачи. Уважение и признание со стороны коллег и командира, а также возможности для профессионального роста и развития, укрепляют социальное здоровье. Участие военнослужащих в спортивных, культурных и общественных мероприятиях способствует укреплению социальных связей и развитию коммуникативных навыков. Организация регулярных встреч с семьями, предоставление возможностей для семейного отдыха и отпусков, а также предоставление услуг психологической поддержки при возникновении семейных проблем. Разработка и внедрение образовательных программ, направленных на повышение профессиональной компетентности и расширение знаний военнослужащих. Стимулирование заслуг и достижений военнослужащих, проведение тренингов по развитию командных навыков и лидерских качеств, а также содействие в разрешении конфликтных ситуаций в коллективе. Организация мероприятий, направленных на развитие спортивных, культурных и общественных интересов военнослужащих, а также вовлечение их в добровольческую и благотворительную деятельность.

Также стоит учитывать такие особенности и проблемы формирования социального здоровья военнослужащих:

- высокие психоэмоциональные нагрузки и стресс;
- отсутствие стабильности в жизни;
- ограниченный социальный круг.

Военнослужащие часто подвергаются стрессу из-за опасности и ответственности, связанных с их работой. Это может отрицательно сказываться на социальном здоровье и приводить к возникновению психических проблем. Частые переводы, отсутствие долгосрочных планов и неопределённость могут ухудшать социальное здоровье военнослужащих, создавая проблемы в семейных и дружеских отношениях. Военная служба может ограничивать возможности для общения и создания новых социальных связей, что в долгосрочной перспективе может снизить уровень социального благополучия.

Тематика социального здоровья в наибольшей степени актуальна в тех областях, на уровне которых присутствуют устойчивые предпосылки для его нарушения. Это означает, что, чем выше уровень социальных рисков в конкретной области, тем важнее изучение проблемы определения текущего уровня социального здоровья в ней и перспектив его нормализации. Одновременно с этим следует отметить, что зависимость общества от отдельных его институтов неравнозначна. Существуют области общественных отношений, от которых в значительно большей степени зависит стабильность [7] и благополучие общества. И в данном контексте представляет существенный интерес то, что имеет место социальный институт, в котором, с одной стороны, имеют место интенсивные рискогенные факторы, и который, с другой стороны, оказывает мощнейшее влияние на стабильность и благополучие в обществе. Речь идёт об институте армии.

Результат

Исходя из проведённого ранее анализа можно сделать вывод о том, что исследование социального здоровья военнослужащих имеет высокую степень актуальности: с одной стороны, необходимо создать благоприятные условия для достижения военнослужащими (которые, в силу институциональной специфики армии, сталкиваются с заметно большим уровнем рискованных факторов, нежели представители гражданской сферы) социального здоровья. С другой стороны – формирование социального здоровья военнослужащих представляет собой один из важнейших факторов боеспособности и эффективности армии, как института, что, в свою очередь, напрямую влияет на стабильность и благополучие общества в целом. При этом примечательно, что помимо прямой зависимости суверенитета и стабильности общества от состояния армии, имеют место также и косвенные виды динамической обусловленности общественного благополучия от состояния армии. В частности, армия представляет собой один из значимых институтов социализации, а военнослужащие могут выступать в роли примера для подражания (что особенно отчётливо проявляется на уровне семей военнослужащих и их ближайшего социального окружения).

На уровне настоящей статьи мы ориентированы на то, чтобы определить теоретико-методологические основания эффективного исследования проблематики социального здоровья военнослужащих. А это, в свою очередь, определяет необходимость реализации следующих задач:

- осуществить первичный анализ предметной области исследования;
- выявить основные факторы формирования социального здоровья военнослужащих и определить их социальную природу;
- подобрать набор методов и теоретических подходов, на уровне которых наиболее эффективно могут быть исследованы ключевые аспекты проблемы социального здоровья военнослужащих.

Для начала проанализируем предметную специфику исследования проблемы социального здоровья военнослужащих. Выше мы уже обратили внимание на специфику категории социального здоровья и, в частности, определили сложный, комплексный характер социального здоровья как явления, характеризующего взаимодействие социального субъекта и той среды, в которую он включён. Это определяет необходимость исследования, с одной стороны, личностного аспекта социального здоровья, с другой – институционально-средового и, наконец, с третьей – их соотношения. Специфика личностного аспекта социального здоровья состоит в том, что в одних и тех же условиях разные люди реализуют различные стратегии социальной активности, и, в том числе, с различной степенью эффективности адаптируются к социальным условиям. В этом контексте анализ личностного аспекта социального здоровья военнослужащих предполагает отражение личностных качеств, в наибольшей мере способствующих эффективной социальной адаптации военнослужащих и выполнению ими должностных обязательств на высоком уровне. В данном контексте представляют интерес следующие вопросы:

- индивидуальные качества, определяющие высокую степень адаптивности субъекта к неблагоприятным, в том числе – связанным с существенными рисками внешним факторам;
- роль и значение мировоззрения субъекта как фактора его социальной адаптации [3], что включает себя

представления о среде включенности, способ социальной идентификации и самоидентификации, характер ценностных установок и т.д.);

- жизненные цели и стратегии субъекта в их отношении к возможностям и обязательствам, имеющим место на уровне института армии.

В свою очередь, институционально-средовой аспект формирования социального здоровья военнослужащих связан с особенностями социальной структуры института армии, статусно-ролевой определённой военнослужащих, а также спецификой социальной среды, присутствующей на уровне армии. Отличия армии от гражданской сферы определяют специфические деструктивные воздействия, которым оказываются подвержены военнослужащие и, соответственно – риски нарушения их социального здоровья. Это определяет значимость проблемы социальной адаптации военнослужащих, а также необходимость реализации на уровне института армии социальных механизмов, направленных на преодоление действующих рискованных факторов.

Рассматривая вопрос о соотношении личностного и институционально-средового аспектов социального здоровья военнослужащих, отметим, что их социальная адаптация [10] в значительной степени зависит от того, насколько указанные аспекты приведены в соответствие. По сути, может иметь место следующий ряд сценариев:

- наличие деструктивной ситуации на уровне института армии, связанной с его дисфункцией, что, в сочетании с неблагоприятными личностными характеристиками отдельных военнослужащих влечёт за собой значительное нарушение их социального здоровья и дезорганизационные риски на уровне института армии;
- дисфункциональная ситуация на уровне института армии, которая отчасти нивелируется позитивными личностными характеристиками военнослужащих;
- присутствие на уровне функционально адекватной среды Вооружённых Сил отдельных военнослужащих, личностные характеристики которых препятствуют адекватной социальной адаптации в армейской среде. Для данной ситуации характерно компенсаторное воздействие социально-сберегающих механизмов внутри армии (в том числе – ориентированных на развитие необходимых личных качеств у военнослужащих), однако присутствуют риски нарушения их социального здоровья;
- включенность людей с набором конструктивных личностных качеств в структуре функционально-адекватного института армии. Данный сценарий является наиболее благоприятным для достижения высокого уровня социального здоровья военнослужащих.

Изучение личностного аспекта формирования социального здоровья военнослужащих предполагает, с одной стороны, раскрытие общей специфики социального мировоззрения, с другой – отражения его динамического аспекта. Это определяет высокий потенциал применения социально-феноменологической и конструктивистской установок. В частности, социально-феноменологический подход, разработанный А. Шютцом [12], позволяет выявить основные факторы формирования представлений о внешней социальной действительности, определить ключевые источники мировоззренческих установок субъекта возможные пути воздействия на них. В свою очередь, теория социального конструирования реальности, разработанная П. Бергером и Т. Лукманом [1] проливает свет на специфику исходных социальных ожиданий и представлений на непосредственный опыт, по-

лучаемый субъектом. Это позволяет проанализировать специфику социального восприятия армии со стороны включаемых в их структуру членов общества и, в частности, определить причины возникающих противоречий.

Вывод

Большое значение для прояснения проблематики социального здоровья военнослужащих имеет анализ специфики армии как общественного института. Это определяет востребованность структурно-функционалистского подхода, в рамках которого анализ выстраиваемых в обществе отношений осуществляется с учётом системы институциональных связей, статусов и социальных ролей. Это определяет значимость обращения к теоретическим наработкам Т. Парсонса [8] и Р. Мертон [6], в трудах которых, с одной стороны, закладываются основы понимания институциональной составляющей общественных отношений, с другой – проводится углублённый анализ проблемы социальной аномии, что представляет значимый интерес в контексте изучения тематики социального здоровья.

Подведём итоги. Осмысление проблемы социального здоровья военнослужащих позволяет заключить о высокой степени сложности и разноплановости проблемы, что определяет необходимость использования ряда методологических установок, соответствующих предметным характеристикам отдельных аспектов проблемы. В связи с этим, как в рамках формирования общей теоретической модели, описывающей проблематику социального здоровья военнослужащих, так и в ходе осуществления прикладных исследований целесообразно применять социально-феноменологический, социально-конструктивистский и структурно-функционалистский подходы. При этом необходимо сопоставлять результаты, полученные в рамках применения данных подходов для получения целостного знания, раскрывающего ключевые аспекты динамики социального здоровья военнослужащих в их взаимосвязи.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., «Медиум», 1995.-с.124
2. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М. ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. – с. 97–167
3. Красножон Ю.М. Исследование процесса социальной адаптации у военнослужащих срочной службы / Ю.М. Красножон // Сопровождение личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, в истории и современности: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 110-летию Иркутского Педагогического института, Иркутск, 08 ноября 2019 года. – Иркутск: Изд-во «Иркут», 2019. – с. 334–343.
4. Кибачин М.В. Социальная терпимость российских военнослужащих: сущность, состояние, пути формирования. М.: ВУ, 2001 г. 180 с.
5. Кифичак, Т.Ю. Исследование социального здоровья военнослужащих как фактор профилактики риска воздействия деструктивных факторов / Т.Ю. Кифичак // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 5. – С. 77–80.
6. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313, Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
7. Осипенко Э.Б. Социальная стабильность экипажа корабля Военно-Морского Флота Российской Федерации и ее оптимизация в современных условиях: дис. канд. социол. наук – Москва, 2005. – 257 с.
8. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. М., 2000. – 880 с.
9. Погребной, Д. Н. К вопросу о социальном управлении служебным поведением военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации / Д.Н. Погребной // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 2. – С. 339–344.
10. Примаков В.Л. Профессиональная адаптация молодых офицеров ВМФ и пути её оптимизации (Социологический анализ): автореф. дис. канд. социол. наук / Примаков Вячеслав Леонидович. – Москва, 1994. – 22 с.
11. Филимонов О.В. Социальное самочувствие офицеров внутренних войск -участников боевых действий в Северо-Кавказском регионе: сущность, состояние и пути повышения: дис. канд. социол. наук. М., 2003. – 237с.
12. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин, М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

PROBLEMS OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE STUDY OF THE SOCIAL HEALTH OF MILITARY PERSONNEL

Osipenko E.B., Kifichak T. Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

In recent decades, the study of the problem of the correlation of individual and public, taking into account the need to coordinate individual and public interests, has become increasingly relevant. This direction has been developed in sociology within the framework of the formulation of the problem of social health. Of particular relevance are the studies aimed at studying the specifics of the formation of social health in a social environment characterized by a high level of risks. The article examines the theoretical and methodological foundations of the study of the social health of military personnel. The article analyzes the subject definiteness of the main range of problems related to the topic of social health of military personnel. A set of methodological guidelines promising for the study of the social health of military personnel is determined.

Keywords: military personnel, social health, social risks, formation of social health, institutional factors of social health, personal factors of social health.

References

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. – М., “Medium”, 1995.-p.124
2. Hoffman A.B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration // Sociological Yearbook 2012. Collection of scientific papers. Ed. N.E. Pokrovsky, D.V. Efremenko. – М. INION RAS; Department of General Sociology, HSE, 2013. – pp. 97–167
3. Krasnozhon Yu.M. Research of the process of social adaptation in conscripts / Yu.M. Krasnozhon // Support of a person in a difficult life situation in history and modernity: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 110th anniversary of the Irkutsk Pedagogical Institute, Irkutsk, November 08, 2019. – Irkutsk: Publishing house “Irkut”, 2019. – pp. 334–343.

4. Kibakin M.V. Social tolerance of Russian servicemen: essence, state, ways of formation. M.: WU, 2001 180 p.
5. Kifichak, T. Yu. Research of social health of military personnel as a factor of prevention of the risk of exposure to destructive factors / T. Yu. Kifichak // Socio-humanitarian knowledge. – 2022. – No. 5. – pp. 77–80.
6. Merton R.K. Social structure and anomie // *Sociology of crime (Modern bourgeois theories)*. – M.: Progress, 1966. – pp. 299–313, Merton R. Social theory and social structure. – M.: ACT, 2006. – 873 p.
7. Osipenko E.B. Social stability of the crew of the ship of the Navy of the Russian Federation and its optimization in modern conditions: dis. cand. Social Sciences – Moscow, 2005. – 257 p.
8. Parsons, T. On the structure of social action / T. Parsons, M., 2000. – 880 p.
9. Pogrebnoy, D.N. On the issue of social management of service behavior of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation / D.N. Pogrebnoy // Socio-humanitarian knowledge. – 2020. – No. 2. – pp. 339–344.
10. Primakov V.L. Professional adaptation of young naval officers and ways of its optimization (Sociological analysis): abstract of the dissertation of the candidate. Social Sciences / Primakov Vyacheslav Leonidovich. – Moscow, 1994. – 22 p.
11. Filimonov O.V. Social well-being of officers of internal troops – participants of military operations in the North Caucasus region: essence, condition and ways of improvement: dis. cand. sociol. nauk. M., 2003. – 237s.
12. Schutz A. Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology / Comp. A. Ya. Alkhasov; Translated from English by A. Ya. Alkhasova, N. Ya. Mazlumyanova; Scientific ed. of translation by G.S. Batygin, M.: Institute of the Foundation “Public Opinion”, 2003. – 336 p.

Эпистемологические основания выявления современных исследовательских моделей (на примере социального управления как объекта китайской социологии)

Кремнёв Евгений Владимирович,

к.с.н., доцент, зав. кафедрой Китаеведения, Научно-исследовательский центр трансдисциплинарной регионологии Азиатско-тихоокеанского региона ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

E-mail: kremnyov2005@mail.ru

В статье формулируется и обосновывается алгоритм выявления феноменологии исследовательских моделей, построенный на современных эпистемологических подходах. В частности, применяются теория социальных эстафет, концепция социальной эпистемологии и подходы конструктивно-реалистической эпистемологии. Выявление отражения в модели определяющих её факторов приводит к возможности реконструирования её базовых параметров, а затем к проявлению её результирующих характеристик. На примере применения алгоритма к китайским социологическим текстам, посвященным социальному управлению, сделан вывод о том, что научный текст в значительной степени подвержен влиянию значительного числа социальных и политических факторов, затрудняющих выявление в нем собственно научного знания. Эпистемологически обоснованный алгоритм направлен на решение этой проблемы и вычленение научного и экстранаучного содержания исследовательских работ.

Ключевые слова: социальное управление, исследовательские модели, Китай, теория социальных эстафет, социальная эпистемология, конструктивно-реалистическая эпистемология.

Цель статьи – рассмотреть механизмы формирования исследовательских моделей в контексте взаимодействия науки и социума, а также сформулировать алгоритм выявления этих моделей. Моделирование научного исследования нередко проходит под влиянием различных факторов, в результате воздействия которых научно обоснованное знание становится трудно вычленимым: оно «упаковано» в сложную «обертку» социального. Именно поэтому требуется выявление подобных моделей с помощью алгоритма, который мы хотели бы сформулировать, а также продемонстрировать его работу на примере китайских континентальных социологических моделей социального управления. Мы рассматриваем модели, сформировавшиеся в континентальном Китае, т.е. исключаем Тайвань, Гонконг и Макао, поскольку на этих территориях функционируют иные политико-экономические системы, в рамках которых развивается научное знание: коммунистический континентальный Китай официально позволяет существование либерально-демократических капиталистических систем в указанных выше регионах [吴巧瑜, 2011]. Социальное управление выбрано нами не случайно: оно с начала 2000-х гг. находится в поле зрения китайской партийно-государственной элиты как стратегически важный сектор внутренней политики [孙国文, 2016]. Это делает его сложным объектом исследования, поскольку научный текст, ему посвященный, испытывает на себе давление различных социальных и политических факторов.

Что касается возможности применения эпистемологических подходов в качестве базовых к выявлению феноменологии исследовательских моделей, то она основана на одном из важнейших постулатов социальной эпистемологии, сформулированных С. Фуллером: «знание продуцировано субъектами, не только воплощенными индивидуально, но также коллективно вовлеченными в некоторые специфические отношения, продолжающиеся на больших временных и пространственных отрезках» [Фуллер, 2008, с. 159]. В этой связи научные тексты следует рассматривать не как изложение результатов научных исследований отдельных ученых, а как сложный конгломерат идей и положений, коллективно порождаемых в процессе социального взаимодействия. Социальное взаимодействие здесь следует понимать в самом широком смысле, включающем как собственно социальную деятельность, так и неотделимые от нее политические, культурные и иные процессы. Что касается современного китайского континентального научного текста, посвященного социальному управлению, тот он порождается в условиях идеологизации всех сфер социума [中共中央..., 2013], направленной на обеспечение устойчивости китайской автократии, и традиционализма, сохраняющего баланс между идеей примата западной науки и китайского этноцентризма [李宗克, 2013]. В связи с этим исследователю, который обращается к такому тексту, требуется алгоритм, позволяющий отделить собственно научное знание от идеологизированного и традиционализированного. Подходы к созданию подобного алгоритма дает эпистемология.

Первым шагом к созданию такого алгоритма может служить применение к социологическому тексту теории социальных эстафет М.А. Розова. Она позволяет рассматривать научную деятельность как «социальную эстафету», построенную на «эстафетных структурах», и то, и другое является «базовым механизмом социальной памяти, которая обеспечивает воспроизведение всех социальных явлений и общества в целом» [Розов, 2010, с. 35]. В этой концепции «познание – это не только сохранение в социальной памяти уже существующих форм деятельности с целью их трансляции», но и «создание проектов новой деятельности, частично практически реализуемых, а частично нет» [Там же, с. 49]. Таким образом, следует предположить, что базовым инструментом «эстафетных структур» в науке являются исследовательские модели, с одной стороны, закладываемые под влиянием актуальной социальной реальности, с другой – формирующие дальнейшие векторы развития таковой.

Вторым шагом становится решение вопроса, возможно ли выявление таких моделей в принципе, как они складываются, как их можно проанализировать и описать, каким образом можно использовать это знание для изучения конкретных текстов? Ответ на этот вопрос дает социальная эпистемология, в качестве предмета которой И.Т. Касавин предлагает рассматривать «отношение знания к социальности и отношение социальности к знанию». Он выделяет три типа социальности: внутреннюю, внешнюю и открытую. Если первая относится к когнитивной активности человека, его способности познавать и выражать знание, то две другие носят более общий, собственно социальный характер. Так, «внешняя социальность» выступает как зависимость пространственно-временных характеристик знания от состояния общественных систем (скорость, широта, глубина, открытость, скрытость). Социальные системы также формируют требования к знанию и критерии его приемлемости». Открытая же социальность «выражает включенность знания в культурную динамику или то обстоятельство, что совокупная сфера культуры является основным когнитивным ресурсом человека» [Касавин, 2006, с. 10]. В этой связи социальная эпистемология дает возможности изучения регион-специфических социологических моделей: она, с одной стороны, позволяет выявить их зависимость от состояния региональных общественных систем и зафиксировать требования к научному знанию, с другой – позволяет установить региональную культурную динамику социологических моделей, их соотносительность с общими культурными процессами.

Так, открытая социальность оказывается базовым толчком к тому, что в Китае на рубеже XIX–XX вв. появляется наука как таковая: предыдущий ее аналог, так называемая «китайская традиционная наука», по мнению А.И. Кобзева, отличалась нехваткой логической методологии, которая восполнялась ее подобием, имевшим сходную функцию – нумерологической методологией, что делало ее абстрактно-отвлеченной и спекулятивной. Это затрудняло развитие в Китае чисто научной методологической системы и замедляло научный прогресс, препятствовало развитию философии науки, а также устанавливало неразрывное единство китайской науки и философии, что в конечном счете не давало автономно развиваться ни первой, ни второй [Кобзев, 2009]. Именно повышение степени открытой социальности позволило Китаю принять науку западного образца, что привело к существенным успехам в развитии страны [Кремнёв, 2019], однако не критичное отношение к социальному знанию сохраняется в Китае и сегодня, несмотря на рост значимости критического мышления в современном мире [Хлызова, 2023].

Что касается непосредственно искомого нами алгоритма выявления феноменологии исследовательских моделей, то его формированию будет способствовать анализ внешней социальности, позволяющий обнаружить как минимум две составляющих указанного алгоритма.

Первая составляющая – выявление факторов, определяющих формирование этих моделей. Состояние общественной системы в континентальном Китае позволяет говорить о таких наиболее важных факторах моделирования научного текста, как прагматизм (возможность находить в рамках исследований городского социального управления решение реальных управленческих проблем), идеология (внедрение в исследовательский текст базовых партийно-государственных идеологем для обеспечения стабильности функционирования политической системы) и традиционализм (как фактор баланса между западным и китаецентричным знанием [Веселова, 2018]).

Вторая составляющая – базовые параметры, через которые проявляется степень влияния факторов на выбор исследовательской модели. Общим параметром в рамках внешней социальности выступает хронотоп научного социолого-управленческого знания, в котором выделяются время и место создания конкретного научного текста. Таким образом, во-первых, выявление феноменологии искомых моделей возможно через периодизацию эволюции китайского социолого-управленческого знания, позволяющую системно рассмотреть расстановку факторов, определяющих его формирование на каждом этапе. Во-вторых, она выявляется через степень регионализации исследования: место создания научной работы определяет выбор исследователем системы моделей. Так, при планировании такого рода проекта на Тайване, в Гонконге и Макао как территорий, имеющих иные политико-экономические системы, будет совершенно незначимым фактор государственной идеологии, не распространившей свое влияние на эти территории в силу осуществляемой в КНР политики «Одна страна, две системы». Таким образом, один из выявленных определяющих факторов – идеология – имеет региональную привязку только к так называемому «континентальному», или «материковому», Китаю. Частными параметрами становится проявленность/скрытость каждого из выявленных факторов в конкретном тексте, а также соотношение этих факторов, находящихся в отношениях взаимного противоречия и вытеснения.

Третьим шагом в создании искомого алгоритма является проблема выявления результирующих характеристик предполагаемых моделей. Встает вопрос их применения в реальной научной практике: насколько эти модели осознаваемы самими исследователями, каковы механизмы их применения в процессе изучения социального управления и, главное, через какие характеристики они проявляются в исследовательском тексте? Для решения этой проблемы может быть применена эпистемологическая концепция, позволяющая соотносить реальность системы социального управления с ее отражением в процессе моделирования процесса познания. Таковой является предложенная В.А. Лекторским конструктивно-реалистическая эпистемология – концепция конструктивного реализма, которая развивает деятельностный и культурно-исторический подходы. В рамках этой концепции такой социальный конструкт как система социального управления, как и всякий другой сконструированный мир, «может обнаруживать нечто, что неизвестно тем, кто его создал, может иметь содержание, независимое от сознания отдельных людей и от познания ими этого содержания», а значит его «можно изу-

чать как реальное, хотя все это создано людьми и вне их деятельности не существует» [Реалистический поворот^{2017, с. 38}]. Другими словами, исследовательские модели одновременно являются продуктом сознательной деятельности людей, которые учитывают социальную реальность, в которой этой модели создаются, однако на этапе «поисков подобия» [Абрамова, 2010] другие участники научного процесса могут воспроизводить и трансформировать эти модели, не учитывая первоначальные интенции, а лишь продолжая научную «эстафету» по заданным правилам. Если же предположить, что модели воспроизводимы, их число конечно, а структура достаточно схематична, то результирующие характеристики, получаемые в процессе применения алгоритма выявления феноменологии моделей изучения социального управления, смогут продемонстрировать нам реальное соотношение научного и ненаучного содержания в каждом конкретном исследовательском тексте.

Таким образом, современная эпистемология предоставляет социологу инструменты для вскрытия феноменологии исследовательских моделей, позволяющие выявить социально и культурно детерминированные факторы формирования научного знания, отделяя результаты их влияния на научный текст и отбирая те концепции, которые отвечают критериям научной обоснованности и социальной применимости. Это становится особо актуальным в связи с возрастанием важности концепции социального управления в Китае, а также признанием факта запроса на регион-специфические исследовательские модели в этой сфере.

На основе описанных выше подходов мы предлагаем следующий алгоритм выявления феноменологии китайских социологических исследовательских моделей: выявление отражения в модели определяющих её факторов приводит к возможности реконструирования влияния на неё базовых параметров, а затем к проявлению её результирующих характеристик. Для подтверждения нашей гипотезы мы подвергли анализу сто две социологических докторских и магистерских диссертаций по социальному управлению. Он были отобраны из общенациональной базы данных научных исследований CNKI (China National Knowledge Infrastructure, 中国知网) методом сплошной выборки. Пространственно-временной параметр внешней социальности текста был определен тем, что отбирались только континентальные работы, созданные с 2000 г. по настоящее время.

В результате анализа указанных работ нами было выявлено три типа социологических моделей изучения социального управления, в каждой из которых один из выявленных факторов имеет определяющее значение: традиционалистски-ориентированные [张曦赞, 2017], идеологически-ориентированные [何威, 2018] и прагматико-ориентированные модели [许芸, 2011].

Никакого отказа от идеологизированности научно-го нарратива как основной силы внешней социальности в современных социально-политических условиях в КНР быть не может, а традиционализм продолжает искусственно культивироваться как способ подтверждения китаецентричности социальной жизни. Каким же образом китайское научное сообщество решает проблему поиска собственно научного содержания в столь перегруженном внешней социальностью нарративе? В качестве ответа на этот вызов сформировались и нашли свое применение исследовательские модели с активным прагматическим фактором. Прагматизм, который В.В. Хандархаева определяет в китаеведном контексте как «практичность, направленность на осуществление «полезных» задач в обществе» [Хандархаева, 2022], по мнению А.И. Кобзева, наряду с натуралистическим

взглядом на реальность и приоритетом витальных ценностей составляет суть китайского мировоззрения [Кобзев, 2016]. Прагматизм, оказываясь в этом случае фактором, формируемым внешней социальностью в качестве важной составляющей научного процесса, уравновешивает идеологизированность и отводит ей место, где она не мешает достижению научного результата. При этом, эпистемологически обоснованный алгоритм выявления моделей изучения социального управления позволяет отграничить строго идеологизированное знание от прагматически-идеологизированного.

Таким образом, социальное управление в рамках прагматических моделей может быть проанализировано как сложное, многоуровневое явление [陆德佳, 2015], при этом внешняя социальность знания о социальном управлении, членимая в рамках эпистемологически обоснованного алгоритма, представляется упорядоченной совокупностью факторов.

В целом, можно утверждать, что факторы идеологии, прагматики и традиции в научной деятельности всегда будут находиться в состоянии противоречия. Преодоление этого противоречия становится одной из скрытых задач, которые стоят перед китайским социологом. Предполагается, что возможность сосуществования и взаимного уравновешивания этих факторов происходит из особенности китайского этноса, которое способно следовать принципу «срединности» в любом социальном взаимодействии, включая управление [Малявин, 2013]. Эта специфическая для региона особенность проявляется в постоянном стремлении к гармонизации любых социальных контактов и любого продукта человеческой активности, включая научную.

При этом, частичную утрату рационального, собственно научного содержания компенсирует своеобразный «общественный договор», в рамках которого стремление к получению чистого знания менее важно, чем поддержание социального и политического баланса, а данная задача возлагается на всех участников: власть, науку и социум. Кроме того, несмотря на «эстафетное» воспроизводство научного знания, большинству участников процесса и потребителей результата заранее ясно распределение факторов внешней социальности в тексте: какая конкретная часть исследовательской работы содержит научно-обоснованные методы решения проблем социального управления (прагматика), какая часть удовлетворяет требованиям системы (идеология), а какая балансирует между старым, привычным, знакомым и инновационным, еще не интегрированным в быденную жизнь, социально не присвоенным (традиция). Таким образом, участники научного процесса достигают необходимого согласия и продолжают воспроизводить уже устоявшиеся исследовательские модели. Однако внешний наблюдатель, используя эпистемологически обоснованный алгоритм, может выявлять модели, ориентированные на изучение социального управления, и выделять прагматически-ориентированное научное знание о нем.

Литература

1. Абрамова Н.Т. Идентичность: незаблемость поисков подобия, естественно-природные и экзистенциальные корни // Эпистемология вчера и сегодня: кол. монография / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2010. – С. 157–174.
2. Веселова Л.С., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение тради-

ции // Социологические исследования. – 2018. – № 7 (411). – С. 124–134.

3. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. VIII. – № 1. – С. 5–15.
4. Кобзев А.И. Специфика китайской традиционной науки // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – М.: Восточная литература, 2009. – С. 18–27.
5. Кобзев А.И. Китайский путь человечества // Восток. – 2016. – № 4. – С. 16–27.
6. Кремнёв Е.В. Зарождение социолого-управленческой традиции в китайском обществе на рубеже XIX–XX веков // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 116–142.
7. Малявин В.В. Экономика жизни. Менеджмент и стратегии бизнеса в Китае. – М.: Феория, 2013. – 400 с.
8. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «Круглого стола» / В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.С. Карпенко, Г.Д. Левин, Е.А. Мамчур, С.В. Пирожкова, А.В. Родин, Н.М. Смирнова, Е.О. Труфанова, Е.Л. Чертова // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 5–38.
9. Розов М.А. Познание как предмет эпистемологии. Основные тезисы и проблемы // Эпистемология вчера и сегодня: кол. монография / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2010. – С. 31–50.
10. Фуллер С. Социальная эпистемология университета: как сохранить целостность знания в так называемом обществе знания / Пер. с англ. Ю.С. Моркиной // Эпистемология и философия науки. – Т. XV. – № 1. – С. 158–186.
11. Хандархаева В.В. Расчетливость, прагматичность в древних религиозных верованиях китайцев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 44–50.
12. Хлызова Н.Ю., Кузнецова О.В. Научно-образовательные подходы к формированию критического мышления в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // VI Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции (Иркутск, 06–08 декабря 2022 года). Отв. редактор Е.Ф. Серебренникова. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 518–527.
13. 何威. 治理共同体建构: 城市社区协商治理研究—以上海市普陀区为例. 博士学位论文: 社会学 (城市社会学). – 上海: 华东师范大学, 2018. – 208页.
14. 陆德佳. 城市社区管理体制的构建与完善—以苏州市平江区个案的研究. 博士学位论文: 社会学 (社会政策). – 南京: 南京大学, 2015. – 167页.
15. 许芸. 社会治理视角下的社会组织培育与发展研究—以江苏省南京市为例. 博士学位论文: 社会学 (社会政策). – 南京: 南京大学, 2015. – 167页.
16. 于景辉. 全球化背景下的我国社会管理机制创新研究. 博士学位论文: 社会学. – 长春: 吉林大学, 2011. – 121页.
17. 李宗克. 社会学本土化论题的历史演进与理论反思. 博士学位论文: 社会学. – 上海: 华东理工大学, 2013. – 132页.
18. 孙国文. 从社会管理到社会治理的嬗变. 硕士学位论文: 社会学. – 南京: 南京师范大学, 2016. – 51页.
19. 吴巧瑜. 民间商会社会治理功能的变迁研究—以香港潮州商会为例. 博士学位论文: 社会学 (社会人类学). – 武汉: 武汉大学, 2011. – 211页.

20. 张曦赞. 管仲社会治理思想研究. 硕士学位论文: 社会学. – 安徽: 安徽大学, 2017. – 41页.

21. 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定 (2013年11月12日中国共产党第十八届中央委员会第三次全体会议通过) // 中华人民共和国中央人民政府. – URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm.

EPISTEMOLOGICAL FOUNDATIONS FOR IDENTIFYING MODERN RESEARCH MODELS (ON THE EXAMPLE OF SOCIAL MANAGEMENT AS AN OBJECT OF CHINESE SOCIOLOGY)

Kremnyov E.V.

Irkutsk State University, FNIS RAS

The article formulates and substantiates the algorithm of revealing the phenomenology of research models based on modern epistemological approaches. In particular, the theory of social relay races, the concept of social epistemology and approaches of constructive-realist epistemology are applied. Identification of the reflection of its determining factors in the model leads to the possibility of reconstructing its basic parameters, and then to the manifestation of its resulting characteristics. Using the example of applying the algorithm to Chinese sociological texts on social governance, we conclude that a scientific text is significantly influenced by a significant number of social and political factors that make it difficult to identify scientific knowledge proper. The epistemologically grounded algorithm is aimed at solving this problem and distinguishing scientific and extra-scientific content of research papers.

Keywords: social management, research models, China, social relay theory, social epistemology, constructivism-realism epistemology.

References

1. Abramova N.T. Identity: the immutability of the search for similarity, natural and existential roots // Epistemology yesterday and today: collective monograph / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; Ed. V.A. Lectorsky. – Moscow: IF RAN, 2010. – Pp. 157–174. (In Russian)
2. Veselova L.S., Deryugin P.P., Lebedintseva L.A. Vectors of Chinese sociology becoming: Pragmatic orientation and maintaining of tradition // Sociological research. – 2018. – No. 7 (411). – Pp. 124–134. (In Russian)
3. Kasavin I.T. Social epistemology: concept and problems // Epistemology and philosophy of science. – 2006. – Vol. VIII. – No. 1. – Pp. 5–15. (In Russian)
4. Kobzev A.I. Specificity of traditional Chinese science // Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 volumes Vol. 5. Science, technical and military thought, medicine and education. – Moscow: Eastern Literature, 2009. – Pp. 18–27. (In Russian)
5. Kobzev A.I. The Chinese way of humanity // East. – 2016. – No. 4. – Pp. 16–27. (In Russian)
6. Kremnyov E.V. The Origin of Management Ideas in Sociology in Chinese Society at the Turn of the 19th and 20th Centuries // Sociological review. – 2019. – Vol. 18. – No. 3. – Pp. 116–142. (In Russian)
7. Malyavin V.V. Economics of life. Management and business strategies in China. – Moscow: Theory, 2013. – 400 p. (In Russian)
8. “Realistic turn” in modern epistemology, philosophy of consciousness and philosophy of science? Materials of the “Round table” / V.A. Lectorsky, B.I. Pruzhinin, D.I. Dubrovsky, D.V. Ivanov, A.S. Karpenko, G.D. Levin, E.A. Mamchur, S.V. Pirozhkova, A.V. Rodin, N.M. Smirnova, E.O. Trufanova, E.L. Chertkova // Problems of philosophy. – 2017. – No. 1. – Pp. 5–38. (In Russian)
9. Rozov M.A. Cognition as a subject of epistemology. Main theses and problems // Epistemology yesterday and today: collective monograph / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; Ed. V.A. Lectorsky. – Moscow: IF RAN, 2010. – Pp. 31–50. (In Russian)
10. Fuller S. Social epistemology of the university: how to maintain the integrity of knowledge in the so-called knowledge society / Translated from English by Yu.S. Morkina // Epistemology

- and philosophy of science. – Vol. XV. – No.1. – Pp. 158–186. (In Russian)
11. Khandarkhaeva V.V. Calculation, pragmatism in ancient religious beliefs of the Chinese // Bulletin of Buryat State University. – 2022. – No. 2. – Pp. 44–50. (In Russian)
  12. Khlyzova N. Yu., Kuznetsova O.V. Scientific Approaches to Develop Critical Thinking in Asia-Pacific Rim // VI Gotlib's Readings: Oriental and Asia-Pacific Regional Studies: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference (Irkutsk, December 06–08, 2022). Ed. E.F. Serebrennikova. – Irkutsk: Irkutsk State University Press, 2023. – Pp. 518–527. (In Russian)
  13. He Wei. Governance community construction: a study of urban community consultation governance – taking Putuo District, Shanghai as an example. Doctoral dissertation: Sociology (Urban Sociology). – Shanghai: East China Normal University, 2018. – 208 p. (In Chinese)
  14. Lu Dejjia. The construction and improvement of the urban community management system – a case study of Pingjiang District, Suzhou. Doctoral dissertation: Sociology (Social Policy). – Nanjing: Nanjing University, 2015. – 167 p. (In Chinese)
  15. Xu Yun. A study on the cultivation and development of social organizations from the perspective of social management – taking Nanjing, Jiangsu Province as an example. Doctoral dissertation: Sociology (Social Policy). – Nanjing: Nanjing University, 2015. – 167 p. (In Chinese)
  16. Yu Jinghui. Research on the innovation of China's social management mechanism under the background of globalization. Doctoral dissertation: Sociology. – Changchun: Jilin University, 2011. – 121 p. (In Chinese)
  17. Li Zongke. The historical evolution and theoretical reflection of the topic of sociology localization. Doctoral dissertation: Sociology. – Shanghai: East China University of Science and Technology, 2013. – 132 p. (In Chinese)
  18. Sun Guowen. The evolution from social management to social governance. Master's thesis: Sociology. – Nanjing: Nanjing Normal University, 2016. – 51 p. (In Chinese)
  19. Wu Qiaoyu. A study on the change of the social management function of folk chambers of commerce – taking the Hong Kong Chaozhou Chamber of Commerce as an example. Doctoral dissertation: Sociology (Social Anthropology). – Wuhan: Wuhan University, 2011. – 211 p. (In Chinese)
  20. Zhang Xiyun. A study on Guan Zhong's social management thought. Master's thesis: Sociology. – Anhui: Anhui University, 2017. – 41 p. (In Chinese)
  21. Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Several Major Issues of Comprehensively Deepening Reform (Passed by the Third Plenary Session of the 18th Central Committee of the Communist Party of China on November 12, 2013) // Central People's Government of the People's Republic of China. – URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm. (In Chinese)

Управление персоналом в российских подразделениях транснациональных корпораций: обобщение практик

Платонова Елена Дмитриевна,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет
E-mail: chair.etm@bk.ru

В статье представлены результаты анализа специфических аспектов управления персоналом в российских структурных подразделениях ТНК. Основываясь на опыте работы в ТНК в России, автор выявляет специфику социологических аспектов управления персоналом в дочерних компаниях, филиалах, представительствах ТНК, выделяя основные подходы к управлению персоналом в социокультурном контексте. В статье подчеркивается, что социокультурный аспект управления многонациональным и многоконфессиональным персоналом в российских подразделениях ТНК важен для обеспечения кросс-культурного взаимодействия субъектов управления, успешность которого определяет результативность основных бизнес-процессов и верность выбранного ТНК подхода к управлению персоналом. Сложность подобного взаимодействия обусловлена различиями в культурных основаниях трудовой деятельности и оценке роли труда в жизни человека. Современная практика управления российскими подразделениями ТНК из «недружественных» стран свидетельствует о возрастании роли геополитических факторов. В то же время действие этих факторов приводит к увеличению на российском рынке доли ТНК из стран БРИКС+ и ШОС, что усиливает значение социокультурных аспектов управления персоналом.

Ключевые слова: управление персоналом, социология управления, социокультурные факторы, глобализация, этноцентризм, труд, эмпирический подход.

Вступление

Актуальность исследования социологических аспектов управления персоналом в современных транснациональных корпорациях (ТНК) обусловлена их ролью не только в мировой экономике, но и в экономике стран, принимающих иностранные инвестиции и регулирующих деятельность структурных подразделений ТНК (филиалов, представительств, дочерних компаний со 100% иностранными инвестициями). Общеизвестно, что развитие бизнеса ТНК объективно приносит как положительные, так и отрицательные элементы в систему менеджмента стран, активно способствующих привлечению иностранных инвесторов и выступающих принимающей стороной.

На основе анализа собственного опыта работы в российских подразделениях ряда американских и британско-американских ТНК в статье ставится цель выявления специфики социологических аспектов управления персоналом в дочерних компаниях, филиалах, представительствах ТНК, как крупных международных бизнес-структур, которые по-прежнему выступают локомотивами развития инновационного социума и обладают высокими технологиями, включая ИКТ сферу. Новизна исследования состоит в определении степени сходства и различий в применении в структурных звеньях ТНК сугубо корпоративных подходов к управлению персоналом в принимающих странах, а также использования в управлении персоналом подходов, характерных для локального менеджмента принимающей страны, и перспективы возможной конвергенции указанных подходов в практике менеджмента в социокультурном аспекте.

Методология исследования

В исследовании использовались общетеоретические методы (анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, аналогия, интерпретация), сущностный и системный общенаучные подходы, историко-логический и библиографический методы, а также наблюдение и беседа.

Результаты и их обсуждение

Проблема управления персоналом ТНК широко обсуждается в научном социологическом и управленческом сообществе в различных аспектах. В основном дискуссии ведутся по нескольким направлениям.

Первое – глобализационное, в основе которого лежит понятие «глобализация», широко используемое в научных дискуссиях по проблемам управления. В большинстве случаев управленческая деятельность внутри организаций и между ними основывается на представлении, в соответствии с которым весь «мир рассматривается как не имеющий наций и границ» [1].

Теория глобализации утверждает, что экономическая основа социума становится глобально интегрированной, а это приводит к распространению глобальных структур управления и сближению методов управления вокруг предельно общего понятия «наилучшая практика» [2].

Такой подход вытекает из содержания глобализационных процессов, раскрытое в работах западных исследователей, выявивших «такое состояние глобализованного мира, в котором глобальные корпорации, пре-

восходящие некоторые национальные государственные образования по своему масштабу и силе влияния, представляют стандартизованные продукты и услуги на международном рынке» [3] Данное определение содержательных черт глобализации применимо к характеристике бизнес-процессов в сфере управления персоналом, поскольку, приходя на национальные рынки, ТНК включает их в общий региональный рынок, в составе которого оказываются структурные подразделения (организации) из различных стран, в основном близких по географическому расположению их территорий, но с различными социокультурными установками. Например, российский рынок при заходе на него рассматривался западными транснациональными инвесторами в качестве составной части регионального рынка Восточной Европы и Израиля, реже – Центральной и Восточной Европы [4]. Это обстоятельство оказывает существенное влияние на бизнес-структуры, работающие за пределами национальных границ, так как они в наибольшей степени подвержены влиянию глобализационного тренда, а в силу этого вынуждены соответствовать доминирующим мировым практикам управления, включая и практики управления персоналом дочерних организаций.

Исходя из этого, политика управления персоналом во всех структурных подразделениях ТНК в условиях глобализации реализовывалась на основе общепринятых корпоративных практик, независимо от страны пребывания, в силу глобальной однородности процессов управления. Так, в ТНК весь персонал должен руководствоваться этическим кодексом корпорации и строго следовать корпоративной политике в области PR-отношений, не допуская собственных трактовок этих положений.

Способность внедрять аналогичные организационные практики по всему миру и использовать возможности крупного транснационального бизнеса, по мнению ряда зарубежных исследователей [5], способствует большей унификации, как основания повышения эффективности управления организациями вне зависимости от их территориально-географического признака. Основываясь на традиции рационального выбора, исследователи, разделяющие данную позицию, предполагают, что все организации должны добиваться конкурентных преимуществ посредством выбора, «руководствуясь недвусмысленными предпочтениями и ограниченной рациональностью» [6, p. 507].

В результате внедрения методов управления персоналом, способствующих максимизации достижения целей глобальных организаций, формируется совокупность лучших практик, распространяющихся в «материнских» и «дочерних» компаниях по всему миру. Данный процесс может быть медленным и/или неравномерным, но, в конечном итоге, он позволяет в значительной степени унифицировать межотраслевую и международную практику управления персоналом, вне зависимости от страны пребывания. Вместе с тем, процесс глобализации носит двусторонний характер, приводя, с одной стороны, к усилению конкуренции на мировых рынках, а, с другой стороны, к расширению сотрудничества в форме совместных предприятий, перекрестного владения акциями, аутсорсинга и субподрядных соглашений. Глобализация рынков создаёт новую однородную среду, в которой организации работают в условиях, схожих с точки зрения качества продукта, условий конкуренции, последовательности и скорости распространения технологических инноваций.

Глобальная конкуренция предъявляет повышенные требования к координации ресурсов, прежде всего, человеческих. Следствием этого является формирование

глобальной бизнес-стратегии, выходящей за рамки как внутренних (люди, процессы и структура), так и внешних (время и страна) факторов. Традиционные границы бизнеса становятся всё более проницаемыми, что ускоряет скорость трансфера управленческих практик и приводит к их «отрыву» от устоявшихся, традиционных для национального менталитета социокультурных устоев. В этих условиях личная эффективность управленцев в структурных подразделениях ТНК зависит от умения усвоить унифицированные подходы к процессам управления персоналом [7]

В глобалистском подходе, таким образом, влияние национальных факторов страны пребывания рассматривается как незначительное или вообще не учитывается в практике выстраивания системы управления персоналом.

Второе направление в управлении персоналом в ТНК основано на концепции, предполагающей, что региональные подразделения ТНК вынуждены существенно корректировать корпоративную политику и методы управления персоналом с учетом преобладающих социокультурных и институциональных реалий в странах, в которых осуществляют деятельность дочерние компании (филиалы, представительства).

В гуманитарной научной литературе данный подход связан с идеями этнокультурных и социокультурных особенностей национальных систем формирования личности и коллективов сотрудников (Ю.В. Бромлей [8], В.Б. Иорданский [9], А.Г. Егоров А.Г. [10] и др.).

Применительно к российским структурным подразделениям ТНК встает вопрос учета особенностей местной культуры в условиях многонационального и многоконфессионального состава России. На этот момент обратили внимание исследователи традиционной национальной и региональной культуры в различных российских регионах [11, 12, 13]. Научной справедливости ради отметим, что социокультурному подходу противостоит эмпирический подход, предполагающий природный, естественный характер форм поведения, в минимальной степени зависящий от обстоятельств. По мнению А. Гидденса и Т. Парсонса, эмпирический подход предполагает, что культуру лучше всего понимать как интегрированное целое или социальную систему, а не пытаться идентифицировать её конкретные компоненты [14, 15]. Хотя указанные подходы иногда рассматриваются как альтернативные, наш опыт показывает, что они не обязательно являются конфликтующими или альтернативными концепциями для понимания сходства и различий культуры на сравнительной основе, а могут быть использованы как взаимодополняющие, поскольку отдельные аспекты поведения персонала могут включать как этические, так и эмпирические компоненты.

Сторонники концепции этноцентризма в качестве альтернативы первому – глобалистскому – подходу утверждают, что ряд западных ТНК в деятельности структурных подразделений стремятся к большему учету этнокультурных традиций локального персонала, отражая доминирующие практики страны пребывания и опираясь на них в поисках повышения эффективности бизнес-процессов. На практике многие дочерние компании ТНК, где преобладает местный национальный персонал этноцентричны, а специфика управления в стране пребывания определяется значительным влиянием социокультурных и ценностно-ориентированных факторов данных национальных образований.

Идеи этноцентризма имеют второй аспект, когда топ-менеджмент ТНК не придерживается глобалистского подхода, но концентрирует свое внимание на внедрении стратегии управления персоналом материнской ком-

пании в дочерних фирмах в социокультурном аспекте. В этой стратегии на первый план выходят ценности, которые характерны для страны базирования ТНК, игнорируя традиции страны пребывания, в том числе, этические и религиозные.

«Первичное» вхождение многих ТНК на российский рынок в 90-е годы прошлого века по нашим наблюдениям показало, что персонал материнской компании, пребывающий на работу в дочерние компании (филиалы, представительства), слабо осведомлен о социокультурных традициях и ценностях страны пребывания. Одна из причин такой ситуации кроется в полученном образовании, которое, в отличие от универсализма российского, узкопрофессионально и нацелено на овладение конкретными компетенциями, необходимых для занятия должности и работы по специальности. Общее представление о российской культуре находилось и до сих пор находится под влиянием мифов о России, ее истории, национальных черт русского и шире – российского народа. Вместе с тем, опыт общения с локальным персоналом у наиболее проницательных и думающих экспатов-менеджеров способствует изменению изначальных представлений о России и их «демифологизации». С другой стороны, для персонала материнской компании, работающего в российских подразделениях, откровением выступал тот факт, что российские сотрудники обладают не только профессиональными и общепрофессиональными компетенциями, но и имеют достаточно глубокие знания о зарубежных поэтах, писателях, художниках, деятельности выдающихся иностранных ученых, в том числе из страны базирования ТНК.

С позиций социологических аспектов управления актуально каждое из подходов для интерпретации и возможного применения конкретных стратегий и корпоративных политик в области управления персоналом, которым следуют российские подразделения ТНК. Вместе с тем, в основе всех этих направлений лежит стремление исследователей обобщить практику управления персоналом в целях обоснования наиболее эффективной стратегии построения лояльного и конкурентоспособного коллектива в определенной внешней и внутренней среде. В этой связи рассмотрим третье направление, представленное концепцией дуальности, которая долгое время было представлено фразой «Думай глобально, делай локально». Смысл этой фразы состоит в том, что российские структурные подразделения ТНК при имплементации глобальных корпоративных политик в области персонала испытывают определенное «давление» местных практик управления персоналом, и должны для повышения эффективности персонала опираться на дуальный подход, учитывающий и глобальные тренды, и национальную специфику, и социокультурные факторы, характерные для определенного российского региона.

Структурные звенья ТНК, как локальные организации, в целом следуют формальным правилам и неписаным нормам конкретных институциональных контекстов эффективности и легитимности, а социальные транзакции остаются встроеными в конкретные социальные контексты. Это способствует внедрению определенных практик и исключению тех практик, которые ассоциируются с «неудачными».

В зависимости от характера укорененности «удачных» практик (то есть степени, в которой данные практики будут рассматриваться как наиболее результативные) существуют различия в формах руководства структурными звеньями. Данным обстоятельством обусловлено стремление ТНК сочетать в составе руководства дочерними компаниями представителей материнской компа-

нии (экспатов) и локальный руководящий персонал, что позволяет имплементировать модели корпоративного управления в национальных контекстах, обеспечивающих эффективное организационное взаимодействие и сотрудничества.

В конкретных национальных условиях ТНК могут опираться к внедрению определенных наборов практик управления персоналом в соответствии с политикой национального правительства, промышленными стратегиями и соответствующими потребностями партнерства с крупными национальными бизнес-структурами для создания благоприятного имиджа и получения выгодных позиций на национальных отраслевых рынках, в том числе, для участия в федеральных и региональных тендерах по поставкам государственным органам и государственным российским корпорациям собственного продукта.

Социокультурный аспект управления персоналом ТНК представляется нам чрезвычайно важным. По сути дела, речь идет о кросс-культурном взаимодействии субъектов управления, успешность которого определяет результативность бизнес-процессов. Сложность подобного взаимодействия обусловлена различиями в культурных основаниях трудовой деятельности и оценке роли труда в жизни человека.

Ключевыми различиями в подходах к пониманию культуры в различных социумах являются понимание организаций как «культурных сообществ», обладающих рациональной полезностью, максимизирующей результативность индивидов. На данный момент акцентируют свое внимание известные исследователи культурных подходов Г. Хофштеде [16], Ф. Фукуяма [17] и М. Сако [18], которые показали, что различия в практике управления персоналом организации обусловлены различными культурными контекстами, а не институциональными установками.

Многолетний опыт работы на управленческих позициях в ТНК даёт нам основание и для постановки проблемы отношения персонала к труду как фактора его лояльности и вовлеченности. Данная проблема принципиальна для решения управленческой задачи повышения результативности персонала как основы для достижения конкурентоспособности локальных организаций в стране пребывания.

Речь, прежде всего, идет о культуре труда и отношении к труду в связи с проблемой адаптации россиянина-наёмного работника к корпоративной культуре американских и западноевропейских ТНК, а также к организации труда в транснациональных корпорациях, базирующихся в основном на протестантской этике трудовой деятельности. Старшее поколение россиян, которое было привлечено к работе в структурных подразделениях ТНК еще в 90-е годы прошлого века, обладают во многом ещё советской культурой труда, заложенной системой трудового воспитания идеологизированного характера: «труд как основа построения нового общества». При этом, по нашему мнению, идеологизация труда как высшей формы человеческой деятельности, одухотворяла его, наполняла смыслом и придавала ценностный характер.

Для современной российской культуры труда свойственна транзитивность, связанная с отказом от идеологизации труда, переходом от государственной к частной форме собственности и, соответственно, от государственного патернализма к рыночным отношениям в сфере труда. Данное обстоятельство мы рассматриваем как факт, не используя оценочных суждений. Вместе с тем, нам представляется целесообразным дифференцировать понятия «труд» (трудовая деятельность) и «работа» для более четкого представления сущности транс-

формации отношения российского персонала к труду и к работе.

Труд как деятельность предполагает, прежде всего, восприятие работником самооценки труда, высокой значимости его содержания для работника безотносительно к формам собственности (национальная или иностранная), интерес к самому процессу труда, а также значимости и полезности получаемого результата или признания его общественной важности.

Понятие «работа» означает восприятие труда как способа хозяйственной активности, обеспечивающей жизнедеятельность человека и удовлетворение его материальных потребностей. В этом контексте это средство получения необходимого для существования результата, имеющего экономический (стоимостной: затраты – полученный результат) смысл. Работа подчинена внешним условиям, так как рабочее место, как правило, создается безотносительно к социокультурным ориентациям индивида, который его займет. Иными словами, работа выполняется за вознаграждение, в установленный срок и с требуемым качеством, которые оценивает руководство организации.

Транзитивность проявляется в существенных различиях в отношении к труду. На работу приходят как люди, сохранившие уверенность в том, что труд – единственный источник обретения смысла и цели в жизни, так и люди с устойчивой прагматической ориентацией на труд (работу) как средство удовлетворения потребностей. В связи с этим вопрос об изучении различий в управлении таким персоналом в транснациональных корпорациях, становится актуальной практической задачей для топ-менеджмента.

За достаточно длительный период работы в ТНК нам чаще приходилось констатировать прагматическую ориентацию на трудовую деятельность как на «работу» у представителей материнских компаний, работающих в структурных подразделениях ТНК. Вместе с тем, в настоящее время в российских подразделениях ТНК начинают преобладать персонал поколений «миллениалов» и «Z», которые отличает жизненный прагматизм и отношение к работе как к средству существования, способствующему не столько общественному благосостоянию, сколько профессиональному и личностному саморазвитию. Данное обстоятельство приводит менеджмент компаний к выводу о постоянной актуализации системы мотивации персонала для поддержания уровня его результативности. Не менее важной нам представляется включение в перечень организационных ценностей и пропаганда труда на благо организации как основы личного процветания и роста благосостояния. В этом отношении значительную роль играет система корпоративного обучения и проведения тренингов с персоналом дочерних компаний, на которых формируется толерантность восприятия различий в культурных кодах сотрудников структурных подразделений ТНК.

Отношение к работе, по нашему мнению, следует более тесно увязывать с результативностью и постоянным повышением качества результата, реализуя принцип: «сегодня мало работать хорошо, следует работать качественно и результативно». Кстати, само понятие «мало работать» рассматривается персоналом ТНК как относительное: для менеджеров-экспатов «мало» или «много» – не показатель, важнее «столько, сколько надо для дела». Для работников-«синих воротничков» работа «строго по графику» представляется нормой, нарушение которой, вызванное производственной необходимостью, сложно и долго воспринимается как вариант нормы.

В контексте социологии управления интерес представляет состав функций управления персоналом в ТНК.

В исследованиях чаще всего встречаются две часто цитируемые таксономии, определяющие особенности национальных систем и практики управления персоналом: а) отбор персонала, система оценки, система вознаграждений и системе развития и б) «движение» персонала (в организацию, внутри неё и из организации), механизмы влияния на сотрудников и вознаграждения в качестве ключевых аспектов политики управления персоналом.

С начала 2000-х гг. состав функций в ряде работ был уточнён. Так, Дж. Сторей утверждает, что существует четыре ключевых основных вида деятельности в управлении персоналом: вовлечение сотрудников и коммуникации; управление вознаграждением; обучение и развитие [19]. Обратим внимание, что приоритет вовлечения персонала по отношению к традиционным функциям подбора, отбора и адаптации, по нашему мнению, отражает тренд трансформации управления персоналом в рамках субъект-субъектной парадигмы и субъектно-деятельностного подхода, а также повышения роли рефлексивной активности в процессах социального управления. Доминирующей этикой для данного концептуального «поворота» в управлении персоналом в ТНК выступает этика «цели-средства» и коммуникативная этика [20, с. 144].

Преобладающие в рамках национальных условий практики управления персоналом, являясь элементом систем менеджмента ТНК, подвержены эволюции и трансформации под влиянием, прежде всего, геополитических и социокультурных факторов. Однако роль геополитических факторов и влияние на бизнес политики государств базирования ТНК в отношении экономик России и Белоруссии были продемонстрированы поведением американских, западноевропейских и ряда азиатских ТНК после начала СВО в феврале 2022 года [21]. Хотя данные о ТНК, которые объявили о закрытии подразделений, продажи российских активов или приостановке деятельности на российском рынке разнятся, очевидно, что геополитический аспект деятельности структурных подразделений ТНК по сравнению с социокультурным в настоящее время является доминирующим. Санкционная политика «недружественных» государств лишает ТНК привычной административной поддержки со стороны государственных и частных организаций этих стран, что делает бизнес ТНК неустойчивым и более рискованным.

В этой связи отметим активизацию инвесторов из стран Центральной Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки. Этому способствует расширение партнерства БРИКС+ и укрепление позиций Шанхайской организации Сотрудничества (ШОС). С учетом традиций данных стран мы полагаем, что структурные подразделения этих корпораций значительное внимание будут уделять социокультурным факторам управления персоналом для адаптации своих корпоративных политик на российском рынке.

Заключение

Обобщение практик управления персоналом в социокультурном контексте показывает, что существуют различные подходы и направления к данным вопросам. В последний период деятельности западных ТНК на российском рынке иностранные инвесторы склонялись к дуальному подходу. Оптимальность по результативности определяет использование всех вариантов управления персоналом с учётом факторов конкретной социокультурной ситуации. Однако доминирующим обстоятельством, оказывающим влияние на деятельность западных ТНК на российском

рынке, является воздействие геополитических факторов, а сами ТНК выступают инструментом проведения недружественной политики государств базирования ТНК. На их место приходят иностранные инвесторы из стран, где социокультурный аспект управления играет значительную роль (иранские, арабские, латиноамериканские).

Литература

1. Ohmae, K. *The Borderless World*. New York: Harper Collins, 1990.
2. Sera K. *Corporate globalization: a new trend* // *Academy of Management Executive*. 1992. № 6(1). pp. 89–96.
3. De Wit B. and Meyer R. *Strategy: Process, Content, Context*, 2nd ed., International Thompson Business Press, London. 1998. 1280 p.
4. Платонова Е.Д. Современная теория и практика накопления (трансформационный аспект). Монография / под ред. проф. Юферевой Е.В.М.: АПКИПРО, 2006 367 с.
5. Kostova T., Roth K. Adoption of an organizational practice by subsidiaries of multinational corporations // *Academy of Management Journal*. 2002. № 45(1). pp. 215–233.
6. Gooderham P., Nordhaug O., Ringdal K. Institutional and rational determinants of organizational practices: human resource management in European firms // *Administrative Science Quarterly*. 1999. № 44. pp. 507–531.
7. Москвитин Г.И., Игумнов О.А., Платонова Е.Д. и др. *Личная эффективность менеджера: Коллективная монография*. М.: РУСАЙНС, 2017. 142 с.
8. Бромлей Ю.В. *Этносоциальные процессы: теория, история и современность*. М.: Наука, 1987. 333 с.
9. Иорданский В.Б. *Два круга солидарности. Этнический и национальный факторы в современном мире*. Издательство: Алгоритм, 2012 г. 432 с.
10. Егоров А.Г. *Социология и культурно-историческое развитие общества* // *Социологические исследования*. 1990. № 2. С. 3–16.
11. Бернюкевич Т.В. *Региональные культуры в контексте становления российской культуры* // *Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки*. 2017. Т. 12, № 3. С. 55–59.
12. Зимина Н.С. *Российское социокультурное пространство в контексте регионализма* // *Социальная среда – потенциал конкурентоспособного развития регионов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2011*. С. 215–224.
13. Мурзина И.Я. *Региональная культура: репрезентации и возможности изучения* / И.Я. Мурзина // *Управление культурой*. 2022. № 1(1). С. 11
14. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990. 188 p.
15. Parsons T. *The Social System*. Glencoe: Free Press, 1951. 575 p.
16. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of The Mind*. 3rd Edition. London: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
17. Fukuyama F. *Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press, 1995. 480 p.
18. Sako M. Does trust improve business performance? *Charter 4* // C. Lane and R. Bachmann (eds). *Trust Within and Between Organizations. Conceptual Issues and Empirical Applications*. 1st Edition Oxford: Oxford University Press, 1998. 352 p.
19. Storey J. *Human Resource Management: A Critical Text*. Routledge. 1995–399 p.

20. Лепский В.Е. *Методологический и философский анализ развития проблематики управления*. М.: Когито- Центр, 2019. 340 с.
21. Платонова Е.Д. *Санкции Запада: завершение легенды об иностранных инвестициях в глобальной рыночной экономике?* // *Актуальные вопросы современной науки и технологий*. Петрозаводск: Издательство: Международный центр научного партнерства «Новая Наука». 2022. С. 71–79

PERSONNEL MANAGEMENT IN RUSSIAN DIVISIONS OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS: GENERALIZATION OF PRACTICE

Platonova E.D.
Moscow Pedagogical State University

The article presents the results of the analysis of specific aspects of personnel management in Russian structural subdivisions of TNCs. The author has identified the specifics of sociological aspects of personnel management in subsidiaries, branches, representative offices of TNCs based on own experience of working in TNCs in Russia. The article highlights the main approaches to personnel management in a socio-cultural context. It emphasizes that the sociocultural aspect of managing multinational and multiconfessional personnel in Russian divisions of MNCs is important for ensuring cross-cultural interaction between management subjects. The success of such interaction determines the effectiveness of the core business processes and the fidelity of the TNC's chosen approach to personal management. The complexity of cross-cultural interaction is due to differences in the cultural bases of labor activity and assessment of the role of labour in human life. Modern practice of managing Russian divisions of TNCs from "unfriendly" countries indicates the increasing role of geopolitical factors. At the same time, these factors lead to an increase in the share of TNCs from BRICS+ and SCO countries in the Russian market, which reinforces the importance of socio-cultural aspects of personnel management.

Keywords: personnel management, sociology of management, sociocultural factors, globalization, ethnocentrism, labor, emic approach.

References

1. Ohmae, K. *The Borderless World*. New York: Harper Collins, 1990.
2. Sera K. *Corporate globalization: a new trend* // *Academy of Management Executive*. 1992. No. 6(1). pp. 89–96.
3. De Wit B. and Meyer R. *Strategy: Process, Content, Context*, 2nd ed., International Thompson Business Press, London. 1998. 1280 p.
4. Platonova E.D. *Modern theory and practice of accumulation (transformational aspect)*. Monograph / edited by prof. Yufereva E.V.M.: АПКИПРО, 2006 367 p.
5. Kostova T., Roth K. Adoption of an organizational practice by subsidiaries of multinational corporations // *Academy of Management Journal*. 2002. No. 45(1). pp. 215–233.
6. Gooderham P., Nordhaug O., Ringdal K. Institutional and rational determinants of organizational practices: human resource management in European firms // *Administrative Science Quarterly*. 1999. No. 44. pp. 507–531.
7. Moskvitin G.I., Igumnov O.A., Platonova E.D. and others. *Personal effectiveness of a manager: Collective monograph*. М.: RUSAINS, 2017. 142 p.
8. Bromley Yu.V. *Ethnosocial processes: theory, history and modernity*. М.: Nauka, 1987. 333 p.
9. Iordansky V.B. *Two circles of solidarity. Ethnic and national factors in the modern world*. Publisher: Algorithm, 2012, 432 p.
10. Egorov A.G. *Sociology and cultural-historical development of society* // *Sociological studies*. 1990. No. 2. С. 3–16.
11. Bernyukevich T.V. *Regional cultures in the context of the formation of Russian culture* // *Scientific notes of ZabSU. Ser. Sociological Sciences*. 2017. T. 12, no. 3. pp. 55–59.
12. Zimina N.S. *Russian sociocultural space in the context of regionalism* // *Social environment – potential for competitive development of regions: materials of the All-Russian Federation. scientific-practical conf. Ulan-Ude, 2011*. pp. 215–224.

13. Murzina I. Ya. Regional culture: representations and possibilities for studying / I. Ya. Murzina // Culture Management. 2022. No. 1(1). P. 11
14. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990. 188 r.
15. Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1951. 575 p.
16. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of The Mind. 3rd Edition. London: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
17. Fukuyama F. Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995. 480 p.
18. Sako M. Does trust improve business performance? Charter 4 // C. Lane and R. Bachmann (eds). Trust Within and Between Organizations. Conceptual Issues and Empirical Applications. 1st Edition Oxford: Oxford University Press, 1998.352 p.
19. Storey J. Human Resource Management: A Critical Text. Routledge. 1995–399 p.
20. Lepsky V.E. Methodological and philosophical analysis of the development of management issues. M.: Cogito-Center, 2019. 340 p.
21. Platonova E.D. Western sanctions: ending the legend of foreign investment in a global market economy? // Current issues of modern science and technology. Petrozavodsk: Publisher: International Center for Scientific Partnership "New Science". 2022.P. 71–79

Технологии социального оценивания граждан в контексте развития субъектов Российской Федерации

Рябова Татьяна Михайловна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры современного государственного и муниципального управления Российского государственного социального университета
E-mail: RjabovaTM@rgsu.net

Мишенин Сергей Александрович,

аспирант кафедры современного государственного и муниципального управления Российского государственного социального университета
E-mail: mishenintorgi@mail.ru

В эпоху ускоренной цифровизации общества в жизнь граждан все больше проникают отдельные технологии, подводящие к процессу социального оценивания граждан, эффективность применения которых отличается в субъектах Российской Федерации. Предмет исследования – технологии социального оценивания граждан в России. Цель работы – оценить взаимосвязь использования технологий социального оценивания граждан с уровнем социально-экономического и цифрового развития регионов Российской Федерации. Основные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, статистическое наблюдение. В работе изучены работы российских исследователей по проблеме внедрения системы социального оценивания граждан в Российской Федерации. Исследовались статистические данные официальных источников, отражающие уровни цифрового и социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и вовлеченность субъектов РФ в процесс организации цифровизации городского хозяйства. Сравнение рассмотренных показателей свидетельствует о прямой зависимости перспективы внедрения систем социального оценивания граждан от уровня социально-экономического развития регионов. Анализ существующих технологий социального оценивания граждан позволил сделать вывод о том, что сами по себе такие технологии пока не являются системой социального мониторинга, однако могут создать полноценную инфраструктуру цифрового мониторинга для социального оценивания граждан и быть использованы как элементы одной общей системы. Новизна исследования: на основании показателей разрыва прогресса цифрового обеспечения в субъектах Российской Федерации обозначен наиболее эффективный способ использования в России технологий социального оценивания граждан, который в перспективе может быть взят за основу создания общей системы социального оценивания граждан в России.

Ключевые слова: социальное оценивание, социальный рейтинг, информационная система, развитие субъекта, цифровая трансформация, индекс оценки эффективности, информационная безопасность, разрыв в цифровизации, частная жизнь, социальный мониторинг.

Введение

Мировое развитие рыночных отношений стало предпосылкой возникновения необходимости оценки социально-экономического уровня жизни граждан в целях выявления тенденций развития таких показателей как на уровне всей Российской Федерации, так и на уровне отдельных субъектов Российской Федерации. Вместе с тем в контексте развития отдельных регионов Российской Федерации ускоренное распространение влияния информационных технологий на жизнь каждого гражданина способствует появлению еще одной потребности в оценивании – социальном оценивании граждан.

Широко известная система «социального рейтинга» Китайской Народной Республики, в основе которой использованы технологии искусственного интеллекта, позволяющие проанализировать сведения о жизнедеятельности граждан Китая [14, 17], уже в течение длительного времени является предметом обсуждения в аспекте возможности внедрения аналогий в нашей стране, что в том числе связано с необходимостью повышения уровня жизни населения. Вместе с тем, осуществляя исследование возможности проведения процессов социального оценивания в России, нельзя обойти вниманием аспект дифференциации социальных показателей регионов Российской Федерации.

В связи с этим представляется актуальным вопрос сравнения показателей социально-экономического положения субъектов Российской Федерации и показателей их цифрового развития в разрезе зависимости технологий (инструментов) социального оценивания граждан от их развития.

С учетом вышесказанного целью исследования стала оценка взаимосвязи возможностей использования технологий социального оценивания граждан и уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

Методологическая база исследования

В настоящее время наиболее активным создателем и пользователем инструментов социального оценивания граждан является государство, в силу этого, были проанализированы положения, принятого еще в 2020 году, федерального закона, который регламентирует основы формирования и ведения федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении [1] (далее – информационная система о населении), в контексте их влияния и способности регулирования в будущем процесса всероссийского социального оценивания граждан.

Для выявления наличия взаимосвязи между уровнем социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и перспективами развития технологий социального оценивания граждан путем наблюдения, выборки и сводки официальных статистических данных по индексу оценки эффективности цифровой трансформации городского хозяйства (индекс «IQ городов»), представленных в сведениях Министерства строительства Российской Федерации [12], и показателю валового регионального продукта, представленных в сведениях

Росстата России по итогам 2021 года [3], был собран материал для анализа по двум городам федерального значения – Москва и Санкт-Петербург, а также по Свердловской области и республики Хакасия. Причем в силу того, что индекс «IQ городов» рассчитан для отдельных городов, за основу взяты показатели административных центров Свердловской области и республики Хакасия – Екатеринбург и Абакан соответственно. Помимо индекса оценки эффективности цифровой трансформации городского хозяйства для анализа используется показатель, оценивающий интеллектуальные системы социальных услуг (от 0 до 12), отдельно представленный Министерством строительства Российской Федерации.

Результаты исследования и их обсуждение

Исходя из анализа требований федерального закона о едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации, можно отметить, что информационная система о населении должна стать лишь неким «хранилищем» актуальных сведений о населении, собираемых оператором информационной системы – Федеральной налоговой службой, и пока не содержит механизмов и функционала по оцениванию граждан. Вместе с тем, процесс любого оценивания граждан со стороны государства, в том числе социального оценивания, представляется возможным только при наличии достоверных сведений о гражданах, которые впоследствии и должны подлежать оцениванию. Поэтому предусмотренную данным федеральным законом информационную систему о населении по праву можно считать начальным элементом, предпосылкой на пути к зарождению и внедрению в России «государственного социального оценивания граждан» и «социального рейтингования».

До 2025 года устанавливается переходный период в работе информационной системы о населении, в течение которого сведения о населении должны быть отражены в полном объеме, а государственными структурами осуществлена проверка имеющихся у них сведений со сведениями в информационной системе о населении. В целях повышения качества оказываемых услуг и выполняемых функций уже с начала текущего года в обязательном порядке использовать сведения информационной системы о населении должны многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, а также органы государственной власти и местного самоуправления.

Для государства внедрение подобных баз данных с одной стороны будет способствовать упрощению обмена информацией между различными государственными структурами, а с другой стороны выступит средством контроля и управления, что в свою очередь в совокупности сможет обеспечить высокий уровень социально-экономической безопасности граждан. Кроме того, по мнению исследователей важным преимуществом внедрения систем социального оценивания граждан является тенденция направления внимания населения на решение задач, связанных с повышением своего рейтинга, публичной оценки [11, 13].

Однако повсеместное внедрение упомянутой информационной системы о населении или иных аналогичных систем, которые могут позволить создать единую базу данных с различными сведениями о населении, затруднительно при отсутствии необходимого технического оснащения.

В условиях существования регионов с ассиметричным уровнем социально-экономического развития, равное техническое и технологическое оснащение ре-

гионов России на сегодняшний день остается проблемным вопросом, что подтверждается выбранными статистическими данными по индексу оценки эффективности цифровой трансформации городского хозяйства и показателю валового регионального продукта (табл. 1).

Таблица 1. Индекс оценки эффективности цифровой трансформации городского хозяйства и показатель валового регионального продукта

	Валовой региональный продукт, млрд руб.	Индекс «IQ городов»	Интеллектуальные системы социальных услуг
г. Москва	19857	117,16	12
г. Санкт-Петербург	5236	98,13	11
Свердловская область	2530	60,22	11
Республика Хакасия	267	26,97	2

Наибольший показатель как индекса цифрового развития, так и валового регионального продукта в Москве – 19857 млрд руб. и 117,16 соответственно, наименьший в республике Хакасия – 267 млрд руб. и 26,97 (для Абакана) соответственно. По уровню развития интеллектуальных систем социальных услуг показатели пропорциональны величинам валового регионального продукта и индекса «IQ городов»: Москва – 12 (из 12), республика Хакасия – 2 (из 12).

В целом из данных, представленных в таблице, прослеживается закономерность – чем больше величина валового регионального продукта субъекта Российской Федерации, тем выше индекс оценки эффективности цифровой трансформации городского хозяйства и выше показатель, оценивающий интеллектуальные системы социальных услуг.

Используя показатель валового регионального продукта как одного из средств оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации, а индекс «IQ городов» как одного из средств оценки перспективности внедрения и эффективного функционирования технологий социального оценивания граждан, выявленная закономерность позволяет сделать вывод: перспектива внедрения систем социального оценивания граждан напрямую зависит от уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации, а технологии социального оценивания граждан и их эффективность – от уровня технологического оснащения регионов.

Кроме того, путем сравнения показателей становится очевиден существенный разрыв среди регионов по уровню цифровой трансформации. Вместе с тем, пока присутствует существенный разрыв в уровне цифровизации субъектов Российской Федерации, на федеральном уровне будут возникать пробелы во всеобщем внедрении баз данных, содержащих сведения о населении, которые впоследствии могут стать основой для всероссийского социального оценивания граждан.

Поэтому следует говорить о возможности повсеместного внедрения системы социального оценивания граждан только путем последовательного внедрения идентичных моделей технологий социального оценивания в регионы Российской Федерации.

Отдельные инструменты социального оценивания граждан

В условиях начального становления предпосылок все-российского социального оценивания граждан точечные инструменты социального оценивания граждан все же находят свое распространение в практическом применении. Предлагается рассмотреть несколько примеров.

Так в крупных городах широко применяется система распознавания лиц. Причем если раньше технологии позволяли лишь распознать лицо при прямом попадании его силуэта в точку восприятия видеокамерой, сейчас технологии позволяют распознать также силуэт человека, огнестрельное оружие и конфликтные ситуации [6, с. 608]. Такие алгоритмы способны накапливать базы данных о правонарушениях с привязкой к конкретному человеку.

Пример частичного социального мониторинга со стороны государства – период пандемии. В нескольких субъектах Российской Федерации была введена пропускная система для передвижения по городу с использованием электронных кодов. При использовании данных с уличных видеокамер, данных о передвижении граждан от операторов сотовой связи, а также данных об оплате посредством применения банковских карт выявлялись нарушители режима самоизоляции, которые передвигались по городу без соответствующего разрешения от властей, и такие лица наказывались штрафами за нарушение режима самоизоляции [9, с. 852].

Кроме того, в настоящее время уже предусмотрено точечное социальное оценивание граждан на онлайн платформах [10, с. 16]. Например, приложение ЯндексGo, позволяющее вызвать такси, имеет функционал по формированию рейтинга. Так на основании оценок пользователей такси, формируется рейтинг водителя, что позволяет еще до поездки узнать его среднюю оценку. Аналогичная процедура предусмотрена и по отношению водителей к пользователям такси. Среди исследователей особо выделяется проблема субъективности такой оценки, что приводит к риску недостоверности этой оценки с одной стороны, и к риску недобросовестного использования данных онлайн платформ, с другой стороны [7, с. 10].

В ряде российских компаний сейчас уже применяется система Битрикс24, в которой также формируется рейтинг эффективности работника в зависимости от количества завершенных задач и наличия замечаний к таким задачам.

Тем самым, первый и второй пример иллюстрируют существующую практику формирования баз данных о человеке, содержащих сведения о его неправомерных деяниях на улицах города. Указанные сведения имеют интерес для социального оценивания граждан ввиду того, что в перспективе могут быть использованы в качестве одного из критериев оценивания, формирующих общий социальный рейтинг гражданина. Третий и четвертый пример демонстрируют функционирующие в настоящее время отдельные инструменты социального оценивания граждан и их социального рейтингования на конкретных информационных платформах.

Трудности эффективного функционирования технологий социального оценивания в России

Среди исследователей, в том числе зарубежных, особое внимание при потенциальном внедрении социального оценивания граждан уделяется необходимости разрешения вопросов обеспечения безопасности информа-

ционных систем, так как сегодня угроза кибертерроризма – одно из наиболее ярких проявлений негативного последствия использования информационных технологий [2, 15]. Помимо этого, остро встает вопрос правомерности осуществления постоянного наблюдения за частной жизнью граждан без судебного решения, что при превышении пределов может привести к нарушению фундаментальных прав человека [5, 16].

В целом, помимо создания и внедрения обширных баз данных, содержащих сведения о населении, а также функционирования технологий социального оценивания на отдельных информационных платформах, на сегодняшний день в Российской Федерации пока отсутствуют нормативные правовые и технические предпосылки для открытого социального оценивания граждан на всероссийском уровне. Во-первых, как ранее было отмечено, это связано с технической неготовностью к указанному процессу многих субъектов Российской Федерации. Во-вторых, причиной замедления внедрения процесса социального оценивания граждан является ментальная неготовность к такой трансформации всего общества. Ментальная неготовность к рассматриваемой трансформации со стороны общества, помимо упомянутых недостатков в цифровом технологическом неравенстве и в региональной дифференциации населения, обусловлена еще несколькими факторами:

- спецификой демографических аспектов общества;
- отсутствием должного «цифрового» образования населения [4, с. 870].

Следует согласиться с исследователями, отмечающими малую вероятность развития российской модели социального оценивания граждан по опыту Китайской Народной Республики [8, с. 31]. Поэтому, основываясь на мнении исследователей, а также на результатах проведенных исследований относительно разрыва цифрового снабжения субъектов Российской Федерации, можно говорить об уникальности пути зарождения социального оценивания граждан, эффективность которого будет зависеть от снижения асимметрии в цифровом развитии субъектов Российской Федерации.

Заключение

В результате рассмотрения вопроса технологий социального оценивания граждан в контексте развития субъектов Российской Федерации можно отметить следующие выводы.

1. Сравнение индекса оценки эффективности цифровой трансформации городского хозяйства нескольких субъектов Российской Федерации и показателей социально-экономического развития субъектов Российской Федерации позволил выявить прямую зависимость перспективы внедрения систем социального оценивания граждан от уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации.
2. На основе рассмотренных подходов исследователей к вопросу создания систем социального оценивания граждан, а также на основе анализа имеющихся информационных баз данных с отдельными сведениями о населении и функционала информационных систем, содержащих такие базы данных, следует говорить об уникальности механизма зарождения в Российской Федерации систем социального оценивания граждан. Одной из основополагающих причин непохожести в нашей стране подходов к социальному оцениванию граждан является разрыв прогресса цифрового обеспечения в субъектах Российской Федерации. Поэтому наиболее эффективным спосо-

бом использования в России технологий социального оценивания граждан можно назвать постепенное внедрение идентичных моделей таких технологий в регионы Российской Федерации.

3. Рассмотренные в настоящей статье примеры существующих технологий социального оценивания граждан пока не составили в Российской Федерации общую систему взаимосвязанных механизмов, позволяющих прибегать к наказанию или к поощрению. Каждый из примеров технологий социального оценивания граждан сам по себе не является системой социального мониторинга, однако все они в совокупности смогут создать в перспективе полноценную инфраструктуру цифрового мониторинга для социального оценивания граждан, что подчеркивает необходимость дальнейшего исследования вопросов применения технологий социального оценивания граждан, в том числе в зависимости от социально-экономического развития регионов.

Литература

1. Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 15.06.2020, № 24, ст. 3742.
2. Василевич Г.А., Василевич С.Г. Правомерное поведение и злоупотребление правом // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 5–17.
3. Егоренко С.Н. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 1122 с.
4. Комарова О.М., Ежкова В.Г. Адаптация населения к цифровой экономике: опыт использования китайской системы социального рейтинга // Управленческий учет. 2022. № 12–3. С. 866–872.
5. Кудинов В.В., Микрикова С.А. Некоторые особенности ограничения права на неприкосновенность частной жизни в интересах обеспечения безопасности государства (на примере Китайской Народной Республики) // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 59–64.
6. Левшина З.Е., Краснокутская И.А., Романова Н.В. Перспективы использования социального рейтинга в корпоративном и банковском секторе России // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 1. С. 602–612.
7. Минбалеев А.В. Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. 2022. № 2. С. 9–11.
8. Ручкина Г.Ф., Павликов С.Г. О перспективах использования промышленной собственности в предпринимательской и экономической деятельности // Юрист. 2020. № 10. С. 26–31.
9. Руф Ю.Н., Каримова Д.В. Предпосылки создания системы социального рейтинга в России: оценка ситуации в условиях пандемии коронавируса // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 845–862.
10. Харитоновна Ю.С., Ци Сунь. Верховенство закона и алгоритмизация принятия решений в России, Китае, Европе: перспективы персонализации правового регулирования // Право и бизнес. 2023. № 2. С. 11–17.
11. Цирин А.М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового

регулирования // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 97–109.

12. Индекс IQ городов // Электронный ресурс: URL: <https://russiasmartcity.ru/about> (дата обращения: 31.08.2023).
13. Chuncheng Liu. Multiple social credit systems in China // Economic Sociology: The European Electronic Newsletter. 2019. Vol. 21. № 1. P. 22–32.
14. Lam T. (2022) The People's Algorithms: Social Credits and the Rise of China's Big (Br)other // The New Politics of Numbers. Executive Politics and Governance. A. Mennicken, R. Salais eds. Palgrave Macmillan, Cham. P. 77–89.
15. Polyanin A.V., Vertakova Y.V., Golovina T.A. Synergy of blockchain technologies and «Big Data» in business process management of economic systems // Lect. notes networks Syst. 2020. V. 87. P. 856–865.
16. Seubert S., Becker C. The democratic impact of strengthening European fundamental rights in the digital age: The example of privacy protection // German Law Journal. 2021. Vol. 22. № 1. Pp. 31–44.
17. Yong Z. How Does the Chinese Government Promote the Development of the Social Credit System? // Administrative consulting. 2022. № 3. P. 118–125.

TECHNOLOGIES FOR SOCIAL ASSESSMENT OF CITIZENS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rjabova T.M., Mishenin S.A.

Russian State Social University

In the era of accelerated digitalization of society, certain technologies are increasingly penetrating into the lives of citizens, leading to the process of social assessment of citizens, the effectiveness of which differs in the constituent entities of the Russian Federation. The subject of the research is the technology of social assessment of citizens in Russia. The purpose of the work is to assess the relationship between the use of technologies for social assessment of citizens and the level of socio-economic and digital development of the regions of the Russian Federation. Basic research methods: analysis, synthesis, comparison, statistical observation. The work examines the work of Russian researchers on the problem of introducing a system of social assessment of citizens in the Russian Federation. Statistical data from official sources was studied, reflecting the levels of digital and socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation and the involvement of the constituent entities of the Russian Federation in the process of organizing the digitalization of the municipal economy. A comparison of the considered indicators indicates a direct dependence of the prospects for introducing systems of social assessment of citizens on the level of socio-economic development of the regions. An analysis of existing technologies for the social assessment of citizens led to the conclusion that such technologies themselves are not yet a social monitoring system, but they can create a full-fledged digital monitoring infrastructure for the social assessment of citizens and be used as elements of one general system. The novelty of the research: based on the indicators of the gap in the progress of digital provision in the constituent entities of the Russian Federation, the most effective way of using technologies for social assessment of citizens in Russia is identified, which in the future can be taken as the basis for creating a general system of social assessment of citizens in Russia.

Keywords: social assessment, social rating, information system, subject development, digital transformation, performance assessment index, information security, digitalization gap, private life, social monitoring.

References

1. Federal Law of 06/08/2020 No. 168-FZ “On the Unified Federal Information Register containing information about the popula-

- tion of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06/15/2020, No. 24, Art. 3742.
2. Vasilevich G.A., Vasilevich S.G. Lawful behavior and abuse of law // Journal of Russian Law. 2022. No. 10. P. 5–17.
  3. Egorenko S.N. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022: P32 Stat. Sat. / Rosstat. – M., 2022. – 1122 p.
  4. Komarova O.M., Ezhkova V.G. Adaptation of the population to the digital economy: experience of using the Chinese social rating system // Management Accounting. 2022. No. 12–3. pp. 866–872.
  5. Kudinov V.V., Mikrikova S.A. Some features of restrictions on the right to privacy in the interests of ensuring state security (using the example of the People's Republic of China) // Constitutional and municipal law. 2023. No. 5. pp. 59–64.
  6. Levshina Z.E., Krasnokutskaya I.A., Romanova N.V. Prospects for the use of social rating in the corporate and banking sector of Russia // Current issues of modern economics. 2023. No. 1. pp. 602–612.
  7. Minbaleev A.V. Problems of civil law protection of personal non-property rights in the process of digital profiling of citizens // Civil Law. 2022. No. 2. pp. 9–11.
  8. Ruchkina G.F., Pavlikov S.G. On the prospects for the use of industrial property in entrepreneurial and economic activities // Lawyer. 2020. No. 10. pp. 26–31.
  9. Ruf Yu.N., Karimova D.V. Prerequisites for creating a social rating system in Russia: assessment of the situation in the context of the coronavirus pandemic // Economics, entrepreneurship and law. 2021. Vol. 11. No. 4. pp. 845–862.
  10. Kharitonova Yu.S., Qi Sun. The rule of law and algorithmization of decision-making in Russia, China, Europe: prospects for personalization of legal regulation // Law and Business. 2023. No. 2. pp. 11–17.
  11. Tsirin A.M. Digital profiling in the public service: concept and prospects of legal regulation // Journal of Russian Law. 2022. No. 10. pp. 97–109.
  12. IQ index of cities // Electronic resource: URL: <https://russiasmartcity.ru/about> (access date: 08/31/2023).
  13. Chuncheng Liu. Multiple social credit systems in China // Economic Sociology: The European Electronic Newsletter. 2019. Vol. 21. No. 1. P. 22–32.
  14. Lam T. (2022) The People's Algorithms: Social Credits and the Rise of China's Big (Br)other // The New Politics of Numbers. Executive Politics and Governance. A. Mennicken, R. Salais eds. Palgrave Macmillan, Cham. P. 77–89.
  15. Polyaniin A.V., Vertakova Y.V., Golovina T.A. Synergy of blockchain technologies and "Big Data" in business process management of economic systems // Lect. notes networks Syst. 2020. V. 87. R. 856–865.
  16. Seubert S., Becker C. The democratic impact of strengthening European fundamental rights in the digital age: The example of privacy protection // German Law Journal. 2021. Vol. 22. No. 1. Pp. 31–44.
  17. Yong Z. How Does the Chinese Government Promote the Development of the Social Credit System? // Administrative consulting. 2022. No. 3. P. 118–125.

Проблема теоретических оснований публичного управления: парадигмы и действующие концепции

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-западный институт управления)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Область публичного управления опирается сегодня на развитую научную поддержку. Важную роль в этом играют теоретические основания современных подходов к управлению. Однако концептуализация этих оснований остается теоретической и методологической проблемой. В статье анализируется концепт парадигм публичного управления и отмечается его недостаточная релевантность для реалий данной области. Вместо него предлагается понятие действующих управленческих концепций (концепций *in actu*) как теоретических систем, реализованных на практике. Дается определение данного понятия. Рассматриваются уровневая структура, характеристики и основные функции действующих концепций. При успешной реализации своих основных функций (проблемо-решающей, систематизирующей, эталонной) концепция *in actu* должна стать базисом для интеграции стратегического, тактического и оперативного уровней управления. Необходимы дальнейшие исследования действующих управленческих концепций в области публичного управления.

Ключевые слова: публичное управление, управленческие науки, парадигмы, методология социальных наук, социальные науки, теории публичного управления

Вопрос о теоретических основаниях публичного управления важен как с академической, так и с практической точек зрения. Однако какие следует выделять концептуальные структуры в публичном управлении (в его современном состоянии или в его историческом развитии) и по каким критериям – это остается недостаточно проясненной темой.

В науке и практике публичного управления, а также в учебных курсах по этой дисциплине часто используется понятие парадигм. К примеру, широко распространено выделение таких парадигм, как бюрократической, нового государственного менеджмента, электронного правительства (*e-government*) и др.

Существуют различные точки зрения по поводу того, какую последовательность парадигм можно выявить в истории публичного управления. Так, известный американский исследователь Никлас Генри (основываясь на своей ранней статье от 1975 г. [1]) предложил следующую серию парадигм, отражающих историю науки публичного администрирования (прежде всего, в США). Это такие исторические этапы, как разделение политики и администрирования; эпоха принципов публичного управления; публичное управление как политическая наука; публичное управление как управленческая наука (наука менеджмента); публичное управление как самостоятельное поле исследований и практики (*public administration as public administration*). Кроме того, Н. Генри отметил становление с 1990-х гг. новой парадигмы «руководства», или «правления» (*governance*) [2].

Другая типология парадигм (или базисных моделей) публичного управления разработана в трудах выдающегося американского исследователя Г. Джорджа Фредериксона. Она включает следующие парадигмы: классическая бюрократическая; необюрократическая; институциональная; психологический подход (школа «человеческих отношений»); модель общественного выбора; новое общественное управление (*New Public Administration*); новое государственное управление, или новый государственный менеджмент (*New Public Management*). К этой схеме можно добавить также более современную парадигму хорошего, или достойного управления (*Good Governance*) [3], [4].

В двухтомном руководстве по публичному управлению (под ред. Б. Парлака и К. Дж. Догана) указаны лишь две крупные парадигмы. Первая – это классическая парадигма (ее теоретические основы были разработаны В. Вильсоном, Ф. Тейлором и М. Вебером), которая продолжалась вплоть до 80-х гг. XX века. Вторая парадигма представляет собой течение нового государственного менеджмента (основанное на идеологии неолиберализма). Становление третьей парадигмы – нового государственного руководства (*New Public Governance*) – было отмечено в статье Стивена П. Осборна от 2006 г. [5, р. 243–244], [6].

Уже эти примеры показывают, что определение четких парадигм в публичном управлении является теоретической и методологической проблемой. Более того, само понятие парадигмы вызывает критические замечания как таковое, а также в применении к областям социальной науки и практики.

Предложенное Т. Куном понятие парадигмы первоначально относилось только к естественным наукам. Оно означало, в самом широком смысле, устойчивый комплекс базисных представлений (о целях, ценностях, методах и т.п. в отношении данной дисциплины) некоторого научного сообщества, разделяемых этим сообществом без разногласий. С более узкой точки зрения, парадигма выступает как некоторый эффективный образец решения задач в данной предметной области.

Понятие парадигмы Т. Куна многократно подвергалось критическому разбору [7]. Особенно спорным выглядит применение данного понятия к социальным дисциплинам, для которых характерен теоретический и методологический плюрализм, не способствующий установлению устойчивого господства какой-то одной парадигмы.

В частности, в специальной литературе неоднократно отмечались трудности выделения парадигм (или других четких концептуальных единиц) в публичном управлении, так как этому препятствует комплексная, мультидисциплинарная и междисциплинарная природа этой области науки и практики. [8, р. 25–43]

Мы полагаем, что для концептуализации теоретических оснований публичного управления более близким к реалиям этой сферы деятельности было бы понятие действующих управленческих концепций, или концепций *in actu*.

Можно предложить следующее свободное, не претендующее на строгость определение концепции *in actu*.

Действующая концепция – это теоретически поддержанная базисная система представлений в области публичного управления, которая имеет практическое применение в течение определенного периода времени, достаточного для того, чтобы произвести определенные эффекты. Под эффектами можно понимать проведение реформ и осуществление крупных проектов, целенаправленное изменение законодательства, внедрение новых управленческих практик, инновации в системе подготовки государственных служащих и другие изменения, производимые в соответствии с идеями и принципами данной концепции.

Понятие действующей концепции призвано отразить тот факт, что не все теоретические системы находят практическое применение. Кроме того, этот концепт позволяет учесть то, что сообщество исследователей и практиков публичного управления может применять в одно и то же время различные концептуальные системы (что исключается с точки зрения традиционного понимания парадигмы как господствующего мировоззрения в период «нормальной науки»).

Действительно, в науке публичного управления производится множество различных концепций. Примерами могут служить такие подходы, как сетевое управление, метауправление, умное управление (Х. Вильке), новая государственная служба (Р. Денхардт, Дж. Денхардт), государство реальных возможностей (Н. Гилберт, Б. Гилберт), адаптивная политика и другие. Это вполне естественный процесс научно-теоретической деятельности, порождающий «необходимое разнообразие» (У. Эшби). Академические ученые, разумеется, стремятся к тому, чтобы их разработки не остались чисто кабинетными продуктами, а были восприняты широкими кругами и использованы на практике. Но в реальности далеко не все идеи доходят до практического применения.

В отличие от парадигм как доминирующих на определенном историческом этапе фундаментальных способов мышления и деятельности, действующие концепции публичного управления могут применяться одновременно и не конкурировать друг с другом (если они, конечно,

идейно совместимы). Например, администраторы, руководители для принятия организационных решений могут применять классическую бюрократическую концепцию, а для управления персоналом – какие-то идеи и методы поведенческого подхода.

В составе действующей управленческой концепции можно выделить три условных уровня, которые могут иметь разную степень выраженности и разработанности.

1. Уровень базисных идей (или концептуальные основания). На этом уровне излагаются основные понятия, идеи, принципы данного подхода. В том числе в наиболее развернутом, разработанном состоянии действующая концепция может быть представлена в виде систематизированной теории (теорий).

2. Программный уровень, содержание которого отвечает на вопрос «что нужно делать?» Этот уровень может включать программы или проекты правительства, программы политических партий и т.п.

Данный уровень представляет собой некий переход, или «мост» от чисто теоретического выражения концепции управления к ее (возможному) практическому воплощению. Программный уровень может иметь разную степень разработанности и детальности. Он не обязательно включает какие-либо четкие программы действий. В наиболее общем, неформальном виде, это может быть некий базисный план (или просто более-менее свободный, неструктурированный перечень) основных мероприятий, которые предполагаются в данной концепции (или хотя бы их практический смысл). Таким образом, программный уровень прикладной концепции формирует по крайней мере контур для дальнейших руководств к действию и конкретных программ, планов, проектов, стратегий и т.п.

Например, известная книга Т. Геблера и Д. Осборна «Reinventing Government» (1992) [9], описывала общий методологический контур программы нового государственного менеджмента, который далее был использован уже в виде конкретных мероприятий при президенте США Б. Клинтоне (руководимых вице-президентом А. Гором).

3. Уровень практической реализации. Включает ряд мероприятий по внедрению управленческой концепции, от наиболее общих шагов (формирование законодательной базы, институциональные реформы, изменения в системе профессионального образования и т.п.) до ввода в действие и развития конкретных способов деятельности, практик, процедур и т.п.

Как правило, формирование базисной управленческой концепции нередко отражает некоторую реакцию на определенные проблемы широкого общественного, а также более технического административно-управленческого характера. Такая система идей высвечивает конкретные проблемы как наиболее приоритетные, дает им специфическое истолкование и включает в повестку для дальнейших действий. В связи с этим в базисной концепции (в том числе в комплексе публикаций, развивающих ее основные идеи) часто присутствует критика текущей управленческой деятельности, предшествующих теорий или идей или даже критика всей традиции публичного управления.

Примером может служить движение за «новое общественное управление» (New Public Administration), программа которого в общих чертах была сформирована на конференции 1968 г. в Минноубруке (США). Эта программа была реакцией на кризисные явления в политике и администрировании в США в 60-е годы [3].

Действующая управленческая концепция должна представлять собой более-менее когерентную совокуп-

ность идей и согласованный с ней комплекс практических мер. Это, конечно, не означает полного внутреннего единства взглядов среди сторонников данной концепции: вполне нормальным является наличие разногласий и продолжающихся дискуссий. Однако притязания данной концептуальной структуры в пределе состоят в том, чтобы дать широкую и стройную систематизацию и интеграцию управленческих знаний и практик на единых основаниях. При этом сами теоретические основания могут иметь источниками различные теории из области публичного управления и смежных наук.

Кроме того, действующая (и действенная) теория должна демонстрировать систематические усилия по преодолению текущих проблем (для решения которых она разрабатывается и применяется), а также возникающих трудностей. В том числе это может проявляться в виде корректировки исходных положений концепции на базисном теоретическом уровне. Таким образом, концепция *in actu* представляет собой некий развивающийся теоретико-практический комплекс.

Разумеется, для внедрения управленческой концепции необходима официальная поддержка государственной власти, так как индивидуальные чиновники и руководители или, например, отдельные муниципалитеты, как правило, стеснены в возможностях самостоятельно применять новые подходы или даже проводить реформы местного характера и т.п.

Какие функции выполняет действующая управленческая концепция? К ним относятся по крайней мере следующие три: (1) проблемно-решающая, (2) систематизирующая, (3) эталонная.

1. В рамках первой функции формулируются сами проблемы (должно быть дано их определение, истолкование, выделение их как наиболее приоритетных), а также должны предлагаться методы их решения (от наиболее общих мероприятий до конкретных политико-административных инструментов). Реальные результаты деятельности по решению проблем – это отдельный вопрос, связанный с методами и мониторингом оценки эффективности управления; но в концепции *in actu* должно обязательно присутствовать само проблемно-решающее устремление.

Хотя, разумеется, наличие методов и практики оценивания (и свидетельств эффективности применяемой системы мер) значительно усиливает позиции данной действующей концепции.

2. Систематизирующая функция состоит в том, что управленческая концепция (как и научная теория) претендует на то, чтобы с единых позиций представить видение всей политико-управленческой деятельности, придать ей целостный и объемлющий характер. Она может обосновывать с единой точки зрения конкретные практики, давать объяснения имеющимся (или ожидаемым) явлениям и эффектам.

Так, она может давать обоснование того, почему те или иные методы, техники, практики, мероприятия должны работать, производить полезные результаты (например, обоснование экономических мер или воздействий на поведение индивидов, общин и т.п.). Для этого могут использоваться положения конкретных наук (экономики, поведенческих наук, социологии и др.). Если теоретические основания данной концепции разнородны, то она стремится интегрировать их на единой платформе

3. Эталонная функция – здесь в большей степени играет роль ценностная составляющая (если она хорошо представлена в концепции); это предполагает более фундаментальный взгляд, чем просто подход к решению технических административных проблем. Цен-

ностные основания управления могут включать саму миссию публичного управления, базисные ценности, которые необходимо реализовывать в управленческо-административных практиках; они могут содержать также определенные социальные идеалы по поводу деятельности правительства, взаимоотношений власти и общества, поведения государственных служащих, участия общественности и т.п.

Иными словами, в базисной концепции должны быть ясно представлены ценностные ориентиры, с которыми сверяют свои действия администраторы, руководители, государственные служащие. Индивиды, организации, другие акторы, работающие в сфере публичного управления, равняются на эти ориентиры, определяя наиболее «правильное» направление деятельности.

Примером может служить идеология *good governance* – концепция, которая задает ряд базисных ориентиров-эталонов общественного управления (верховенство закона, прозрачность и подотчетность политико-управленческой деятельности и др.).

В итоге действующая управленческая концепция, развитая на всех структурных уровнях, внедренная в практику, выполняющая (более-менее успешно) свои основные функции, должна конституировать некое единство стратегического, тактического и оперативного уровней управления.

В контексте изложенных выше характеристик действующих концепций, на наш взгляд, подлинно концепциями *in actu* последних десятилетий можно считать новый государственный менеджмент, хорошее управление (*good governance*) и электронное правительство. В то же время, например, идеология нового публичного управления (*New Public Administration*), хотя и была указана Г. Дж. Фредериксоном как одна из парадигм, не дошла до практической реализации. Однако (при том, что это название перестали использовать) она стала одной из ведущих тем в литературе по публичному управлению 70-х гг XX в. [3, р. xii]. Ее идеи были реализованы позже, уже в концепции хорошего управления.

В целом тема работающих теоретических систем в сфере публичного управления является открытой областью исследований для истории, социологии и теории управления. Она включает прояснение ряда вопросов, в том числе: какие базисные концепции публичного управления стали действительно внедренными в практику и работающими; какие факторы способствовали распространению той или иной фундаментальной концепции; насколько успешно действующие концепции выполняли (выполняют) свои функции (в частности, какую можно дать оценку их проблемно-решающему, систематизирующему и эталонному потенциалу).

Литература

1. Henry N. Paradigms of Public Administration // *Public Administration Review*, v. 35, N. 4, 1975, pp. 378–386.
2. Henry N. *Public Administration and Public Affairs*. 13th Edition. Routledge, 2017
3. Frederickson H.G. *New Public Administration*. University of Alabama Press, 1980.
4. Frederickson H.G. Comparing the reinventing government movement with the new public administration. *Public Administration Review*, 1996, 56 (3), pp. 263–270.
5. *The Handbook of Public Administration*. Vol. 1. Parlak B., Doğan K.C. (eds.). Livre de Lyon, 2022
6. Osborne S.P. Editorial: The New Public Governance. *Public Management Review*, 2006, 8(3), 377–387.

7. Hoyningen-Huene P. *Reconstructing Scientific Revolutions: Thomas S. Kuhn's Philosophy of Science*, Chicago: University of Chicago Press, 1993
8. *Handbook of Research Methods in Public Administration*. Miller G.J., Yang K. (eds.). Taylor & Francis, 2008
9. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*. New York: Addison-Wesley, 1992

THE PROBLEM OF THEORETICAL FOUNDATIONS OF PUBLIC ADMINISTRATION: PARADIGMS AND FUNCTIONING CONCEPTS

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management)

The field of public administration currently relies on developed scientific support. An important role in this is played by the theoretical foundations of modern approaches to governance. However, the conceptualization of these foundations remains a theoretical and methodological problem. The article analyzes the concept of public administration paradigms and notes its insufficient relevance to the realities of this field. Instead, the concept of functioning concepts of administration (concepts in actu) as theoretical systems implemented in practice is proposed. The definition of this concept is given. The level structure, characteristics and main functions of the concepts in actu are considered. If there is a successful implementation of its main functions (problem-solving, systematizing, reference), the in actu concept should become the basis for the integration of

strategic, tactical and operational levels of public administration. Further research of functioning concepts in the field of public administration is needed.

Keywords: public administration, management sciences, paradigms, methodology of social sciences, social sciences, public administration theories.

References

1. Henry N. Paradigms of Public Administration // *Public Administration Review*, v. 35, N. 4, 1975, pp. 378–386.
2. Henry N. *Public Administration and Public Affairs*. 13th Edition. Routledge, 2017
3. Frederickson H.G. *New Public Administration*. University of Alabama Press, 1980.
4. Frederickson H.G. Comparing the reinventing government movement with the new public administration. *Public Administration Review*, 1996, 56 (3), pp. 263–270.
5. *The Handbook of Public Administration*. Vol. 1. Parlak B., Doğan K.C. (eds.). Livre de Lyon, 2022
6. Osborne S.P. Editorial: The New Public Governance. *Public Management Review*, 2006, 8(3), 377–387.
7. Hoyningen-Huene P. *Reconstructing Scientific Revolutions: Thomas S. Kuhn's Philosophy of Science*, Chicago: University of Chicago Press, 1993
8. *Handbook of Research Methods in Public Administration*. Miller G.J., Yang K. (eds.). Taylor & Francis, 2008
9. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*. New York: Addison-Wesley, 1992.

Проблема страха в философии и культуре итальянского Возрождения

Боровой Евгений Михайлович,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (СибГУТИ)
E-mail: bor77@ngs.ru

Данная статья посвящена исследованию проблемы страха в философии и культуре итальянского Возрождения с позиции историко-философской традиции. Работа основана на поступательном анализе историко-культурных процессов, протекавших в средневековье и эпохе итальянского проторенессанса, с целью понимания философской и культурной повестки, сформированной на рубеже Возрождения. В статье исследуются философские трактаты, литературные произведения и иные труды итальянских мыслителей, современников того времени, в частности, работы Пьетро Помпонацци, Никколо Макиавелли, Джованни Боккаччо, Франческо Петрарки, Данте Алигьери и других. На основании работ указанных мыслителей рассматривался вопрос о детерминации трансформационных процессов в философии и культуре эпохи итальянского Возрождения по отношению к природе и сущности страха. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу, что феномен страха в историко-философской традиции играет крайне важную роль не только в познании смысла человеческой жизни, природы поведения человека, его мотивов деятельности, но и также для осознания того, как страхи и отношение социума к ним влияют на политические, социально-экономические, межгосударственные и культурные процессы, явления и события в тот или иной исторический промежуток времени. Анализ проблематики страха в философии и культуре итальянского Возрождения позволил выявить закономерность, связанную с изменением подхода к изучению человеческих страхов через призму трансформации итальянской общественной и политической системы в эпоху проторенессанса и Возрождения, что нашло своё отражение в замещении идей и размышлений о причинах страха перед всевышними силами на такие рационалистические и гуманистические позиции исследования страха для осознания его влияния на управленческие процессы, а также для изменения ценностных ориентиров по отношению к мирской жизни.

Ключевые слова: страх, проторенессанс, итальянское Возрождение, антропоцентризм, теоцентризм, средневековье, страх смерти, страх наказания.

Исследованию проблемы страха в философии и культуре итальянского Возрождения посвящено крайне малое количество фундаментальных научных источников, при этом большая часть из них характеризуется сопряжением анализа процессов, протекающих в эпоху ренессанса, сразу в нескольких государствах, обществах и культурах Европы. По нашему мнению это не совсем правильно, поскольку, несмотря на то, что такая величайшая культурно-историческая эпоха влекла за собой цепную реакцию достаточно схожих изменений среди разных народов, меняя их подходы к формированию культуры, всё же, можно проследить индивидуальные аспекты трансформации философских и культурных течений в отдельных государствах и их регионах.

Среди них отличается исторический опыт и специфичный подход итальянского народа, в частности философов, мыслителей и иных культурных деятелей Италии к развитию культуры в отмеченную эпоху. Именно в Италии начинается течение периода проторенессанса, своего рода отрезка времени, являющегося культурным переходом от идей средневековья к эпохе Возрождения.

Интересно проследить то, каким образом менялся подход к пониманию и осознанию страха в обозначенные временные промежутки, концентрируясь именно на культуре и философии итальянского народа. Ведь исследуя культурные процессы на основании имеющихся исторических трудов прошлого можно отметить, что проблематика страха всегда находила своё отражение в людских умах и продуктах их мыслительного, творческого процесса, что прослеживается ещё в трудах античности и является актуальным на сегодняшний день.

Философы пытались осознать природу страха, механизм возникновения и течения данной эмоции, детерминирующие факторы, а также аспекты влияния страха на жизнь человека, включая вопросы, связанные с его контролированием. Следует понимать, что философские воззрения по отношению к страху отражали некоторое, в частности наиболее типичное отношение народа к данной эмоции, в связи с чем изменение отношение людей к страху в конкретный исторический промежуток времени находило своё отражение в продуктах культуры. Речь идёт о литературе, о взаимоотношении человека с другими людьми и природой, о самосознании и самоотношении индивидуума в тот или иной промежуток времени, а также об отражении страха в иных культурных аспектах: театре; скульптурах; музыке; живописи; религии и взаимоотношении с церковью и т.п.

Прежде чем приступать к исследованию процессов изменения представления о страхе, как о социально-культурном феномене эпохи итальянского Возрождения, следует отметить и то, какая модель отношения к страху была в средневековье. Преимущественно, культура и философия средневековой Италии и других стран Западной Европы строились на основе теоцентризма, то есть такое философской концепции, согласно которой в основе социально-экономических, культурных, полити-

ческих и бытовых отношений лежит понимание важности Бога, как высшего бытия, а также такого источника всей жизни и человеческого блага в целом [5, с. 82].

Средневековые отношения базировались не только в глубокой интеграции церкви в высшие управленческие процессы, а также самой религии в регулирование социальных нормативов, но и также в философском отношении человека к себе, к другим людям и к природе. На примере некоторых философов средневековой эпохи представляется возможным проследить такое влияние страха людей перед Богом. В частности, средневековый художник и ювелир Пресвитер Теофил писал о себе следующим образом: «недостойный и ничтожный человечиска», а о человечестве в целом таким образом: «Пусть никто не похвалится тем, что добился всего якобы самостоятельно, ибо успел он благодаря Богу, от которого и через которого все, без которого же ничто» [4, с. 232].

Аналогичный подход страха по отношению к всевышним силам, к богу и каре за несправедливую жизнь отражён в библиографии итальянского поэта и богослова Данте Алигьери, из произведений которого можно вынести мысль о том, что для автора Творец является высшей силой, разумом и недостижимым светом, уверяя читателей в том, что без веры в Бога не представляется возможным счастье на земле и после смерти. Культовое произведение Данте Алигьери «Божественная Комедия», как справедливо замечает учёный Юрченко А.В., является своего рода архетипом европейской культуры даже в период проторенессанса [8, с. 450], когда роль религии и церкви была ещё достаточно значительна в общественном сознании, философии и культуре того времени.

Здесь же следует отметить и идеи итальянского философа эпохи проторенессанса Франческо Петрарки, который хоть и был искренним приверженцем христианства, всё же, сместил акцент страха с боязни быть наказанным всевышними силами на такие реальные силы природы. Для понимания философского отношения Франческо Петрарки к природе страха следует обратиться к трактату «О средствах против всякой судьбы», а также к диалогу «О страхе смерти».

В указанных философских трудах автор посвящает свои исследования оценке жизни и смерти, а также решению других вопросов этико-философского характера, волнующих массы итальянского народа. Среди таких вопросов и отношение людей к страху умереть. Франческо Петрарки делает вывод о том, что страх смерти основывается в первую очередь на переживаниях конкретного индивидуума о распределении его души после смерти. Человек в большей мере боится не умереть, сколько быть наказанным за земные грехи божественными силами. Философ пишет: «Почему ты больше боишься умереть, чем родиться, расти, стареть, голодать, испытывать жажду, бодрствовать, засыпать... ничего более ужасного нет в смерти, чем в прочих вещах, которые случаются по законам природы» [6, с. 138].

Из данного диалога следует размышление о том, что человеческая жизнь подчинена законам природы начиная от рождения и заканчивая смертью, причём сам человек – продолжение природы. Несмотря на то, что в работах итальянского философа прослеживается явное оттеснение влияния бога на фактические силы природы, всё же, он не отрицает его существование и надобность как таковую. Франческо Петрарки лишь доводит мысль о том, что не следует бояться Бога, а равно своей смерти, при этом стоит осознать истинную и единственную небесную любовь по отношению к Творцу.

Поступательный кризис католической церкви и осознание соответствующих процессов прослеживается

и в работах итальянского писателя и поэта Джованни Боккаччо. С одной стороны, в своём сочинении «Origine vita e costumi di Dante Alighieri» [9] поэт восхваляет труд Данте «Божественная Комедия», замечает искусственность вложенных философских идей о изменности земной жизни и блаженства божеской милости. С другой стороны в своих собственных произведениях Джованни Боккаччо придерживается в некоторой мере реализма и отрицает объективную необходимость страха по отношению к Богу.

Прослеживается это, к примеру, в произведении «Амето», в рамках которого Боккаччо использует аллегорию подобно Данте в «Божественной комедии», показывая как невежественная личность из мрака поступательно возвышается до богопознания, однако заканчивая своё произведение утверждением прелести облагораживающего воздействия мирской (земной) любви.

Через год Джованни Боккаччо напишет произведение под названием «Любовное видение», в котором опять же использует концепцию пути от мирского к божественному познанию, пронизывая содержание литературного произведения реализмом, использованного против аскетических идеалов, а затем снова завершая произведение мыслью о том, что земная любовь – высшая человеческая ценность. Тем самым автор отходит от изначально сформированной богословско-аллегорической концепции, снимая вопрос о небесном блаженстве, милости божеской и страхе человека перед богом, заменяя данный элемент земным счастьем [2, с. 309].

На примере указанных современников итальянского Возрождения можно проследить некое культурное, в частности философское влияние страха всевышнего наказания, такого страха перед богом и соответственно боязни смерти среди итальянского и европейского населения, что было опосредовано влиянием идей, сформированных в средневековье. При этом в проанализированных трудах можно выявить своего рода динамизм сменяющихся концепций отношения людей к страхам, которые были свойственны для народов средневековой эпохи.

Встаёт закономерный вопрос о детерминации трансформационных процессов в философии и культуре эпохи итальянского Возрождения. В первую очередь нельзя не отметить, что на идейное основание культуры итальянского Возрождения повлияли экономико-политические процессы, связанные с ростом городов-республик, что в конечном итоге повлияло на рост влияния различных сословий на общественные отношения, что, однако не было свойственно для типичных феодальных отношений.

Некогда находившиеся в идейном забвении ремесленники, мастера, учёные и иные лица, которые ранее не участвовали в феодальных отношениях, стали противостоять системе ценностей, правил и норм, которые были сформированы средневековой, преимущественно церковной культурой. В противовес смиренному и аскетичному образу жизни стали развиваться идеи гуманизма и антропоцентризма.

Здесь же следует отметить и последующее влияние секуляризации общества в период Возрождения, то есть такой процесс снижения роли религии и власти церкви на разных уровнях общественной и политической жизни с последующим переходом к светской модели устройства социума.

Не вызывает сомнений позиция доктора философских наук и доцента Баринаова Д.Н., который в своём фундаментальном историко-философском очерке замечает: «мировоззренческая трансформация эпохи Возрождения, сопровождавшаяся секуляризацией, смести-

ла акценту исследования страха в сторону его утилитарного значения» [1, с. 24].

И ведь действительно, уже в работах итальянского мыслителя Никколо Макиавелли можно столкнуться с анализом страха с точки зрения его социально-политического значения. Так, философ отмечает, что страх используется для управления общественностью, а также служащими при государе, а при размышлении о том, что лучше внушать населению – страх или любовь, он выбирает первое, мотивируя свой выбор следующим:

1. Любовь и страх – эмоции несопоставимые и не уживающиеся между собой;
2. Любовь не может применяться для регуляции общественных отношений, поскольку человеческая природа базируется на лжи, лицемерии и иных пороках;
3. Социальные регуляторы исторически формировались и обеспечивались страхом наказания (божественного; социального; государственного и т.д.).

Беря во внимание совокупность факторов, Никколо Макиавелли признавал страх в качестве признака суверенности государства, а также рассматривал его как инструмент волевого решения проблем и иных общегосударственных, внутриобщественных вопросов. В своей работе «Государь» Макиавелли по этому поводу пишет: «любят государей по собственному усмотрению, а боятся по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого» [3, с. 32].

Смещение религиозного вектора к пониманию природы страха в гуманистическое и реалистическое направление отмечается и в трудах итальянского философа-схоласта периода ренессансного реализма Пьетро Помпонацци. Следует справедливо заметить, что как идеи Пьетро Помпонацци, так и философские концепции большинства итальянских мыслителей исследуемой эпохи, строились на некоторых античных трактатах. В данном случае категория «Возрождение» применяется сразу в нескольких существенных аспектах, в том числе и в понимании возрождения античной культуры, такой философии того времени, но с учётом современных культурных достижений народов и государств.

Так вот работы Пьетро Помпонацци как раз таки основываются на отдельных идеях Аристотеля, поддерживая его в том, что душа – есть форма тела, отрицая то, что душа человека бессмертна. Он приходит к тому, что человек имеет высшую ценность, а цель человеческой жизни выражается не в зачтении праведного или порочного поведения в потустороннем мире (к примеру, в аду или раю), а в осознании истинной добродетели в земном мире. В связи с этим человеческая добродетель не может нуждаться на системе вознаграждений, которая предусмотрена, к примеру, религиозными учениями, а потому и не может строиться на страхе вездешного наказания.

Пьетро Помпонацци в трактате «О бессмертии души» пишет: «кто избегает порока из-за его гнусности, а не из страха наказания, положенного за порок... более достоин похвалы, нежели тот, кто избегает порока только из страха наказания... Поэтому, считающие душу смертной, гораздо лучше защищают добродетель, нежели те, кто полагает ее бессмертной. Ведь надежда на воздаяние и страх возмездия привносят в душу нечто рабское, что противоречит самим основаниям добродетели» [7].

На основании проведённого исследования можно прийти к выводу о том, что феномен страха в историко-философской традиции играет крайне важную роль не только в познании смысла человеческой жизни, природы поведения человека, его мотивов деятельности,

но и также для осознания того, как страхи и отношение социума к ним влияют на политические, социально-экономические, межгосударственные и культурные процессы, явления и события в тот или иной исторический промежуток времени.

Анализ проблематики страха в философии и культуре итальянского Возрождения позволил выявить закономерность, связанную с изменением подхода к изучению человеческих страхов через призму трансформации итальянской общественной и политической системы в эпоху проторенессанса и Возрождения, что нашло своё отражение в замещении идей и размышлений о причинах страха перед всевышними силами на такие рационалистические и гуманистические позиции исследования страха для осознания его влияния на управленческие процессы, а также для изменения ценностных ориентиров в системе «жизнь-смерть».

Литература

1. Баринов, Д.Н. – Тревога и страх: историко-философский очерк / Д.Н. Баринов // Психолог. – 2013. – № 3. – С. 1–39.
2. История зарубежной литературы: Сред. века, Возрождение: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов / М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, С.С. Мокульский, А.А. Смирнов. – 3-е изд. – Москва: Высш. школа, 1978. – 527 с.
3. Макиавелли, Н. Государь: о жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх. – М.: Планета, 1990. – 80 с.
4. Мастера искусства об искусстве / Под общ. ред. А.А. Губера, А.А. Федорова-Давыдова, И.Л. Маца и В.Н. Гращенко: В 7 т. Т. 1. М., 1965. 272 с.
5. Пелевин, С.И. Генезис развития философия: от теоцентризма к антропоцентризму / С.И. Пелевин // Проблемы и тенденции научных преобразований в условиях трансформации общества: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 28 марта 2023 года. – УФА: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2023. – С. 80–83.
6. Петрарко, Ф. Автобиография. Исповедь сонеты / Под общ. ред. М.А. Гершензона: М., 1915. 286 с.
7. Помпонацци, П. Трактаты «О бессмертии души», «О причинах естественных явлений» – М.: Главная редакция АОН пои ЦК КПСС, 1990. – 318 с.
8. Юрченко, А. В. «Божественная комедия» Данте Алигьери как архетип Европейской культуры / А.В. Юрченко // Современные проблемы высшего образования. Теория и практика: Материалы Пятой Межвузовской научно-практической конференции, организованной институтом культуры и искусств Московского городского педагогического университета, Москва, 15–23 апреля 2020 года / Под общей редакцией С.М. Низамутдиновой. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Учебный центр «Перспектива», 2020. – С. 450–455.
9. Vossaccio, G. Argomenti in terza rima alla Divina Commedia // Wikisource [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://it.wikisource.org/wiki/Argomenti_in_terza_rima_alla_Divina_Commedia (дата обращения: 09.09.2023).

THE PROBLEM OF FEAR IN THE PHILOSOPHY AND CULTURE OF THE ITALIAN RENAISSANCE

Borovoy E.M.

Siberian State University of Telecommunications and Informatics

This article is devoted to the study of the problem of fear in the philosophy and culture of the Italian Renaissance from the perspective of the historical and philosophical tradition. The work is based on a progressive analysis of historical and cultural processes that took place in the Middle Ages and the era of the Italian Proto-Renaissance, in order to understand the philosophical and cultural agenda formed at the turn of the Renaissance. The article examines philosophical treatises, literary works and other works of Italian thinkers, contemporaries of that time, in particular, the works of Pietro Pomponazzi, Niccolò Machiavelli, Giovanni Boccaccio, Francesco Petrarca, Dante Alighieri and others. Based on the works of these thinkers, the question of the determination of transformational processes in the philosophy and culture of the Italian Renaissance in relation to the nature and essence of fear was considered. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that the phenomenon of fear in the historical and philosophical tradition plays an extremely important role not only in understanding the meaning of human life, the nature of human behavior, his motives for activity, but also for understanding how fears and the attitude of society to them affect political, socio-economic, interstate and cultural processes, phenomena and events in a particular historical period of time. The analysis of the problems of fear in the philosophy and culture of the Italian Renaissance revealed a pattern associated with a change in the approach to the study of human fears through the prism of the transformation of the Italian social and political system in the era of the Renaissance and Renaissance, which was reflected in the substitution of ideas and reflections on the causes of fear of the almighty forces for such rationalistic and humanistic positions of the study of fear for awareness its influence on management processes, as well as for changing value orientations in relation to worldly life.

Keywords: fear, proto-Renaissance, Italian Renaissance, anthropocentrism, theocentrism, the Middle Ages, fear of death, fear of punishment.

References

- 1 Barinov, D.N. – Anxiety and fear: a historical and philosophical essay / D.N. Barinov // *Psychologist*. – 2013. – No. 3. – pp. 1–39.
- 2 History of foreign literature: Medium. centuries, Renaissance: Textbook for Philol. special University and pedagogical institute / M.P. Alekseev, V.M. Zhirmunsky, S.S. Mokulsky, A.A. Smirnov. – 3rd ed. – Moscow: Higher School, 1978. – 527 p.
- 3 Machiavelli, N. Sovereign: about cruelty and mercy and what is better: to inspire love or fear. – Moscow: Planeta, 1990. – 80 p.
- 4 Masters of Art about Art / Under the general editorship of A.A. Guber, A.A. Fedorov-Davydov, I.L. Matsa and V.N. Grashchenkova: In 7 vols. 1. M., 1965. 272 p
- 5 Pelevin, S.I. Genesis of development philosophy: from theocentrism to anthropocentrism / S.I. Pelevin // *Problems and trends of scientific transformations in conditions of transformation of society: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Omsk, March 28, 2023*. – UFA: Limited Liability Company “Aeterna”, 2023. – pp. 80–83.
- 6 Petrarko, F. *Autobiography. Confession Sonnets* / Under the general editorship of M.A. Gershenzon: M., 1915. 286 p
- 7 Pomponazzi, P. *Treatises “On the immortality of the soul”, “On the causes of natural phenomena”* – M.: The main editorial office of the AON poi of the Central Committee of the CPSU, 1990. – 318 p.
- 8 Yurchenko, A.V. “The Divine Comedy” by Dante Alighieri as an archetype of European culture / A.V. Yurchenko // *Modern problems of higher education. Theory and Practice: Materials of the Fifth Interuniversity Scientific and Practical Conference organized by the Institute of Culture and Arts of the Moscow City Pedagogical University, Moscow, April 15–23, 2020* / Under the general editorship of S.M. Nizamutdinova. – Moscow: Limited Liability Company “Educational Center “Perspektiva”, 2020. – pp. 450–455.
- 9 Boccaccio, G. *Argomenti in terza rima alla Divina Commedia* // Wikisource [Electronic resource]. – Access mode: https://it.wikisource.org/wiki/Argomenti_in_terza_rima_alla_Divina_Commedia (accessed: 09.09.2023).

О независимой доступности в природе и функциональности ПСЧ и общественного сознания

Дробышев Вячеслав Андреевич,

аналитик, философ, член Российского философского общества
E-mail: drobyshev_v_a@list.ru

В статье дается научное обоснование природной функциональности человека, направленной на выявление и устранение факторов своей зависимости, и определение способов её разрешения (пример зависимости от денег), опирающихся на общественное сознание, формируемое только истинно-объективным знанием русской диалектики. Впервые представлено научное объяснение принципов единства природной функциональности человека и общественного бытия – любви, правде и справедливости. Раскрывается простота независимой доступности животных к предметам жизнеобеспечения, и аналогия путей и способов преодоления осознанной зависимости человека природной функциональностью. Дается научное обоснование будущему, как философскому учению, получившему объективную основу в виде русской диалектики.

Ключевые слова: природная сущность человека, востребованность, функциональность, животное, человек, гармония, востребованность, генетика, общество.

Прежде чем начать разговор о функциональности природной сущности человека (далее – ПСЧ), давайте вернемся к разговору об объективных и субъективных сторонах животного мира и человеческого общества.

У первого сообщества (животных) мы видим прямое воздействие закона зависимой востребованности – то от чего зависит объективно востребуемо. Тем самым рождается категория независимого, или свободного доступа к предметам жизнеобеспечения.

У второго сообщества (людей), между инстинктами, которые руководят действием у животных, напрямую, природой вставлен интеллект, призванный интерпретировать инстинкты и определять дальнейшее уже осознанное поведение человека на пути к среде или предметам жизнеобеспечения.

Следовательно, путь свободного доступа к материальной и духовной пище, среде обитания субъекта, природой поставлен в зависимость не только от развития интеллекта и навыков труда, о чем сообщалось выше, а прежде всего, от функциональных навыков, генетически закрепленных эволюцией в период формирования видов, начиная с инстинктов размножения, и заканчивая функциональностью уже рожденной ПСЧ, которое с появлением интеллекта подчинена закону осознаваемой востребованности, тогда как животный мир подчинен зависимой стороне закона.

Таким образом, функциональность человека предназначена для выявления и устранения факторов своей зависимости и главный пример разрешения её (зависимости), это деньги и их влияние на жизнь. А разрешает эту зависимость (на втором этапе) общество, заменяя деньги на льготы, и это естественный путь развития человечества, а не выдумка «гениев». А наличие истинно-объективного знания рождает преемственность поколений, гармонизирует взаимодействие ПСЧ и общества, тем самым формируя единство объективного и субъективного мира.

Востребованность, как антипод противоречий – в этом диалектика, а не в единстве противоположностей, через их борьбу.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ – универсальный, объективный закон эволюционного движения и развития мироздания, ПУТИ ОТ бесконечно зависимых пространственно – временных связей, (география) несущих смыслы рождения генетической гармонии многообразия и непрерывности биологической жизни, (повторяемости) в условиях ограниченного биосферой пространства земли, возникновения видов и ядра ПСЧ – общинности, языка, памяти и мышления, как объективного кода его выживаемости в природе, ДО осознания им своего места и роли в объективном процессе линейной повторяемости общественной жизни и её диалектической гармоничности связи в спирали бесконечности БЫТИЯ.

(Также зависимого от неизменности гармонии ПСЧ, его общинности и достигнутого им основ разума – научного мировоззрения, необходимого для создания адекватных осознанному внутреннему миру (совести, как берегини любви, правды и справедливости) жизненных обстоятельств, оберегающих код доминантности МЫ над Я, как мотиватора внутренней духовности человека,

и для развития интеллекта (мышления) каждого нового поколения людей, обеспечивающих их неразрывную временную связь (преемственность)).

Следовательно, природа создает связующую гармонию генетики, а человек связующую философию РАЗУМА (истину), ведущую к гармонии общественной жизни (счастьем людей). ЭКОС – как должно.

И в одном, и в другом случае, руководимых объединяющим действием закона ВОСТРЕБОВАННОСТИ (генетической гармонии) от зависимой до осознаваемой, на чем и стоит русская диалектика.

А счастье людей не в достижении богатства и комфорта, а в устранении зависимости от горя, страдания, болезней, ранней смерти, войн, освобождении своей воли разума, от неразумной чужой.

Принципы гармоничного единства Природной Сущности Человека и общественного БЫТИЯ – объективного и субъективного мира.

ЛЮБОВЬ – осознаваемая форма зависимой востребованности мужского и женского начала, проявления социальных инстинктов человека в коде его выживания в природе и осознанного духовно-нравственного поведения в семье и в обществе.

ПРАВДА – интеллектуальный критерий взгляда (оценки), воспитания и контроля за соблюдением морально-нравственных устоев в обществе. Ключ познания истины в обыденной жизни и научной философии существования человека.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ – это осознаваемое, востребованное обществом (юридическим правом) и, оберегаемое им, неписанное право человека на незаблимость внутреннего мира и равных ему смыслов гармонии общественного БЫТИЯ в формуле доминантности «МЫ» над «Я» – общинной совести над эгом «Я», стимулированием ПСЧ бесплатной учебой, медициной и правом на труд каждого на благо гармоничной и счастливой жизни всех...

Справедливо, когда счастье равнодоступно ВСЕМ!

У философии «понимания» нет объективного начала. К примеру, икс равен – генетика? У русской диалектики есть: закон зависимой востребованности, плюс генетика!

Вот её трактовка: генетика – перетекающая форма (код), продукт бесконечно зависимых пространственно-временных связей мироздания востребованных условиями циклического возобновления биологической жизни, и целью гармоничного восполнения ограниченной бесконечности осознаваемой жизни человека в парадигме осознанной зависимости гармоничного единства общественного сознания и преемственности поколений...

Говоря о принципах гармоничного единства ПСЧ и общественного бытия несущего ответственность за научно-технический прогресс (остановка в развитии ведет к исчезновению этноса) следует детально рассмотреть вопрос единства объективного и субъективного мира и, особенно, что рождает это единство.

Начнем с ключевого слова ГАРМОНИЯ. Мы с вами уже знаем, что внутренняя гармония человека является источником его жизни, и она подчиняется закону зависимой востребованности [2, с. 306]. К примеру – работа сердца зависит от силы сердечной мышцы, работа мышцы от качества крови, кровь от работы печени и т.д. То есть в основе его биологической жизни лежит объективный закон, и для сравнения возьмем творческую деятельность его сознания – инженерно-конструкторскую или научно-изобретательскую деятельность инженерно-технических и физических университетов.

У оппонентов сразу должен возникнуть вопрос: О чем он? Ведь сознание человека субъективно? Но не следу-

ет торопиться. Творческая мысль конструктора автомобиля выстраивается по тому же объективному принципу ГАРМОНИИ. И, если конструктор в своем творчестве следует объективному закону зависимой востребованности, то он достигает успеха – конструируемая им машина, или ракета, заводится и движется.

И этот, казалось-бы чисто субъективный успех, на поверку оказывается банальным, слепым следованием мысли изобретателя тому же закону зависимой востребованности в поисках истины невольно осознанному им.

Работа двигателя вся построена на зависимых востребованностях – искра от работы генератора, его работа от привода, взрыв в цилиндре от впрыска топлива, а он от работы карбюратора, или изготовление дивана, от которого зависит правильный отдых человека труда и т.д.

Во всем этом мы видим правду русской диалектики, открытием закона говорящей о неразрывном единстве объективного и субъективного мира, тем самым превращающей западную «философию репрезентативного знания» в русскую НАУКУ НАУК, которая, как мы видим, определяет вектор субъективной части творческой деятельности человека дополняя научные принципы «инженерии» объективным смыслом рождения гармонии.

Кратко о функциональности ПСЧ и общественном сознании.

ГАРМОНИЯ – это востребованная природой, эволюцией зависимость (развитие).

Гармония человеческой жизни – это природный смысл бесконечного существования вида. Иначе говоря, как способ достижения единства объективного и субъективного мира природной сущности человека и условий реализации обществом жизненных принципов бесконечности общественного БЫТИЯ – любви, правды и справедливости и объединяющей поколения силы ЗНАНИЯ – философии научного мировоззрения.

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ природной сущности человека – устранять факторы зависимости вида от исчезновения, делая жизнь гармоничней, создавая лучшие общественные отношения для своих детей и внуков, из поколения к поколению, руководствуясь единичными объективными основами философии существования выработанных человеческим разумом, а не выносимых на выборы, меняющихся программ политических партий, и амбиций господствующей аристократии, стремящейся к власти.

Вспомним Конфуция – «но править должны аристократы знаний» [4].

И это переключается с выводами Русской диалектики – не Бытие, а Знание определяют осознаваемую жизнь [3]. Таким образом, природная сущность человека объективна, а её функциональная деятельность в общественных отношениях, и участие в выработке общественного сознания, субъективна.

ОБЩЕСТВО – это природный механизм стирания факторов несовершенства человека, его развития и защиты от противоречий бытия (зависимости).

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ – это единство смыслов ЭКОСа – как должно (природный смысл жизни) с правдой жизни и оно истинно – объективно.

Иначе говоря, общественное сознание, это осознанный продукт сфокусированных в научное мировоззрение внешних смыслов ПСЧ, соединенных с разумом (истинной) философии существования ЭТНОСа. Следовательно, путь «от страха смерти и богов ... к философии» закономерен и не оспорим. На этом и стоит Русская диалектика с её правдой человека и его востребованности гармоничной и счастливой жизни, опирающейся на функциональность своей природной сущности и выработанное обществом научное мировоззрение.

Для сравнения напомним, как звучит определение идеологии в вузовском учебнике «Философия»: «Это характерная для людей конкретного общества совокупность идей, теорий, взглядов, представлений, чувств, верований, эмоций, настроений, в которых отражаются определенные стороны общественной жизни...» [6, с. 790].

Что это, как не банальная «совокупность» разношерстного субъективизма идей и частных мнений, в которых отражается «что-то» из общественной жизни, а не наоборот.

Русская диалектика рассматривает истинно-объективную, объединяющую СИЛУ философии научного мировоззрения, как общественное (общинное) сознание людей, ведущее ИХ к ОБЩЕЙ цели – гармоничной и счастливой жизни для всех [3].

Таким образом, знания определяют осознаваемую жизнь человека и общества, а НЕЗНАНИЕ рождает зависимость общественного сознания от ПРИРОДНОГО знания (истины); тем самым мотивируя функциональность ПСЧ и его мышления.

Отсюда логический вывод, поскольку функциональность ПСЧ требует УСТРАНЯТЬ ЗАВИСИМОСТЬ, то развитие интеллекта человека (учеба) не должно иметь препятствий, а значит должно быть бесплатным, и это ФАКТОР ПРИРОДНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

К этой же категории свободного доступа, или природной справедливости должны относиться все источники жизнеобеспечения человека – земля, её недра, вода, воздух и медицина, с правом на труд каждого, равно также как независима доступность медведя к лесу, пчёлам, орехам и китов к планктону в океане и т.д.

Вся искусственно возводимая зависимость человека от государства, транснациональных компаний, медиахолдингов, корпораций и прочих акул капитализма, с ложью политиканства, противоречит ПСЧ, и должна преследоваться законом сбережения человеческой СОВЕСТИ И ДОБРОТЫ, исходя из принципа – добро должно быть с кулаками. И ТОЛЬКО ЭТО СПРАВЕДЛИВО.

Добро по-русски, это есть правда, изобличающая ложь. Вспомним пример характерного истока западной лжи в философии. Итак, классик немецкой философии Гегель (XVII–XVIII вв.) изобретает философскую категорию «опосредствованного знания» или «догадки», которое якобы разрешает два противоречия [1, с. 121], при этом, вспомним учение Конфуция с его «золотой серединой», а это V век до нашей эры. Причем Гегель не ссылается на первоисточник как и авторы библейских текстов в древности поживших в славянских общинах, и породивших фразу: «к людям севера не ходите – безгрешны они», сегодня изъятую из текста, и за которую спрятана правда о духовности наших предков.

Наиболее важным, в данном контексте, встает вопрос русской диалектики: что такое буддизм – религия или философия? И ответ на него, мы уверены, наконец-то, прольет свет на искусственный (субъективный) характер смешивания религиозных и философских знаний о мире природы и ПСЧ, справедливо укажет на соотношение объективного и субъективного, правды и лжи, в общественном сознании.

Но сначала следует сказать, что даже марксистско-ленинская философия отмечает: «Буддизм – религия с 3 в. до н.э. В настоящее время сторонники буддизма подчеркивают его «атеистический» характер. В сущности же эти новые эпитеты имеют своей целью пропаганду модернизированной буддистской религии ...» [7].

Не будем наращивать градус, а просто обратим внимание оппонентов по теме статьи, на её главные выводы – функциональность человека предназначена для вы-

явления и устранения факторов своей зависимости и их разрешение при помощи ЕГО общества и государства. Это первое. Второе – поскольку основой философии буддизма являются ЗНАНИЯ о том, что мир наполнен страданиями, страстями и зависимостями, то человек стремится к спасению от них. И здесь русская диалектика указывает ПУТЬ этому стремлению – развитие интеллекта и осознание этих зависимостей, или достижение «Нирваны» (просветления), как говорит учение и ТАМ, и ТАМ через познание единства мудрости древних и диалектики ПСЧ. Наконец, третье – на вопрос, что такое буддизм, религия или философия, диалектика дает исчерпывающий ответ: религия, как известно, не может иметь объективного начала, а буддизм, как философия четырех великих истин, получает это начало, дающее учению Будды и Конфуцианству силу научного мировоззрения объективно отделяющего его от религии.

А превратить буддизм в мировую религию это банальная цель адептов западного христианства в начале новой эры так же отменивших античную философию «как изжившую себя». В этом источник ЛЖИ западной аристократии прошлого и настоящего, преследующий одну и ту же цель – узурпировать природную функциональность человека и через религиозную (непротивление злу насилием) «толерантность» подчинить его сознание своим интересам [5, с. 179].

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики [отв. ред. и авт. вступ. статьи М.М. Розенталя] / В 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
2. Дробышев В.А. Гармония как смысл жизни и субъект права // Образование и право. 2018. № 9. С. 300–311.
3. Дробышев В.А. Русская диалектика – национальная идея России. – М.: Вече, 2022. – 141 с.
4. Конфуций. Беседы и суждения Конфуция [предисловие Председателя Российской секции Международной Конфуцианской ассоциации Л.С. Переломова] / Сост., подготовка текста, прим. и общ. ред. Р.В. Грищенкова. – СПб: Кристалл, 1999. – 1120 с.
5. Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Сочинения. Т. 15. / 4 изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 179–186.
6. Философия: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.В. Миронова. – М.: Норма, 2005. – 928 с.
7. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. – Изд. 3-е. – М.: Политиздат, 1972. – 496 с.

ON INDEPENDENT ACCESSIBILITY IN THE NATURE AND FUNCTIONALITY OF THE PSC AND PUBLIC CONSCIOUSNESS

Drobyshev V.A.

Russian Philosophical Society

The article provides a scientific justification for the natural functionality of man, aimed at identifying and eliminating the factors of his dependence, and identifying ways to resolve it (an example of dependence on money), based on social consciousness, formed only by truly objective knowledge of Russian dialectics. For the first time, a scientific explanation of the principles of the unity of the natural functionality of man and social existence – love, truth and justice – is presented. The simplicity of independent access of animals to life support items is revealed, and the analogy of ways and means of overcoming a person's conscious dependence on natural functionality. A scientific justification is given for the future as a philosophical doctrine that has received an objective basis in the form of Russian dialectics.

Keywords: natural essence of man, demand, functionality, animal, man, harmony, demand, genetics, society.

References

1. Hegel G.V.F. Science of logic [responsible. ed. and author's introduction: M.M. Rozental] / In 3 vols. T. 1. – M.: Thought, 1970. – 501 p.
2. Drobyshev V.A. Harmony as the meaning of life and the subject of law // Education and law. 2018. № 9. – P. 300–311.
3. Drobyshev V.A. Russian dialectics – the national idea of Russia. – M.: Veche, 2022. – 141 p.
4. Confucius. Conversations and judgments of Confucius [preface by the Chairman of the Russian section of the International Confucian Association L.S. Perelomov] / Comp., preparation of the text, approx. and general ed. by R.V. Grishchenkov. – St. Petersburg: Kristall, 1999. – 1120 p.
5. Lenin V.I. Leo Tolstoy as a mirror of the Russian revolution // Works. T. 15. / 4th ed. – M.: State Publishing House of Political Literature, 1947. – P. 179–186.
6. Philosophy: Textbook for universities / Under the general editorship of V.V. Mironov. – M.: Norma, 2005. – 928 p.
7. Philosophical dictionary / Ed. by M.M. Rosenthal. –Ed. 3rd. – M.: Politizdat, 1972. – 496 c.

Особенности реализации современных военных информационно-коммуникативных операций

Кандалов Вадим Иванович,

к.э.н., доцент, доцент Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VIKandalov@fa.ru

Карташова Дарья Алексеевна,

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: dakartashova@gmail.ru

В статье рассматривается средний уровень организации информационной войны – оперативный. К этому уровню отнесены военные информационно-коммуникативные операции, направленные на информационное обеспечение боевых действий, в целях воздействия на сознание войск и населения противника, а также собственной аудитории для формирования выгодной версии медиареальности. На примерах Специальной военной операции, рассмотрены различные ВИКО, реализуемые украинскими и западными специалистами в сфере ведения информационных войн. В ВИКО по расчеловечиванию противника, продвижению культуры отмены России, десимволизации общественного сознания и сакрализации войны предпринимаются усилия по достижению информационного превосходства над российской армией и получению сочувствия со стороны российской аудитории действиям украинских националистов.

Ключевые слова: информационная война, военная информационно-коммуникативная операция, медиареальность, интегрированные коммуникации, расчеловечивание, культура отмены, десимволизация, сакрализация.

Информационная война является не только довольно сложным социально-политическим явлением с теоретической точки зрения, но и непростым в организационном отношении. Структурно в указанном феномене, следуя аналогии с имеющейся в военном искусстве иерархией боевых действий, можно выделить три уровня информационной войны: стратегический, оперативный и тактический [4].

Стратегический уровень представляет собой острый информационный конфликт международного масштаба, противостояние между субъектами которого может как сопровождать горячую фазу войны, так и реализовываться до вооруженного столкновения, так и после или даже вместо него. По существу, именно этот уровень и представляет собой информационную войну в полном смысле.

Второй уровень, **оперативный** – является средним между глобальным и локальным столкновением в информационно-коммуникативном пространстве. Здесь осуществляются спланированные, согласованные по месту и времени информационные операции по достижению конкретных задач в ходе реализации общей цели информационной войны – информационного подавления армии и убеждения населения противника, а также поддержка своих вооруженных сил и граждан страны.

Наконец, третий уровень **тактического** свойства представлен отдельными информационными акциями, инициированными медиа-информационными поводами, а также мероприятиями, осуществляемыми в интересах информационных операций.

Наибольший интерес для настоящего исследования представляет оперативный уровень. Согласно исследованиям В.В. Кафтана, Д.Н. Щербины **военная информационно-коммуникативная операция (ВИКО)** представляет собой спланированную, взаимосогласованную по месту, цели, времени, силам и средствам информационную деятельность, гуманитарного характера, по всестороннему обеспечению военных действий, рассчитанная на враждебные, дружественные или нейтральные аудитории с тем, чтобы склонить их к поддержке продвигаемых в ходе военного столкновения идей, концепций, доктрин, ценностей для оказания влияния на их настроения и поведение по отношению к войне в благоприятном направлении для достижения политических, экономических и социально-духовных целей [2].

Информационное влияние на общество сегодня осуществляется в первую очередь путем управления дискурсивными практиками масс-медиа, формирующими общественное мнение. Суть современных сетевых ВИКО заключается в обеспечении акторам и привносимым ими идеям с помощью доступа к медиасредствам, разработке эффективных сообщений, на основе анализа целевых аудиторий и активного распространения данных сообщений, с помощью средств массовой коммуникации, в целях формирования у аудитории выгодной медиареальности.

Основной технологией сетевых ВИКО являются **интегрированные коммуникации**, под которыми понимается консолидированное использование взаимосвязанных традиционных мобилизационных насильственных (hard)

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

по своему характеру стратегий (пропаганды, агитации) и маркетинговых ненасильственных (soft) стратегий (рекламы, брендинга, имиджмейкинга, связей с общественностью) в едином «пакете» для получения конкурентного преимущества и осуществления комплексного влияния политических акторов на массовое сознание с помощью согласованных, но различных сообщений для аудиторий, относящейся к разным коммуникативным средам в целях формирования их лояльности и доверия.

Рассмотрим наиболее значимые ВИКО, которые были реализованы и продолжают осуществляться в ходе вооруженного конфликта на Украине.

ВИКО по расчеловечиванию противника направлена на формирование образа врага, устрашения своих граждан противником, которому приписываются черты дикарей, варваров, убийц. Расчеловечивание противника дает возможность применять по отношению к нему любое насилие без всякой жалости, будь то использование запрещенных средств ведения войны, того же химического оружия, как это было зафиксировано в Бахмуте, когда украинские боевики с помощью беспилотника распыляли контейнеры с хлорцианом над российскими солдатами [5] или издевательства над военнопленными русскими солдатами, попавшими в плен [9].

Расчеловечивание можно проследить и в паспортах неграждан Эстонии и Латвии, введенные для русскоязычного населения, которые получили официальное название «alien's passport» (англ. «паспорт чужака»). Это название явно отсылает к культовому фантастическому фильму Р. Скотта «Чужой» (англ. Alien) 1979 г., в котором, космонавты на одной из отдаленных планет случайно находят инопланетный организм, который выбрасывается из внезапно раскрывшегося яйца в лицо человека, парализует его, используя его тело в качестве инкубатора для вынашивания детеныша чудовища, который рождаясь на свет разрывает живот своего носителя. То есть потомки людей, числом в десятки тысяч, которые приехали в 1940-е годы в ставшие частью единой страны СССР, республики Прибалтики, неразвитые в промышленном отношении по преимуществу с крестьянским укладом и активно способствовавших их индустриализации, повышению уровня жизни, сегодня не только не имеют равных с другими прав, но еще на официальном уровне в издевательской форме зовутся «чужими» с намеком на их якобы «паразитический» статус. В Евросоюзе, частью которого являются Балтийские страны с 2004 г. закрывают глаза на такую политику апартеида, не позволяющую «чужим» участвовать в выборах, заниматься определенными видами профессиональной деятельности (военная служба, правоохранительные органы, государственная служба) и даже свободно перемещаться по другим странам Единой Европы без визы. В последнее время все чаще раздаются призывы латышских политиков, не интегрировать неграждан, предоставив им все права, а выслать их в Россию.

В ходе Специальной военной операции, опираясь на эпопею фантазии Дж.Р. Толкина «Властелин колец», украинские националисты стали называть российских солдат орками – сказочными персонажами-людоедами, обитающими в глубинах подземелий, пытающихся разрушить мир светлых сил и превратить его в Мордор, бесплодное царство ночи, обитель сил зла.

Еще отечественный мыслитель Русского Зарубежья Н.А. Бердяев подметил, что для западного общества характерен антигуманизм, который принимает формы бестиализма (богозверности): «Согласно этой морали, все стало дозволенным, с человеком можно как угодно обращаться для достижения нечеловеческих и противочеловеческих целей. Бестиализм есть отрицание цен-

ности человеческого лица, всякого человеческого лица, есть отрицание всякой сострадательности к человеческой участи [1, с. 325–326]. Бердяев предвещает, что подобная подмена гуманизма антигуманизмом приведет к моральной катастрофе Запада.

Ж. Боррель, один из руководителей Евросоюза, курирующий дипломатическую деятельность на форуме молодых европейских дипломатов в Брюгге 13 октября 2022 г. назвал европейцев «привилегированными людьми», заявив, что: «Европа – это сад, мы создали этот сад... Все работает, это лучшая комбинация политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности... Остальной мир – это не совсем сад. Большая часть остального мира – это джунгли. А джунгли могут вторгнуться в сад» [7].

ВИКО по продвижению культуры отмены России. В последней редакции Стратегии национальной безопасности РФ указывается, что: «На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов» [10].

В странах Евросоюза сегодня активно внедряется «культура отмены» – сворачивание культурного обмена, запрет на постановку произведений русской культуры, в том числе и классической, отказ в выступлении отечественных артистов за рубежом, санкции на проведение выставок и музейной деятельности, становится все более «токсичным» само употребление русского языка.

ВИКО по десимволизации общественного сознания – это практика разрушения межпоколенческой коммуникации, осуществляемая с помощью негативизации образов прошлого, перестройки символических смыслов, внедрения в коллективную память новых смыслов для устоявшихся значений материальных и духовных объектов.

Одним из первых о важности символического означивания для сохранения истории, преемственности культуры и трансляции духовных ценностей заявил французский ученый из исторической школы «Анналов» П. Нора. По мнению Нора большое влияние на сознание масс имеют так называемые коммеморации или места памяти, к которым можно отнести: мемориалы, пантеоны героев, памятные места, т.е. те или иные материальные артефакты и застывшие материальные свидетельства ушедших эпох и деятельности выдающихся людей своего времени [3, с. 26].

Следует отметить, что деконструкция коммемораций является стандартной практикой духовных и политических революционных событий, когда их инициаторы стремятся разрушить старый мир до основания, прежде чем построить новый. Так было во времена библейского пророка Моисея, уничтожившего золотого тельца, подобным образом действовал Великий Киевский князь Владимир, приказавший утопить в Днепре языческий идол Перуна, сходную политику борьбы с «проклятым» эксплуататорским прошлым проводили большевики, свержая с пьедестала статуи царей и взрывая храмы.

В настоящее время десимволизация превратилась в информационно-коммуникативную практику переделки истории в целях информационной войны, о чем свидетельствует компания по сносу советских памятников,

переименованию городов, глумление над местами захоронения видных деятелей эпохи и вообще уничтожению любых следов общей исторической судьбы украинского и русского народов.

ВИКО десимволизации общественного сознания прошло на территории Украины несколько этапов.

Первый этап (1991–2004) связан с ползучим переосмотром роли бандеровского подполья и таких неоднозначных исторических персонажей как гетманы И. Выговский, И. Мазепа, руководители националистических организаций С. Бандера и Р. Шухевич. Этим лицам стали ставить памятники, а их именами называть улицы.

Второй этап (2004–2014) характеризуется внедрением в массовое сознание культа жертв Голодомора, когда после оранжевой революции президентская команда В. Ющенко провела по всей стране акцию установления во всех населенных пунктах памятников, «свидетельствующих» о вине советской власти в гибели миллионов людей от всеобщего голода на Украине в 1930-е годы. Были написаны учебники по истории, проводились научные конференции, выставки фотографий и свидетельств очевидцев, которые «доказывали» преступный умысел московских властей по уничтожению украинцев и заселению территории русскими.

Третий этап (2014–2022) связан с Евромайданом, проходившим под националистическими или даже нацистскими лозунгами: «Москалів – на ножі», «Москаляку на гіляку», ««Україна понад усе!». «Революция достоинства» ознаменовалась акцией по сносу памятника В.И. Ленину в Киеве несмотря на то, что именно он являлся подлинным создателем украинской государственности, это событие затем было тиражировано на всю страну и получило название «Ленинопад». Затем были опрокинуты монументы, посвященные другим советским партийным и общественным деятелям. Так, в Харькове и Одессе были сорваны бюсты и памятные доски маршала Победы Г.К. Жукова. Под предлогом декоммунизации по всей стране массово стали переименовываться улицы и целые города, открывались новые памятники, в основном деятелям националистического движения, погибшим на майдане жертвам «Небесной сотни» и «героям» Антитеррористической операции на Донбассе, отметившихся вооруженным насилием, обстрелами мирных жителей и мародерством.

На четвертом этапе (2022 – по н.в.) после начала Специальной военной операции, десимволизация набрала новые обороты. Теперь под прицелом оказались мемориации, связанные с наследием культуры и имперским прошлым Малороссии. Так, стали сноситься не только памятники Екатерине II в Одессе, городе ей основанном, но даже памятники А.В. Суворову и А.С. Пушкину. Также были низвергнуты монументы советским героям В. Чкалову и З. Космодемьянской. Свообразным апофеозом стал снос символа освобождения Киева от фашистов, памятника на могиле командующего I Украинским фронтом совестному генералу Ватутину, скончавшегося после покушения бандеровцев в 1943 г. То есть от опрокидывания памятников и разрушения памятных знаков, десимволизаторы перешли к уничтожению могил, окончательно сорвав с себя маски, ведь ранее сторонники Майдана заявляли, что их предшественники и бойцы героизированных ОУН и УПА были не пособниками нацистов, а боролись с ними также, как и солдаты Красной армии.

Сегодня открыто происходит полная зачистка памяти о победителях, и таким образом оправдываются побежденные, т.е. нацисты и коллаборационисты. Об этом свидетельствуют кресты по цвету и форме напоминающих нацистские, которые стали наносить на свою во-

енную технику, полученную от стран НАТО, украинские солдаты. 14 февраля 2023 г. президент Украины подписал указ о присвоении 10 горно-штурмовой бригаде ВСУ наименования «Эдельвейс», явно с намеком о существовавшей в Вермахте в годы II Мировой войны элитной дивизии альпийских горных стрелков «Эдельвейс», укомплектованных альпинистами из Южной Германии и Австрии, отличившихся в карательных акциях в Югославии, Чехословакии, Греции, депортациях в концлагеря евреев и водружении нацистского флага над Эльбрусом (видимо этот факт стал основным в мотивации В. Зеленского).

ВИКО по сакрализации войны направлена на придание вооруженному конфликту экзистенциального характера, продвижение собственной позиции как столкновения сил добра с полчищами зла.

Т. Блэр, премьер-министр Великобритании, санкционировавший вместе с Дж. Бушем военное вторжение в Ирак в 2003 г., в обход Совета Безопасности ООН и даже при несогласии большинства стран блока НАТО, назвал эту войну – «битвой за глобальные ценности», «сражением за прогресс». Это «война особого свойства, в которой невозможно победить обычными средствами... Мы сможем победить, только показав всему миру, что наши ценности имеют качественное преимущество по сравнению с альтернативными ценностями, продемонстрировав наше беспристрастное и открытое стремление сделать их общедоступными».

Причем Блэр, оправдывая эту захватническую войну, унесшую жизни по разным данным, от 160 тыс. до 1,12 млн иракцев, из которых 79% являются гражданскими лицами, заявляет, что навязываемые силовым путем ценности не являются ни западными, ни американскими, ни англосаксонскими, а якобы «принадлежат всему человечеству, носят универсальный характер и должны стать правым делом гражданина мира... Наши ценности служат нам ориентиром, олицетворяющим прогресс человечества на протяжении веков. На каждом этапе нам приходилось отстаивать их. И в преддверии новой эры наступило время снова вступить за них в схватку» [6].

С началом Специальной военной операции, тезис о необходимости защиты «общечеловеческих ценностей», которые якобы отстаивает Украина, стал общепотребимым в политических коммуникациях западных лидеров, оправдывающих в глазах своих избирателей военно-техническую экономико-санкционную помощь и поддержку этой стране. Так, министр иностранных дел Германии А. Бербок, на Форуме-2000 в Праге 31 августа 2022 г. заявила, что она сдержит свое обещание поддержать Украину в противостоянии с Россией, как бы к этому не относились ее немецкие избиратели [8]. Между тем, Бербок является представителем экологической партии Зелёных и отлично понимает, что участие Германии в санкционном давлении против России приводит не только к экономическому кризису, но и к подрыву стабильности энергообеспечения и как следствия переходу не к зелёной экономике, а к возвращению, в целях сохранения тепла для потребителей, наиболее вредным для экологической среды энергоносителями: углю и мазуту.

Рассмотрев различные виды ВИКО, особенности их реализации и последствия, следует отметить, что все они находят применение в настоящее время, однако можно считать наиболее значимыми из них сетевые военные информационно-коммуникативные операции, позволяющие воздействовать на аудиторию противника не напрямую, а с использованием косвенного влияния социальных сетей, всевозможных гаджетов и цифровых

технологий, благодаря которым появляется возможность не просто изменить мнение оппонента, а построить альтернативную версию действительности, в которой инициатор коммуникации всегда окажется в выигрыше.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи. – Париж, 1934. – С. 325–326.
2. Кафтан В. В., Щербина Д.Н. Военные информационно-коммуникативные операции как явление современного общества. – Ч.: ЧВВИУРЭ, 2016. – 228 с.
3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб., 1999. – С. 26.
4. Свечин А. Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927. – 342 с.
5. Штешин Д. «Оружие последнего шанса»: Киев начинает химическую войну // Комсомольская правда. 2023. 6 фев. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.kp.ru/daily/27461/4716997/> (дата обращения: 19.03.2023).
6. Блэр Т. Битва за глобальные ценности. Перевод концептуальной статьи из Foreign Affairs // Время новостей. 2007. 14 фев. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.vremya.ru/2007/26/13/171609.html> (дата обращения: 10.03.2023).
7. Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями // РИА Новости. 2022. 13 окт. [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20221013/evropa-1823673165.html> (дата обращения: 01.02.2023).
8. Глава МИД Германии заявила, что поддержка Украины важнее мнения немцев // РИА-Новости. 2022. 31 авг. [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20220831/berbok-1813527763.html> (дата обращения: 01.02.2023).
9. В ООН признали пытки и расстрелы российских пленных боевиками ВСУ // РИА-Новости. 2022. 18 окт. [Электронный ресурс] – URL: <https://crimea.ria.ru/20221018/v-oon-priznali-pytki-i-rasstrely-rossiyskikh-plennykh-boevikami-vsuv-1124959949.html?ysclid=le4dq8d78o555888340> (дата обращения: 19.03.2023).
10. Стратегия национальной безопасности РФ, утверждена Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // Сайт Президента РФ. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 19.03.2023).

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF MODERN MILITARY INFORMATION AND COMMUNICATION OPERATIONS¹

Kandalov V.I., Kartashova D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article considers the average level of information warfare organization – operational. This level includes military information and communication operations aimed at information support of military operations in order to influence the minds of the troops and the population of the enemy, as well as their own audience to form a profitable version of the media reality. On the examples of the Special Military Operation, various WICOs implemented by Ukrainian and Western experts in the field of information warfare are considered. In WICO, in order to dehumanize the enemy, promote a culture of canceling Russia, desymbolize public consciousness and sacralize war, efforts are being made to achieve information superiority over the Russian army and gain sympathy from the Russian audience for the actions of Ukrainian nationalists.

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: information warfare, military information and communication operation, media reality, integrated communications, dehumanization, culture of cancellation, desymbolization, sacralization.

References

1. Berdyaev N.A. The fate of man in the modern world. Towards understanding our era. – Paris, 1934. pp. 325–326.
2. Kaftan V. V., Shcherbina D.N. Military information and communication operations as a phenomenon of modern society. – Ch.: CHVVIURE, 2016. – 228 p.
3. Nora P. Problematika places of memory // France-memory. – St. Petersburg, 1999. – p. 26.
4. Svechin A. Strategy. – M.: Military Bulletin, 1927. – 342 p.
5. Steshin D. “The weapon of the last chance”: Kiev starts a chemical war // Komsomolskaya Pravda. 2023. 6 Feb. [Electronic resource]. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27461/4716997/> (date of appeal: 03.19.2023).
6. Blair T. The Battle for Global Values. Translation of a conceptual article from Foreign Affairs // News Time. 2007. 14 Feb. [Electronic resource]. – URL: <http://www.vremya.ru/2007/26/13/171609.html> (date of appeal: 03.10.2023).
7. Borrel compared the world around Europe with the jungle // RIA Novosti. 2022. 13 Oct. [Electronic resource]. – URL: <https://ria.ru/20221013/evropa-1823673165.html> (date of appeal: 01.02.2023).
8. The German Foreign Minister said that the support of Ukraine is more important than the opinion of the Germans // RIA-News. 2022. 31 Aug. [Electronic resource]. – URL: <https://ria.ru/20220831/berbok-1813527763.html> (date of appeal: 01.02.2023).
9. The UN recognized the torture and execution of Russian prisoners by the militants of the Armed Forces of Ukraine // RIA-News. 2022. 18 Oct. [Electronic resource]. – URL: <https://crimea.ria.ru/20221018/v-oon-priznali-pytki-i-rasstrely-rossiyskikh-plennykh-boevikami-vsuv-1124959949.html?ysclid=le4dq8d78o555888340> (date of appeal: 03.19.2023).
10. The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Presidential Decree No. 400 of July 2, 2021 // Website of the President of the Russian Federation. [Electronic resource]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of appeal: 03.19.2023).

¹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

К вопросу о парадигмальных основаниях современной информационной войны

Кафтан Виталий Викторович,

д.ф.н., профессор, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VVKaftan@fa.ru

Осмоловская Дарья Валерьевна,

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: DVOsmolovskaya@fa.ru

Статья посвящена исследованию методологических оснований коммуникативной деятельности в современной информационной войне. Раскрывается необходимость утверждения в науке принципа мультипарадигмальности как наиболее эффективного методологического инструмента, обеспечивающего проведение исследований в области информационного противоборства. На основе анализа основных моделей ведения современной информационной войны делается вывод, о том, что парадигмальными основаниями для ее организации выступают доминирующие в научно-исследовательском сообществе и теоретически разработанные эпистемы.

Ключевые слова: парадигма, эпистема, информационно-коммуникативные технологии, информационная война, децепция, АСТ, гуманитаристика, «человек-машина».

Любая сознательная, результативная, сложноорганизованная деятельность, в том числе и информационная война, невозможны без научных оснований. Под научными основаниями понимается система обоснованных, эмпирически подтвержденных идей, описывающих реальную действительность с какой-либо позиции. Именно научные основания придают практическому опыту осмысленный теоретический характер, позволяют понять причины и следствия информационной войны, особенности применяемых методов, форм и приемов, а также технологий ее ведения, возможные перспективы дальнейшего развития.

Для описания специфики научных оснований американский философ науки Т. Кун ввел понятие «парадигма» (от др. греч. παράδειγμα – образец, модель), под которой понимается не только некая наиболее общая теория, разъясняющая сущность и содержательные черты изучаемого явления, а кроме того, образцы мышления научного сообщества по поводу исследований в определенной сфере бытия, ценностные ориентиры научной работы и стандарты с помощью которых осуществляются научные построения и обобщения [4].

Так, например, в конце XX века, благодаря динамичному развитию средств массовой коммуникации возникает новая *коммуникативная парадигма* – косвенного или контекстного управления, согласно которой, поскольку человек связан миллионом незримых взаимосвязей с другими людьми, сообществами, организациями, государством, постольку имеется возможность мягкого информационного влияния на его коммуникации для достижения собственных управленческих целей.

Суть информационной войны с точки зрения коммуникативной парадигмы состоит в перепрограммировании картины мира противоборствующей стороны. По мнению М. Маклюэна истинно тотальной войной является война посредством информации [9]. Ее незаметно ведут электронные средства коммуникации – это постоянная и жестокая война, в ней участвуют буквально все [8].

Согласно мнению М. Кастельса, информация – это власть, а контроль над средствами коммуникации – средство осуществления власти. «Наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание. Битва за изменение и применение норм в обществе происходит вокруг формирования человеческого сознания, поэтому коммуникация – эпицентр этой битвы» [2].

Лакатос считал, что именно научное сообщество делает рациональный выбор из множества возможных вариантов, какая именно «парадигма» будет признана на конкретном этапе в качестве основной. Однако, в лакатосовской позиции, не совсем ясен механизм указанного выбора.

Французский философ-постмодернист М. Фуко, предложил свой подход к анализу научных оснований. Будучи историком идей и психиатром, Фуко попытался понять, как относились к безумным в разные времена и пришел к выводу, что на каждом из исторических этапов среди ученых господствует определенный курс, который определяет тему, правила высказывания,

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

в то время как альтернативные разговорные практики маргинализируются и подавляются, именно в этом и состоит власть знания – *эпистема* (от др. греч. ἐπιστήμη – точное знание).

Так, в Средневековье, человек с психическими отклонениями не считался больным, а господствующий дискурс состоял в том, что он одержим бесами и его надо не лечить, а с помощью специального подготовленного священника – экзорциста, изгонять из него этих злых духов.

В середине XIX в., когда психиатрия получила научно-теоретическое обоснование и практическую базу, господствующий дискурс состоял в необходимости назначения лечения для безумного человека, трансформирующегося в психического больного, которое состояло как в применении лекарственных препаратов, так и в физическом воздействии (обливание холодной водой, удары электрическим током).

В первой трети XX в. когда на основе учения З. Фрейда о неврозах, причиной которых считаются проблемы, происшедшие с клиентом в его детско-подростковом возрасте, появилась профессия психоаналитика, установилась эпистема, в рамках которой, больного следует не лечить медикаментозно, а проводить сеанс беседы, в котором попытаться выявить причину отклонений и поговорив о ней, тем самым оказать помощь [12].

Другими словами, эпистема означает языковое превосходство одной парадигмы над другой, языковое управление полем научным смыслам.

В последние годы, перехода в науке к постнеклассическому типу рациональности, под влиянием открытий в квантовой физике и разработки принципа комплементарности, концепций нестандартного развития, синергетики и управляемого хаоса, ученые все чаще говорят о необходимости утверждения в науке мультипарадигмальности.

В рамках мультипарадигмального подхода, поскольку главной целью информационной войны следует считать воздействие на человека, его сознание и поведение, постольку различные парадигмы информационной войны выстраиваются на специфическом понимании человека.

Имеет смысл выделить несколько различных парадигм информационной войны: децепции, механицистской, гуманитарной, акторно-сетевой. Рассмотрим их более подробно.

Парадигма децепции

Выступает одной из первых, возникла еще задолго до появления самого этого термина в Древнем Китае. Китайская философия основным предметом своего рассмотрения считала понимание человека, его места в обществе, а также возможности организации государственного управления людьми. Так, интегрирующей идеей, объединяющей различные подходы, стала позиция полководца Сунь-цзы (IV в. до н.э.), который с одной стороны отдавал должное значению человека в жизни общества и государства (гуманность), а с другой предлагал, опираясь на знание особенностей человеческого мышления и поступков (гуманитарность) управлять ими на основе обмана.

Китайский полководец считал, что «война – путь обмана», что в условиях неопределенности, необходимо «побеждать замыслом», стремится к «достижению победы над противником, не сражаясь с ним», т.е. основной упор делать не на непосредственно боевых действиях, а на введении врага в заблуждение, в «туман войны», добиваясь своих целей без физического поражения врага.

Для этого он призывал к разложению всего хорошего, что имеется у врага: обесценивать его традиции и обычаи, разжигать столкновения среди граждан враждебной страны, в том числе между молодежью и стариками, дискредитировать правительственные органы и их решения (их подкуп и вовлечение в коррупционные схемы); раздачи денег и обещаний «так как они приносят прекрасные результаты» [10].

В настоящее время рассматриваемая парадигма, уже не являясь господствующей, сохраняет свое значение. Социально-политическая нестабильность, становясь стратегической характеристикой международных отношений, вызвало к жизни желание и благодаря новым средствам коммуникации, создала и возможности для трансформации субъекта децепции. Все чаще, от государственных органов, политиков, военачальников, инициатива в наведении тумана войны переходит к множественным, а зачастую и анонимным субъектам, среди которых видную роль играют глобалистские ТНК и НКО, независимые структуры безопасности и частные вооруженные компании [11, с. 98–99]. При этом, все существовавшие ранее правила и ограничения в этой деятельности, строго соблюдаемые противниками даже в эпоху Холодной войны, цинично попираются и даже высмеиваются, а обман с помощью глобальных сетевых медиа становится всеобъемлющим и не оставляет для людей, интересующихся проблемой, буквально даже щёлки, чтобы взглянуть на истинное положение дел.

Механицистская парадигма

В Эпоху Просвещения возникает понимание человека как очень сложного механизма. В 1747 г. французский философ Ж. де Ламетри написал книгу: «Человек-машина», в котором он сравнивал людей с самым точным имеющимся в то время агрегатом, которым выступали швейцарские часы [6].

В военной сфере человек выступал своеобразным винтиком военной машины, поэтому на поле битвы господствовало линейное построение войск, а важное место в военной подготовке занимали строевая подготовка и парады, в ходе которых от военных подразделений добивались четких и синхронных движений, по сути превращая их в автоматические устройства.

К. фон Клаузевиц разработал *определение войны*, согласно которому «война – общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами», она представляет собой разновидность общественно-государственной деятельности и формируется общественными отношениями – типом общества, которым она ведется, а также способом правления.

В рамках механицистско-линейного видения, война имеет тринитарную структуру, которую составляют: правительство (ответственно за объявление и окончание войны, руководство боевыми действиями), армия (участвующая непосредственно в сражениях на поле боя и способствующая достижению политических целей), народ (который несет основную тяжесть войны, не только обеспечивая армию всем необходимым, но и поставляя для нее живую силу). В качестве наглядного образца войны немецкий мыслитель использует схватку двух борцов, каждый из которых стремится с помощью физического насилия («ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует») довести другого до крайности и принудить выполнить его волю [5, с. 20–23].

Информация в таком понимании войны играет второстепенную роль, нося вспомогательный характер, выступая одним из видов обеспечения ведения боевых дей-

ствий (наряду с материальным, техническим, инженерным, медицинским и другими видами).

Во время Холодной войны между СССР и США, носившем в основном информационный характер, среди советских специалистов господствовала марксистская оценка войны (усовершенствованная теория войны Клаузевица), согласно которой война есть форма вооруженного насилия, «продолжение политики иными средствами». То есть основное внимание уделялось силовой составляющей военного конфликта, отсюда некоторое пренебрежительное отношение к возможностям нефизического, информационного влияния, хотя очевидно, что насилие бывает только физическим, ведь духовное насилие, когда в рабском подчинении находится не только труд человека, но порабощено само его сознание, является наиболее разрушительным.

Основным средством противодействия военно-информационному воздействию противника было глушение, с помощью специальных передатчиков помех, вражеских радиостанций, основного в те времена медиа («Голос Америки», «Свобода», «Би-би-си», «Немецкая волна» и др.), вещавших на десятках языков народов СССР и использующих в своей деятельности искаженно трактуемые факты о событиях в стране, зачастую скрываемых официальными источниками информации. Радиоголоса, отстаивая «свободу слова» привлекали внимание аудитории по принципу «запретного плода».

Гуманитарная парадигма

В первой трети XX века, благодаря динамичному развитию философии прагматизма (У. Джеймс, Дж. Дьюи), аналитической философии (Л. Витгенштейн, Д. Остин) и, социогуманитарных наук (Чикагская школа социологии: А. Смолл, Р. Парк, У. Томас, Дж. Мид), а также учения об управлении (школа человеческих отношений Э. Мейо) возникает отношение к человеку как сложному существу, обладающему не только биолого-психологическими и социальными особенностями, но и знаково-символическими структурами мышления и языка, которые необходимо учитывать в любом виде деятельности, в том числе и в военной.

Одним из способов воплощения гуманитарного отношения к человеку является *гуманитарная война* (гуманитарная интервенция). Концепция гуманитарной войны была разработана учеными и политиками США и НАТО в 1990-х гг., после гибели СССР для экономического и политического освоения территорий, оставшихся без советского контроля, в целях утверждения мирового лидерства и переустройства мира под предлогом защиты и поддержки населения нестабильной в политическом отношении стране, установления демократии в «тоталитарных государствах». В качестве тумана войны, вооруженного вторжения на территорию суверенного государства для свержения правительства, поставившего страну на грань гуманитарной катастрофы, использовалось оказание гуманитарной помощи и воспрепятствование геноциду одной из этно-религиозных групп населения [3].

Согласно американской исследовательнице Д. Джонстон, гуманитарная война проходит несколько этапов. На первом, западные страны оказывают поддержку выходя из состава некоего государства определенного меньшинства, генерируя тем самым состояние нестабильности в регионе. На втором – правительство, пытаясь противодействовать хаосу принимает радикальные меры против повстанцев, иногда переходящие в массовые репрессии. На третьем – ключевую роль играют НКО и сотрудники международных гуманитарных организаций, которые передают огласке преступления правящего

режима, характеризуя их в иностранной печати как геноцид и требуя военное вмешательство «прогрессивных сил». На четвертом – происходит интервенция, в обособленной части страны устанавливается марионеточное правительство, которое заключает международные договоры о военно-экономической помощи. Между тем, население в зоне конфликта продолжает оставаться жертвами взаимной ненависти, усиливающейся из-за драматизации событий медиа [1].

Акторно-сетевая парадигма

Связана с распространившейся в начале XXI века позиции антиантропоцентризма, согласно которой, человек является искусственно привилегированным объектом. Эта позиция возникла в рамках *спекулятивного реализма*, вызванного к жизни неопределенным онтологическим статусом вновь возникающих гибридных объектов, отмеченных вторжением человека в геологические и экологические процессы, сращиванием человека и техники, трансгуманистическими перспективами человечества, развитием искусственного интеллекта, динамичным внедрением новых цифровых технологий и искусственных нейронных сетей.

Представитель спекулятивного реализма Г. Харман заявляет, что ныне существующим трем объектам онтологии сегодня добавляется четвертый. Первые три – это вертикальные онтологии, одна – признание существования всеобщего единства мироздания, другая – множественного основания (мира микрочастиц), третья – человека как середины между двумя предыдущими мирами, с позиции которого «верх» и «низ» полагаются. Четвертая онтология – горизонтальна и признает бесчисленность онтологических центров, в котором человек лишь один из них и все онтологические объекты равноправны и ни один из них не может занимать привилегированной позиции [13].

Б. Латур указывает, что в конструировании социальной реальности активно участвуют не только сами люди и социальные образования (общности, группы, организации и институты), но и вещи (материальные объекты), образующие *множественное акторно-сетевое пространство*. В такого рода *акторно-сети*, происходит постоянная пересборка социального, которую производят акторы (люди) и актанты (не-человека), подсоединяя других участников коммуникации посредством некоторых устанавливаемых между ними связей (ассоциаций) [7].

Таким образом, под *парадигмальными основаниями информационной войны* следует понимать наличие определенных теоретически разработанных позиций-эпистем, включающих особое видение модели острого конфликта в коммуникативной сфере, методов его познания и дальнейшей трансформации, каждая из которых имеет главенствующую роль на определенном этапе развития научного знания об объекте, и продолжает сохранять свое значение в настоящее время, дополняя научное поле исследования и расширяя возможности прикладного использования теоретических знаний в ходе научного сопровождения информационного противоборства. Наиболее значимыми эпистемами в условиях развития современной информационной войны в этой связи выступают философские идеи и концепции децепции, механицизма, гуманитаристики и акторно-сетевой теории.

Литература

1. Джонстон Д. Бернар Кушнер: пиар-доктор «гуманитарных интервенций» // Контрудар / Под ред.

- А. Кохбурна и Д. Ст. Клера. 2007. 4 июня. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.warand-peace.ru/ru/analysis/view/17331/> (дата обращения: 01.02.2023).
2. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
  3. Кафтан В.В. Теории и технологии современной информационной войны. – М.: КноРус, 2022. – 288 с.
  4. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Наука, 1975.
  5. Клаузевиц К. О войне. – М., 2007. – С. 20–23.
  6. Ламетри Ж.О. Человек-машина // Ламетри Ж.О. Сочинения. – М.: Мысль, 1976.
  7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
  8. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 226 с.
  9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2007. – 464 с.
  10. Сунь-цзы. Искусство войны. Стратегия и тактика победителя. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 792 с.
  11. Ракитянский Н.М. Опыт системного анализа или размышления над книгой Е.В. Егоровой-Гантман «В тумане войны. Наступательные военные коммуникативные технологии» // Информационные войны. 2010. № 4. С. 98–99.
  12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994.
  13. Харман Г. Четверойкий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. – Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 147 с.

ON THE QUESTION OF PARADIGMATIC FOUNDATIONS MODERN INFORMATION WARFARE¹

Kaftan V.V., Osmolovskaya D.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the methodological foundations of communicative activity in modern information warfare. The necessity of establishing the principle of multiparadigmality in science

as the most effective methodological tool for conducting research in the field of information warfare is revealed. Based on the analysis of the main models of modern information warfare, it is concluded that the paradigmatic grounds for its organization are the dominant epistemes in the research community and theoretically developed. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: paradigm, episteme, information and communication technologies, information warfare, deception, AST, humanitarianism, “man-machine”.

References

1. Johnston D. Bernard Kushner: PR doctor of “humanitarian interventions” // Kontrudar / Edited by A. Kohburn and D. St. Clair. 2007. June 4. [Electronic resource]. – URL: <https://www.warand-peace.ru/ru/analysis/view/17331/> (date of appeal: 01.02.2023).
2. Castels M. The power of communication. – M.: Publishing House of the HSE, 2016.
3. Kaftan V.V. Theories and technologies of modern information warfare. – M.: KnoRus, 2022. – 288 p.
4. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. – M.: Nauka, 1975.
5. Clausewitz K. About the war. – M., 2007. – pp. 20–23.
6. Lametri Zh.O. Man-machine // Lametri Zh.O. Essays. – M.: Thought, 1976.
7. Latour B. The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory. – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014.
8. McLuhan M., Fiore K. War and peace in the global village. – M.: АСТ: Astrel, 2012. – 226 p.
9. McLuhan M. Understanding media: external human extensions. – M.: Kuchkovo field, 2007. – 464 p.
10. Sun Tzu. The art of war. Strategy and tactics of the winner. – M.: Eksmo; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003. – 792 p.
11. Rakityansky N.M. The experience of system analysis or reflections on the book by E.V. Egorova-Gantman “In the Fog of War. Offensive military communication technologies” // Information wars. 2010. No. 4. pp. 98–99.
12. Foucault M. Words and things. Archeology of the Humanities. – St. Petersburg: A-cad, 1994.
13. Harman G. Chetveroyakiy object. The metaphysics of things after Heidegger. – Perm: Gile Press, 2015. – 147 p.

¹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Язык и реальность: информация как средство социального инжиниринга и управления

Каюмов Айдар Талгатович,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры социальных наук и технологий НИТУ МИСИС
E-mail: atkayum@gmail.com

В данной статье рассматриваются философские аспекты управления и позиционирования информационно-коммуникативных процессов в современном мире. Автор анализирует фундаментальные проблемы, связанные с природой информации, коммуникации, и управления ими, а также их влияние на социокультурные трансформации.

Ключевые слова: информация, социальная информация, коммуникация, глобализация, информационная и цифровая среда, информационная безопасность, социокультурная трансформация.

Стремительное и масштабное развитие массовой коммуникации, всё ускоряющаяся их глобализация неоднозначно влияют на мировое сообщество. С одной стороны, позволяют мобильно донести информацию на любую точку планеты, преодолевая время и пространство, при этом меняя стиль межчеловеческих отношений, структуру духовного потребления, формируя новый социальный порядок и создавая единое пространство. В то же время этот процесс приводит к определенным изменениям в области языка коммуникации (хотя на наш взгляд эта проблема может стать проблемой отдельного исследования). Однако, с другой стороны, современные могущественные средства коммуникации, их огромные возможности создают новые опасности, влияющие на развитие социальности, её культуру, на индивидуальное и общественное сознание, духовный мир человека и, в конце концов, на его психику.

Философские исследования феномена социальной информации проводятся на пересечении различных областей философии, таких как онтология, эпистемология и этика. Она стремится понять сущность информации, её роль в формировании реальности и как она влияет на наше восприятие мира.

В работах З. Фрейда и известного российско-американского лингвиста Р.О. Якобсона [2] были заложены основы философского понимания информации как средства передачи и сознания. Согласно Фрейду, информация может иметь скрытый смысл, который подсознательно влияет на наши действия и решения [1]. Якобсон, в свою очередь, разработал теорию коммуникации, выделяя разные виды сообщений и акцентируя внимание на их целях и контексте [2].

Современные философы, изучающие феномен информации, такие как Люси Сучман [3] и Пьер Леви [4], исследуют, как информация преобразовывает общество и культуру. Они подчеркивают важность критического мышления и анализа информации в цифровую эпоху, когда доступ к ней стал более легким, но искажение и манипуляция также являются серьезными проблемами.

Таким образом, в современный период перед социально-гуманитарными науками возникла острая необходимость исследования и глубокого осмысления тех социальных и этических изменений, которые произошли под влиянием средств массовой коммуникации и в структуре человека информационного общества.

В условиях глобализации информационного пространства особенно актуальнейшей становится проблема безопасности в её информационном и культурном аспектах. Философский взгляд на эту проблему позволяет более глубоко понять сущность, значение информационной безопасности в современном мире и определить место человека в мире цифровой информации. Информационная безопасность – это не просто технико-технологический вопрос, связанный с защитой данных и информационных систем, это фундаментальная философская проблема. Она касается вопросов человеческой свободы, этики, морали и власти.

Реальную опасность представляет тот факт, что человек находясь в информационной и цифровой среде,

постоянно оказывается в пределах досягаемости все-стороннего, тотального контроля, когда в этих условиях нарушается автономия личности, неприкосновенность личной жизни и свобода индивида.

Стремление к сбалансированному использованию информации, уважение к частной жизни других, прозрачность в обработке данных – вот те основные принципы, которые должны стать общепринятыми и безусловно соблюдаться. Доверие между индивидами, организациями и институтами должна строиться на соблюдении этических норм, а нарушение информационной безопасности может нарушить это доверие.

Эти и многие другие проблемы ставят перед современной наукой, в том числе и социальной практикой актуальные задачи поиска вариантов и путей обеспечения диалектического единства гуманности и эффективности информационных технологий. На основе принципов гуманности, человечности и должна строиться политика в области конструирования социальной информации и управления коммуникационными процессами.

Таким образом, поставленная проблема тесно связана с общественной потребностью в оптимальном конструировании социальной информации, циркулирующей в обществе. Необходима отладка механизма использования и развития регулятивного механизма потенциала и возможностей социальной коммуникации и повышение социальной эффективности управления социальной информацией и коммуникативной регуляции в современном обществе.

Ещё в Древней Греции Аристотель (IV век до н.э.), в своей работе «Риторика», заложил основы понимания коммуникации как искусства убеждения [5]. Эта идея приобрела особую актуальность и остроту в современном обществе, особенно с учетом влияния медиа и социальных сетей на формирование общественного мнения.

Современные теории коммуникации, в том числе, например теория Г.П. Грайса о кооперативном принципе [6] позволяют понять, каким образом сообщения передаются и интерпретируются. Они также подчеркивают важность контекста и контингентности в коммуникации.

Отметим, что в реальной практике социального управления использование информации строится на нескольких основных принципах, лежащих в основе деятельности управляющих информацией социальных субъектов. Вот главные из них – это принцип аттрактивности информации и принцип целесообразности, т.е. социальной значимости. Можно также выделить ряд принципов организации информации, которые используются в целях социального управления и включают базовые свойства социальной информации.

Первый принцип означает, что субъектами информационных воздействий выделяются целевые аудитории, разрабатываются механизмы воздействия на них, существуют соответствующие корпоративные аналитические структуры по идентификации направления информационного воздействия, определению его субъекта, целевых установок и задач, прогнозированию его дальнейших информационных взаимодействий.

Можно выделить два типа направленности информации: активное и пассивное информационное взаимодействие. Активное – в смысле директивного, приказного информирования с установкой на исполнение. Пассивное – информационное предложение. В первом типе активной стороной является поставщик информации, а во втором – потребитель, так как в этом случае он реагирует и анализирует информацию. Активная сторона в первом случае формирует некую организованную социальную структуру по конструированию информационной среды и организации потоков социальной ин-

формации, во втором – активная сторона должна иметь возможность обратиться к надежным социальным субъектам по работе с информацией для ее адекватного уяснения и прогнозирования последствий того или иного информационного воздействия.

Второй принцип, самый важный, предполагает жесткую привязанность субъекта информационного воздействия своим жизненным целям тактического и стратегического свойства. Он использует информацию для оптимизации собственного развития и функционирования. Поэтому информация (субъектно-субъективная), по сути, конструируется и транслируется им не как истинно-объективная, а как социально-значимая, соответствующая социальным целям субъекта. Именно этот принцип характеризует причинно-обусловленные основания информационного взаимодействия.

Третий принцип организации информации означает, что субъект обладающей полной информацией выдает ее иным акторам в виде неполной, то есть использует свой информационный ресурс для управления внешней относительно него социальной реальностью. При этом конкретный социальный субъект, естественно, должен исходить из принципов целесообразности и аттрактивности информационного воздействия. Понимание диалектического характера указанных дихотомий, необходимость поиска меры в их сочетании является одним из главных условий в работе с информацией.

На основе представленных форм коммуникационного менеджмента реализуется собственно социальная коммуникация, сущность которой заключается в передаче информации между индивидами, группами и взаимодействии между ними. Она олицетворяет способ, с помощью которого мы обмениваемся знаниями, идеями, чувствами и опытом. В контексте информационно-коммуникативных процессов информация представляет собой нечто более чем просто набор данных. Она является средством передачи знаний, создания связей между индивидами и формирования культурных и социальных значений. Коммуникация как многосторонне и сложное явление включает в себя три основных компонента: информационно-коммуникативный, перцептивный и интерактивный.

На наш взгляд, новая политика коммуникационного менеджмента должен включать в себя несколько уровней. Первый – это уровень личности, что свобода личности тесно связан с её образованностью и запасом получаемой информации. Второй уровень – это материально-технические средства массовой коммуникации и экология коммуникации. И последний третий уровень – это организационный, где правила игры в области информации и коммуникации должны быть предельно транспарентны и ясны.

Итак, современная социальная коммуникация призвана удовлетворять различные жизненные потребности человека: социальные, познавательные, информационные, потребности «его» и т.д. Кроме того, различные коммуникативные механизмы, технологии и практики выступают своеобразными регуляторами структуры потребностей, мотивов и целей субъектов и социальных общностей.

Таким образом, мы ставим проблему оптимального конструирования социальной информации, циркулирующей в обществе, изучения регулятивного потенциала коммуникативных отношений, его рационального использования с целью снижения негативных последствий развития средств массовой коммуникации, повышении социальной эффективности коммуникативной регуляции.

Очевидно, что информационный подход представляется собой мощный инструмент познания социума – сня-

тия социальной неопределенности, но при этом нельзя увлекаться чрезмерной эксплуатацией информационно-модуса.

Сегодня субъект познания – это человек и мыслящий, и чувствующий, а, кроме того, мыслящий и чувствующий критически. Он использует информацию непосредственно как производительную силу, формируя с ее помощью свои цели и определяя, конструируя направленность и структуру своих действий, т.е. постоянно преодолевая неопределенность, объективно присутствующую в рамках социальной практики; использует данный ресурс в качестве инструмента стабилизации форм своего бытия и повышения устойчивости функционирования социальных модусов, составляющих поле его жизнедеятельности. Наконец, он сам источник собственной информации, где отражаются его представления и отношения. В этой связи актуальной является только та информация, которая побуждает критическое осмысление и отношение к её содержанию. Таким образом он выступает субъектом развития познавательного процесса – субъектом преодоления, снятия неопределенности своего бытия. Вследствие этого в инструментальных признаках социальной информации выделяется присутствующая в ней целевая функция. Цель предполагает осознание субъектом причинно-следственных связей и отношений, в которые он включен. Другими словами, информация здесь выступает как представления субъекта об окружающей действительности и действующих в ней закономерностях, то есть уже как снятая неопределенность – знание.

Таким образом, социальная информация выступает, одновременно как инструмент снятия неопределенности и, как мера необходимого в ходе социальных преобразований. В этом заключается диалектическая связь социальной информации и исторического процесса. Поэтому и социальная практика и социальная информация находятся во взаимосвязи и взаимодействии, определяя суть и характер друг друга.

Ценность (актуальность) информации зависит от множества факторов, в том числе и факторов субъектного характера. Для решения поставленной проблемы вводится понятие избыточности информации, которое может быть выражено следующей графической зависимостью (рис. 1).

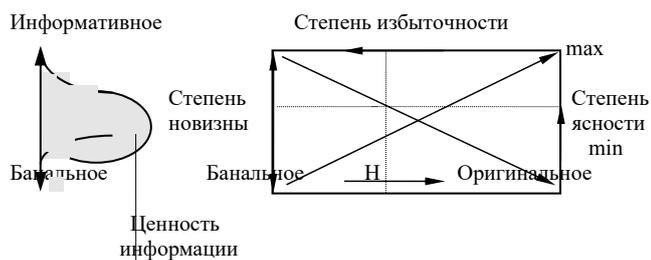

Рис. 1. Иллюстрация «закона информативности» по К. Шеннону [7]

Как видно, избыточность не пропорциональна информации, её ценности. Однако актуальность и новизна информации тесно связаны с избыточностью. Чем банальнее сообщение, тем оно яснее. С другой стороны, ценность информации, которая содержит «чистую новизну» также мала, т.к. данное сообщение не может

быть адекватно востребовано субъектом вследствие его неподготовленности к восприятию этих данных. Здесь мы наблюдаем диалектическую взаимосвязь между двумя крайностями: оригинальностью сообщения и его абсолютной банальностью. Избыточность информации, в рамках данного диалектического единства выполняет функцию меры – своеобразного критерия, с помощью которого определяется не только степень ясности сообщения для субъекта, но и его новизна (информативность), а следовательно, и ценность. Иначе говоря, степень ценности информации находится в логарифмической зависимости от ее избыточности (неопределенности), а новизна транслируемых данных прямо пропорциональна оригинальности сообщения.

Литература

1. Аристотель. Риторика. – URL: <https://flibusta.su/book/17058-ritorika/read/>
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. – URL: <http://kant.narod.ru/grice.htm>
3. Леви П. Киберкультура. – URL: https://books.google.ru/books/about/Cyberculture.html?id=iDdl_FwGZE8C&redir_esc=y
4. Сучман Л. Взаимодействие человека с компьютером. – URL: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Human%E2%80%93computer_interaction
5. Фрейд З. Введение в психоанализ. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 544 с.
6. Шеннон К.Э. Математическая теория связи. – URL: <https://studfile.net/preview/3719777/>
7. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.

LANGUAGE AND REALITY: INFORMATION AS A MEANS OF SOCIAL ENGINEERING AND MANAGEMENT

Kayumov A.T.
NUST MISIS

This article discusses the philosophical aspects of managing and positioning information and communication processes in the modern world. The author analyzes the fundamental problems associated with the nature of information, communication, and their management, as well as their impact on sociocultural transformations.

Keywords: information, social information, communication, globalization, information and digital environment, information security, sociocultural transformation.

References

1. Aristotle. Rhetoric. – URL: <https://flibusta.su/book/17058-ritorika/read/>
2. Grice H.P. Logic and speech communication. – URL: <http://kant.narod.ru/grice.htm>
3. Lévy P. Cyberculture. – URL: https://books.google.ru/books/about/Cyberculture.html?id=iDdl_FwGZE8C&redir_esc=y
4. Suchman L. Human–computer interaction. – URL: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Human%E2%80%93computer_interaction
5. Freud Z. Introduction to psychoanalysis. – Moscow: AST Publishing House, 2022. – 544 p.
6. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication. – URL: <https://studfile.net/preview/3719777/>
7. Jakobson R.O. Linguistics and poetics // Structuralism “for” and “against”. – M., 1975. – P. 193–230.

Миндигулова Арина Александровна,

старший преподаватель кафедры философии, ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный технический университет»
E-mail: mindigulova@corp.nstu.ru

Целью данного материала является краткий обзор широко используемого в настоящий момент понятия искусственного интеллекта (ИИ) с целью дисциплинарной демаркации последнего. В работе приведён обзор наличествующих подходов к определению понятия ИИ в отечественных и зарубежных источниках. Фокусируется внимание на возможных причинах имеющегося множества трактовок понятия ИИ. Среди последних можно зафиксировать небольшой срок полноценного использования технологий ИИ обществом, междисциплинарность возможной применимости таких технологий, постоянное увеличение масштабов использования технологий и их распространение на все сферы жизни общества, а также различные подходы к определению понятия интеллект – базового для любых дальнейших рассуждений об ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, феномен ИИ, междисциплинарность.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) – одна из наиболее обсуждаемых и стремительно развивающихся технологий последнего времени. Столь активное развитие ИИ открывает перед нами, с одной стороны, его потенциально неограниченные возможности, но в то же время и провоцирует сомнения о его возможном влиянии на будущее человечества.

Настоящий материал будет попыткой представить различные подходы к определению понятия ИИ в современном цифровом обществе.

Подходы к определению понятия ИИ

Несмотря на то, что история технологий ИИ развивается на протяжении нескольких столетий, до сих пор мировым научным сообществом не выработано универсального определения самого понятия ИИ. На текущий момент существует большое разнообразие подходов к определению понятия ИИ. При этом, разумеется, подходы эти имеют в себе некоторые похожие черты. Искомому многообразию способствует сложность и разнообразие технологий ИИ, их функций, методов и областей применения. Кроме того, сами технологии ИИ отличаются междисциплинарным характером своего применения. Данная исследовательская ситуация способствует многообразию определений, которые могут быть даны понятию ИИ. Также необходимо ответить большое разнообразие целей применения технологий ИИ, что также способствует неоднозначности определения понятия [1].

На примере отечественных и зарубежных материалов, попробуем обозначить ключевые подходы к определению понятия ИИ и его содержательной части. Данный обзор не претендует на абсолютную полноту охвата всех источников, а, скорее является способом продемонстрировать широту использования искомой технологии.

А.А. Атанов отмечает, что уровень гуманитарных знаний, по сравнению с техническими, в настоящий момент недостаточно развит, акцентируя при этом внимание на том что «система соотношения ИИ и человека, включает, в первую очередь, человека» [2].

С.И. Сухарев даёт достаточно обширное определение понятию ИИ. В авторской интерпретации интеллект является промежуточным звеном между разумом и рассудком. Относительно рассудка интеллект представляется более развитым, по отношению к разуму же интеллект – это инструмент воплощения мыслей [3].

Е.В. Смирнов в своей работе рассматривает, ИИ как область разработки способов и методов поведения рационально действующих агентов или, иными словами, интеллектуальных систем. [4].

Д.В. Фишер и А.Н. Бурмистров определяют, ИИ – это наука, составленная из множества областей знаний, в частности, математики, психологии, программирования, нейрофизиологии и лингвистики. [5].

К. Яковлев рассуждает в своей работе о том, что ИИ является научной дисциплиной, цель которой заключается в получении моделей, методов и программных средств, позволяющих неким искусственным устрой-

ствам ставить перед собой цели, производить разумные рассуждения и обучаться [6], [7].

Что касается зарубежных авторов, то, например, М. Куперс и Р. Прасад в своей статье отмечают: «обычно ИИ связан с машинами / алгоритмами, которые демонстрируют некоторые интеллектуальные человеческие качества, такие как обучение, рассуждение, решение проблем, планирование, знания, восприятие и манипулирование» [8].

Л. Парентони резюмирует: «особенностью систем ИИ является то, что они признаются обществом как, собственно, ИИ только тогда, когда они являются новыми, когда они начинают выполнять задачи, которые были неподвластны людям» [9].

Нестандартное определение ИИ с точки зрения эмоций дано в работе А. Скрибано и М.В. Маирано: «искусственный интеллект – это новая технология, используемая в различных отраслях промышленности, которая порождает изменения в наших способах видения, восприятия и отношения к миру» [10].

В докладе Объединенного исследовательского центра (JRC) Еврокомиссии «Искусственный интеллект. Европейская перспектива» [11], составленного в формате научных независимых рекомендаций, ИИ определяется как комплексное понятие, обозначающее «любую машину или алгоритм, способные исследовать свою среду и обучаться, и основываясь на накопленных знаниях и опыте, осуществлять разумные действия и предлагать решения».

Одним из наиболее всеобъемлющих определений на данный момент является то, которое было разработано группой экспертов высокого уровня HLEG AI. Оно гласит следующее: «ИИ-системами являются программные (или аппаратные) системы, которые разработаны людьми и которые функционируют в физическом или цифровом измерении, способные воспринимать среду, осуществляя сбор данных, анализировать собранные структурированные или неструктурированные данные, формировать логические выводы, основываясь на знаниях и информации из обработанных данных, и принимать решение о наилучших действиях в контексте достижения поставленной цели. Такие системы могут применять символичные правила или числовые модели, а также, адаптировать свое поведение, анализируя влияние на среду своих предыдущих действий» [12].

Даже из столь небольшого количества приведенных выше примеров определения понятия ИИ становится очевидным, что единства мнений в этом вопросе в настоящий момент не существует. Авторская позиция состоит в том, что подобная исследовательская ситуация объясняется несколькими причинами. Во-первых, технологии ИИ в современном их понимании являются достаточно «молодыми» в общем историческом масштабе. Они непрерывно совершенствуются, дополняются, конкретизируются и т.д. Соответственно, и определение не может быть статичным, оно видоизменяется параллельно с самими технологиями. Во-вторых, технологии ИИ не существуют сами по себе. Чаще всего речь о применении технологий идет в каком-либо конкретном тематическом контексте: ИИ в образовании, медицине, промышленности и т.д. В связи с этим и определение «прирастает» характеристиками, свойственными каждой конкретной области использования. В-третьих, является очевидным, что дать определение ИИ невозможно без первоначального точного ответа на вопрос о том, что такое, собственно, интеллект. Точки зрения мирового исследовательского сообщества относительно данного вопроса на данный момент различны.

Заключение

Технологии ИИ прошли долгий путь в своём историческом развитии: от логики Аристотеля до современных интеллектуальных систем. Существует множество подходов к определению понятия ИИ. Фиксируются мнения о том, что ИИ, подобно, собственно, интеллекту, можно рассматривать своеобразной связью между разумом и рассудком. Другая позиция состоит в том, что ИИ – это мощный инструмент изменения способа видения. Также эксперты отмечают, что технологии ИИ могут быть признаны обществом, только если они способны выполнять новые задачи. Имеет место быть подход, при котором ИИ являются «машинами» с человеческим лицом. Имеются также и более традиционные подходы к определению понятия ИИ, в частности, ИИ – механизм разработки определённых методов поведения интеллектуальных систем или способ разработки целенаправленных действий. Из всего вышесказанного следует, что единого мнения, что следует понимать под технологиями ИИ, нет. Причиной тому является как то, что технологии постоянно дополняются способами своей реализации, так и то, что ИИ – это междисциплинарная технология, используемая практически повсеместно во всём многообразии социальных отношений.

Литература

1. А.Ю. Марченко Проблема определения понятия «искусственный интеллект»: подход Европейского союза / А.Ю. Марченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 10. – С. 67–70. – DOI 10.23672/r6560–2546–5630-f.
2. А.А. Атанов Журналист по имени робот: вопросов больше, чем ответов / А. Атанов. – Текст: непосредственный // Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 210–215.
3. С.И. Сухарев Соотношение разума, интеллекта и рассудка в теософическом познании: гносеологический и онтологический аспекты: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: дис. канд. филос. наук / Сухарев Сергей Иванович; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2009. – 155 с.
4. Е.В. Смирнов Проблема искусственного интеллекта: онтологические и гносеологические аспекты: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: автореф. дис. канд. филос. наук / Смирнов Егор Васильевич; Магнитогорский государственный университет. – Магнитогорск, 2012. – 23 с.
5. Д.В. Фишер Использование искусственного интеллекта в системе образования / Д.В. Фишер, А.Н. Бурмистров. Неделя науки СПбПУ: Материалы научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Политехнический университет. – 2016. – С. 370–372.
6. М.В. Яковлев Слежка и контроль в цифровых медиа – вызов стратегии доверия / М.В. Яковлев. Век информации. – 2018. – № 2 (2). – С. 203–205.
7. А.А. Морозова Феномен искусственного интеллекта в современной науке: понятие, векторы и проблемы применения в сфере массмедиа / А.А. Морозова, С.Н. Попова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2021. – № 4(42). – С. 41–52. – DOI 10.47475/2070–0695–2021–10405.
8. M. Kuipers, R. Prasad Journey of Artificial Intelligence, Wireless Personal Communications, October 2021, DOI:10.1007/s11277–021–09288–0

9. L. Parentoni Artificial Intelligence, July 2020, In book: Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy, Publisher: Springer. DOI: 10.1007/978-94-007-6730-0_745-1
10. A. Scribano, M.V. Mairano Narratives, emotions and artificial intelligence: a reading of artificial intelligence from emotions, September 2021, SN Social Sciences 1(9). DOI: 10.1007/s43545-021-00237-z
11. A. Annoni, P. Benczur, P. Bertoldi, B. Delipetrev, G. De Prato, C. Feijoo, E. Fernandez Macias, et al. Artificial Intelligence: A European Perspective. Craglia, M. editor(s), EUR29425 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2018, ISBN 978-92-79-97219-5.
12. A definition of Artificial Intelligence: main capabilities and scientific disciplines // [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=56341 (дата обращения 20.09.2023).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: DISCIPLINARY DEMARCATION OF THE CONCEPT

Mindigulova A.A.

Novosibirsk State Technical University

The purpose of this paper is to briefly review the currently widely used concept of artificial intelligence (AI) with the purpose of disciplinary demarcation of the latter. The paper provides an overview of the existing approaches to the definition of AI in domestic and foreign sources. The paper focuses on the possible reasons for the existing multitude of interpretations of the concept of AI. Among the latter we can fix a short period of full-fledged use of AI technologies by society, interdisciplinarity of possible applicability of such technologies, constant increase in the scale of technology use and its spread to all spheres of society, as well as different approaches to the definition of the concept of intelligence – the basic concept for any further discussions about AI.

Keywords: artificial intelligence, AI, AI phenomenon, interdisciplinarity.

References

1. A.YU. Marchenko The problem of defining the concept of “artificial intelligence”: the approach of the European Union / A. Yu. Marchenko // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2021. – № 10. – С. 67–70. – DOI 10.23672/r6560-2546-5630-f.
2. A.A. Atanov Journalist named robot: more questions than answers / A. Atanov. Atanov. – Text: immediate // Voprosy teorii i praktika. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 210–215.
3. C.I. Sukharev The correlation of reason, intellect and reason in theosophical cognition: gnoseological and ontological aspects: specialty 09.00.01 “Ontology and theory of cognition”: Cand. philos. sciences / Sukharev Sergey Ivanovich; Bashkir State University. – Yfa, 2009. – 155 c.
4. E.B. Smirnov The problem of artificial intelligence: ontological and epistemological aspects: specialty 09.00.01 “Ontology and theory of cognition”: Cand. of philos. sciences / Smirnov Egor Vasilievich; Magnitogorsk State University. – Magnitogorsk, 2012. – 23 c.
5. D.B. Fischer Use of artificial intelligence in the education system / D.B. Fischer, A.H. Burmistrov. Week of Science SPBPU: Proceedings of the scientific conference with international participation, St. Petersburg. Part 2. – St. Petersburg: Polytechnic University. – 2016. – С. 370–372.
6. M.B. Yakovlev Surveillance and control in digital media – the challenge of trust strategy / M.B. Yakovlev. The Age of Information. – 2018. – № 2 (2). – С. 203–205.
7. A.A. Morozova Phenomenon of artificial intelligence in modern science: concept, vectors and problems of application in the field of mass media / A.A. Morozova, S.N. Popova // Znak: problem field of media education. – 2021. – № 4(42). – С. 41–52. – DOI 10.47475/2070-0695-2021-10405.
8. M. Kuipers, R. Prasad Journey of Artificial Intelligence, Wireless Personal Communications, October 2021, DOI:10.1007/s11277-021-0921-09288-0
9. L. Parentoni Artificial Intelligence, July 2020, In book: Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy, Publisher: Springer. DOI: 10.1007/978-94-007-6730-0_745-1
10. A. Scribano, M.V. Mairano Narratives, emotions and artificial intelligence: a reading of artificial intelligence from emotions, September 2021, SN Social Sciences 1(9). DOI: 10.1007/s43545-021-00237-z
11. A. Annoni, P. Benczur, P. Bertoldi, B. Delipetrev, G. De Prato, C. Feijoo, E. Fernandez Macias, et al. Artificial Intelligence: A European Perspective. Craglia, M. editor(s), EUR29425 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2018, ISBN 978-92-79-97219-5.
12. A definition of Artificial Intelligence: main capabilities and scientific disciplines // [Electronic resource] URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=56341 (accessed 20.09.2023).

Функции модели системной защиты исторического сознания российского общества

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент департамента
«Психологии и развития человеческого капитала»,
Финансовый университет при правительстве Российской
Федерации
E-mail: left@lsn.ru

В статье представлено обоснование необходимости создания модели системной защиты исторического сознания российского общества через определение её функций в современном социуме. Актуальность исследования определяется значением исторического сознания для поступательного и устойчивого развития общества, сохранения социальной стабильности на основе объединяющего чувства гордости за прошлое страны. В исследовании сформулированы основные функции модели системной защиты исторического сознания, их роль и влияние на эффективность функционирования и жизнеспособность модели. Представлен обзор источников негативного влияния и угроз для исторического сознания современного общества, и, как следствие, обоснована необходимость противодействия. По результату исследования сделан вывод о важности системного взаимодействия всех функций модели, что обеспечивает её устойчивость и эффективность, а также быструю адаптацию к факторам влияния – как внутренним, так и внешним.

Ключевые слова: модель, сознание, история, социальный конструкт, массовое сознание, историческое сознание, структура, функции.

Введение

Для представления модели системной защиты исторического сознания российского общества необходимо обосновать её значимость, что определяется теми функциями, которые модель должна исполнять. Эти функции имеют важное значение для сохранения и передачи ценностей прошлого, формирования национальной идентичности, развития общественного сознания на основе патриотизма и гордости за прошлое страны, обеспечения устойчивого и гармоничного развития общества, укрепления его культурной, исторической и национальной основы. Одно из значений термина «защита» – ограждение от какой-либо угрозы, внешней или внутренней, от нападения либо других нежелательных воздействий, от неприемлемого влияния. Вот мнение ряда исследователей: «В последние тридцать лет историческое сознание подверглось хаотизации. На смену старому, которое было не просто деконструировано, а тотально разрушено, пришло множественное новое, противоречивое, порой фантастическое, популярно-развлекательное и исторически фальшивое» [6, с. 286]; «В совокупности переформатирование исторического сознания ведет к созданию мифологической картины мира, уводя человека от реальной действительности, что может иметь печальные последствия для функционирования российского общества в условиях глобальных вызовов современности» [2, с. 232], «Всё выше сказанное свидетельствует о глубокой трансформации исторического сознания, его кризисе. Повторим, кризис идентичности и кризис исторического сознания оказываются теснейшим образом взаимосвязанными и усугубляются в условиях глобализации» [5, с. 97]. Очевидная угроза, и, как следствие, необходимость сохранения исторической памяти и защиты исторического сознания граждан страны нашла свое подтверждение и на государственном уровне. В частности, это выразилось в принятии новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 2 июля 2021 г., а также в его решении об образовании межведомственной комиссии по историческому просвещению (Указ Президента РФ № 442 от 30 июля 2021 г.) [9]. Таким образом, в современном российском обществе первоочередной задачей является необходимость защиты исторического сознания – например, от внедрения фальшивых исторических представлений, фальсификации исторических событий и фактов, навязывания чувства вины за историю страны, продвижения исторического образа «тёмного прошлого» и т.п. Системность защиты исходит из понимания значимости и эффективности такого подхода, а сама система «...определяется как целостное образование, представляющее собой организованный, упорядоченный комплекс элементов, содержательно и структурно связанных между собой. В отличие от бессистемных образований с их случайными связями и отношениями, системы вплетены в цепь существенных, закономерных связей и отношений, характеризующихся достаточно жёсткой, чётко выраженной иерархичностью, подчинением систем низшего порядка системам высшего порядка» [10, с. 28]. В настоящее время в нашей стране нет ответственного государственного органа, на кото-

рый бы была возложена обязанность проведения системной политики сохранения исторического сознания. Между министерствами и ведомствами отсутствует координация по осуществлению единичных программ, так или иначе касающихся проблемы сохранения исторической памяти и защиты исторического сознания. Отсутствует единая общегосударственная стратегия противодействия фальсификации истории, которая могла быть основана на модели системной защиты исторического сознания, что позволило бы целостно и организованно, упорядоченно и структурно выстраивать государственную политику сохранения исторической памяти и развития общественного сознания на основе знания и уважения истории страны.

Фальсификация истории и негативное влияние на историческое сознание

Модель системной защиты исторического сознания и её функции должны основываться на реалиях сегодняшнего дня с учётом опыта прошлого и видения желаемого будущего страны. Невозможно не замечать факты сознательного и целенаправленного процесса фальсификации истории, в основном осуществляемого из политических интересов и стремления манипуляции массовым сознанием. Для примера: история соседнего государства – Украины – просто придумывается заново и одновременно противопоставляется истории России (Советского союза). В этом противостоянии Россия представляется вековым агрессором, угнетателем народов, ей вменяется историческая вина за войны на европейском континенте. В итоге Россия объявляется экзистенциальной угрозой безопасности и суверенитету не только Украины, но и всех «демократических» стран Европы. Таким образом, фальсификация истории служит демонизации нашей страны, «расчеловечиванию» многомиллионного народа, оправданию любых агрессивных действий в отношении нашего государства.

Например, Министерство образования Украины уже с 2000-х годов рекомендует для школьников учебники по истории Украины, где сообщается что «история украинского народа насчитывает 140 тысяч лет» [4, с. 6]. В учебнике по истории для 9-го класса можно узнать, что «национальная политика Российской империи была направлена в Украине на ускорение процесса превращения украинцев в «настоящих русских» <...> Украинцев, которых называли не иначе как «малороссами», лишали права на образование и использование родного языка. Антиукраинский характер деятельности российского правительства еще более усилился в царствование Николая I (1825–1855) ... Даже слово «Малороссия», которое официально заменило слово «Украина», употреблялось все реже и реже» [11, с. 11]. В настоящее время на Украине практически нет учебников, в которых Россия не изображалась бы многовековым угнетателем соседних народов, причём такой нарратив безальтернативен, в публичном пространстве не допускается даже возможности дискуссии по вопросам истории, где бы России не приписывали исключительную агрессивность. Практически такая же картина с искажением и политизацией истории в странах Прибалтики. В 2015 году Федеральное архивное агентство совместно с Российским государственным архивом социально-политической истории, фондом «Историческая память», Российской ассоциацией прибалтийских исследований выпустили сборник научных работ «Прибалтийские исследования в России» [8]. В статье «Инструментарий государственной исторической политики Латвии: воздействие на историческое сообщество» В.В. Симиндей кон-

статирует: «Начиная с 1990–1991 гг. полный пересмотр представлений о событиях, связанных с периодом пребывания в составе СССР, стал использоваться в Латвии на государственном уровне в качестве инструмента для переформатирования общественного сознания и закрепления новой власти. В основу «национальной» идеологической конструкции был положен тезис латышских эмигрантских кругов о странах Балтии как жертвах двух тоталитарных режимов, согласно которому советский режим подавался как «более опасный и худший» для титульных балтийских народов, чем нацистский» [8, с. 18]. Общую концепцию в отношении истории в странах Балтии формулирует И. Никифоров в статье «Политика исторической памяти в странах Балтии»: «В современных государствах Балтии даже академическая полемика по темам новейшей истории общественностью рассматривается скорее как полемика политическая или юридическая, нежели собственно научно-историческая, и ведет не к объективному описанию событий прошедшего, а к достижению политического господства посредством символического господства той или иной «истории»» [8, с. 46]. К сожалению, и в других бывших республиках СССР, а теперь независимых государствах, главная идея, встраиваемая в общественное сознание, заключается в изложении исторических событий как многовековой борьбы за независимость с «северным соседом», который не позволял угнетённым народам самостоятельно развиваться и строить свою национальную идентичность на основе собственной тысячелетней истории. «Примечательно, что отставание самостоятельности и дистанцирование от России для элит многих государств воспринимались как синонимичные понятия и действия. Неудивительно, что проще всего это было сделать, объявив многовековые связи с Российским государством «агрессией», «насильственной ассимиляцией», «русской экспансией» и т.п.» [3, с. 133]. Приписываемая России агрессивность и политика «отрицания истории» призваны оказывать разрушающее влияние на историческое сознание народов нашей страны, лишить нравственных ориентиров, разорвать преемственность поколений. Концепция «Информационной войны будущего» [7] во многом основывается на переформатировании исторического сознания – это такое разрушение существующего через встраивание нового толкования уже привычных идеологически окрашенных номинализаций и конструкций, например таких как «толерантность», «мир, основанных на правилах», «демократия», «свобода». Манипуляция общественным сознанием происходит путём переоценивания исторических событий, придания им другого смысла, значения. Так, итоги второй мировой войны трактуются не как освобождение от немецко-фашистских захватчиков, а как лишение свободы (порабощение) независимых государств Советским союзом, где «Сталин хуже Гитлера», а фашизм равен сталинизму. Соответственно, продолжая эту логику, исторические деконструкторы приходят к выводу, что сторонники фашизма – это «борцы за свободу и процветание», а противники и борцы с фашизмом становятся «врагами демократии и свободы», которые «проявили агрессию в отношении свободных стран Европы». Новые идеологические конструкции закрепляются резолюциями, воззваниями, в конечном итоге становятся обязательными и направляющими для средств массовой информации нарративами для осуждения истории СССР и России. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию от 3 июля 2009 года, где говорится о воссоединении разделённой Европы, а также уравниваются нацизм и сталинизм, роль Советского Союза и нацистской Германии в подготовке и начале Второй мировой

войны. На основании Пражской декларации о европейской совести и коммунизме от 2008 года, по инициативе депутатов из Словении и Литвы, устанавливается памятная дата 23 августа, день подписания пакта Молотова – Риббентропа в 1939 году, который в официальных документах теперь называется общеевропейским «днём памяти жертв нацизма и сталинизма». Одновременно появляется множество статей, научных работ, популярной и художественной литературы, в которых продвигается тезис не только о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны, но и об отсутствии юридического и морального права на Победу. Поэтому СССР необходимо считать страной, потерпевшей поражение, что, по мнению многих авторов, подтверждается дальнейшим распадом Организации Варшавского Договора, самого СССР, расширением военно-политического блока НАТО до границ России, – это значит, что победитель становится побеждённым со всеми вытекающими из этого умозаключения последствиями. В частности, поднимается вопрос возмещения ущерба всем странам, которые считают себя пострадавшими от «агрессивной войны, развязанной СССР и лично Сталиным», а Россия как правопреемница СССР представляется государством, обязанным платить «потерпевшим» от «советского экспансионизма»». Таким образом, политика Запада, направленная на «историческое переформатирование», пытается полностью делигитимизировать и деконструировать исторические основания системы мироустройства, сложившейся по результатам Второй мировой войны, повлиять на историческое сознание российского общества для принятия политической реальности, существующей по новым, сконструированным, нормам и правилам, которые легко интерпретируются и меняются в зависимости от текущих ценностей и идеологии коллективного Запада.

В этой связи представляется, что для сохранения исторической идентичности, традиционных ценностей, а также права эффективно и последовательно отстаивать свои интересы России необходимо:

1. Формировать и реализовывать систему противодействия искусственной исторической реальности, основанной на фальсификации исторических процессов как прошлого, так и настоящего в масштабе не только российского государства, но и мировой цивилизации. Отказаться от практики спонтанной реакции на отдельные фальсификации, строить свою научно обоснованную и опирающуюся на исторические факты модель системной защиты исторического сознания.
2. Сохранять традиционные ценности, в том числе память об историческом прошлом всех народов большой страны. Чтить своих героев. Знать памятные даты, места ратных и трудовых подвигов предков – всё, что должно объединять многонациональное общество в одно целое.
3. Совершать проактивные действия, отказавшись от постоянной реакции на задаваемую Западом историческую повестку. Основой модели сохранения исторического сознания российского общества должна стать долгосрочная стратегия, предусматривающая перехват управления историей.
4. Необходимы существенные и неотложные изменения в российском образовании. Современные информационно-коммуникационные технологии должны быть не целью реформ, но средством, позволяющим познавать историю с учётом важности привития молодёжи ценностных и духовно-нравственных ориентиров.

5. Выявлять, анализировать и вырабатывать методы противодействия в отношении негативного влияния на историческое сознание российского общества с учётом постоянно развивающихся информационно-коммуникационных технологий.

Основные функции модели системной защиты исторического сознания

Как интегрирующую и главную в модели системной защиты можно выделить функцию сохранения и сбережения целостности и значимости исторического сознания для развития российского государства и социума. Данная функция должна обеспечиваться систематическими усилиями государства и общества по сохранению исторической памяти и традиционных ценностей, распространению и изучению исторической информации, развитию музейной и архивной сферы, проведению исторических исследований и популяризации исторической науки.

Главная функция неразрывно связана с другой – образовательной. И речь не только и не столько о профессиональном образовании, хотя и оно важно, сколько о массовом историческом просвещении в различных формах. А для этого необходимо создавать условия, в которых историческая информация будет доступна для широкой публики, проводить массовые исторические мероприятия и формировать чувство патриотизма на основе памяти о героическом прошлом страны. Поэтому модель системной защиты исторического сознания должна выполнять и воспитательную функцию – это важно в первую очередь для подрастающего поколения. С детства должно вырабатываться умение получать и анализировать объективную информацию. Необходимо прививать способность проверять достоверность источников, умение критически относиться к интерпретации исторических событий в так называемой «художественно-популярной» истории. В результате воспитания через историю и культуру у молодого поколения должно появляться понимание и принятие важности исторического наследия, уважение к историческим ценностям и традициям.

Регулятивная функция модели реализуется через систему ценностей, символов, знаков, определяющих отношение к истории страны в общеразделяемых образах, представлениях, ритуалах, что формирует ценностно-поведенческие ориентиры в обществе.

Функция формирования идентичности – необходимый элемент модели системной защиты исторического сознания. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, в современном обществе идентичность открыта для любого внешнего воздействия. Поэтому возникает ситуация «отказа от идентичности» ради сохранения целостности личности [1]. Идентичность личности и общества во многом имеет одни и те же корни: это история предыдущих поколений. Кем были и что делали предки конкретного человека – это личностная история его самого и его рода. А жизнь и дела множества людей, участвовавших в тех или иных событиях прошлого, – это история общества, объединённая множеством историй конкретных людей, что может быть прочной основой формирования идентичности человека в социуме. Без этой исторической памяти происходит «отказ от идентичности» или, в терминологии Э. Эриксона, появление «спутанной идентичности» как переживания потери или отсутствия корней [12]. Отождествление на основе общего прошлого возможно при сохранении в массовом сознании преимущественно положительных и позитивных образов исторических событий. К истории «поражения», запечат-

лённой (сконструированной) в сознании исключительно негативными образами («тёмному прошлому»), возникает отношение как к чужой. Человек отказывается идентифицировать себя с «тёмным прошлым» своей страны, что неизбежно приводит к «потере корней».

Все представленные выше функции взаимосвязаны и дополняют друг друга, обеспечивая сохранение исторической идентичности и памяти, а также развитие исторического сознания в обществе. Модель системной защиты исторического сознания может быть эффективной лишь при условии слаженного функционирования, поскольку все функции необходимы именно в системном взаимодействии, как внутреннем, так и внешнем.

Заключение

Признание существующей угрозы негативного влияния фальсификаторов истории на сознание российского общества делает насущной необходимость создания действенной модели сохранения исторического сознания. Такая модель должна подразумевать системное взаимодействие всех субъектов общественного развития, например органов государственной власти, общественных организаций, лидеров общественного мнения, представителей науки, искусства и др.

Функции модели определяются задачами сохранения исторической преемственности, позитивного опыта и ценностей прошлого, исторической памяти, формирования национальной идентичности на прочном фундаменте достижений и подвигов предыдущих поколений, обеспечения устойчивого и гармоничного развития общества, укрепления его культурной, исторической и национальной основы.

Функции модели обеспечивают её устойчивость и эффективность при условии системного взаимодействия и взаимного дополнения, возможности быстрой адаптации к внешним и внутренним изменениям.

Главной и интегрирующей является функция сохранения и сбережения целостности и значимости исторического сознания для развития российского государства и социума.

Обозначенные подходы к пониманию функций модели, а также их роли в устойчивости и эффективности её функционирования не являются исчерпывающими, что объясняется сложностью и масштабом проблемы. Однако они могут стать основой для дальнейшей разработки и внедрения модели системной защиты исторического сознания.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 322 с.
2. Корнеев В.В. Фальсификация истории как способ разрушения советской идентичности в современной России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2019. – № 1 (834). – С. 231.
3. Лещев Е. Н., Харитоновна Н.И. Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. – Т. 11. – № 6. – 2016. – С. 133.
4. Лях Р., Темирова Н. Учебник истории Украины для 7-го класса. – Киев: Генеза, 2003.
5. Останина О.А. Историческое сознание – идентичность – глобализация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – Т. 2 (68). – 2016. – № 4. – С. 97.

6. Пичугин В.Г. Концепция доминантной идентичности в модели сохранения исторического сознания российского общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12. – № 1А. – С. 286.
7. Пичугин В.Г. Концепция информационной войны будущего / В.Г. Пичугин, Л.А. Годунова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 3–15.
8. Прибалтийские исследования в России. 2015. Сборник статей / Сост. М.А. Вилков, В.В. Симиндей. – М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. – 480 с.
9. Российская газета от 30.07.21 г. Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2021 № 442 «О Межведомственной комиссии по историческому просвещению».
10. Толпыкин В.Е. Системность как методологический принцип современной постнеклассической науки // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 7. – С. 28.
11. Турченко Ф. Г., Мороко В.Н. История Украины, 9-й класс. – Киев: Генеза, 2002.
12. Эрикссон Э.Г. Детство и общество. – СПб.: Ленато, 1996. – 394 с.

FUNCTIONS OF MODEL OF SYSTEMIC PROTECTION OF THE RUSSIAN SOCIETY'S HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article presents a rationale for the need to create a model of systemic protection of Russian society's historical consciousness through the definition of its functions in modern society. The relevance of the present research is determined by the importance of historical consciousness for the progressive and sustainable development of society as well as for the preservation of social stability based on a unifying feeling of pride for the country's past. The research formulates the main functions of the model of systemic protection of historical consciousness, their role and impact on the efficiency of functioning and viability of the model. The overview of the sources of negative influence and threats to the historical consciousness of modern society is presented, thereby, the need for counteraction is substantiated. Based on the results of the study, it was concluded that the systemic interaction of all functions of the model is important, which ensures its stability and efficiency, as well as its rapid adaptation to both internal and external influencing factors.

Keywords: model, consciousness, history, social construct, mass consciousness, historical consciousness, structure, functions.

References

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. – M.: Medium, 1995. – 322 p.
2. Korneev V.V. Falsification of history as a way of destroying Soviet identity in modern Russia // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2019. – No. 1 (834). – P. 231.
3. Leshchev E. N., Kharitonova N.I. Falsification of history as a threat to the national security of Russia: political aspect // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – Т. 11. – No. 6. – 2016. – P. 133.
4. Lyakh R., Temirova N. Textbook of the history of Ukraine for the 7th grade. – Kyiv: Geneza, 2003.
5. Ostanina O.A. Historical consciousness – identity – globalization // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology. – Т. 2 (68). – 2016. – No. 4. – P. 97.
6. Pichugin V.G. The concept of dominant identity in the model of preserving the historical consciousness of Russian society //

- Context and reflection: philosophy about the world and man. – 2023. – T. 12. – No. 1A. – P. 286.
7. Pichugin V.G. Concept of information warfare of the future / V.G. Pichugin, L.A. Godunova // News of Tula State University. Humanitarian sciences. – 2021. – No. 3. – P. 3–15.
  8. Baltic studies in Russia. 2015. Collection of articles / Comp. M.A. Vilkov, V.V. Simdey. – M.: Publishing Center of the Historical Memory Foundation, 2015. – 480 p.
  9. Russian newspaper dated July 30, 2021. Decree of the President of the Russian Federation dated July 30, 2021 No. 442 “On the Interdepartmental Commission for Historical Education.”
  10. Tolpykin V.E. Systematicity as a methodological principle of modern post-non-classical science // Theory and practice of social development. – 2011. – No. 7. – P. 28.
  11. Turchenko F. G., Moroko V.N. History of Ukraine, 9th grade. – Kyiv: Geneza, 2002.
  12. Erickson E.G. Childhood and society. – St. Petersburg: Lenato, 1996. – 394 p.

Мифология бренда как социокультурный феномен

Сельдинова Дарья Олеговна,

аспирант института гуманитарных наук Московского
городского педагогического университета
E-mail: daria.seldinova@mail.ru

Миф – это многозначный культурный феномен, значение которого менялось на протяжении всей человеческой истории от сказания о богах до способа осмысления бытия и миропонимания. Несмотря на то, что по ряду определений рациональное мышление противопоставляется мифическому, жизнестойкость мифа доказывается его существованием даже в на первый взгляд благоразумном обществе наших дней. Данная статья исследует актуальность современного мифотворчества как культурного феномена общества в XXI веке и роль брендов как активных действующих участников сакрализации повседневного. Рассматриваются факторы, влияющие на возникновение современной мифологии брендов, а также приводятся мифогенные факторы в различных социальных институтах. Современные бренды вовлекаются в мифотворчество, характерное для больших городов общества изобилия, и являются необъемлемой частью ряда представителей урбанистической культуры, встраиваясь и дополняя их личный, уникальный миф.

Ключевые слова: Мифология, бренд, культурный код, мифотворчество, массовая культура.

Философия вырабатывает методы изменения мира, а также осмысляет окружающее, и в XXI веке рассмотреть актуальность такого, казалось бы, архаичного понятия как «миф» полезно для осознания себя в современном пространстве. Миф определяется как устное сказание о богах, героях, явлениях природы или имеет значение выдумки или недостоверного повествования.

Наверняка, для ряда современных людей, воспитанных в европейской цивилизации, при первом упоминании слова «миф» на ум приходят мифы Древней Греции, Древнего Египта, скандинавская, славянская мифология, то есть то, что было жизнью и реальным миром для людей, живших как минимум более тысячи лет назад.

Однако миф жив и обволакивает человеческое сознание, воплощаясь в ценностях и поступках людей XXI века. Сегодня мы не только продолжаем верить в Богов разных религий, мы верим в науку (которая также мифологична по своей сути, но об этом позже). В современном мире возникает такой интересный феномен как «мифология бренда», и у этой мифологии есть свои последователи.

Казалось бы, мир в XX и XXI веках должен бы поменяться, стоит опираться на научно-рациональные аргументы. Только почему-то в современности люди хотят не просто удовлетворять свои потребности в быстрой и безопасной езде, выбирая безликий автомобиль, напротив, в мечтах современных взрослых и детей определённые бренды, несущие свою историю, свой миф, который так притягателен. Так ли неактуален миф сегодня?

Новые средства массовой коммуникации делают миф более составным, сложным, объединяющим разное. В середине XX века Ролан Барт в своей работе «Миф сегодня» писал [2, 265]: «миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение». Он добавляет [2, 266]: «Носителем мифического слова способно служить все – не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, спектакли, реклама. Миф не определяется ни своим предметом, ни своим материалом, так как любой материал можно произвольно наделить значением: если для вызова на поединок противнику вручают стрелу, то эта стрела тоже оказывается словом».

Согласно мнению, популярному среди определённой части мыслящей аудитории, современный миф – это искажение реальности для выполнения конкретной задачи (идеологической, рекламной, политической или даже юмористической). Широкое распространение интернета и социальных медиа, которые по мнению современников еще сильнее снизили объем фильтрации общедоступной информации способствуют развитию современных мифов, в частности, фейковых новостей, городских легенд, теорий заговора.

Критики современного мифа относят его к одному из видов средств манипуляции брендов, помещающих индивида в тоталитарный искусственно созданный тип религиозного. Согласно этой точке зрения, виртуальная реальность, наполненная символами и кодами, обозначающими вещи, созданная маркетологами занимает место мифологической. Данному мнению в качестве контраргумента хотелось бы привести в пример данные по количеству верующих самых распространённых религий – христианство – более 2 млрд человек, ислам с 1,8

миллиарда последователей во всем мире, индуизм – 1,1 миллиарда последователей, буддизм – 500 млн человек (всего 5,4 млрд человек) [16]. Если мы сравним общее количество людей на планете, которое приближается к 8 млрд человек [17] с общим количеством последователей этих 4 мировых религий, то получается, что 67,5% населения земного шара, то есть более половины всего населения планеты, являются верующими (если принимать в расчёт только самые распространённые религии, и это без учёта синтоизма (104 миллиона последователей), сикхизма (25 миллионов последователей), иудаизма (14 миллионов последователей) и других верований). То есть открыты к сверхъестественному. Религия же как раз базируется на мифе.

Бренды в современном мире не являются единственной соломинкой – символом и надеждой на лучшее, а просто дополняют мифологию XXI века, где соседствует вера в Бога, сверхъестественные существа и амулеты. И на это есть свои причины. Михаил Эпштейн предлагает свою интерпретацию закона истории – оставание человека от человечества, согласно которому человек за свою короткую жизнь не в состоянии усвоить всё то богатство знаний, которые накопило человечество за свою многотысячелетнюю историю [8, 27]. Видимо, в современном высокоскоростном мире человеку требуется что-то ещё для утверждения себя в мире.

Религиозные ориентиры остаются, но все мы помним, что основная религиозная вера он отменяла поверий в мифологические существа. Так, Крещение Руси в 988 г. стало заменой язычеству. При этом связанные с иррациональным и сакральным верования, связанные с бытом и повседневностью далёких от книжной культуры людей, оставались в их сердцах.

Даже в XX в., во времена СССР, где главной формой веры был марксизм-ленинизм, всемирно известный кинорежиссёр Андрей Тарковский сетовал [1]: «Недавно я получил прекрасную квартиру, а жить там не могу. Там нет домовых, там ничего нет, там все мертво. Я чувствую, что моих усилий, моей жизни будет недостаточно, чтобы эти новенькие, чистенькие стены заселились какими-то душами».

Вернёмся же к мифологии брендов, которые, по нашему мнению, являются вещными амулетами современников. Человек, по Гегелю выражает свои потребности не на уровне естественной нужды, а на уровне желания, которое с ними не совпадает. Целью желания является признание собственной исключительности. Объекты подлинно человеческого потребления не столько имеют природный характер, сколько наделены культурно-символическим значением.

В архаических культурах мифология представляет собой базовую символическую систему, образующую картину мира. Символы оживают в современном обществе изобилия и создают свои мифологические системы, становящиеся важными составляющими современных товаров. Однако с абсолютной уверенностью нельзя сказать, что товары потребления прошлых веков не несли в себе символической мифологической функции. Вспомним, например, орнаменты народной вышивки русского севера, где из поколения к поколению изображались образы древней мифологии (например, птицы, животные, растения). Предки верили, что украшенные этими узорами, предметы быта, одежда и прочее, оберегают человека и его жилище и приносят удачу. Казалось бы, предметы, выполняющие прозаическую функцию – укрыться от непогоды и суровой зимы в жилище или защититься от холода в тёплой одежде, должны ей и ограничиваться, но проникновение мифа в повседневную жизнь тех далёких предков обеспечивало этим людям, живущим в нестабильном мире, пол-

ном внезапностей спокойную веру в лучшее и надежду на благополучный исход дел в будущем.

Однако существует мнение, что в современном мире мифология противопоставляется научному знанию, которое связано с рациональным мышлением. Однако само это утверждение противоречиво в самой своей сути, поскольку так называемое рациональное мышление также основывается на мифологеме рациональности, позитивизма и веры в прогресс. На данном историческом этапе люди, называющие себя прогрессивно мыслящими, отрицающими любое сверхъестественное, верящие в идеи трансгуманизма и всецело уповающие на науку считаются как раз владеющими навыками критического мышления и таким качеством как рациональность. Однако точно ли мы уверены в том, что мир именно таков, как видят его узкоспециализированные профессионалы, развивающиеся только в своей очень минимально узкой теме (в отличие от ренессансных личностей как Ломоносов или Да Винчи в XXI веке? Мы же помним бестселлер «Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости» Нассима Талеба, генеральной идеей которой является рассмотрение редких и неожиданных событий. Так, раньше считалось, что лебеди бывают только белыми, но в 17 веке популяция чёрных лебедей была обнаружена в Западной Австралии. Так ли мы уверены в том, что мифологическое мышление глупо и манипулятивно, когда оно позволяло многим поколениям тысячелетиями жить богатой духовной жизнью, чувствовать общность с предками и своей историей, быть сильными в сложных обстоятельствах, верить в свои возможности и благополучный исход благодаря символам, наделявших непобедимой силой дух?

Философ и религиозный мыслитель А.Ф. Лосев так высказывался в начале XX в. о научном знании, подчёркивая его связь с мифологическим [6, 45]: «я категорически протестую против второго лженаучного предрассудка, заставляющего утверждать, что мифология предшествует науке, что наука появляется из мифа, что некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно не свойственно мифическое сознание, что наука побеждает миф». Лосев добавляет [6, 46]: «Если брать реальную науку, то есть науку, реально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпая из нее свои исходные интуиции».

По мнению П.Н. Барышникова [3] рассматривать миф как необходимый культурный продукт духовной деятельности человека, обусловленный необходимостью сакрализации повседневности. Казалось бы, соседство сакрального и профанного неправомерно на первый взгляд, однако миф на практике вбирает в себя обе эти составляющие.

Символическая функция мифа чрезвычайно важна, в частности, Эрнст Кассирер утверждал, что человек – это «символическое животное». А культура человечества – это символическая вселенная со значимыми мифами.

В современном мире социальные институты из совершенно разных сфер поддерживают функционирование мифов. Примеры мифогенных факторов [5] представлены в таблице 1.

Одним из важных источников формирования современных мифов безусловно выступает современная культура потребления, в рамках которой происходит не просто утилитарное удовлетворение необходимости. Бренды вовлекаются в смысловую игру, направленную на создание символического проекта индивида и вносят свой вклад в формирование его уникальной идентичности.

Таблица 1. Примеры мифогенных факторов в институтах социальных сфер

Социальная сфера	Институт	Пример мифогенного фактора
Эстетическая	Художественная культура	Образ
Этическая	Мораль	Табу
Экономическая	Рынок	Бренд
Политическая	Государство	Идеология
Правовая	Право	Закон
Религиозная	Церковь	Догмат
Научная	Наука	Понятие

Активная урбанизация влияет на значимость брендов для современного человека. Город – место незнакомцев, и соответственно наличие особого набора символических атрибутов – предметов гардероба, аксессуаров, способе передвижения – это возможность обозначить свой социально-экономический статус. Поскольку «читатели», для которых предназначено данное символическое сообщение делают это на бегу, то, по словам Т. Веблена [4, 122], подпись, подтверждающая состоятельность человека, «должна быть сделана такими буквами, которые бы читались на бегу».

Именно поэтому так популярны среди амбициозных девиц, покоряющих большие города, всяческие сумки с заветной биркой. Некоторые энтузиасты даже создают схемы, базирующиеся на диаграмме Абрахама Маслоу, иерархически представляющая человеческие потребности. Только в данном случае речь идёт исключительно о сумках. Telegram-канал «Бедная Богатая девочка» [7] приводит такую схему, где на вершине пирамиды стоит труднодостижимый Hermes, знаменитый производитель легендарной сумки Hermès Birkin.

Согласно А.В. Ульяновскому «в современном массовом обществе именно бренды и выступают социальными мифами, а брендинг – технологией мифотворчества» [12]. Главной составляющей социального мифа является композиция ценностей, фундирующая имманентную синергию мифов данного социального мифа и являющаяся нормативным основанием – для живущих в мифе.

Антропоморфизм является доминантой брендового мифотворчества. Бренд всегда [11] представляет человекообразный мир, как идеальный, так и реальный. Опираясь на мифологическую модель [13] Р. Барта, можно представить, что торговая марка – бренд является означающим; «уникальный образ», внедренный в массовое сознание – означаемым; результатом взаимосвязи этих двух элементов становится знак – третий элемент мифологической системы.

Мифы, мифические персонажи, прежде всего, базируются на историях. И в современных коммуникациях брендов важность рассказать историю, создать эпос, куда вовлекается в качестве помощника главного героя (человека) продукт. Для этого применяется технология приём сторителлинга, на котором и основываются мифы, легенды, сказки и рассказы, книги, театральные постановки, публичные выступления. Сторителлинг [9] активно используется в маркетинге и связях с общественностью и помогает доносить до аудитории идею и ценности продукта или бренда через истории. Базовым наполнением истории являются следующие компоненты: герой, сюжет и цель, для которой собственно и называется эта история.

Бренды являются необъемлемой частью современной культуры, становясь не только средством самовыражения для представителей разных классов, субкультур, но и соавтором творцов.

Так, например, следуя мощной субкультуре поклонников брендовых, кастомизированных, редких кроссовок – сникерхедов, компания LG Electronics (LG) представила в сотрудничестве с Джеффом Стейплом, знаменитым нью-йоркским дизайнером, известным своим брендом уличной одежды STAPLE, креативным агентством Reed Art Department, пространство Creator's Room на выставке CES 2023 [15]. Для коллекционеров сникерсов LG продемонстрировала обувной шкаф LG Styler ShoeCase – компактное решение для хранения, демонстрации и ухода за обувью, выпущенной ограниченным тиражом, а также LG Styler ShoeCare, использующий гигиеничную технологию LG TrueSteam, чтобы обувь оставалась свежей и выглядела наилучшим образом. Стоит заметить, что в оформлении пространства используются культовые фигурки Be@rbrick, предмет коллекционирования хайпбистов.

Интересно, что бренды, создающие, на первый взгляд, утилитарные продукты, могут стать полноценным участником культурных изменений. Современный арт процесс предполагает использование художником различных технических инструментов. Даже, казалось бы, ставшая для всех привычной фотография, представляет собой слаженный тандем фотографа, его технического оснащения (фотоаппарат, осветительные приборы, отражатели), и в этом случае мы с уверенностью можем сказать, что речь идёт об активной роли фотоаппарата в творческом процессе. Гаджет становится соавтором фотохудожника, рождая новые миры. И бренды таким образом способствуют творческой активности. Так, LG Electronics помимо бытовой техники производит различные виды дисплеев. В портфеле компании, как огромные профессиональные дисплеи, так и телевизоры LG OLED с исключительным качеством изображения, где на фоне глубокого чёрного остальные цвета такие сочные. Так, в 2022 году LG Electronics начала глобальное партнерство с галереей Blackdove для трансляции цифрового искусства на профессиональных дисплеях LG [14]. А в 2021 году LG Electronics запустила проект LG OLED ART, соединяющий искусство высоких технологий и творческий замысел современных творцов. LG OLED ART обращается к архетипу интеллектуала, человека, способного разбираться в сложных концептах современного искусства. В 2022 году телевизор LG OLED серии Gallery был представлен на стенде Elevel, созданном по проекту известного дизайнера Дианы Балашовой, в рамках выставки MosBuild 2022. Этот стильный телевизор стал частью мультимедийной инсталляции с использованием дополненной реальности от одного из пионеров медиа-арта в России Аристарха Чернышева, техника, принимающей участие в реализации творческого замысла, должна отличаться безукоризненной работой. Современный дисплей – это по сути медиум, который доносит идею художника медиа-арта. Способность передавать все тонкости видения художника через точную цветопередачу, глубокий черный цвет и бесконечную контрастность делают LG OLED отличным цифровым холстом [10].

Современные бренды становятся неотъемлемой частью современного мифотворчества в ряде стран, они формируют новые культурные коды и символы, а также являются частью современного искусства. Формируя свой личный бренд, человек XXI века также использует предметы из вещного мира, которые становятся частью его личной истории, персональной мифологии. Миф се-

годня жив и здравствует, находят отражение в разных частях антропоцена.

Литература

1. Андрей Тарковский: «Для меня кино – это способ достичь какой-то истины». [Электронный ресурс]. URL <http://www.tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/istina.html> (дата обращения: 26.01.2023)
2. Барт, Ролан (1915–1980.). Мифологии / Ролан Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – Москва: Акад. проект, 2008. – 351 с.
3. Барышников П.Н. Мифология современности [Электронный ресурс]. URL https://upload.pgu.ru/iblock/6e4/uch_2008_xiv_00009.pdf (дата обращения: 26.01.2023)
4. Веблен, Торстейн Бунде (1857–1929). Теория праздного класса: Пер. с англ. / Т. Веблен; Вступ. ст.с. 5–56 С.Г. Сорокиной. – Москва: Прогресс, 1984. – 367 с.
5. Иванов А.Г. Механизм воздействия мифов на развитие общества [Электронный ресурс]. URL <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/173-vestnik-volgu-seriya-7-filosofiya-sotsiologiya-i-sotsialnyetekhnologii-2016-2-32/filosofiya/945-ivanov-a-g-mekhanizm-vozdjeystviya-mifov-na-razvitie-obshchestva> (дата обращения: 26.01.2023)
6. Лосев А. Диалектика мифа/ Алексей Лосев. – СПб. Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 320 с.
7. Пирамида Маслоу люксовых сумок исходя из их стоимости и значимости. [Электронный ресурс]. URL <https://t.me/poorichgirl/7920> (дата обращения: 26.01.2023)
8. Постмодернизм в России: [16+] / Михаил Эпштейн. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, печ. 2019. – 606, [1] с. – (Новый культурный код)
9. Сторителлинг: что это и как работает проект [Электронный ресурс]. URL <https://marketolog.mts.ru/blog/storitelling-chto-eto-i-kak-rabotaet> (дата обращения: 26.01.2023)
10. Телевизор LG OLED серии Gallery в проекте известного дизайнера Дианы Балашовой на выставке MosBuild 2022: продвинутые технологии для впечатляющего интерьера [Электронный ресурс]. URL <https://www.lg.com/ru/about-lg/press-and-media/lg-new-press-televizor-lg-oled-serii-gallery-v-proektediany-balashovoj-na-vystavke-mosbuild-2022> (дата обращения: 26.01.2023)
11. Тихонова, С.В. Мифология брендинга в обществе глобального потребления / С.В. Тихонова // Власть. – 2008. – № 9. – С. 45–49. – EDN KARBPV.
12. Ульяновский А.В. Современный социальный миф как проект [Электронный ресурс]. URL <https://www.phisci.info/jour/article/viewFile/1368/1302> (дата обращения: 26.01.2023)
13. Шевченко, Ю.А. Универсализация мифологической модели Ролана Барта / Ю.А. Шевченко // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2012. – Т. 10. – № 3(90). – С. 89–93. – EDN OYDHVF.
14. LG и Blackdove представляют цифровое искусство на светодиодных дисплеях LG [Электронный ресурс]. URL <https://www.lg.com/ru/about-lg/press-and-media/lg-new-press-lg-blackdove-present-digital-art-on-led-lg-displays> (дата обращения: 26.01.2023)
15. LG and Jeff Staple Showcase New Lifestyle Trends in the Creator's Room at CES 2023 [Электронный ресурс]. URL [the-creators-room-at-ces-2023/ \(дата обращения: 26.01.2023\)](https://www.lgnewsroom.com/2023/01/lg-and-jeff-staple-showcase-new-lifestyle-trends-in-
</div><div data-bbox=)

16. What Is the Most Widely Practiced Religion in the World? [Электронный ресурс]. URL <https://www.britannica.com/story/what-is-the-most-widely-practiced-religion-in-the-world> (дата обращения: 26.01.2023)
17. World Population Review [Электронный ресурс]. URL <https://worldpopulationreview.com/> (дата обращения: 26.01.2023)

BRAND MYTHOLOGY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Seldinova D.O.

Moscow City University

Myth is a multi-valued cultural phenomenon which meaning has changed throughout human history, from the tale of the gods to the way of understanding existence and worldview. Despite the fact that by a number of definitions rational thinking is opposed to mythical, the vitality of the myth is proved by its existence even in the prudent society of today. This article explores the relevance of modern myth-making as a cultural phenomenon of society in the 21st century and the role of brands as active actors in the sacralization of everyday. Factors that influence the emergence of modern mythology of brands are considered, and mythological factors in various social institutions are also given. Modern brands are drawn into the myth-making characteristic of large cities of the society of abundance and are an integral part of a number of representatives of urban culture, embedding and complementing their personal, unique myth.

Keywords: Mythology, brand, cultural code, myth-making, mass culture.

References

1. Andrei Tarkovsky: «For me cinema is a way to achieve some truth». [website]. Available at: <http://www.tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/istina.html> (In Russ.)
2. Bart, Rolan (1915–1980.). Mythology / Roland Bart; per. Fr. entered. Day, and comment. S. Zenkin. – Moscow: Akad. project, 2008. – 351 p. (In Russ.)
3. Baryshnikov P.N. Mythology of the modern [website]. Available at: https://upload.pgu.ru/iblock/6e4/uch_2008_xiv_00009.pdf. (In Russ.)
4. Veblen, Thorstein Bunde (1857–1929). Theory of idle class: Per.c. Eng. / T. Veblen; Join.s. 5–56 S.G. Sorokina. – Moscow: Progress, 1984. – 367 p. (In Russ.)
5. Ivanov A.G. Mechanism of influence of myths on development of society [website]. Available at: <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/173-vestnik-volgu-seriya-7-filosofiya-sotsiologiya-ii-sotstiale-ekhnynoli-2016-2-32/filosofiya/945-gvoznivaznivaz> (date). (In Russ.)
6. Losev A. Dialectic of the myth/ Alexey Losev. – SPb. Alphabet, Atticus, 2022. – 320 p. (In Russ.)
7. Pyramid Maslow luxury bags based on their cost and importance. [website]. Available at: <https://t.me/poorichgirl/7920> (In Russ.)
8. Postmodernism in Russia: [16+] / Mikhail Epstein. – St. Petersburg: ABC: ABC-Atticus, pech. 2019. – 606, [1] p. (New Cultural Code) (In Russ.)
9. Storytelling: what it is and how the project [website]. Available at: <https://marketolog.mts.ru/blog/storitelling-chto-eto-i-kak-rabotaet> (In Russ.)
10. LG OLED Gallery TV set in the project of famous designer Diana Balashova at the MosBuild 2022 exhibition: advanced technologies for an impressive interior [website]. Available at: <https://www.lg.com/ru/about-lg/press-and-media/lg-new-press-televizor-lg-seriidserii-galleryv-proekte-diany-balashovojnabuilder2022> (In Russ.)
11. Tikhonova S.V. Mythology of branding in the society of global consumption / S.V. Tikhonova // Power. – 2008. – 9. – P. 45–49. – EDN KARBPV. (In Russ.)
12. Ulyanovsk A.B. Modern social myth as a project [website]. Available at: <https://www.phisci.info/jour/article/viewFile/1368/1302> (In Russ.)

13. Shevchenko, Y.A. Universalization of the mythological model of Rolan Bart / Y.A. Shevchenko // Izvestia of the Volgograd State Technical University. Series: Problems of social and humanitarian knowledge. – 2012. – T. 10. – 3(90). – P. 89–93. – EDN OY-DHVF. (In Russ.)
14. LG and Blackdove represent the digital art on the LED displays LG [website]. Available at: <https://www.lg.com/ru/about-lg/press-and-media/lg-newpress-lg-blackdove-present-digital-art-on-led-lg-displays> (In Russ.)
15. LG and Jeff Staple Showcase New Lifestyle Trends in the Creator's Room at CES 2023 [website]. Available at: <https://www.lgnewsroom.com/2023/01/lg-and-jeff-staple-showcasenew-lifestyle-trendsin-the-creators-room-at-ces-2023/>
16. What Is the Most Widely Practiced Religion in the World? [website]. Available at: <https://www.britannica.com/story/what-is-the-most-widely-practiced-religion-in-world>
17. World Population Review [website]. Available at: <https://worldpopulationreview.com/>

Экзистенциализм Ж.-П. Сартра и «виртуальный экзистенциализм»

Сироткин Антон Владимирович,

аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: aspirantsirotkin@gmail.com

В статье предпринята попытка выявить эвристический потенциал экзистенциальной философии для анализа человеческого существования в условиях информационного общества. Показано, что перспективным направлением исследования человека в современных реалиях, специфики идентификационных процессов и новых рисков является «виртуальный экзистенциализм» (Д. Велла, С. Гуалени). Идеи Ж.-П. Сартра обретают новые смыслы и получают развитие в «виртуальном экзистенциализме», в котором вектор исследования смещается на анализ существования в виртуальном информационном мире. Так, в статье приведены примеры интерпретации и использования его идей в качестве основы в трудах по психиатрии и гуманистической психологии. При этом, рассматривается толкование тезисов и понятий экзистенциализма Сартра в трудах современных философов XXI в., в том числе, посвящённых изучению существованию человека в «цифровом обществе» и виртуальной реальности

В этом контексте рассмотрены феномены «виртуального экзистенциализма», «виртуальной субъективности», экзистенциальной свободы и экзистенциальной неустойчивости.

Ключевые слова: «виртуальный экзистенциализм», экзистенциальная неустойчивость, виртуальная реальность, экзистенциальная философия, виртуальная субъективность, цифровое общество.

Актуальность темы исследования обусловлена происходящими в современном российском обществе процессами: экономическими, духовными, социальными и политическими. Пик пандемии коронавируса во время всеобщей самоизоляции, уход иностранных компаний с российских рынков наложили отпечаток на социально-экономические условия в современной России. В связи с этим как никогда остро встают экзистенциальные проблемы и обостряются экзистенциальные кризисы человека: поиски своего места в мире, понимание свободы и ответственности, обретение смысла, тревога и отчуждение.

На эти и многие другие вопросы способен дать ответ экзистенциализм – философия существования. Зародившийся ещё в середине XIX века и развивавшийся во второй половине XX столетия благодаря трудам философов из разных стран, экзистенциализм в том числе был популярен во Франции, где одним из ярких представителей этого направления был Ж.-П. Сартр. Как оно воспринималось современниками и что происходит с философией существования в наши дни, какие перспективы у направления в будущем? Актуальны ли сейчас идеи Ж.-П. Сартра?

Философия Сартра актуальна в любое время, поскольку, как писал сам автор: «Под экзистенциализмом мы понимаем такое учение, которое делает возможной человеческую жизнь и которое, кроме того, утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность» [9, с. 216]. В реалиях современного общества в условиях неопределённости категории экзистенциализма могут стать релевантной основой для осмысления нового экзистенциального статуса человека. В условиях социально-экономической, психологической турбулентности возникает потребность в рассмотрении проблем человеческого существования в парадигме экзистенциальной философии.

Цель данной статьи – выявить эвристический потенциал философии Ж.-П. Сартра и идентифицировать новые тенденции в развитии экзистенциализма для анализа существования человека в современных условиях и определить новые тенденции в развитии экзистенциализма.

Идеи Ж.-П. Сартра пользовались популярностью у современников как философов (С. Де Бовуар, Ж. Делёз, А. Камю, А. Горц, Ж. М.Э. Лакан, А. Бадью), но его влияние распространялось далеко за пределы сугубо философского знания. Так, Р. Лэйнг, психиатр из Шотландии, взял за основу идею Сартра об экзистенциальной свободе для исследования феномена идеологии антипсихиатрии. Она заключалась в следующем: психологические заболевания человека фундаментально заложены в свободе личности – экзистенциальной свободе. В этих изысканиях Лэйнг опирался на работу Ж.-П. Сартра «Критика диалектического разума» и в результате он изложил в ряде работ собственную социальную теорию, во многом основанную на произведениях философа. Например, Лэйнг ввёл понятие «социальной связи», представляя её как обособленную единицу социума. Лэйнг определил связку, как совокупность нескольких индивидов, которые считают себя частью единого целого, и каждого из этой группы такой же его частью.

Вместе с тем, данная общность по отношению к личностям, её составляющим, не есть нечто, обусловленное извне. В основу этой совокупности положены переживания личностей, как индивидуальных членов, так и взаимопереживания между членами этого множества личностей. В заключении Лэйнг приходит к утверждению, что, изменившись, каждый член этой связки неизбежно повлияет на изменение остальных членов. Таким образом, теоретически, один индивид может изменить всю общность своим личным изменением [4]. Здесь прослеживается влияние идей Ж.-П. Сартра об ответственности – если человек ответственен, то он в ответе за всё человечество [9]. Также базирующееся на тезисе «существование предшествует сущности» [9, с. 258] понимание Сартром человека, его положение о выборе, ответственности и самоопределении во многом послужила основанием гуманистической психологии К. Роджерса и А. Маслоу [10].

Идеи экзистенциализма являются органичной частью современного философского дискурса. Д. Велла и С. Гуалени, профессора Мальтийского университета, исследуют вопросы экзистенциальной паники, смыслов и субъективности в виртуальных мирах. Проблемы бытия в виртуальной реальности давно волнует учёных, в том числе и в игровых мирах [2]. Так, понятие «игровое возвышенное», введённое Вэллой, представляет собой столкновение игрока с невозможностью полностью овладеть игрой, несмотря на все усилия. Гуалени в 2015 году издаёт монографию «Виртуальные миры как философские инструменты: как философствовать цифровым молотком», на страницах которой рассматривает возможности осмысления в парадигме философских категорий виртуальных миров и использования их в качестве моделей для мира окружающей нас реальности. В другой совместной работе 2020 года «Виртуальный экзистенциализм» Гуалени и Вэлла стараются ответить на вопрос, как опыт индивида в реальном мире связан с возникновением его опыта в виртуальных мирах, если ли точки пересечения этого опыта, способен ли виртуальный опыт повлечь экзистенциальные как опыт в виртуальных мирах возникает из опыта в актуальном мире, пересекается с ним, и как он способен побудить к экзистенциальным действиям реального «я» человека, обусловлены ли такие действия лишь границами и условиями виртуальной реальности которые представляются более гибкими, чем ограничения реального мира? [12, 113]. В исследовании рассматривается проблема субъективности в виртуальных мирах. Авторы интерпретируют виртуальное не как спектр новых возможностей, а как обнаружение нового мира, преодолеть который предстоит с помощью воображения. Виртуальная субъективность по мнению Гуалени и Вэллы представляет собой часть реальной субъективности, составляет некое её подмножество. Авторы ссылаются на терминологию Сартра, рассуждая о виртуальной субъективности, представляя её как поступки, совершаемые для выстраивания собственного проекта в виртуальном мире. Воображаемая версия индивида в виртуальной среде выходит за рамки детерминированности реального мира. Восприятие виртуального мира и эмоции, которые человек испытывает при успехе или неудаче собственного проекта в виртуальном мире авторы называют «аналогоном» для виртуальной версии личности, находящейся вне детерминации факторов реального мира.

Ограничения виртуального мира и способности человека, так же, как и набор действий, возможных в нём, формируют виртуальную субъективность [12]. Согласно Сартру, строго придерживаться правил игры означает жить в самообмане и нечистой совести, а, следовательно,

отказываться от своей собственной экзистенциальной свободы [8]. Гуалени и Велла предлагают рассматривать виртуальные миры с позиций проектуальности, а не только с позиций субъективности. С этой точки зрения свобода позволяет построить собственный проект в виртуальном мире, независимо от того, нарушает ли игрок правила игры или соблюдает [12]. Таким образом, идеи Сартра обретают новые смыслы и получают развитие в «виртуальном экзистенциализме», в котором вектор исследования смещается на анализ существования в виртуальном информационном мире.

Д. Чалмерс в книге 2022 года «Реальность с плюсом: Виртуальные миры и вопросы философии» рассматривает проблемы виртуалистики в фокусе философской проблематики [11]. Например, можем ли мы обрести свободу посредством «цифрового воображения»? Ведь виртуальные миры можно рассматривать как подмену самоактуализации и свободы выбора заранее продуманным сценарием с различной степенью вариативности. Здесь автор по-своему также поддерживает упомянутое заключение Сартра о том, что личность ставит под удар свою экзистенциальную свободу, не выходя за рамки predetermined сценария игры, становясь жертвой самообмана [8]. Чалмерс, кроме этого, ставит вопрос об истинности виртуальной экзистенции как таковой. Используя современные технологии – виртуальную реальность, искусственный интеллект, дополненную реальность, компьютерное моделирование – для поиска ответов на философские вопросы. Такие как, например, «познаваем ли внешний мир?». Автор полагает центральным тезисом своей книги заключение, что виртуальная реальность – это подлинная реальность. Этот тезис разбивается на три взаимосвязанных гипотезы [11]:

1. Виртуальные миры – не иллюзии, не вымысел. Происходящее в них – происходит на самом деле.
2. В виртуальном мире можно жить полноценной жизнью.
3. Нельзя исключать, что мир, в котором мы живём, может быть виртуальным.

Таким образом, понятия как экзистенциальной свободы Ж.-П. Сартра так и экзистенции в целом переосмысляются в парадигме виртуальной реальности, что является перспективным полем для философских исследований в цифровую эпоху.

Экзистенциальная неустойчивость рассматривается и в работах современных российских авторов. Так, в исследовании Н.М. Мамедовой, посвящённом изучению идентичности личности в модусе свободы и ответственности, подчёркивается обостряющаяся проблема идентичности в условиях социальной трансгрессии. «Человек информационный» приходит на смену «человеку общественному», становится объектом, а не субъектом виртуального мира. В этой связи человек также может испытать иллюзорность свободы, ощутить возникающий между двумя мирами – реальным и виртуальным – диссонанс. Грань между публичным и приватным стирается, что и вызывает экзистенциальную неустойчивость [5; 6; 7]. Подчёркивается, что в современном мире соотношение свободы и ответственности, как собственно и трактовки этих экзистенциальных категорий, формируются на стыке таких парадигм, как аналитико-философской, экзистенциальной и марксистской. Современные условия, такие как репрезентация идентичности в сетевой форме, существование личности на грани реального и виртуального миров, формируют обстоятельства для возникновения различных идентификационных рисков [5].

Таким образом, экзистенциальный подход обладает эвристическим потенциалом для анализа различ-

ных феноменов современной реальности. Основанный в XIX в. экзистенциализм человеческого существования не только не потерял своей значимости, но и приобрёл новые грани актуальности. В эпоху цифровизации возникает новое пространство человеческого существования – виртуальная реальность. Перспективным направлением для исследования человека в современных реалиях, специфики идентификационных процессов и новых рисков является «виртуальный экзистенциализм» (Д. Велла, С. Гуалени). Представляет научный интерес исследование виртуальных миров через призму теории проекта бытия Ж.-П. Сартра, исследование проективности, реализации собственного проекта в виртуальном мире, а не только субъективности, то есть понимания того, кем хочет стать человек в виртуальной реальности, а не только кем он может себя в ней увидеть и ощутить; насколько свободным может себя почувствовать и какую ответственность нести.

Литература

1. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / О.Н. Астафьева, Л. Б., Зубанова, Н.Б. Кириллова, Е.В. Никонорова, О.В. Шлыкова и др.; отв. ред. Н.Б. Кириллова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 292 с.
2. Ведерин, А.А. Экзистенциализм и проблемы глобализации в современном мире / А.А. Ведерин // Заметки ученого. – 2021. – № 5–2. – С. 140–145.
3. Захаренко, А.В. Новый экзистенциализм / А.В. Захаренко, Л.В. Молокова, М.М. Михайлов // Молодежный вестник ИРГТУ. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 166–172.
4. Лэйнг, Р. Д. Я и другие. Узелки / Лэйнг Р.Д., – 2-е изд., (эл.) – Москва: Институт Общегуманитарных Исследований, 2018. – 232 с.
5. Мамедова, Н.М. Идентичность личности в модусе свободы и ответственности / Н.М. Мамедова // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2022. – № 3(43). – С. 6–16.
6. Мамедова, Н.М. Традиция и культурная идентичность / Н.М. Мамедова // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2016. – № 1(17). – С. 10–15.
7. Мамедова, Н.М. Социальная философия: учебное пособие по курсу «Социальная философия», «Социология». – Москва: Изд-во Российского гос. торгово-экономического ун-та, 2011. – 91 с.
8. Сартр, Жан-Поль. Бытие и ничто / Жан-Поль Сартр; [перевод с французского В.И. Колядко]. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 1072 с. – (Эксклюзивная классика).
9. Сартр, Жан-Поль. Человек в осаде / Жан-Поль Сартр; [перевод с французского Я.Ю. Яковлевой, Л.А. Зониной, Л.Н. Токарева, С.Л. Фокина, О.Е. Волчек, М.Н. Грецкого]. – Москва: Издательство Вагриус, 2006. – 320 с.
10. Фокина, А.С. Экзистенциализм в психотерапии / А.С. Фокина // Forcipe. – 2021. – Т. 4, № S1. – С. 276.
11. Chalmers, D.J. Reality + VIRTUAL WORLDS AND THE PROBLEMS OF PHILOSOPHY. – NY: W.W. Norton & Company, 2022. – 544 p.
12. Gualeni, S., Vella, D. Virtual Existentialism: Meaning and Subjectivity in Virtual Worlds / Stefano Gualeni, Daniel Vella. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. – 153 p.

EXISTENTIALISM OF J.-P. SARTRE AND “VIRTUAL EXISTENTIALISM”

Sirotkin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article attempts to identify the heuristic potential of existential philosophy in the information society system of philosophical science. The influence of J.-P. Sartre's works on the research of scientists of the XX–XXI centuries is undeniable, and it extended far beyond the limits of purely philosophical knowledge. It is shown that a promising direction of human research in modern realities, the specifics of identification processes and new risks is “virtual existentialism” (D. Vella, S. Gualeni). The ideas of J.-P. Sartre acquire new meanings and are developed in “virtual existentialism”, in which the vector of research is shifted to the analysis of existence in the virtual information world. Thus, the article provides examples of the interpretation and use of his ideas as a basis in works on psychiatry and humanistic psychology. At the same time, the interpretation of the theses and concepts of Sartre's existentialism in the works of modern philosophers of the XXI century, including those devoted to the study of human existence in a “digital society” and virtual reality, is considered. In particular, studies of the phenomena of “virtual existentialism”, “virtual subjectivity”, existential freedom and existential instability are presented as new perspectives in the development of this branch of philosophy.

Keywords: “virtual existentialism”, existential instability, virtual reality, existential philosophy, virtual subjectivity, digital society.

References

1. The Information Age: new paradigms of culture and education: monograph / O.N. Astafyeva, L. B., Zubanov, N.B. Kirillova, E.V. Nikonorova, O.V. Shlykova, etc.; ed. by N.B. Kirillov. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2019. – 292 p.
2. Vederin, A.A. Existentialism and problems of globalization in the modern world / A.A. Vederin // Notes of the scientist. – 2021. – № 5–2. – pp. 140–145.
3. Zakharenko, A.V. New existentialism / A.V. Zakharenko, L.V. Molokova, M.M. Mikhailov // Youth Bulletin of IrSTU. – 2022. – Vol. 12, No. 1. – pp. 166–172.
4. Laing, R.D. Me and others. Nodules / Laing R.D., – 2nd ed., (e-mail) – Moscow: Institute of General Humanitarian Research, 2018. – 232 p.
5. Mamedova, N.M. Identity of the individual in the mode of freedom and responsibility / N.M. Mamedova // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. – 2022. – № 3(43). – Pp. 6–16.
6. Mamedova, N.M. Tradition and cultural identity / N.M. Mamedova // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. – 2016. – № 1(17). – Pp. 10–15.
7. Mamedova, N.M. Social philosophy: a textbook on the course “Social Philosophy”, “Sociology”. – Moscow: Publishing House of the Russian State Trade and Economic University, 2011. – 91 p.
8. Sartre, Jean-Paul. Being and Nothing / Jean-Paul Sartre; [translated from the French by V.I. Kolyadko]. – Moscow: AST Publishing House, 2020. – 1072 p. – (Exclusive classics).
9. Sartre, Jean-Paul. The Man under Siege / Jean-Paul Sartre; [translated from the French by Ya. Yu. Yakovlevna, L.A. Zonina, L.N. Tokareva, S.L. Fokina, O.E. Volchek, M.N. Gretskey]. – Moscow: Vagrius Publishing House, 2006. – 320 p.
10. Fokina, A.S. Existentialism in psychotherapy / A.S. Fokina // Forcipe. – 2021. – Vol. 4, No. S1. – p. 276.
11. Chalmers, D.J. Reality + VIRTUAL WORLDS AND THE PROBLEMS OF PHILOSOPHY. – NY: W.W. Norton & Company, 2022. – 544 p.
12. Gualeni, S., Vella, D. Virtual Existentialism: Meaning and Subjectivity in Virtual Worlds / Stefano Gualeni, Daniel Vella. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. – 153 p.

Социально-политический анализ идеологии германского нацизма первой половины XX века

Урсул Виталий Игнатович,

к.п.н., доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана

E-mail: vitalii_ursul@mail.ru

В статье анализируются научные работы и публикации, посвященные исследованию теоретических основ идеологии нацизма. Проводимый анализ позволяет сделать вывод о недостаточной изученности и разработанности этого социального явления с точки зрения политической науки. Отмечается, что понимание нацизма, а именно его идейных истоков кроется далеко за пределами ореола определенной философии. Он является результатом длительной эволюции социально-политических отношений и интеллектуального развития предшествующих эпох. В процессе проводимого анализа отмечается, что идеология нацизма объединила в себе различные философские воззрения представителей европейской политической школы. При этом мировая политическая практика последних лет убедительно свидетельствует о живучести этой идеологии в современных условиях. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что по окончании Второй мировой войны нацизм полностью не был уничтожен. Напротив, нацизм представляя собой часть общественно-политической жизни, склонен к постоянному развитию, видоизменяясь внешне, но сохраняя свою основу. В нынешнее время нацизм приобрел новое лицо, пытаясь абстрагироваться от фашистских веяний прошлого.

Ключевые слова: идеология, нацизм, национал-социализм, корпорация Аненербе.

Нацизм в глобальном историческом контексте занимает место среди негативных социальных феноменов, которые в значительной степени определили историю многих наций и континентов. Исследовательский интерес к этому явлению вызван его продолжающейся политической актуальностью после окончания Второй мировой войны. И даже в современном обществе существует определенная социальная основа для проявления нацизма. Это не только важный момент для Украины, но также относится к странам, объединенным в рамках так называемого коллективного Запада.

Во время Нюрнбергского процесса 1946 года, главный прокурор от Франции указал на обширную историю и основы национал-социализма. Ф. Хайек отмечает, что национал-социализм как учение представляет собой совокупность различных философских учений, оказавших существенное воздействие не только непосредственно на Германию, но и далеко за ее пределами.

Вопрос о теоретических корнях нацизма проистекает из долгого развития социально-политических связей и интеллектуального прогресса предшествующих эпох.

Важно отметить, что духовный импульс нацизму придали антигуманистические и реакционные идеи представителей немецкой буржуазии.

Так, например, мысли Фридриха Гегеля о «воли мирового духа», исполнение которой загадочное провидение доверяло только великим личностям, вероятно, укрепили уверенность Адольфа Гитлера в уникальности его собственной миссии по формированию национального самосознания немцев в целях построения эффективного государства в период диктатуры. По Ф. Гегелю, «государство есть действительность нравственной идеи – нравственный дух как очевидная, самой себе ясная субстанциональная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает, поскольку она это знает» [4, с. 14]. Именно этот принцип был реализован на практике в Германии в 1930–1940-е гг.

Большинство исследователей нацизма считают его теоретическими основателями известных немецких философов А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и О. Шпенглера [5].

Артур Шопенгауэр утверждал, что единственной значимой сущностью является воля, а весь мир – это ее проекция. Фридрих Ницше выделил весьма интересную концепцию двух противоположных друг другу моральных систем: «мораль господ» и «мораль рабов». Он отмечал, что обладателями этих моралей являются «сверхчеловек» и «недочеловек». Н.А. Бердяев в свою очередь говорит о том, что стремление к сверхчеловечности приравнивается к зверству [2, с. 389]. Безусловно нельзя недооценивать степень влияния Ф. Ницше на процесс становления фашизма и национал-социализма. Но стоит отметить, что вероятно и сам Ф. Ницше скорее всего не ожидал такой реализации своих идей в социуме.

Ф. Ницше в одной из своих работ утверждал «история демонстрирует, что наиболее стабильными остаются те общества, в которых большинство людей обладают активным чувством единства из-за схожести их привычных и непреложных принципов, то есть из-за их общей веры. Здесь нравы хорошей, активной жизни укрепляются, здесь личность учится подчинению и воспитанию,

развивается устойчивость, которая уже присуща характеру. Опасность этих крепких обществ, опирающихся на однородные, сильные личности, заключается в том, что они легко становятся глупыми, и эта глупость, которая как тень всегда сопутствует любой устойчивости, постепенно нарастает, передается по наследству» [7, с. 358].

По мнению Ф. Ницше, этика перестала быть этикой как таковой по той причине, что ей в свое время были чужды общепринятые понятия добра и зла. В попытках подчинения индивида коллективу она взращивала свои собственные «категории». Сильные личности убеждены в том, что сострадание – есть благо, поэтому они всесторонне пропагандируют мораль самоотверженности. Давая критическую оценку данному явлению А. Швейцер говорил, что подобного рода этика не учитывает саму меру отрицания жизни. Теоретически речь идет о принципе жизнеотрицания, который на практике представляет собой так называемую Ф. Ницше «идею жизнелюбия» [12, с. 183]. Фундаментально Ф. Ницше проповедовал высшую степень морали, согласно которой жизнь представляет собой процесс развития желания к жизни, процесс, ведущий к более высокой духовности.

В этой связи вполне понятно, почему философия Ф. Ницше вызвала в обществе некоторый резонанс. Кризис культуры, зачастую становится, по мнению сторонников нацизма, своеобразным катализатором «национального ренессанса». Вполне вероятно, что общество вот-вот достигнет переломного момента, по прохождению которого оно возродится из пепла, словно Феникс. Как отмечал, сам Ф. Ницше, нацисты в своей идеологии были глобально нацелены на «построение кардинально нового общества».

Философия Ницше была в основном понята через взгляды его последователей и интерпретаторов. Важную роль в этом процессе сыграл Освальд Шпенглер, благодаря которому учение Ф. Ницше перешло из аристократических салонов в область идеологии, доступной большому массам. При этом работы О. Шпенглера стали ключевой частью идеологического арсенала национал-социалистов и сыграли значительную роль в подготовке большей части немецкой буржуазии к принятию нацистской идеологии. Основная идея О. Шпенглера описана в его труде «Закат Европы». Эта работа была признана американским исследователем Джоном Фарренкопфом как учебное пособие по международной политике, имеющей целью вдохновить немецкую политическую элиту для решения актуальных политических задач в эпоху мировых войн.

Известно, что О. Шпенглер в свое время повлиял в определенной степени на становление внешней политики США. Он идейно вдохновлял советника президента Генри Киссинджера.

По мнению О. Шпенглера философия истории должна стоять во главе процесса организации государственной политики. Философия истории предполагает рассмотрение реального исторического опыта с целью поступательного формирования будущего. О. Шпенглер выделил два этапа политической организации общества. Так, например, по его мнению, первый этап – «первичная политика» (борьба за выживание в живой природе) и второй этап – политика «высоких культур», нацеленная в большинстве своем на создание благоприятной духовной обстановки в обществе и, как следствие минимизации вооруженных конфликтов.

В ситуации с «высокой политикой» речь идет о дипломатичном разрешении кризисных ситуаций в обществе. Вершиной политического искусства, по О. Шпенглеру является дипломатия XVIII века.

Процесс политической организации общества сам О. Шпенглер описывал следующим образом. Ученый полагал, что история того или иного народа – это «жизненный поток нации», где политика – это средство завоевания «своего места под солнцем». Вместе с тем, философ, отмечал, что высокая степень культуры может быть достигнута только при существовании большого количества государств, взаимодействующих друг с другом различными методами. В этой «борьбе за выживание» силу и мощь теряют те, кто «сходит с дистанции». И здесь ученый проводит параллель с природой, в которой, как известно, выживает сильнейший. Подобного рода интерпретация политических процессов в обществе вполне перекликается с идеями Чарльза Дарвина. Похожую точку зрения развивает и К. А. Свасьян: «Шпенглер, несмотря на свое презрение к Дарвину и английскому мировоззрению в целом, открыто придерживается крайних форм этого мировоззрения. Для него политика является прямым аналогом борьбы за выживание, некой витальной тактикой, организующей поведение людей на основе необходимости жизненной борьбы...» [9, с. 127].

Действительно, О. Шпенглер полагал, что государства эпохи великих культур обязаны вести непрерывную войну. Война каждый раз в истории выступает в роли своего рода «вызова» современности, позволяющего государствам постоянно находиться «в тонусе» и тем самым «оставаться на плаву» политического мироустройства.

Как сторонник биологического подхода О. Шпенглер выступал за империализм, представляющий собой, по его мнению, основополагающий принцип утверждения своего господства на мировой арене.

Вместе с тем О. Шпенглер говорил и о том, что в конечном итоге эпохе демократии, основу которой составляют английские либеральные ценности, придет конец, и в дальнейшем будущие политические режимы будут формироваться на основе идей цезаризма.

Работы других ученых, таких как Жорж Сорель, Эрих Фромм, Гюстав Лебон, Зигмунд Фрейд, Вильгельм Райх также оказали существенное влияние на формирование теоретических основ идеологии нацизма [5]. Эти труды дают возможность анализировать нацизм с различных позиций, включая социологические, психологические и политические.

Эрих Фромм был одним из первых психологов, который предвидел и описал силу нацизма в Германии. Он понимал, что социальные и экономические условия в Германии в тот период способствовали возникновению и быстрому распространению нацизма.

Одним из ключевых понятий в его анализе была концепция «авторитарной совести». По его мнению, в авторитарных обществах люди внутренне принимают авторитеты (родители, государство, церковь) как истинные источники нравственности. Это ведет к тому, что внешние требования и запреты становятся частью внутренней совести, и люди начинают подчиняться им не из страха перед внешним наказанием, а из чувства внутренней ответственности [10, с. 116].

Э. Фромм подчеркивал, что диктатура была обусловлена бессознательными мазохистскими тенденциями групп и отдельных людей. При этом он заявил, что социальной базой нацизма был средний класс.

Наконец, Э. Фромм отмечал роль «злокачественной агрессии» в идеологии нацизма. Он видел в истории войн хронику безжалостного насилия и уничтожения, вызванного этой формой агрессии [11, с. 359].

Таким образом, Э. Фромм привлекает внимание к комплексному подходу понимания нацизма, подчеркивая взаимосвязь и взаимозависимость экономических, социальных, психологических и культурных факторов.

Необходимо отдельно остановиться на роли психологии в социально-политической концепции нацизма. Один из известных исследователей Гюстав Лебон выдвинул предположение о наличии в психологии толпы биологических инстинктов. Ученый в частности отмечал, что массы склонны к «авторитаризму и поиску лидера», особо подчеркивая, что преобладающим фактором в психологии толпы выступает иррациональность [5].

Зигмунд Фрейд, со своей стороны говорил о потребности в отсутствии лидера. Рассматривая же теорию нацизма, ученый выделял «инстинкт разрушения» как наиболее важный элемент. Данный инстинкт в процессе своей социальной адаптации запускает ряд катализаторов, способствующих в конечном итоге формированию «высшей идеи».

Вильгельм Райх в одной из своих работ вслед за З. Фрейдом развивает биологический подход, в соответствии с которым тоталитаризм подавляет «природу» человека, превращая его в безвольное существо, безропотно исполняющее приказы лидера. Вместе с тем он рассматривает в этом социально-политическом явлении исключительно психологические основания, присущие той или иной нации. Так, например, он отмечал: «Невозможно нейтрализовать безумного фашиста, ища его только среди немцев или японцев в свете текущих политических условий, а также без учета его возможного присутствия среди американцев и китайцев; если не распознать его в себе; если мы не знаем об общественных учреждениях, которые каждый день занимаются его воспитанием» [8, с. 22].

Вальтер Хоффер, известный аналитик нацизма, интегрировал разносторонние элементы ряда социально-гуманитарных наук в нацистскую идеологию, подчеркивая многогранность этого явления. Это позволило нацизму функционировать как «двуликому Янусу», принимая различные роли в зависимости от ситуации: антипролетарскую, антибуржуазную, революционную, реакционную, просветительскую, консервативную, идеалистическую, прагматическую, рационалистическую, мистическую и т.д. В конечном итоге, как отмечает В. Хоффер, «нацизм смог найти поддержку во всех слоях немецкого общества».

1934 год ознаменовался новым этапом в реализации нацистской идеологии – это было время создания «Черного Ордена» СС. По задумке Гиммлера, СС было организовано в стиле квази-религиозного ордена с четко прописанной иерархической структурой, жесткими принципами подчинения и сложной организацией. Было уделено большое значение расовой чистоте и психофизическим характеристикам тех, кто стремился стать членом СС. Особым почетом внутри СС славились «мертвые головы», которых готовили в таких образовательных учреждениях, как Бурги. Планировалось полностью отделить СС от общества посредством создания закрытых областей, подчиненных командованию «Черного ордена». Весь этот процесс в целом, напоминал организацию Тевтонского ордена. Изначальная же миссия была совершенно другой – быстрое создание суперчеловека «нордического типа».

В достижении этих амбициозных целей играла большую роль корпорация Аненербе (наследие предков), которая координировала «научные исследования и теоретические разработки». В Аненербе нацистская мистика постоянно питалась теософскими изысканиями, а «Черный Орден» СС предоставлял магическую составляющую. Организация, основанная в начале 1930-х годов как частный институт наследственных исследований, в 1935 году под управлением Генриха Гиммлера была реформирована в государственное заведение

и включена в сеть «Черного Ордена». В 1939 году Аненербе была формально интегрирована в структуру СС. Назначенным руководителем стал полковник СС Вольфрам Сивере, который впоследствии был осужден Международным трибуналом к казни через виселицу. В составе данной корпорации функционировало свыше 50 институтов, преследующих исследования в широком диапазоне областей: от создания космических аппаратов и тайного «супероружия» до проведения экспериментов в рамках изучения духа, оккультных дисциплин, генетической инженерии, клонирования, изучения наследственности индоевропейской расы, декодирования древних санскритских текстов, прогнозирования и футурологии, изменения ментальности, включая зловещие эксперименты на «живом материале», проведение вивисекции пленников и испытание психоактивных и наркотических средств. Активисты Аненербе активно распространяли «Майн Кампф» А. Гитлера среди населения, считая ее «духовной основой национал-социализма» и основополагающим принципом расизма.

Лидеры и ученые Аненербе использовали разнообразные методы для продвижения идей национал-социализма и расового превосходства. Они применяли не только концепции и достижения фюрера и его единомышленников, но также и древние культовые структуры, включая такие как мегалиты Экстернштайна – внушительные памятники III–II тысячелетий до нашей эры, созданные из массивных грубо обработанных каменных блоков.

Теоретики национал-социализма использовали исторические и природные памятники в качестве инструментов для продвижения идеологических целей нацизма и СС. Они придали ключевую роль сакральной (священной и традиционной) символике в религиозных обрядах СС с целью «укрепления веры» членов организации.

В конце 1930-х годов Г. Гиммлер, будучи рейхсфюрером СС, воплотил в жизнь идею создания собственной политической армии, которую он облек в уникальную религию, выходящую за рамки традиционных церковных учений. Фриц Вайтцель стал ключевым разработчиком этой религии, издав в 1938 году две книги: «Церемонии в СС» и «Празднование ежегодных торжеств в семье эсэсовца». Эти обряды способствовали трансформации членов СС в приверженцев новой веры, отличающейся от христианства.

По указанию Г. Гиммлера было выделено специальное направление, связанное со «сверхъестественным». Ложная теория «О мировом льде», предложенная «генеральным открывателем, благословенным богом», Гансом Горбигером, была объявлена вехой в возрождении немецкого народа со стороны Аненербе. В идеологических манипуляциях активно использовались культовые предметы прошлых эпох и их интеграция в современную жизнь.

Аненербе поддерживала постоянную связь с Тибетом, куда было отправлено три экспедиции. Последняя из них была отправлена в ноябре 1942 года в поисках мифической страны Шамбала, в которой, согласно легендам, находится ось Земли. Шамбала в мифологии представляет собой место, в оси которого содержится огромная энергия и которое контролирует весь мир. Гиммлер, являющийся страстным мистиком, верил, что вращение оси Земли в обратном направлении может повернуть время назад, позволяя Германии вернуться в 1939 год и, утя все прошлые политические и военные ошибки, начать войну заново и выиграть ее [3, с. 10].

Исходя из предварительных подсчетов, денежные затраты Германии на операции организации Аненербе превышали финансирование, предоставленное США

для осуществления «Проекта Манхэттен», направленного на разработку атомной бомбы.

Искусственное формирование идеологических концепций нацизма, включая работу Аненербе, в современности активно применяется при ренессансе нацистских взглядов. С антропологической точки зрения, новый вариант нацизма, как и прежний, связан с концепцией «сверхчеловека». Но теперь он переходит от мистической формы сверхчеловека к позитивистской [6, с. 559–560].

Современный неонацизм делает упор на достижение преобладания (суперчеловеческой мощи) с помощью технологий и техники. Он отходит от прямых столкновений и переходит в организационную, информационную и информационно-психологическую сферу, достигая успехов в установлении тотального контроля над миром посредством технологий манипулирования индивидуальным и социальным сознанием. Эти технологии, в определенной степени, стали одной из причин крушения СССР.

Неонацизм, как политическое направление и идеология, адаптируется к новым условиям, к изменению баланса сил внутри стран и на международной арене. Использование новейших технологий позволяет говорить о его технократической природе. Возможность этих технологий, особенно в области информации и коммуникации, устанавливая жесткий контроль в любом месте мира, подчеркивает его глобальное воздействие. В условиях однополярного мира, где США находятся на лидирующих позициях, отсутствует альтернативный центр власти, и ни одно государство, ни одна нация не способны самостоятельно противостоять нынешнему нацизму.

Все эти обстоятельства позволяют утверждать о реальной опасности превращения мирового сообщества в глобальный технократический концлагерь. Это в свою очередь формирует необходимость противостояния современному нацизму.

Вполне пророческими являются сегодня слова бывшего руководителя Кубы Фиделя Кастро, который в 90-х годах XX века отмечал: «Следующая война в Европе будет между Россией и фашизмом. Только фашизм будет называться демократией». Возвращаясь к исторической памяти, следует согласиться с мнением Бочарникова И.В. о том, что именно наши деды и прадеды в 1945 году сокрушили не просто немецкий, а европейский нацизм [1, с. 60]. Поэтому для эффективной борьбы с активностью неонацистских организаций необходимо помнить не только исторические уроки, но и иметь глубокое понимание их идеологических основ.

В настоящее время как никогда важно осознать культурно-историческую миссию России как одного из ведущих центров противостояния нацизму. Российская государственность и её Вооруженные Силы могут и должны стать сильным опорным пунктом в противодействии современному глобальному технократическому нацизму.

Литература

1. Бочарников И.В. Приоритетные направления информационно-аналитического обеспечения специальной военной операции / Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления / Факультет «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ имени Н.Э. Баумана, Академия военных наук / Под общ. ред. В.Н. Ремарчука, И.В. Бочарникова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2023. – 226 с.

2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М., 1994. – 511 с.
3. Васильченко А.В. Аненербе. «Наследие предков» без мифов и тайн. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 685 с.
4. Гегель. Философия права. – М., 1990. – 608 с.
5. Замогильный С.И., Вирич М.А. Социальные корни фашизма и основы его символических программ // Вестник московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 2. С. 43.
6. Курочко М.М. Необходимость силовой защиты от угроз глобального фашизма в современных условиях // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 5. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 559–560.
7. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М., 1990. – 752 с.
8. Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб., 1997. – 380 с.
9. Свасьян К.А. Социально-политическая философия Освальда Шпенглера // Социологические исследования. – 1987. – № 6. – С. 127.
10. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М., 1993. – 348 с.
11. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1998. – 539 с.
12. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992. – 429 с.

SOCIO-POLITICAL ANALYSIS OF THE IDEOLOGY OF GERMAN NAZISM IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Ursul V.I.

MSTU im. N.E. Bauman

The article analyzes scientific works and publications devoted to the study of the theoretical foundations of the ideology of Nazism. The analysis carried out allows us to conclude that this social phenomenon is insufficiently studied and developed from the point of view of political science. It is noted that the understanding of Nazism, namely its ideological origins, lies far beyond the halo of a certain philosophy. It is the result of a long evolution of socio-political relations and the intellectual development of previous eras. In the course of the analysis, it is noted that the ideology of Nazism combined various philosophical views of representatives of the European political school. At the same time, the world political practice of recent years convincingly testifies to the vitality of this ideology in modern conditions. Thus, the study allows us to conclude that at the end of the Second World War, Nazism was not completely destroyed. On the contrary, Nazism, representing a part of socio-political life, is inclined to constant development, changing externally, but retaining its foundation. At the present time, Nazism has acquired a new face, trying to abstract from the fascist trends of the past.

Keywords: ideology, Nazism, National Socialism, Ahnenerbe Corporation.

References

1. Bocharnikov I.V. Priority areas of information and analytical support for a special military operation / Information analytics and information and analytical technologies in the context of social management / Faculty of Social Sciences and Humanities of the Bauman Moscow State Technical University, Academy of Military Sciences / Under the general editorship of V.N. Remarchuk, I.V. Bocharnikov. – M.: Publishing house “Econ-Inform”, 2023. – 226 p.
2. Berdyayev N.A. Philosophy of the free spirit. – M., 1994. – 511 p.
3. Vasilchenko A.V. Ahnenerbe. “Heritage of ancestors” without myths and secrets. – M.: RIPOL classic, 2005. – 685 p.
4. Hegel. Philosophy of Law. – M., 1990. – 608 p.
5. Zamogilny, S.I., Virich, M.A. Social roots of fascism and the foundations of its symbolic programs // Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and political science. – 2005. No. 2. P. 43.

6. Kurochko M.M. Necessity of power protection from threats of global fascism in modern conditions // Philosophy and the future of civilization: Abstracts of reports and speeches of the IV Russian Philosophical Congress (Moscow, May 24–28, 2005): In 5 vols. T.5. – M.: Modern notebooks, 2005. – P. 559–560.
7. Nietzsche F. Sochineniya: V 2 t. T. 1. – M., 1990. – 752 p.
8. Reich V. Psychology of the masses and fascism. – St. Petersburg, 1997. – 380 p.
9. Svasyan K.A. Socio-political philosophy of Oswald Spengler // Sociological research. – 1987. № 6. P. 127.
10. Fromm, E. Psychoanalysis and ethics. – M., 1993. – 348 p.
11. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. – M, 1998. – 539 p.
12. Schweitzer A. Reverence for life. – M., 1992. – 429 p.

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент департамента
«Психологии и развития человеческого капитала»,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: left@lsn.ru

В статье рассматривается проблема становления и развития детерминант влияния на историческое сознание общества. Актуальность исследования определяется содержанием исторического сознания, изучение которого требует учета всех условий и факторов, активно влияющих на его функционирование в контексте использования исторического опыта для поступательного развития человека и общества. В исследовании обозначены основные детерминанты, которые через механизмы социально-психологического воздействия оказывают непосредственное или косвенное влияние на историческое сознание. Представлен обзор изменения основных детерминант влияния в процессе развития общества от древности до современности. По результатам исследования сделан вывод об информационной войне как о главном факторе, влияющем на историческое сознание в современном мире, а также о том, что информационно-коммуникационные технологии являются средством воздействия на массовое сознание. Обоснована необходимость и важность государственного управления процессами влияния на историческое сознание общества.

Ключевые слова: сознание, история, социальный конструкт, массовое сознание, историческое сознание, детерминанты влияния.

Введение

Историческое сознание – это сложное явление, имеющее социальную природу и включающее в себя множество элементов. Оно формируется в процессе общения людей, изучения истории и культуры, а также социальных и политических событий. Как духовно-практический феномен современной общественной жизни историческое сознание требует в своем изучении учета всех условий и факторов, активно влияющих на его функционирование в контексте использования исторического опыта для поступательного развития человека и общества [8]. Детерминантами влияния можно назвать совокупность причин, условий, обстоятельств, определяющих формирование исторического сознания в определённый период времени. Чем более развито общество, тем выше уровень влияния и управления массовым сознанием. Стоит отметить, что современность кардинальным образом отличается технологичностью воздействия. Например, технология CGI позволяет фальсифицировать любое событие ближайшего прошлого, создавая видео с реальными историческими персонажами, которые могут произносить речи и совершать действия, которых никогда не было на самом деле. Вся структура исторического сознания подвержена постоянной динамике, которая в настоящее время перестает основываться на исторической реальности, а переходит в хаотичное конструирование под влиянием определённых факторов, чему, безусловно, способствуют современные технологии.

Историческая память как представление о прошлом, которое формируется на основе информации, передаваемой из поколения в поколение, подвержена деструкции, поскольку основные потоки исторической информации перестали существовать исключительно в форме устной или письменной передачи, а присутствуют в массовом сознании скорее в виде хаотичной картины прошлого, сложенной из коротких видеосюжетов, популярных «новых хронологий», художественно-исторической литературы, где больше художественного вымысла, чем исторической реальности, и т.п. Таким же процессам подвержены историческое мышление, культура, историческое сознание как идеология, практика, ценностное и духовное основание общества. Этому способствует природа массового сознания, которое не оперирует научным знанием и лишь отчасти отражает исторический опыт, причём скорее на уровне чувств, эмоций, переживаний. Ф.Р. Анкерсмит замечает: «Возвышенный опыт ближе чувствам и настроениям, чем знанию; как и они, он скорее онтологичен, чем эпистемологичен, и потому должен определяться скорее через то, что вы суть, чем через то, что вы знаете, каким знанием обладаете. Возвышенный опыт – и исторический опыт – не предназначен для утоления нашей жажды знания» [1, с. 314]. Поэтому детерминанты влияния на историческое сознание реализуются через механизм эмоционально-иррационального воздействия посредством появляющихся в определённую историческую эпоху средств, например письменности, массовой печати, радио, телевидения, интернета, искусственного интеллекта. Каждая детерминанта качественно меняет эффективность влияния и в своём пределе может замещать реальную историю совершенным вымыслом.

Таким образом, актуальной и значимой проблемой является выявление и классификация детерминант вли-

яния на историческое сознание, механизм их действия в прошлом и настоящем.

Изменение основных детерминант влияния в процессе развития общества

Детерминанты влияния на историческое сознание менялись в зависимости от множества факторов, таких как политические системы, экономические реалии, технологические и демографические изменения. До появления письменности события прошлого могли передаваться непосредственно от человека к человеку, у небольших сообществ (племён) была своя история, ограниченная ареалом обитания и разбавленная мифами, легендами, сказаниями. Появление письменности детерминировало значительные изменения в сохранении и передаче событий прошлых времён, что коренным образом повлияло на восприятие и сохранение информации, а также на её передачу будущим поколениям. Ю.М. Лотман назвал это механизмом сохранения коллективной памяти: «Подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти. К ним следует отнести и письменность» [3, с. 103]. Другими словами, письменность качественно повысила длительность и точность сохранения информации, а также позволила не только сохранять исторические данные, но и связывать их вместе, создавать общую картину истории человечества. Сама письменность как детерминанта влияния на историческое сознание также менялась от примитивных форм до полноценного алфавита, что позволяло более полно отражать события, факты, их интерпретацию. Исторические события приобрели множественные интерпретации, поскольку разные авторы исторических документов описывали реальность с различных точек зрения, а другие авторы анализировали ранее написанное и представляли в комментариях своё восприятие и понимание прошлого. Это расширяет возможности оценки исторических событий. По мнению А.Р. Анкерсмита, «...если у нас есть только одна историческая интерпретация некоторой исторической темы, мы вообще не имеем интерпретации» [14, с. 239].

Религия и церковь также оказали (и оказывают) значимое влияние на историческое сознание. Религиозные тексты, мифы, предания могут служить источником изучения многих исторических событий, а также определять их значение и воздействие на общество. История религии и церкви – это не только культурное наследие, но и источник моральных и этических ценностей, влияющих на мировоззрение и поведение людей. В различные периоды истории религия была тесно связана с политическими, экономическими и социальными процессами, которые определяли развитие общества. Религия была и источником конфликтов, и механизмом их разрешения, проявлялась как инструмент власти и оппозиции. Поскольку религия имеет большое влияние на социально-политическую жизнь общества, многие исследователи придают ей политическую функцию [2], помимо мировоззренческой, компенсаторной, регулирующей и др. Религиозность людей и их вера создают субъективно обусловленный фильтр восприятия прошлого, через который происходит оценка исторических событий – часто социально-политическая, идеологическая, культурная, идентификация «своих» и «чужих», как в прошлом, так и настоящем. Каждая традиционная религия имеет большой исторический путь развития и является неотъемлемой частью общей истории, в которой события могут восприниматься и трактоваться по-разному в зависимости от принадлежности человека или общности

людей к той или иной религии. Поэтому историческое сознание во многом определяется религиозной принадлежностью людей, их культурной и религиозной традицией, обрядами, праздниками, памятными датами. Всё это направлено на сохранение памяти о прошлых поколениях, передачу их знаний и опыта потомкам.

Очень большое влияние на историческое сознание оказали технологические изменения, которые способствовали распространению информации на огромные расстояния, осуществляя массовый охват населения. Это произошло благодаря изобретению печатного станка, телеграфа, радио и телевидения. Новые технологии позволили передавать информацию мгновенно и одновременно, что значительно ускорило процессы воздействия на мировоззрение и поведение людей. П. Нора во фрагменте семитомного труда «Проблематика мест памяти» [6] сделал вывод о коренном изменении исторического сознания благодаря средствам массовой информации и об исчезновении памяти социальных групп ввиду исчезновения самих этих групп – например, крестьянства. Автор констатировал, что историческое сознание лишилось целостности, перестали работать институты передачи социальной памяти и традиций: семья, школа, церковь, государство, идеология.

Телевидение к 80–90-м годам XX века стало ведущим средством распространения информации, создавая образы, всё дальше уходящие от реальности, в том числе кардинально меняя восприятие исторических событий, выдавая фантазию за действительность: «...фантазия реальнее реальности, оттиски убедительнее оригиналов. Псевдореальность более интересна и более приемлема, чем естественность» [10, с. 141].

Одна из главных детерминант влияния на историческое сознание, актуальная в настоящем и ближайшем будущем, – появление и развитие интернета, а также связанных с ним информационно-коммуникационных технологий.

Влияние информационно-коммуникационных технологий на историческое сознание современности

Интернет дал возможность быстрого и удобного доступа к огромному количеству информации, включающей исторические факты, документы, тексты, фотографии и видео. Это позволило пользователям более глубоко изучать исторические события и пересматривать представления о них. Однако, с другой стороны, интернет стал площадкой распространения мифов и ложной информации о прошлом, а также мощным инструментом пропаганды и искажения исторических фактов с целью достижения политических и идеологических целей. Историческая информация теперь в основном представлена для массового потребителя в виртуальном пространстве. Это формирует поле «массового создания и переработки исторических смыслов, значений и критериев интерпретации, переставших быть уделом «признанных» и традиционных исторических институций» [11, с. 4]. Как закономерное развитие интернета активно разрабатывалась и формировалась совокупность методов и средств сбора, хранения, обработки, передачи и представления информации, расширяющая знания людей и развивающая их возможности по управлению техническими и социальными процессами, что в настоящем представляет собой важное средство влияния на массовое сознание, получившее название «информационно-коммуникационные технологии». Применение технологий создаёт всемирное поле исторического дискурса без пространственных

ограничений. Это общая медиасреда, которая, «втягивая в свою орбиту человека, предлагает ему не только принципиально новые коммуникативные средства и практики постижения социальной реальности, социализации и социальной интеграции, но также создает серьезные риски и угрозы, связанные с формированием искаженной картины мира, ложной интерпретацией исторических событий, фальсификацией истории» [4, с. 20].

Информационно-коммуникационные технологии являются важным фактором влияния на историческое сознание общества посредством системы информационного потока, обеспечивающего доступ к различным историческим событиям, фактам и документам. Например, к электронным архивам, которые позволяют хранить цифровые копии исторических документов и материалов, облегчая массовый доступ к этим ресурсам.

Технологии виртуальной реальности используются для реконструкции исторических событий и мест, обеспечивая более яркое восприятие и понимание истории. Эта же технология позволяет фальсифицировать любые события прошлого, что также будет восприниматься в массовом сознании как убедительное доказательство реальности происшедших событий.

Социальные сети стали платформой для множественной интерпретации исторических событий, формирования различных сообществ, которые спорят и претендуют на знание истинной истории, часто излагая набор мифов и заблуждений, а также сознательно продвигаемых идеологических конструкций.

Информационно-коммуникационные технологии позволяют посредством компьютерных программ визуализировать исторические данные для массового восприятия в виде графиков, таблиц, диаграмм, 3D-моделей. Наглядность и упрощение восприятия облегчают встраивание в историческое сознание определенных постулатов, тезисов, формулировок, которые должны легко запоминаться и воспроизводиться. Это особенно эффективно воздействует на молодое поколение, поскольку оно привыкло получать «сжатую» информацию в виде коротких роликов, анимации или краткой презентации, картинок.

Компьютерные игры могут включать в себя исторические сюжеты, позволяя игрокам узнавать историю и формировать определенное представление о прошлом. Это наиболее удобная технология для манипулирования массовым сознанием, встраивания необходимых разработчику мифов, искажений, откровенной лжи об исторических событиях. Компьютерная игра воспроизводит пространство виртуальной реальности, в котором прошлое можно просто создавать, переписывать, отменять, вновь воссоздавать. В этом процессе полностью теряются правда и вымысел, формируется восприятие виртуальности самой истории как того, что можно придумывать и отменять силой воображения. Компьютерные игры с историческим содержанием – это продукт эпохи постмодерна, который не считает историю наукой, не верит в ее познаваемость, отрицает историческую реальность и считает, что она конструируется [12, с. 105]. В игре идеально реализуется механизм встраивания ложных исторических представлений через внешние. Главное в процессе игры – это сама игра, то есть сознание полностью захвачено производством определенных действий, при этом естественным образом (при отсутствии сознательного контроля) в подсознании (или вне сознания) формируются и принимаются несуществующие, выдуманные исторические события, которые в ходе игры не могут быть осмыслены, проанализированы, проверены на достоверность. Поскольку в компьютерные игры в основном, играют молодые люди, которые часто в силу отсутствия исторических знаний и жизненно-

го опыта не могут критически оценивать (и даже отслеживать) манипуляцию, обман, фальсификацию, то они более всех подвержены негативному влиянию ложной исторической информации. Стоит также отметить, что компьютерные игры с историческим содержанием, основанные на проверенной и научно обоснованной информации, могут быть безусловно полезными.

Социальные сети и мессенджеры также являются важной составляющей информационно-коммуникационных технологий, значимо влияя на историческое сознание общества. Это главный источник информации в современности. Социальные сети и мессенджеры всегда доступны получателю, они встроены в телефоны, планшеты, компьютеры, что обеспечивает лёгкую доступность и непрерывность информационного потока.

Особенностями любой информации, в том числе и исторической, в социальных сетях и мессенджерах являются несистематичность, неполнота, незавершённость, произвольность, чаще – недостоверность или умышленное искажение.

Несистематичность образуется из отсутствия логики последовательности событий, перерывов в изложении, произвольности порядка предоставления информации. Неполнота является следствием представления исторических событий в пределах коротких заметок или фрагментарных сообщений, не содержащих полной информации о происшедшем. Незавершенность появляется ввиду того, что данные могут быть опубликованы пользователями в любой момент времени, а исторические факты зачастую представлены не в полном объеме и не дополнены последующими событиями. Произвольность – следствие общей доступности изложения своего мнения для любого человека: информация, размещаемая в социальных сетях и мессенджерах, может быть представлена не только официальными источниками, но и людьми, чьи мнения являются предвзятыми или ошибочными. За недостоверностью и умышленным искажением исторической информации зачастую стоит проявление сознательной деятельности определенных лиц и организаций в рамках информационной войны, средствами которой являются в том числе информационно-коммуникационные технологии.

Информационные войны как основной фактор влияния на историческое сознание современности

Понятие «информационная война» упоминается в вышедшей в 1953 году книге «Тайная капитуляция» А. Даллеса, одного из основателей идеологии «холодной войны». Это, наверное, первое обоснование необходимости победы не только на поле боя, но и в информационном пространстве, причём победа в «информационной войне» может существенно облегчить или полностью исключить необходимость ведения «горячей войны». В настоящее время в отечественной науке присутствуют термины «информационное противоборство», «информационно-психологическая война», «войны памяти» как часть «информационной войны» [7, с. 4].

Так, например, В.Г. Рощупкин оперирует тремя вариантами: под «информационным противоборством» подразумеваются действия наступательного или оборонительного характера, осуществляемые в целях достижения национальных интересов в информационно-психологической сфере, – прежде всего, обеспечение геополитической и информационно-психологической безопасности государства [9, с. 13], «информационную войну» он рассматривает как операции, мероприятия, способы

и средства ведения межгосударственного информационного противоборства [9, с. 45], а «информационно-психологическую войну» определяет как осуществляемые тайно информационно-психологические операции, представляющие собой систему военных, дипломатических, экономических и информационных мероприятий и предполагающие оказание воздействия на отдельные социальные группы посредством внедрения им чуждых идеологических и социальных установок для формирования у них ложных стереотипов поведения [9, с. 55].

Активно влиять и тем самым формировать историческое сознание в обществе, например, враждебного государства, – одна из основных целей информационной войны. Тем самым можно нанести ущерб идеологической, политической, социально-психологической, государственно-управленческой сферам функционирования государства. Информационная война обязательно направлена на выработку необходимого восприятия и «правильной» оценки исторических процессов, действий, решений, а также отношения к прошлому в общем, что является основой формирования в настоящем определённого мировоззрения, создания представлений о норме, традициях, правилах поведения и ритуалах памяти о значимых исторических событиях.

Информационные войны переформатируют историческое сознание тем эффективнее, чем больше допускается манипулирование информацией о прошлом, создаются определённые стереотипы и мифы, формирующие восприятие собственной истории исключительно в негативном ключе. В памяти сохраняются только поражения, неудачи, разрушения и произвол. Искажение памяти о прошлом – это часть информационной войны, в которой главная задача – сформировать в обществе ложные, извращённые, недостоверные образы, события, воспоминания прошлого, что приобрело характер настоящих «войн памяти». Термин «войны памяти» впервые появился у отечественного социолога и антрополога В.А. Шнирельмана, изучавшего историю народов Закавказья, который столкнулся с тем, что историки, подталкиваемые к этому этническими элитами, используя различные интерпретации событий минувших дней и недостаток сведений о прошлом, манипулируя фактами, находят корни современных наций в древности и занимаются масштабным созданием новой исторической реальности в политических интересах [13, с. 13–14]. Войны памяти как часть глобальной информационной войны вызывают серьёзные социальные, политические и культурные последствия, так как влияют на формирование коллективной идентичности народов, на то, как разные страны, этносы и нации взаимно воспринимают друг друга, а также на политическую историю. Методы, применяемые для искажения памяти, не новы, но имеют важную особенность, обусловленную информационно-коммуникационными технологиями современности. Теперь пропаганда, манипуляция, фальсификация исторических документов и доказательств, создание мифов и легенд исполняются на высочайшем техническом уровне и легко внедряются в массовое сознание посредством компьютерных игр, социальных сетей, совокупности всех элементов медиасреды. Если государство не заботится о сохранении исторической памяти, такое попустительское оборачивается тем, что различные заинтересованные силы внедряют в память конструкции извне. Социум, лишённый национальной памяти, теряет способность передавать историческое наследие будущим поколениям. Меняется два-три поколения – и, например, «Япония состоит в военном союзе с США, зависит от них и подтверждает своё нахождение под гарантиями безопасности США» [5 с. 15], поэтому США отказываются

приносить извинения за ядерную бомбардировку Японии, а 60% молодых японцев уже не могут назвать, какая страна нанесла по Хиросиме и Нагасаки ядерный удар. Именно информационная война является основной детерминантой влияния на историческое сознание в современном мире, поскольку включает в себя всю совокупность средств и методов манипуляции массовым сознанием на непревзойдённом технологическом уровне, который с каждым годом становится всё выше, что усложняет противодействие искажению исторических фактов, формированию ложных установок и верований. Системный характер влияния информационной войны на историческое сознание обеспечивается за счёт синхронного и целенаправленного использования различных медиаканалов: телевидения, радио, социальных сетей и т.п. Создаются сайты, Telegram-каналы и другие интернет-площадки, которые распространяют фальшивые документы, недостоверные сведения о важных и значимых событиях прошлого, причём такая деятельность планомерна, длительна по времени, привязана к определённым историческим и памятным датам. Обобщая основные манипулятивные технологии влияния на историческое сознание общества в процессе информационной войны, следует выделить:

1. Изменение фактов и событий. Искажение реальной истории путем частичной или полной подмены фактов, неточного описания или частичное придумывание исторических событий.

2. Выборочное представление фактов в «нужной» последовательности, сокрытие контекста событий. Представление выборочной искаженной информации, которая подтверждает определенную точку зрения и исключает другие точки зрения.

3. Соккрытие и опущение исторической информации, которая может изменить восприятие события или опровергнуть определенную точку зрения.

4. Манипуляция образами. Использование образов и символов для манипулирования мнением об определенной исторической личности, событии или действии.

5. Использование открытой лжи. Представление ложной информации в форме так называемой «реконструкции истории». В данном случае используется безапелляционное, масштабное, лживое описание исторических событий, которые в действительности не имели места.

6. Использование и популяризация исторических мифов как достоверно установленных событий для поддержания в массовом сознании определенного восприятия прошлого.

7. Обесценивание прошлого. Демонизация исторических личностей или интерпретация свершений и фактов исключительно в эмоционально негативных характеристиках. В итоге это должно создавать в массовом сознании представление о «тёмном прошлом», в котором нечем гордиться, а значит, необходимо чувствовать себя «без роду, без племени», без надёжного исторического фундамента для настоящих и будущих побед, которых также быть не должно.

8. Обесценивание традиций, гипертрофированное негативное представление национальных особенностей, менталитета, что обосновывается «тёмной, кровавой» историей страны (народа).

Заключение

Активное влияние на историческое сознание является одной из главных целей информационной войны, которая детерминирует изменения в восприятии и понимании прошлого, его оценке и интерпретации. Результаты информа-

ционной войны могут быть долгосрочными и определить восприятие истории на десятилетия вперед. Поэтому активная защита от такого влияния, а также критический подход к историческим событиям и личностям являются важными элементами сохранения исторической правды и формирования адекватного исторического сознания.

Любые новшества в информационно-коммуникационной сфере используются в том числе для совершенствования методов и средств манипуляции массовым сознанием. Эффективность манипулятивных конструкций, внедряемых в историческое сознание общества, определяется совершенствованием социально-психологических технологий, основанных на всей совокупности средств управления медиапространством.

Появление новых детерминант влияния может качественно менять историческое сознание общества, в том числе внося конструкты, замещающие реальную историю совершенным вымыслом. Средствами влияния на историческое сознание общества являются современные, постоянно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии, которые, с одной стороны, активно применяются в информационной войне и в войнах памяти, а с другой стороны, могут служить мощным ресурсом, позволяющим получить доступ к историческим фактам, документам, материалам. Созидательное и целенаправленное управление информационно-коммуникационными технологиями – одна из важных задач государства.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – 612 с.
2. Васильев Л.С. История религий Востока. – М., 1998.
3. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин, 1992. – Т. I. – С. 102–109.
4. Мерзлякова И. Л., Кошман М.В., Каирова И.А. Специфика формирования исторического сознания в современной медиасреде // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 88. – № 5. – С. 18–25.
5. Муратшина К.Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия // Японские исследования. – 2019. – № 4. С. 6–23.
6. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 17–50.
7. Пичугин В.Г. Концепция информационной войны будущего / В.Г. Пичугин, Л.А. Годунова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 3–15.
8. Пичугин В.Г. Феномен практик социального конструирования истории: сущность и специфика их проявления в современном социуме / В.Г. Пичугин, В.В. Кафтан // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 119–126.
9. Рощупкин В.Г. Информационно-психологическое противоборство и обеспечение информационной безопасности. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. – 92 с.
10. Ученова В.В. Реклама и массовая культура: служанка или госпожа?: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика» и «Реклама». – М., 2008.
11. Хмелевская Ю.Ю. Медиатизация истории // Учебно-методические материалы кафедры отечественной и зарубежной истории ЮУрГУ. – Челябинск, 2017. – 22 с.
12. Чернова Н. В., Макарова Н.Н. Наглядные методы обучения и проектные методики на уроке истории //

Перспективы науки и образования. – 2018. – № 6 (36). – С. 105–113.

13. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: Академкнига, 2003. – 592 с.
14. Ankersmit F.R. Narrative Logic: A semantic analysis of the historian's language, Den Haag, Nijhoff, 1983. P. 239.

DETERMINANTS OF INFLUENCE ON THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF SOCIETY

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article examines the problem of the formation and development of determinants of influence on the historical consciousness of the society. The relevance of the present research is determined by the content of historical consciousness, the study of which requires taking into account all conditions and factors that actively influence its functioning in the context of using historical experience for the progressive development of people and society. The research identifies the main determinants that have a direct or indirect impact on historical consciousness through mechanisms of sociopsychological influence. An overview of changes in the main determinants of influence during the development of society from antiquity to modern times is presented. Based on the results of the study, a conclusion was made that information warfare is the main factor influencing historical consciousness in the modern world, as well as that information and communication technologies are a means of influencing mass consciousness. The necessity and importance of state management of the processes of influencing the society's historical consciousness is justified.

Keywords: consciousness, history, social construct, mass consciousness, historical consciousness, determinants of influence.

References

1. Ankersmit F.R. Sublime historical experience. – М.: Europe, 2007. – 612 p.
2. Vasiliev L.S. History of Eastern religions. – М., 1998.
3. Lotman Yu.M. Several thoughts on the typology of cultures // Articles on semiotics and typology of culture. – Tallinn, 1992. – Т. I. – pp. 102–109.
4. Merzlyakova I. L., Koshman M.V., Kairova I.A. Specifics of the formation of historical consciousness in the modern media environment // Humanitarian and social sciences. – 2021. – Т. 88. – No. 5. – P. 18–25.
5. Muratshina K.G. Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Japanese Studies. – 2019. – No. 4. P. 6–23.
6. Nora P. Problems of places of memory // France-memory. – St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1999. – pp. 17–50.
7. Pichugin V.G. Concept of information warfare of the future / V.G. Pichugin, L.A. Godunova // News of Tula State University. Humanitarian sciences. – 2021. – No. 3. – P. 3–15.
8. Pichugin V.G. The phenomenon of practices of social construction of history: the essence and specificity of their manifestation in modern society / V.G. Pichugin, V.V. Kaftan // Socio-political sciences. – 2022. – Т. 12, No. 1. – P. 119–126.
9. Roshchupkin V.G. Information-psychological confrontation and ensuring information security. – Samara: Samara University Publishing House, 2018. – 92 p.
10. Uchenova V.V. Advertising and mass culture: servant or mistress?: textbook a manual for university students studying in the specialty "Journalism" and "Advertising". – М., 2008.
11. Khmelevskaya Yu. Yu. Mediatization of history // Educational and methodological materials of the Department of Domestic and Foreign History of SUSU. – Chelyabinsk, 2017. – 22 p.
12. Chernova N.V., Makarova N.N. Visual teaching methods and design techniques in the history lesson // Perspectives of science and education. – 2018. – No. 6 (36). – pp. 105–113.
13. Shnirelman V.A. Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia. – М.: Akademkniga, 2003. – 592 p.
14. Ankersmit F.R. Narrative Logic: A semantic analysis of the historian's language, Den Haag, Nijhoff, 1983. P. 239.

Культурно-религиозные, политические и нравственно-правовые особенности функциональной матрицы евразийско-общерусской цивилизации

DOI 10.34823/SGZ.2023.9.52027

Циткилов Петр Яковлевич,
д.и.н., профессор кафедры социальных технологий Южного
федерального университета
E-mail: petrcitkilov@yandex.ru

В статье показано, что сущностное понимание функциональной матрицы евразийско-общерусской цивилизации возможно при целостном рассмотрении всей совокупности её характеристик. Дан научный анализ следующим функциональным проявлениям нашей цивилизации: существование евразийско-общерусской культуры; наличие православно-исламско-буддистской комплементарности при особой роли православия; необходимость в справедливой, персонифицированной и сильной центральной власти; восприятие правовых установлений в единстве с началом нравственности и правды. Сделан вывод о мироустроительной идее евразийско-общерусского социализма.

Ключевые слова: евразийско-общерусская цивилизация, культура, конфессиональная комплементарность, справедливая власть, право и нравственность.

Научный анализ функциональной матрицы евразийско-общерусской цивилизации не может быть ограничен её природно-географической, экономической и этнологической спецификой. Наряду с единым природно-климатическим ареалом нашей цивилизации, наличием евразийского суперэтнуса и приоритетом в экономике государственного и общинно-коллективного (кооперативного) укладов, цивилизацию Северо-Востока Евразии характеризуют и другие функциональные компоненты. К их числу можно отнести: существование *евразийско-общерусской культуры*; наличие в нашем историческом Отечестве *феномена православно-исламско-буддистской комплементарности* при особой роли православия; потребность народа в *сильной, персонифицированной и справедливой центральной власти*; отсутствие традиции безусловного подчинения правовым установлениям, *их соизмерение с началом нравственности и справедливости*.

Важной функциональной особенностью нашей цивилизации является *складывание и развитие евразийско-общерусской культуры*. По содержанию она правдолюбива и высоко духовна, а по форме многоэтнична.

В программном манифесте «Евразийство. Опыт систематического изложения», подготовленном его классиками в 1926 г., отмечалось, что существует «особая евразийско-русская культуры и особый ее субъект» [1, с. 33]. Им является народ Северо-Востока Евразии или, говоря по-другому, большой России-Евразии. К числу важнейших евразийских идей относится суждение о «симфонической личности» как свободном культурном творчестве, сочетающем общемировое, евразийское наследие с культурной суверенностью отдельных этносов. Евразийская культура не относится ни к Западу, ни к Востоку [2, с. 259]. Она не является и механическим сочетанием данных культур.

Евразийско-общерусская культурная традиция сформировалась на основе взаимного уважения и творчества культур различных народов нашей цивилизационной общности, что обеспечило сохранение их самобытности в рамках общего культурного пространства. Как писал академик РАН Д.С. Лихачёв, русская земля всегда была не только тысячей городов, но и тысячей культур» [3, с. 17].

Если западное самосознание, основными проявлениями которого являются европоцентризм и американоцентризм, ратует за свою универсальность и исключительность, то евразийско-общерусское мировоззрение отстаивает принцип уважительного отношения ко всем культурам, без попыток навязывания чьего-либо культурного превосходства. Евразийский тип культуры – это наличие мощного духовного начала, которое противостоит тенденции разделения, атомизации людей с помощью насаждения индивидуалистских приоритетов [2, с. 259]. Такая особенность евразийской культуры способствует упрочению объединяющего, солидарного начала жизни.

Общерусский народ совместно с другими этносами Северо-Востока Евразии сформировал *особый культур-*

ной облик нашей цивилизации. Исторически развивался процесс взаимовлияния и взаимопроникновения культурного достояния (литературного наследства, высокого искусства, народного творчества и др.) различных народностей и национальностей евразийского суперэтноса. Философ И.А. Ильин писал, что русский народ, «как подлежит большому культурному народу, щедро делился своими дарами со своими замиренными и присоединёнными бывшими соседями, вчувствовался в их жизнь, вслушивался в их самобытность, учился у них, воспевая их в своей поэзии, перенимал их искусство, их песни, их танцы и их одежды, и простосердечно и искренно – считал их своими братьями». «Но никогда, – продолжал философ, – не гнал их, не стремился денационализировать (по германскому обычаю!) и не преследовал их» [4, с. 155]. Напротив, русский народ пытался всячески поднять культурный уровень отдельных этносов, содействуя развитию национальных языков, формированию у них высокого образования, литературы, искусства, большой науки.

Нашу культурную традиции отличает большая, чем на Западе, *искренность чувственного выражения*. Например, если там улыбка стала обязательным и формализованным элементом обслуживания, то у нас она сохраняет своё естество. В американском Чейз Манхеттен бэнк уже не первый год можно увидеть объявление: «Если наш оператор Вам не улыбнулся, заявите об этом швейцару, он выдаст доллар» [5]. Такой подход не свойственен народам Северо-Востока Евразии. Для нас улыбка – это нормальная реакция на положительные эмоции. Мы обычно улыбаемся тогда, когда действительно хочется. Улыбаться без повода нам просто неприлично. Не случайно в русском языке спрашивают не о том, кому кто-либо улыбается, а чему, то есть наличию определённой причине. Данную функциональную особенность цивилизационной идентичности нашего народа выражают и некоторые пословицы («Набьёт и улыбка оскомину», «Смехом сыт не будешь» и др.)

После распада Советского Союза, приведшего к ослаблению евразийско-общерусской цивилизационной общности, реальностью стала массовая дезориентация населения постсоветского пространства и *падение его культурного уровня*. Российский философ А.С. Панарин, осмысляя эти процессы, предвидел дальнейшую дезинтеграция нашего культурно-цивилизационного пространства. Он писал: «Когда сталкиваются представители устойчивых органических культур, которые знают, чего они хотят, с духовно дезориентированной массой, исход этой встречи легко предугадать» [6, с. 31]. Геополитические противники и разрушители великой советской державы хорошо осознавали, что трагической ассимиляции отдельных её народов предшествует цивилизационная дезориентация. Именно на это они не жалели ни средств, ни усилий. Печальным результатом такой политики сегодня является переформатирование сознания многих не только украинских, но и российских граждан, особенно молодёжи.

В постсоветские годы преодоление евразийского цивилизационного надлома было затруднено отсутствием мощной надэтнической, интеграционной идеи. По словам Панарина, в ней должна найти «разрешение проблема евразийской идентичности – творческого прочтения нашей цивилизационной специфики» [6, с. 31]. Фактором возможной успешности её решения является сохранение в сознании и душах широких слоев постсоветских народов единой евразийско-общерусской культуры, правдолюбивой по содержанию и многоэтнической по форме. Наличие и сохранение такой культуры, несомненно, будет способствовать *преодолению надло-*

ма нашей цивилизации, возрождению её территориальной и геополитической общности.

Попытки ограничить евразийскую интеграцию лишь развитием экономических связей, осуществлявшиеся последние четверть века, оказались противоречивыми, непоследовательными и недостаточно эффективными. Связано это не только с состоянием цивилизационной дезориентации значительных слоёв населения стран СНГ, но и с *отсутствием евразийско-общерусской идеологии интеграции и созидания*. Три последних десятилетия её выработка сдерживалась влиятельными политическими и финансово-олигархическими группами многих постсоветских государств. В ряде стран СНГ, включая Российскую Федерацию, пока *не сложилась подлинно народная элита*, способная взять ответственность за проведение глубокой интеграции нашего евразийского цивилизационного пространства. Такой интеграционный проект может обеспечить реальную безопасность постсоветских народов, достойное будущее большинства их граждан и сохранение культурных особенностей. А это и есть путь укрепления подлинного суверенитета в единстве с братским по духу народами.

Нужно признать, что главную ответственность за сдерживание процесса разработки евразийско-общерусской цивилизационной идеологии *несут властные и олигархические группы внутри современной России*. Они, подыгрывая интересам Запада, не позволили нашей стране стать реальным локомотивом евразийской интеграции, отвечающей чаяниям миллионов постсоветских граждан. Известный российский аналитик Ш.З. Султанов незадолго до своей кончины в 2022 г. мудро заметил, что нашей стране необходима долгосрочная, системная идеология, имеющая глобальный охват с учетом существующих угроз и трендов. «Эту идеологию, – продолжал он, – мы не можем создать, потому что это может сделать только элита. Но у нас нет элиты. Есть элитные группы. Но элиты, главным компонентом которой является ответственность за страну, нет» [7]. Данная проблема является одним из главных факторов сдерживающих созидательное развитие страны и процесса интеграции постсоветского пространства, обусловленный не только экономически, но и геополитически, культурно-цивилизационно.

Следующей функциональной спецификой нашего цивилизационного мира является наличие на Северо-Востоке Евразии **православно-исламско-буддистской комплементарности**. При этом особая роль в духовном восприятии бытия евразийских народов принадлежит православному мирозерцанию.

Давно замечено, что религии придают прочность духовному облику людей, их нравственному состоянию. Они оказывают огромное влияние на формирование ценностно-мировоззренческих оснований различных цивилизационных миров. Например, в современной западной цивилизации такое влияние оказывают католицизм и протестантизм. В индийской цивилизации ведущее духовное влияние принадлежит индуизму, буддизму и исламу, в арабской цивилизации – исламу, а в евразийско-общерусской – православию, исламу и буддизму.

Своим свободным духом, соборностью и глубоким внутренним смирением православие располагает к себе представителей других конфессий на территории нашего цивилизационного ареала. В отдельные периоды советской эпохи допускалось внешнее давление на религии, закрывались и разрушались храмы, преследовались некоторые священнослужители. Но это не ослабляло силу духа наших соотечественников. В период тяжёлого гражданского противостояния 1937 г. в нашей стране побывал голландец Гендрикс. Он посещал хра-

мы, в которых видел тысячи верующих людей. Позже, делаясь своими впечатлениями о поездке, он писал, что видел укрепление духа многих людей в условиях внешних, обрядовых ограничений церковной жизни. «Что касается самих церквей, – отмечал Гендрикс, – то хотя число их и уменьшилось, но зато дух вырос» [8, с. 24].

С учётом того, что большинство людей на территории Северо-Востока Евразии исторически исповедуют православие и ислам, то именно их духовная близость оказала ведущую роль при формировании евразийской ментальности. Многовековое совместное проживание православных людей и мусульман обусловило определённое соединение высшей православной ценности любви и прощения с высшей исламской ценностью справедливости. В соответствии с исламской традицией важнейшими средствами достижения правды являются добролюбие, жизнь по любви, милосердие. Восточное же христианство исходит из того, что устремлённость к справедливости, жизнь по правде приближают людей к постижению любви как смысла всего сущего [9, с. 61]. Следовательно, содержанием православно-исламской комплементарности является взаимная дополняемость основных ценностных начал этих конфессий.

Объективная потребность в упрочение комплементарности православия и ислама определяется и нарастанием геополитических угроз нашему Отечеству. Многие западные политики (Сильвио Берлускони, Эмманюэль Макрон и др.), представители интеллектуальных элит (Френсис Фукуяма и др.) видят в исламе цивилизационную угрозу. Они выступают за «вестернизацию исламского мира», за его «реформирование, просвещение», вовсе не интересуясь мнением на сей счёт самих мусульман. Антиисламский тренд активно поддерживают и тиражируют ряд влиятельных западных СМИ, что ведёт к соответствующему формированию общественного мнения. Так, на рубеже 10–20-х гг. XXI в. в Австрии на эту тему институтом IMAS было проведено социологическое исследование. Судя по его данным, 54% респондентов соглашались с утверждением, что «ислам представляет угрозу Западу и нашему образу жизни» [10]. Западные политики и «исследователи» видят угрозу не просто со стороны исламских экстремистов, а со стороны ислама как цивилизационного фактора.

Однако реалии свидетельствуют о том, что ислам сегодня в нравственном отношении оказывается выше ряда западных церквей. Такую позицию вполне обоснованно разделяют некоторые православные богословы (профессор Московской духовной академии А.И. Осипов и др.). В исламской среде Российской Федерации приходит понимание, что в своих чаяниях и устремлениях по защите духовных основ жизни, устоев естественной семьи правоверные мусульмане могут рассчитывать преимущественно на православных людей.

В течение многих веков на просторах Северо-Востока Евразии проживают буддисты. Их многочисленные общины находятся в Калмыкии, Бурятии и в некоторых других регионах нашего исторического Отечества. Они не испытывают здесь каких-либо притеснений от православных людей и мусульман. Напротив, православие своей религиозной терпимостью, глубоким духовным потенциалам в определённой мере созвучно буддистским устремлениям к самосовершенствованию и любви ко всему сущему.

Конечно, между буддизмом и православием, как между разными религиями, имеются различия. В частности, в буддизме несколько размытым является роль Творца. Классик евразийства Н.С. Трубецкой отмечал по этому поводу, что в буддизме «воля направляется к достижению магической силы и к уравнению с бога-

ми» [11, с. 314]. Сомнительно относясь к буддистскому суждению о способности человека самому, без Бога развить способности и «распоряжаться своей судьбой, своей ролью в космосе», евразийский мыслитель, видел и сильную сторону этой религии. Он писал о том, что православным людям следует *поучиться у буддистов их отношению к религии как к центру жизни*. «Мы, – продолжал Трубецкой, – должны научиться жить по своей вере и смотреть на неё не как на совокупность отвлечённых формул, а как на некоторый реальный и первостепенный фактор нашей повседневной жизни» [11, с. 326]. А этому во многом способствует православно-исламско-буддистская комплементарность евразийского цивилизационного мира, способствующая усилению духовного влияния этих конфессий на бытие жизни и её смыслы.

От православия наши мусульмане и буддисты исторически воспринимают импульсы душевной любви и смирения, неприятия гордыни. В свою очередь, от мусульман мы наполняем наши души устремлённостью к правде, справедливости, а у буддистов учимся их трепетному отношению к религиозной жизни. И такое взаимное влияние, религиозная комплементарность при особой роли православия как «чистого вида подлинного христианства» являются важным фактором духовного единства нашего народа.

Функциональная специфика евразийско-общерусской цивилизации определяется и тем, что исторически у народов Северо-Востока Евразии существует **потребность в справедливой, персонафицированной и сильной центральной власти**. Лишь такая власть способна обеспечить возрождение и сохранение великодержавного статуса страны как необходимого условия обеспечения культурной суперэтнической уникальности и территориальной целостности цивилизационного ареала.

Державный статус России-Евразии исторически был обусловлен обеспечением безопасности её граждан, сохранением единства страны в условиях полиэтничности и поликонфессиональности населения, а также выполнением страной вселенской миссии защиты справедливости. Потребность в сильной государственной власти закреплена у общерусского и других евразийских народов на уровне внутреннего побудительного мотива. Он исторически формировался по причине необходимости защиты огромной территории страны богатой природными ресурсами, а также сохранения особого уклада повседневной и духовной жизни народа.

На просторах Северо-Востока Евразии объединение всегда было экономически, культурно и политически выгоднее, чем разъединение. «Дезинтеграция, – писал Л.Н. Гумилёв, – лишала силы, сопротивляемости; разъединиться в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых» [12, с. 298]. И сегодня в полной мере мы наблюдаем это на значительной части постсоветского пространства.

Сильная государственность и справедливое общественное устройство воспринимаются в общественном сознании граждан Российской Федерации и ряда стран СНГ как единое целое, как сущностные стороны евразийско-общерусской социальной организации. В различные исторические эпохи наш народ связывал свои чаяния и надежды на лучшую жизнь не просто с государством и его правителями, а со справедливой властью. В общественном сознании прочно закрепилось представление о государстве как действенном средстве ограничения чрезмерного социального неравенства и злоупотреблений со стороны различных управленцев. Как писал ещё в конце XIX в. философ Вл.С. Соловьёв,

государство является могучим орудием истинной социальной организации, когда «сводит к справедливой мере всё то неравенство, которое проистекает из свободной деятельности частных сил» [13, с. 255].

Потребность в сильной государственной власти складывалась в мировосприятии евразийского суперэтнуса и под влиянием патриархальных основ повседневной жизни, общинного и семейного укладов. Так, в крестьянских патриархальных семьях позиция и воля главы были законом. Глава семьи зачастую бывал требователен, а при необходимости и суров, что воспринималось домо-чадцами вполне нормально. Авторитет его в большинстве семей был непрерываем. Схожее отношение формировалось у наших соотечественников и к государству, которое они воспринимали как большую семью, где воля правителя приравнивалась к воле отца. Не случайно в Московской Руси и Российской империи правителя зачастую именовали «батюшкой- государем». И.В. Сталина в советском обществе именовали «отцом народов» и с его именем в годы Великой Отечественной войны шли в атаку, рискуя жизнью. В современной Беларуси её президента А.Г. Лукашенко многие называют «батькой».

Потребность народов Северо-Востока Евразии в сильной государственной власти определялась и их особым отношением к долгу служения Отечеству. В отличие от большинства стран Запада на территории исторической России для разных социальных слоёв и сословий приоритетным было не обеспечение своих прав, а выполнение обязанностей перед государством, Отечеством, служение ему.

В нашей цивилизационной традиции государство часто олицетворялось и персонифицировалось с высшими должностными лицами. А ими в разные исторические периоды были князья, цари, императоры, главы советского правительства, генеральные секретари ЦК КПСС, президенты РФ. С воцарением правителя или с избранием нового руководителя в народе обычно усиливались надежды на лучшее.

Общерусский народ и в целом евразийский суперэтнос склонен возвеличивать роль своих государственных лидеров, легко прощать им ошибки и политические просчёты, а порой по-восточному обожествлять их. Однако в критические периоды истории находились люди, говорившие правду о ситуации в стране и способные обличать ошибочные деяния правителей. Так, Святой праведный Иоанн Кронштадтский в трудный для Отечества 1907 год смело писал: «Когда сильная, мудрая, правильная и всенаправляющая власть бодрствует и действует, поощряя одних и праведно наказывая других по делам, тогда все в обществе идет своим чередом. Жизнь духовная и материальная, учебная, политическая, хозяйственная, общественная, военная – все совершает свое обычное течение и развитие, принося всякую пользу всему государству. А когда вследствие общего неповиновения властям и бездействия подчиненных членов общества, как и бездействия властей, деятельность прекращается, как в органическом теле прекращается кровообращение, тогда всё в обществе замирает, падает, разрушается, и общественная безопасность исчезает, и члены общества идут один против других, дается полный разгул воровству, хищению, вражде и убийствам» [14]. Эти слова православного святителя во многом сохраняют свою актуальность и в наше время. Ведь сила власти определяется её способностью мыслить и действовать стратегически, всячески поощряя подлинных созидателей, мирных и ратных тружеников, но и справедливо наказывая неспособных, лицемерных, продажных лиц и управленцев.

Сильная, централизованная и справедливая государственность объективно необходима нашему Отечеству

не только из-за его больших территорий, сурового климата, поликонфессиональности, наличия многочисленных этносов, но и по причине серьёзных геополитических, цивилизационных вызовов, с которыми периодически сталкивается наша страна. Как утверждает социолог В.И. Пантин, «ответить на новые вызовы для территориальной целостности России может только сильное государство, проводящее гибкую региональную политику» [15, с. 108–124]. Если же государство не справляется с такой ролью, то объективно вызревает потребность в обновлении управленческой элиты путём создания новых, более действенных каналов социальной мобильности. Сегодня в условиях гибридной войны Запада с Россией на территории Украины жизненно необходимыми становятся системные изменения и преодоление бездействия, безнаказанности чиновников и управленцев различных уровней.

Большая Россия исторически воспринималась многими странами как носительница истины правдолюбия и нравственного традиционализма. Поэтому периодически силы зла ополчаются против страны, пытаются разрушить наше культурно-цивилизационное тело. Как писал ещё в середине XIX в. русский православный святитель Феофан Затворник, «сатана все полчища свои напустил на Россию, потому что одна только и есть держава, содержащая истину» [16, с. 152]. Эти слова сохраняют свой смысл и в современное время жёсткого цивилизационного противостояния, огромных рисков начала широкомасштабной новой мировой войны.

Миссия защиты справедливости была временно утрачена Россией после распада советской союзной державы в 1991 г., что привело к надлому евразийско-общерусской цивилизационной общности. Эту миссию нам предстоит вновь обрести, преодолевая трагический цивилизационный надлом.

Важнейшим условием возрождения суверенности и державности евразийско-общерусского Отечества является создание сильной экономики и современной индустрии. В своё время это удалось достичь Советскому Союзу, вызвав неприятие к нему со стороны геополитических противников. В соответствии с Директивой Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 г., рассекреченной в 2017 г., американцы уже тогда стремились добиться такой «корректировки» советской политики, которая бы привела к «распаду и исчезновению Советской власти». А затем американская управленческая элита намеривалась установить в постсоветском обществе новую, дружественную ей власть, которая приняла бы на себя обязательство создать в нашей стране хозяйственную систему «экономически сильно зависимую от окружающего мира» [17, р. 173–203]. И этот сценарий применительно к Российской Федерации и ряда стран СНГ во многом был реализован после распада СССР.

Сильная и самодостаточная экономика важна не только для обеспечения безопасности народа, но и для реализации державных задач влияния на мировые процессы путём формирования надёжных союзников. Последнего трудно достичь, если страна не имеет сильного индустриального потенциала. Не случайно ЦРУ США в течение многих десятилетий к числу важнейшего актива в противостоянии с нашей страной относило «экономическую мощь с ее огромным производством и способность помогать другим» [18]. Сегодня и нам необходимо воссоздавать сильную экономику, активно развивать её реальный сектор. Без этого невозможно не только возрождение великодержавного статуса страны, но и сохранение государства в нынешних территориях.

Представителям евразийского суперэтнуса и прежде всего общерусскому народу, несмотря на надлом нашей евразийско-общерусской цивилизации и наличие на её территории серьёзных дезинтеграционных процессов, следует бороться за сохранение в сознании широких слоёв простых людей взаимных симпатий и духовно-традиционных приоритетом бытия. Следует помнить слова выдающегося социолога Питирима Сорокина, сказанные в 1922 г.: «Русский народ даже в своём несчастье остаётся великим» [19, с. 247]. По сути дела речь в данном отношении шла об общерусском народе и в целом о евразийском суперэтнуса. Трудные времена переживает сегодня Отечество. Для преодоления их и возрождения евразийско-общерусской великодержавности нашим соотечественникам нужно сохранить своё внутренне достоинство, величие духа и нравов.

Следующая функциональная особенность евразийско-общерусской цивилизационной матрицы заключается **в отсутствии традиции безусловного подчинения правовым установлениям**, их избирательный характер с учетом приоритета начал нравственности и справедливости. Именно эти начала исторически у нас доминируют над формально-правовой стороной жизни. Для евразийско-общерусского мировосприятия правовые нормы, носящие преимущественно временный характер, не являются абсолютной доминантой.

Правосознание народов евразийского суперэтнуса воспринимает законность через призму нравственности и Божьей правды. Исторически на территории Руси-России-Евразии в обыденном сознании закон признавался безусловным регулятором поведения лишь тогда, когда соответствовал «общественной морали и справедливости» [20, с. 26]. Об этом свидетельствует и народное творчество. У нас не случайно говорят: «Суд людей не Божий. Бог на правду призрит», «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили».

В соответствии с нашими историческими представлениями о законности правонарушитель должен пройти через свой внутренний суд перед совестью и Богом. Поэтому отечественному уголовному праву не были свойственны изуверские способы казни, имевшие место в средневековой Европе. На Руси не выкалывали преступнику глаза. У нас за меньшее число провинностей предусматривалась смертная казнь. По Судебнику 1497 г. она была предусмотрена в 10 случаях, по Соборному уложению 1649 г. – в 25 случаях (без учета повторений), а в германской Каролине (1532) смертная казнь предусматривалась гораздо чаще, в 44 случаях [21, с. 13]. В России с середины XVIII в. до начала 1830-х гг. была фактически приостановлена смертная казнь¹. В Англии же в начале XIX в. смертная казнь назначалась за кражу на сумму всего несколько шиллингов. Вместо смертной казни и длительного заточения в тюрьмах в России широко использовались ссылки.

Российская общественная мысль ратовала за распространение на властные структуры принципа приоритета нравственного начала над правовым. В этом она видела важное средство социального оздоровления общества путём приближения власти к нуждам народа. Известный российский мыслитель рубежа XIX–XX вв. Л.А. Тихомиров утверждал, что богоугодная монархия «есть верховная власть нравственного идеала». «Едиличная власть, – продолжал он, – способна быть верховной только тогда, когда нация ставит некоторый всеобъемлющий нравственный идеал над своим политическим

¹ В данный исторический период в России имелось лишь несколько случаев вынесения смертных приговоров (в отношении Пугачева, Мировича, двух участников чумного бунта в Москве 1771 г. и пятерых декабристов).

творчеством, то есть выше государства. Если монархия начинает работать над подчинением морали политике, подчинять нравственное начало государству, она тем самым отнимает у нравственного начала его верховенство, а стало быть, уничтожает и себя как силу верховную» [22]. Эти мысли не потеряли своей актуальности и в наши дни применительно к современной социальной организации Российской Федерации и ряда постсоветских стран.

Нравственное начало и устремлённость к справедливости в правосознании советских людей не были утрачены. Напротив, они окрепли, несмотря на сильные атеистические веяния. Тогда внешнее притеснение Церкви удивительным образом сочеталось с сохранением и упрочением в повседневной жизни высоких нравственных, евангельских принципов бытия.

Известный богослов современности А.И. Осипов во время одного из своих выступлений справедливо заметил, что в советское время нравственность и нравственные принципы жизни ещё были те, которые прямо и очень во многом заимствованы из Евангелие. По его мнению, в нынешней России, несмотря на рост численности храмов, нравственный и духовный уровень народа снижается. «Расцвет Церкви, – продолжал он, – характеризуется совсем не количеством храмов, монастырей и школ. Церковь – это человек и христиане. Достоинство Церкви оценивается тем нравственным и духовным состоянием, в котором находятся христиане. И сегодня дух христианства ослабевает... Происходит не возрождение, а вырождение христианства» [23]. Наиболее зримо это касается западного либерального общественного устройства и западных церквей. Такая тенденция, хотя и в меньшей мере, но действует и в нашей стране.

Правовые установления в отрыве от духовно-нравственного начала порой утрачивают своё важнейшее предназначение – обеспечение справедливости. В результате возможна их трансформация в правовой механизм служения не интересам большинства народа, а своекорыстным силам власти и капитала различного уровня (от муниципального до федерального). В таких случаях право становится средством защиты господствующего положения в обществе отдельных групп, но не нормативным инструментом обеспечения истины и справедливости.

Ряд крупных мыслителей, включая западных учёных, уже не первое десятилетие ратуют за поиск нелиберальных стратегий как социально-экономического, так и нравственного преобразования жизни. «Мир ищет, – писал британский историк и философ А. Бж. Тойнби, – альтернативные незападные пути решения проблем социального и нравственного характера – проблем, столкнувшись с которыми Запад не смог дать удовлетворительного решения» [24, с. 72]. Такие альтернативы возможны на пути гармонизации правового и нравственного начал бытия. Их научное осмысление стало бы одним из аспектов *евразийско-общерусской идеологии интеграции и созидания*.

Реалии таковы, что после трагического надлома нашей цивилизационной общности и определённого информационно-когнитивного переформатирования сознания граждан России и ряда стран СНГ, стала утверждаться *формализованная модель поведения* на основе безусловного исполнения гражданами не только правовых положений, но и любых ведомственных установлений и инструкций, которые нередко противоречат друг другу и множатся быстрее, чем люди успевают их осмыслить. При этом мало кого волнует вопрос о реальной пользе и возможных негативных последствиях от их применения. Примерами таких сомнительных последствий

в российском обществе являются пенсионная, образовательная реформы, реформа по оптимизации здравоохранения и др.

Как писал философ А.С. Панарин, Российская Федерация – это страна, которая живёт на перекрёстке великих миров Востока и Запада, Севера и Юга. «У неё, – продолжал он, – нет иного способа избежать распада по линии водораздела указанных миров, как предложить народам Евразии новый мощный суперэнергетический синтез. Таким синтезом может стать новая мироустроительная идея, обращённая в будущее» [25, с. 16]. Например, это идея евразийско-общерусского социализма.

Краткое структурирование концепции *евразийско-общерусского социализма* позволяет определить несколько её базовых смысловых компонентов. К ним следует отнести: православно-исламско-буддистскую духовность при консолидирующей роли православного миросозерцания; союзно-евразийскую державность; социалистичность общественной системы.

Православно-исламско-буддистская комплементарность позволит обеспечить синтез христианской заповеди любви (служения) с исламской устремлённостью к правде, прощению и буддистским посылом к разумному ограничению и самосовершенствованию. *Союзно-евразийская державность*, выстроенная на добровольной основе с учётом мнения большинства граждан, обеспечит безопасность народам евразийского суперэтнуса и национальную суверенность образующим её странам-республикам. *Социалистичность общественного строя* позволит утвердить приоритет общенародной собственности и безусловную реализацию принципов социальной справедливости, коллективизма и созидания. Общественная модель евразийско-общерусского социализма в различных вариациях могла быть воспринята и государствами других цивилизационных миров, включая некоторые страны Запада, конечно, с учётом их культурных особенностей и традиций. В этом есть некий общемировой характер евразийско-общерусской цивилизации как держательницы правды, неприятия духа торгашества и приоритета индивидуализма.

В заключении данной статьи следует сформулировать некоторые выводы. К основным из них можно отнести:

во-первых, евразийско-общерусский тип культуры, будучи правдолюбивым по содержанию и многоэтничным по форме, содержит мощное духовное начало способное противостоять тенденции атомизации людей с помощью насаждения индивидуалистских жизненных начал;

во-вторых, важнейшей духовной матрицей евразийско-общерусской цивилизации является православно-исламско-буддистская комплементарность при особой, консолидирующей роли православия;

в-третьих, обеспечить подлинную безопасность нашего народа и преодоление цивилизационного надлома способна *справедливая, персонифицированная и сильная центральная власть*;

в-четвёртых, важной функциональной особенностью евразийско-общерусской цивилизационной общности является *доминирование начал нравственности и справедливости* над формально-правовой стороной бытия;

в-пятых, в современных геополитических реалиях способом сохранения российской государственности и возрождения мощи страны может стать новый суперэнергетический синтез народов Северо-Востока Евразии на основе мироустроительной идеи *евразийско-общерусского социализма*;

в-шестых, великую миссию защиты справедливости, утраченную современной Россией, нашему народу пред-

стоит вновь обрести, преодолевая трагический цивилизационный надлом и серьёзные вызовы гибридного противостояния с объединённым Западом как в Украине, так и на своей территории.

Таким образом, многие сегодняшние проблемы нашего Отечества, включая военные действия на территории Украины и России, являются следствием евразийско-общерусского цивилизационного надлома конца XX в. Для его преодоления, *во-первых*, нужна мобилизация важнейших сфер жизни, включая экономику, в условиях тяжёлого военного противостояния. *Во-вторых*, необходимо поэтапное проведение системных изменений в направлении установления народовластия, создания условий для новой индустриализации, построения общества социальной справедливости и приближения к идеалу гармоничного развития всех граждан и каждого в отдельности. Такое целеполагание могло бы стать привлекательным для большинства граждан стран не только России и СНГ, но и других государств мира.

Литература

1. Евразийство. Опыт систематического изложения. – Париж: Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1926. – 80 с.
2. Циткилов П.Я. Классические евразийцы о цивилизационной идентичности России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 2. 256–267 с.
3. Россия необъятная. Из статей и высказываний академика Д.С. Лихачёва. В кн.: История государства Российского, X–XIV вв.: Хрестоматия / Рос. гос. б-ка; [Авт.-сост. Г.Е. Миронов]. – М.: Кн. палата, 1996. – 383 с.
4. Ильин И.А. Россия есть живой организм. О русском национализме. В кн.: Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи / Иван Ильин. – М.: Алгоритм, 2017. – 464 с.
5. Улыбка бывает «кусачей», если неправильно ею пользоваться. Мнение декана факультета иностранных языков МГУ С. Тер-Минасовой // Общая газета. 27 декабря 2001 г. – 09 января 2002 г.
6. Панарин А.С. Россия и Евразия: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. 1994. № 12. 19–31 с.
7. «У нас нет ни идеологии, ни элиты, ни стратегии»: последнее интервью Шамиля Султанова, 21 февраля 2022 г. logo world crisis. Мировой кризис – хроника и комментарии. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/4013488?ysclid=lf4dt48fqj49070683> (дата обращения: 11.03.2023).
8. В советской России. Хроника религиозной жизни // Вестник, печатный орган церковно-общественной жизни. Париж. 1937. № 7–8. 21–25 с.
9. Циткилов П.Я. Духовно-нравственные основы и перспективы развития современной российской семьи: монография / П.Я. Циткилов; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – 327 с.
10. Исламский мир. Информационное сообщение «Большинство жителей Австрии видят в исламе угрозу» // Новое дело, российский еженедельник, издающийся в Республике Дагестан РФ. 2010. 16 апреля.
11. Трубецкой Н.С. Религии Индии и христианство. В кн.: Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. – 560 с.

12. Гумилёв Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Экспрос, 1994. – 336 с.
13. Соловьёв Вл.С. Русская идея. В кн.: Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев; Предисловие А.Е. Гулыги. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 512 с.
14. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Об истинных причинах современных настроений, 1907 г. – URL: <http://samoderjavie.ru/book/export/html/784> (дата обращения: 27.02.2023).
15. Пантин В.И. Цивилизационные особенности развития России в контексте современных социальных трансформаций // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 4. 108–124 с. С. 112. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.754.
16. По творениям святителя Феофана Затворника. Брак – пристань целомудрия / Сост. Ю. Коннова. – М.: Благовест, 2016. – 160 с.
17. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 NSC 20/1 (pages 173–203), 18.08.1948. – URL: <https://rusidea.org/37002> (дата обращения: 29.03.2023).
18. Меморандум для комитета психологической стратегии ЦРУ США. Тема: План психологического использования смерти Сталина. Совершенно секретно, 13 марта 1953 г. – URL: https://prorivists.org/doc_cia1953/ (дата обращения: 27.03.2023).
19. Сорокин П.А. Отправляясь в дорогу. Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета, 21 февраля 1922 г. В кн.: Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общая редакция, предисловие и примеч. А.В. Липского. – М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. – 303 с.
20. Циткилов П.Я. Евразийский суперэтнос: национальное и ментальное своеобразие. – Новочеркасск: Ростов-на-Дону, Изд-во НМЦ «Логос», 2009. – 37 с.
21. Циткилов П.Я. История социальной работы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 448 с.
22. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. 1–4. Ч. 4: Монархическая политика. – М.: Унив. тип., 1905. – 852 с. Ч. 4. С. 69–70. – URL: <https://www.litmir.club/br/?b=121064&p=1> (дата обращения: 20.03.2023).
23. Осипов А.И. О нравственных принципах жизни в СС-СР. Фрагмент лекции «Что есть истина?» (г. Москва. ДК Бауманского, 2013.04.10) часть 2/2. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rOVGdEJq558> (дата обращения: 13.11.2020).
24. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
25. Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Русский мир, 2005. – 432 с.

CULTURAL-RELIGIOUS, POLITICAL AND MORAL-LEGAL FEATURES OF THE FUNCTIONAL MATRIX OF THE EURASIAN-ALL-RUSSIAN CIVILIZATION

Tsitkilov P. Ya.
Southern Federal University

The article shows that an essential understanding of the functional matrix of the Eurasian-All-Russian civilization is possible with a holistic consideration of the totality of its characteristics. A scientific analysis is given to the following functional manifestations of our civilization: the existence of a Eurasian-all-Russian culture; the presence of Orthodox-Islamic-Buddhist complementarity with the special

role of Orthodoxy; the need for a just, personalized and strong central authority; perception of legal institutions in unity with the beginning of morality and truth. The conclusion is made about the world-building idea of the Eurasian-all-Russian socialism.

Keywords: Eurasian-all-Russian civilization, culture, confessional complementarity, just power, law and morality.

References

1. Eurasianism. Experience of systematic presentation. – Paris: Berlin: Eurasian Book Publishing, 1926. – 80 p.
2. Tsitkilov P. Ya. Classical Eurasians about the civilizational identity of Russia // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology. 2021. T. 37. Issue. 2. 256–267 p.
3. Russia is vast. From articles and statements by academician D.S. Likhacheva. In the book: History of the Russian State, X–XIV centuries: Reader / Ross. state b-ka; [Auth.-comp. G.E. Mironov]. – М.: Book. Chamber, 1996. – 383 p.
4. Ilyin I.A. Russia is a living organism. About Russian nationalism. In the book: Ilyin I.A. National Russia. Our tasks / Ivan Ilyin. – М.: Algorithm, 2017. – 464 p.
5. A smile can be “biting” if you use it incorrectly. Opinion of the Dean of the Faculty of Foreign Languages of Moscow State University S. Ter-Minasova // Obshchaya Gazeta. December 27, 2001 – January 9, 2002
6. Panarin A.S. Russia and Eurasia: geopolitical challenges and civilizational responses // Questions of Philosophy. 1994. No. 12. 19–31 p.
7. “We have neither ideology, nor elite, nor strategy”: last interview with Shamil Sultanov, February 21, 2022 logo world crisis. World crisis – chronicle and commentary. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/4013488?ysclid=lf4dt48fjq49070683> (access date: 03/11/2023).
8. In Soviet Russia. Chronicle of religious life // Bulletin, printed organ of church and public life. Paris. 1937. No. 7–8. 21–25 pp.
9. Tsitkilov P. Ya. Spiritual and moral foundations and prospects for the development of the modern Russian family: monograph / P. Ya. Tsitkilov; South Federal University. – Rostov-on-Don: Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2022. – 327 p.
10. Islamic world. Information message “The majority of residents of Austria see Islam as a threat” // New Affairs, a Russian weekly published in the Republic of Dagestan of the Russian Federation. 2010. April 16.
11. Trubetskoy N.S. Religions of India and Christianity. In the book: Trubetskoy N.S. Legacy of Genghis Khan. – М.: Agraf, 2000. – 560 p.
12. Gumilyov L.N. From Rus’ to Russia: essays on ethnic history. Afterword S.B. Lavrova. – М.: Ecopros, 1994. – 336 p.
13. Solovyov V.I. Russian idea. In the book: Russian idea: Collection of works of Russian thinkers / Comp. E.A. Vasiliev; Preface by A.E. Guliga. – М.: Iris-press, 2002. – 512 p.
14. Holy Righteous John of Kronstadt. About the true causes of modern dislocations, 1907 – URL: <http://samoderjavie.ru/book/export/html/784> (access date: 02.27.2023).
15. Pantin V.I. Civilizational features of the development of Russia in the context of modern social transformations // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Volume 12. No. 4. 108–124 p. P. 112. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.754.
16. According to the works of St. Theophan the Recluse. Marriage is a haven of chastity / Comp. Yu. Konnova. – М.: Blagovest, 2016. – 160 p.
17. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 NSC 20/1 (pages 173–203), 08/18/1948. – URL: <https://rusidea.org/37002> (access date: 03/29/2023).
18. Memorandum for the US CIA Psychological Strategy Committee. Topic: Plan for the psychological use of Stalin’s death. Top Secret, March 13, 1953 – URL: https://prorivists.org/doc_cia1953/ (accessed March 27, 2023).
19. Sorokin P.A. Hitting the road. Speech at a ceremonial meeting on the day of the 103rd anniversary of St. Petersburg University, February 21, 1922. In the book: Sorokin P.A. Long Road: Autobiography / Trans. from English, general edition, preface and notes. A.V. Lipsky. – М.: Moscow. worker; TERRA, 1992. – 303 p.

20. Tsitkilov P. Ya. Eurasian superethnos: national and mental identity. – Novocherkassk: Rostov-on-Don, Publishing House NMC "Logos", 2009. – 37 p.
21. Tsitkilov P. Ya. History of social work. – Rostov-on-Don: Phoenix, 3008. – 448 p.
22. Tikhomirov L.A. Monarchical statehood. Parts 1–4. Part 4: Monarchical politics. – M.: Univ. tip., 1905. – 852 p. Part 4. pp. 69–70. – URL: <https://www.litmir.club/br/?b=121064&p=1> (access date: 03/20/2023).
23. Osipov A.I. On the moral principles of life in the USSR. Fragment of the lecture "What is truth?" (Moscow. Baumansky House of Culture, 2013.04.10) part 2/2. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rOVGdEJq558> (access date: 11/13/2020).
24. Toynbee A.J. Civilization before the court of history / Trans. from English 2nd ed. – M.: Iris-press, 2003. – 592 p.
25. Panarin A.S. Revenge of history. Russian strategic initiative in the 21st century. – M.: Russkiy Mir, 2005. – 432 p.

Эпистемологически адекватные условия преднамеренного усвоения убеждений

Галухин Андрей Владимирович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: mystolbard@gmail.com

Согласно аргументу Б. Уильямса, усвоение убеждений не может быть преднамеренным: если всякое убеждение по природе своей нацелено на истину, то намерению сформировать убеждение, безотносительно к вопросам истинности, нельзя придать рациональный смысл. В данной статье определяются условия, при которых намерение усвоить убеждение с определенным содержанием является совместимым с соображениями обоснованности и истинностной значимости. Основу решения проблемы эпистемологической адекватности доксистических интенций составляют выводы, полученные на основе анализа и переработки концепции условий добровольности усвоения убеждений, предложенной М.Б. Нэйлором. Показано, что намерению усвоить предметно определенное убеждение можно придать эпистемологически адекватный смысл, только если это намерение само формируется в определенном проблемно-тематическом горизонте и входит в мотивационную структуру познавательной деятельности; убеждение следует рассматривать в качестве диспозиции с гипотетически предположенным содержанием, которое, будучи продуктом проективно-оценочной селекции, должно обладать достаточным индексом вероятности, быть правдоподобным или обоснованным *prima facie*; намерение культивировать убеждение с таким содержанием редуцируется к намерению убедиться в истинности этого содержания и исполняется эпистемически правильным образом, если субъект выбирает способ разрешения от сомнений и достижения уверенности, ориентируясь на стандарты конклюдивной обоснованности или самоочевидности.

Ключевые слова: эпистемическая деонтология, доксистический волюнтаризм, убеждение, намерение, обоснованность.

В дискурсе аналитической эпистемологии вырабатывается ряд эффективных стратегий защиты деонтологической концепции обоснования от критики, особенная линия которой обозначилась в развитии ряда аргументов против доксистического волюнтаризма – положения о способности субъекта сознательно-волевым образом – исходя из эвиденциальных или иных (например, практических) соображений – определять состав собственных убеждений. Сообразно принципу «*debes, ergo potes*» («долженствование подразумевает способность») эффективный контроль субъекта над собственными убеждениями, предполагающий способность субъекта сознательно реализовывать диспозицию к тому, чтобы воздерживаться от усвоения одних убеждений и культивировать другие, полагается необходимым условием утверждения ответственности субъекта за состояние своей доксистической сферы, в частности – за усвоение или поддержание таких убеждений, какие отвечают стандартам эпистемического качества.

Антиволюнтаристический вектор критики деонтологического подхода в теории знания прослеживается в попытках ряда эпистемологов деконструировать основания этики убеждений посредством демонстрации общего положения, что субъект не обладает прямым эффективным контролем над содержанием собственных убеждений, а те формы косвенного контроля, которые ему доступны, не являются достаточно эффективным для того, чтобы можно было с полным основанием вменять субъекту круг релевантных интеллектуальных обязательств и рассматривать убеждения (доксистические установки) в качестве объектов деонтически-оценочных квалификаций. К такому выводу приходит, например У. Олстон в своей (ставшей уже хрестоматийной) работе «Деонтологическая концепция эпистемического обоснования» [2, с. 260], и ряд других эпистемологов.

Одна из стратегий противодействия критике эпистемической деонтологии выражается в попытках реабилитации позиций доксистического волюнтаризма посредством такой каузально-аналитической реконструкции процесса формирования убеждений, в которой обосновывается значение мотивационных структур, относимых к разряду структурирующих причин формирования убеждений [4, с. 109–110], и определяются условия реализации предметно-доксистических интенций посредством задействования таких когнитивных механизмов, которые допускают определенную форму контроля со стороны субъекта, адекватную для утверждения его ответственности за культивирование убеждений определенного качества.

В ряде современных доксалогических концепций правильной каузально-аналитической реконструкции процесса формирования убеждений предпосылается обоснование и развитие положения, что для того, чтобы квалифицировать убеждение в том, что *p*, как пропозициональную установку, которую субъект формирует (и поддерживает) сознательно-волевым образом, невер-

но было бы рассматривать это убеждение как неизбежное и непосредственное следствие некоего простого базового акта, например, решения или выбора, задающего диспозицию к тому, чтобы поверить в то, что p , или преднамеренного и произвольного акта индуцирования уверенности в том, что p .

Парадигматическим примером демонстрации этого положения является аргумент М.Б. Нэйлора.

Представим этот аргумент, внося в структуру его необходимые эпистемологически значимые дополнения:

Во-первых, «простое решение поверить в то, что p , само по себе не производит убеждения..., поскольку S должен сделать что-то, чтобы поверить, что p , а именно – вызвать в себе уверенность в том, что p » [7, с. 431–432], используя надлежащие средства и методы, способствующие тому, чтобы уверенность эта не ограничивалась субъективно-произвольной убежденностью, но претворилась в убеждение, для которого имеются вполне рациональные основания (введение данного нормативно-деонтического условия вполне когерентно основной линии аргументации Нэйлора).

Во-вторых, Нэйлор доказывает, что ни решение, задающее диспозицию к тому, чтобы верить в то, что p , ни создание у себя уверенности в том, что p , сами по себе не являются базовым действием: «Если бы решение поверить в то, что p , действительно было базовым актом, то это было бы чисто произвольное решение, а значит, оно было бы немотивированным и необъяснимым» [7, с. 432], – должна быть какая-то цель, достижению которой способствуют определенные действия, в результате которых возникает уверенность в истинности некоего положения, закрепляемая в форме убеждения.

М. Нэйлор определяет условия, каждое из которых является необходимым и которые в совокупности являются достаточными для достижения преднамеренности усвоения убеждений:

(i) S решил убедиться в том, что p ;

(ii) Поскольку S решил убедиться в том, что p , то S самостоятельно добился, используя средства, которые он сам выбрал, чтобы полагать p окончательно обоснованным или самоочевидным [7, с. 432].

Первое (i) из условий, выделенных Нэйлором, допускает различные истолкования. В одном смысле « S решил убедиться в том, что p » может означать, что S сформировал намерение усвоить себе (сформировать и поддерживать) убеждение в том, что p . Пока не раскрыта базовая потребность, которая стоит за намерением усвоить убеждение с таким именно содержанием, утверждение о решении культивировать определенное убеждение лишено определенного смысла. Допустим, такое намерение имело бы некоторый практический смысл и укладывалось бы в систему субъективных предпочтений. Однако, во-первых, убеждения не есть уже готовые артефакты, которые мы просто выбираем, оценивая их достоинства по ряду релевантных критериев, к которым могут примешиваться субъективные предпочтения и прагматические интенции. Убеждения формируются различными типами когнитивных процессов: в одном случае к убеждению субъект приходит дискурсивно (как в случае рассуждений, в которых мы опираемся на другие убеждения и знания), в другом случае убеждения возникают непосредственно – на основе опыта (восприятие, интуиция, интроспекция и т.д.), т.е. формируются процессами, зависимыми от вклада внедоксастических факторов.

Во-вторых, как доказывает Олстон и другие критики доксастического волюнтаризма, механизмы индуцирования уверенности, разрешаемой в убеждение, не чувствительны к практическим стимулам и соображениям,

– в каузальной архитектонике процессов формирования убеждений определяющую роль играет наша восприимчивость к факторам эвиденциального порядка (к тому, что составляет свидетельства истинности определенного положения = эвиденциальная детерминация) [2, с. 263]. Довольно значительный класс пропозициональных установок включает такие убеждения, которые возникают совершенно непреднамеренно (когнитивная детерминация): перцептивные убеждения, например, формируются, как правило, на основе достаточно автономной работы механизмов, оперирующих эмпирически вводными данными, получаемыми в результате непосредственной реакции на окружение и регистрируемыми вне зависимости от других убеждений, но в обработке этих данных участвуют как когнитивно-базисные процессы «снизу вверх», так и более комплексные процессы «сверху вниз», оперирующие высокоуровневой информацией, – вопрос об ответственности субъекта за такие непреднамеренно возникающие убеждения является наиболее трудным для эпистемической деонтологии.

Если убеждения представляют такие диспозиции, в форме которых проявляется тенденция к признанию истины, и в силу «нацеленности на истину» [8, с. 148–151] они выступают в роли протоэлементов пропозиционального знания, то их содержание должно зависеть не от интенциональных структур и прагматических установок субъекта, а от условий когнитивно-процессуальной детерминации, в которых реализуется надлежащее отношение к эвиденциальным факторам. Б. Уильямс, например, ставит под сомнение не только рациональный статус намерения культивировать какое-то убеждение, но и саму концептуальную возможность сформировать убеждение, руководствуясь простым решением, которое не мотивировано эпистемическими соображениями, требующими предварительного решения вопроса о том, является ли некоторое положение истинным, или нет. Антиволунтаристический аргумент Б. Уильямса в его перспективистской версии состоит в следующем.

(А) Всякое убеждение по природе своей нацелено на истину (в этом состоит алеатическая телеология убеждений).

(В) Допущение возможности формировать убеждения по воле своей означает допущение возможности усвоения убеждений безотносительно к тому, является ли положение, составляющее предмет убеждения, истинным, или нет.

(С) «Если бы я, находясь в полном сознании, захотел бы приобрести убеждение» независимо от того, является ли оно истинным, или нет, то непостижимо, как до этого события я мог бы серьезно думать об этом как об убеждении» [8, с. 148].

ERGO: Произвольное формирование убеждений, включающее возможность руководствоваться соображениями истинности, концептуально невозможно.

Однако Нэйлор указывает на принципиальную ошибочность истолкования формулы «решил убедиться в том, что p » (в альтернативном переводе: «решил поверить в то, что p »), как и формулы, описывающей индуцирование состояния убежденности, в смысле базового сознательно-волевого акта: «Ни решение убедиться в том, что p , ни приведение себя в состояние убежденности в том, что p , не являются сами по себе базовым актом. Чтобы решить убедиться в том, что p , S должен определить цель, в отношении к которой решение убедиться в том, что p , является средством» [7, с. 432]. Решение, за которым стоит намерение убедиться в том, что p , в эпистемологическом смысле является *провициональным*, выявляющим сложившуюся диспозицию – предрасположенность к тому, чтобы полагать, что p , ко-

торая в перспективе, при выполнении условий (ii), может претвориться в устойчивое убеждение; а саму доксастическую интенцию, выделяющую предмет возможного убеждения, можно рационализировать как намерение разрешиться от сомнений и убедиться, наконец, в истинности того, что p . В пользу такого прочтения свидетельствует оригинальная формулировка второго необходимого условия (ii) сознательного усвоения убеждений, которое требует, чтобы субъект сделал то, что необходимо сделать, чтобы в его сознании сформировалось отношение к p как неопровержимо обоснованной или самоочевидной пропозиции.

Для исполнения доксастической интенции – намерения убедиться в том, что p , недостаточно простого произвольно мотивированного решения, но необходима целая система действий, направленных на то, чтобы выявить или актуализировать условия и факторы, которые могли бы индуцировать состояние убежденности – уверенность в том, что p . Условие (ii) в той формулировке, которая предложена Нэйлором, однозначно указывает на то, что это должны быть факторы эвиденциального порядка: диспозиция, заявленное в намерении убедиться в том, что p , разрешается в убеждение, если и только если субъект самостоятельно выбирает средства для того, чтобы прояснить эвиденциальные основания для полагания того, что p , – уверенность в истинности возникает вследствие использования этих средств для получения таких свидетельств, в свете которых p представляется окончательным обоснованным или самоочевидным. Условие (ii) является комплексным, – необходимо, чтобы (iia) S сам индуцировал отношение к p , достаточное для того, чтобы быть уверенным в том, что p , (iib) и это должно быть сделано, потому что S решил убедиться в том, что p , и при этом (iic) S должен добровольно использовать средства, которые он выбрал, чтобы вызвать у себя такое отношение [7, с. 433].

Предварительный вывод состоит в том, что намерение убедиться в том, что p , следует рассматривать как элемент рационально-мотивационной структуры познавательной деятельности, имеющей определенный проблемно-тематический горизонт.

Намерение усвоить убеждение с неким определенным содержанием имеет рациональный смысл, даже если оно выражено косвенным образом – как намерение найти способы разрешения от сомнений, соответствующие эпистемической (алеатической) телеологии убеждений, или намерение выработать решение проблемы, убедившись в обоснованности некоторой гипотезы, предрасположенности к признанию истинности которой, обусловленной оценкой ее правдоподобности и эвристичности, определилась в тематическом горизонте актуальной познавательной или практической ситуации.

Дж. Адлер полагает, однако, что в таких случаях правильно было бы говорить не о намерении или решении усвоить определенное убеждение, а о том, что субъект решает поставить себя в такое положение, в котором он гарантированно пришел бы к определенному убеждению [1, с. 61].

Для демонстрации возможности рационально оправданного намерения усвоить убеждение с определенным содержанием представим пример из истории науки. После того, как 11 сентября 1820 года на заседании Парижской академии наук Араго продемонстрировал опыт Эрстеда, у Ампера, занимавшегося проблемами электродинамики, *сформировалось намерение самостоятельно убедиться* в том, что существует взаимосвязь магнитных явлений и электричества, и с этим намерением он сконструировал собственную экспериментальную установку, которая позволила ему не только получить данные,

указывающие на существование такой взаимосвязи, т.е. воочью убедиться в истинности исходного представления, но выявить зависимость магнитного действия от интенсивности движения электричества (силы тока), т.е. развить исходное положение регулярной взаимосвязи магнетизма и электричества, которое Амперу показалось необыкновенно интересным и правдоподобным. Намерение *самостоятельно удостовериться* в том, существует новый тип явлений, которые требуют основательного изучения, выкристаллизовалось в структуре общей мотивации исследовательской деятельности, узловой точкой которой являлась предвосхищаемая возможность построить, исходя из этого убеждения, перспективную программу исследований.

Необходимые и совокупно достаточные условия сознательно-добровольного усвоения убеждений, как их определяет и проясняет Нэйлор, допускают дальнейшую экспликацию, которая вполне согласуется с *позициями компатибилизма*, позволяющими выявить основания для утверждения ответственности субъекта без эксплуатации классического представления о том, что решение или действие являются свободными при условии наличия альтернативных возможностей. Недвусмысленное компатибилистское прочтение допускает парадоксальный, на первый взгляд, тезис Нэйлора, что признание того, что p , является вполне свободным и отвечает намерению убедиться в том, что p , даже тогда, когда объективно отсутствует возможность полагать по-иному, т.е. считать, что p ложно, или воздерживаться от того, чтобы верить в p или в его отрицание. Он мог бы предпочесть верить в это p даже тогда, когда на самом деле он не мог бы поступить иначе. Вопрос в том, верит ли он, что p , по собственному усмотрению. Вопрос не в том, мог ли он полагать иначе» [7, с. 433]. Компатибилисты, с одной стороны, признают, что наличие возможностей думать и поступать по-иному, не составляет необходимого условия ответственности субъекта за поступки и убеждения, а с другой – демонстрируют совместимость эффективного контроля убеждений с условиями их комплексной когнитивно-эвиденциальной детерминации. Для того, чтобы усвоение убеждений было делом сознательного и ответственного выбора, нет необходимости в том, чтобы для субъекта имела объективная возможность думать по-иному, чем так, как он оказывается расположен думать и полагать в силу реакции на доступные ему свидетельства или под воздействием факторов, индуцирующих убеждение в силу неотвратимой очевидности определенного положения.

Агент эпистемически ответственен за убеждения, которые он приобретает и поддерживает, если эти убеждения поддаются *руководящему контролю*, который, в отличие от регулятивного контроля, не предполагает использование системы альтернативных возможностей. Конститутивные условия руководящего контроля доксастических установок заключаются в том, что убеждения формируются и поддерживаются когнитивными процессами, которые (а) субъект признает как свои собственные, т.е. исторически принимает ответственность за продукты их работы [5, с. 73], и (б) эти механизмы отличаются достаточной чувствительностью к эпистемическим причинам, т.е. продуцируют состояние убежденности, оперируя на основе актуально или диспозиционно сознательного отношения к эвиденциальным факторам и соображениям, раскрывающим достаточное основание для убеждений [6, с. 142–146].

Заметим, что выполнение выделенных Нэйлором условий (i) и (ii) может также давать основания для деонтически-оценочной квалификации позиции субъекта, поскольку, с одной стороны, соблюдается принцип

преднамеренности в выборе того, чему верить, а с другой – предполагается, что субъект сознательно и добровольно выбирает средства и методы, которые позволили бы установить, является ли определенное положение самоочевидно истинным или имеются ли для этого положения как предмета возможного убеждения не просто достаточные, но именно конклюдивные, т.е. гарантирующие истинность, основания. Выбор адекватных средств и методов (например, предпочтение методов критического исследования методам гипнотического воздействия) является делом эпистемически ответственного решения. В ориентации на стандарты конклюдивной обоснованности или самоочевидности субъект может выбрать такой способ индуцирования уверенности в истинности некоторого положения, который позволил бы не просто достигнуть этой субъективной уверенности, но претворить ее в рациональное эпистемически обоснованное убеждение. Рациональность такого выбора зависит от того, насколько субъект следует нормам и принципам доккастически-познавательной дисциплины.

Модель Нэйлора представляет особый интерес, поскольку в параметрах этой модели можно распознать также контуры перспективистского подхода к осмыслению условий возможности сознательного формирования убеждений с определенным предметным содержанием. Учитывая проблемный статус понятия преднамеренно усваиваемого убеждения, для эпистемической доксалогии наибольшую трудность представляет вопрос о том, при каких условиях субъект способен преднамеренно сформировать у себя убеждения, предметное содержание которого уже предположено (возможно, в гипотетической форме). Реализация такого подхода предполагает определение условий, при которых намерение усвоить убеждение с определенным содержанием имело бы смысл и могло бы быть исполнено, – именно в плане определения условий реализации предметно-доккастической интенции актуализируется вопрос о рациональности самой этой интенции и отношении содержания, предположенного как предмет возможных убеждений, к условиям истинности и факторам обоснованности, т.е. проявляется забота об эпистемическом качестве тех пропозициональных установок, которые отвечают изначальному намерению субъекта. Такие условия задаются не из «внешней» – каузально-номологической перспективы, а из перспективы определения эвиденциальной основательности убеждений в рамках нормативно-деонтического подхода.

Намечая контуры решения данного вопроса, представим несколько расширенную интерпретацию эпистемологических допущений в основе аргумента Нэйлора:

(а) намерение усвоить определенное убеждение может быть исполнено, при условии, что само по себе это намерение является рационально оправданным, исходя из горизонта текущей (проблемной) ситуации (в этом аспекте возможны разночтения начальных условий: например, намерение усвоить определенное убеждение равнозначно намерению разрешить некоторое сомнение эпистемически релевантным способом / намерение оправдано в виду очевидной для субъекта начальной правдоподобности того, что могло бы стать предметом обоснованного убеждения, разрешающего на данный момент от сомнений);

(б) убеждение с таким содержанием (б1) первоначально имеет характер диспозиции полагать так, а не иначе, возникающей на фоне предпосылочного знания, и (б2) укореняется в сознании субъекта, т.е. становится формой признания истины, при условии, что оно удовлетворяет достаточно высоким эпистемическим

стандартам, указывающим на конститутивную роль эвиденциальных факторов. К эвиденциальным факторам, в актуализации которых Нэйлор усматривает условия исполнения намерения усвоить определенное убеждение, относятся (б2х) устанавливаемое субъектом наличие достаточных оснований, гарантирующих истинность того, в чем состоит убеждение («конклюдивных оснований»), или (б2у) непосредственная очевидность истинности положения, тематизируемого в качестве предмета интендируемого убеждения.

Таким образом, предметно-доккастическая интенция возникает в определенном проблемном контексте, выражаясь, например, как стремление разрешить сомнение, и реализуется при условии, что субъекту удастся выделить (распознать, привести себе на ум) факторы, формирующие уверенность в том, что дело обстоит так, а не иначе (что определенное положение, вступающее предметом возможного убеждения, истинно).

Субъект трансформирует гипотетически содержательную диспозицию, интенционально закрепленную в форме намерения усвоить определенное убеждение, в актуальную пропозициональную установку, как только распознает наличие конклюдивных оснований или убеждается в очевидной истинности того, к признанию чего в качестве истинного субъект был предрасположен.

Позиция Нэйлора, допускающая, что намерение субъекта усвоить убеждение с определенным предметным содержанием («S решил усвоить убеждение, что р») (а) обладает рациональностью и (б) может быть исполнено при условиях, гарантирующих эпистемическое качество убеждений, на формирование которых нацелен субъект, представляется с первого взгляда амбивалентной.

Во-первых, как уже было сказано выше, в ряде каузально-аналитических подходов к объяснению генеалогии доккастических установок понятие намерения признано неадекватным для определения причин убеждений. Волюнтаризм в формировании убеждений истолковывается некоторыми критиками как либертарианская позиция, допускающая, что субъект может формировать какое угодно убеждение, безотносительно к соображениям эвиденциальной основательности и истинностной значимости. Но если в самом понятии убеждения заложен принцип «нацеленности на истину» [8, с. 148], поскольку всякое убеждение, как бы оно ни было обосновано, имплицитно подразумевает уверенность в истинности некоторого положения, то следует признать, что доккастический волюнтаризм, допускающий возможность сознательной интенции на усвоение каких-либо убеждений безотносительно к вопросам истинности, является позицией, в основе которой – противоречие концептуального плана, на что, собственно, и указывает представленный выше аргумент Б. Уильямса.

Во-вторых, интерпретация положения о намерении субъекта усвоить убеждение с определенным предметным содержанием («S решил усвоить убеждение, что р») в смысле интенциональной составляющей прямого преднамеренного контроля над содержанием собственных убеждений довольно плохо согласуется с эпистемологически основательным определением условий реализации предметно-доккастической интенции: с одной стороны, допускается, что субъект безальтернативно поддерживает интенцию на формирование убеждения с предопределенным содержанием; с другой стороны, условия реализации этой интенции определяются как случай следования общему принципу, согласно которому содержание убеждений должно определяться в зависимости от эвиденциальных факторов, которые играют ключевую роль в отборе того, что признается

как истинное, а это, в свою очередь, имплицитно варьирует содержание убеждений – зависимость их от того, что было выяснено и установлено в качестве оснований.

С одной стороны, намерение выступает в роли «структурирующей причины», то есть входит в мотивационную структуру деятельности, и эта структура (1) выполняет определенную каузальную роль в порядке инициирования процессов формирования докстастических установок, (2) ограничивая при этом их содержание тем, что было предположено в рамках исходного намерения или тематического горизонта. С другой стороны, выделяется другая – эпистемически значимая причина, которая также ограничивает содержание убеждений, но селективно-альтернативным образом, и является самостоятельным «индуктором» или «триггером» убеждений, способным, к тому же, трансформировать или даже заблокировать первоначальную докстастическую интенцию, – в одних случаях это непосредственная когнитивная регистрация внешних обстоятельств (как, например, в случае перцептивных убеждений, возникающих на основе спонтанной реакции на внешние ситуации), в других – более или менее сознательная реакция на эвиденциальные факторы, которые субъект выделяет, используя выбранные средства, и которые играют роль в обосновании убеждений, лишь постольку, поскольку представляют данные, независимые от намерений субъекта (за исключением случаев нарушения канонов критического мышления и эпистемически безответственного поведения, когда учитываются только такие свидетельства, которые подкрепляют избранную позицию). В этом контексте представляется достаточно обоснованным критическое соображение, высказанное У. Олстоном: «Безусловно, сам факт того, что человек часто ищет эвиденциально значимую информацию для решения нерешенного вопроса, не показывает, что он имеет непосредственный контроль или какой-либо другой контроль над своими пропозициональными установками. Все это зависит от степени успеха этих предприятий. Иногда эвиденциальные свидетельства находятся, а иногда нет» [2, с. 271].

Основной аргумент, используемый в качестве средства критики теорий, которые, с одной стороны, пытаются реабилитировать докстастический волонтаризм, а с другой – предусматривают адаптацию эвиденциалистского подхода к целям эпистемической деонтологии, состоит в следующем: если при определении того, чему верить, мы, по выражению, Р. Фельдмана, находимся «всечело во власти наших свидетельств (или, возможно, свидетельств вместе с теми другими не-эвиденциальными факторами, которые вызывают убеждения)» [3, с. 82], то можно ли в этом случае (назовем его «случаем когнитивно-эвиденциальной детерминации») квалифицировать формирование убеждений как результат преднамеренного действия или даже как само преднамеренное действие?

Контуры возможностей концептуально-аналитического разрешения этих теоретических трудностей уже были обозначены в представленной выше расширенной интерпретации допущений, лежащих в основе аргумента Нэйлора.

Нэйлор, по сути, доказывает, что представление о том, что какое-то предметно определенное убеждение является необходимым и непосредственным следствием некоего базового акта (например, произвольного решения усвоить такое убеждение) является, во-первых, неверным (с точки зрения каузальной структуры докстастически формирующих процессов) и неправильным (с точки зрения эпистемико-нормативных ограничений),

а во-вторых – иррелевантным, т.е. не имеющим значения для решения вопроса о том, является ли убеждение, в форме которого реализуется признание некоего положения (р) в качестве истинного, состоянием, которое определяется добровольно, при участии сознательно-волевых установок субъекта.

Между тем, первое условие добровольности достижения и поддержания состояния убежденности в истинности некоего положения выражена в форме утверждения, что S самостоятельно сделал выбор в пользу убеждения с определенным содержанием. Но ни (α) выбор в пользу убеждения с определенным содержанием (в пользу докстастической установки, в форме которой закрепляется признание истинности некоего положения р), ни (β) индуцирование уверенности в том, что р, само по себе не являются актами, которые можно было бы отнести к произвольно совершаемым базовыми действиям.

Относительно второго случая (β) Нэйлор утверждает, что «для того, чтобы вызвать у себя уверенность в том, что р, S должен каким-то образом рассеять сомнения относительно р» [7, с. 431]. Для концептуализации состояния уверенности в данном случае подходит именно то понятие убеждения, которое выделил М. Лосонский, проанализировав позиции классиков философии прагматизма: убеждение не возникает как результат произвольно индуцируемой уверенности, но представляет «состояние равновесия, включающее в себя установленный набор диспозиций или принципов действия, и это единство или равновесие завершает исследование, начавшееся со специфического «возбуждения сомнения» (Пирс), «внутреннего беспокойства» (Джеймс), или «неурегулированной» и «неопределенной ситуации» (Дьюи). Таким образом, убеждение частично индивидуализируется сомнением, которое оно устраняет, и исследованием, которое разрешает сомнение или преодолевает неопределенность ситуации» [4, с. 105]. Так, что-то должно индуцировать сомнения относительно данного предмета, а значит субъект должен быть изначально озабочен установлением того, действительно ли дело обстоит таким образом, как предположено в форме рассматриваемого допущения, которое могло бы при определенных условиях составить предметное содержание убеждения. В этом контексте *решение в пользу культивирования определенного убеждения является способом выделения приоритетной докстастической диспозиции – предрасположенности полагать так, а не иначе, которая зависит от предпосылочного знания и соответствует актуальной тенденции развития познавательного или практического дискурса.*

Для формирования предметно определенной докстастической интенции необходим *проблемно-тематический горизонт*: так, например, можно представить ситуацию, в которой на основе предметного интереса выделяется определенная пропозиция, которая тематизируется в рамках определенной ситуации или дискурса как *наиболее правдоподобная* и, следовательно, представляющая предмет возможного убеждения, которое могло бы закрепиться, если бы были получены свидетельства истинности, достаточные для разрешения сомнения (что эквивалентно индуцированию уверенности, претворяемой в убеждение).

Относительно первого случая (α), как было указано выше, Нэйлор подчеркивает, что можно осмысленно говорить том, что выбор в пользу убеждения с определенным содержанием входит в условия детерминации докстастической сферы, однако этот выбор не следует рассматривать в качестве базового действия, выполняющего роль непосредственного триггера убеждений, ибо субъект должен самостоятельно сделать нечто, что

могло бы привести его в состояние убежденности (например, найти адекватные и надежные свидетельства истинности, альтернативно – подвергнуть себя гипнотическому воздействию), а главное – в основе такого выбора – не произвольное решение, а соображения целесообразности и (добавим нормативное условие) эпистемической адекватности: решение убедиться в том, что *p*, не имело бы смысла, если только достижение убежденности в том, что *p*, не рассматривается как средство для достижения какой-то уже принятой цели [7, с. 430].

Однако, если абстрагироваться от знаменитого аргумента Паскаля в пользу предпочтительности теистических убеждений, то довольно трудно представить эпистемологически релевантную ситуацию, в которой такой выбор был бы оправдан с позиций некой познавательной целесообразности: если целью является установление истины и/или разрешение от сомнений, то субъект не может заранее знать, какие из пропозиций следует выбрать в качестве предметной основы убеждений, культивирование которых будет способствовать достижению этой цели, но может ориентироваться лишь на стандарты эпистемического качества, которые определяют надлежащую степень обоснованности убеждений. Нэйлор же в реконструкции условий возможности доксистического волюнтаризма пытается выстроить *координацию условий преднамеренного содержательного контроля убеждений с условиями контроля их эпистемического качества*.

Исходя из расширенной интерпретации допущений, лежащих в основе аргумента Нэйлора, представим контуры гипотетической системы необходимых условий, при которых можно было бы придать рациональный смысл намерению усвоить убеждение с определенным содержанием.

1. Убеждение имеет характер доксистической диспозиции с гипотетически предположенным содержанием, трансформация которой в актуальное состояние уверенности в истинности некоторого положения находится в локусе сознательного действия субъекта в той мере, в какой субъект способен формировать или выявлять (следуя правилам и нормам) соответствующий эвиденциальный базис, на котором убеждение с таким содержанием могло бы оформиться в сознательно поддерживаемую пропозициональную установку.

2. Интендируемое содержание, которое могло бы при определенных (указанных Нэйлором) условиях закрепиться как предмет рационального убеждения, имеет характер пропозиции, которая представляется субъекту правдоподобной и/или обоснованной *prima facie*, что предполагает задействование ресурсов предпосылочного знания и использование фоновой системы убеждений в качестве средства проективно-оценочной селекции гипотетического содержания доксистических диспозиций с перераспределением потенциалов их тематической актуальности и познавательной значимости (в модели Нэйлора это условие не предусмотрено).

3. Намерение культивировать определенное убеждение имеет смысл только в определенном проблемно-тематическом горизонте дискурсивной (познавательной) практики, – само по себе такое намерение ничтожно, если отсутствует интенционально-телеологическая структура деятельности, в рамках которой это намерение выполняет каузальную функцию в порядке инициирования действий, посредством которых могли бы быть выявлены факторы, способствующие разрешению проблемных ситуаций (например, преодолению сомнений) и достижению состояния убежденности, что, однако не означает, что достижение этого состояния гарантировано характером этих действий.

4. Факторы, которые могли бы служить индукторами уверенности в истинности того положения, предрасположенность к признанию которого заявлена в первоначальной предметно-доксистической интенции, составляют широкий спектр условий, включая такие условия, которые составляют эвиденциальный базис убеждений, доступный распознаванию со стороны субъекта.

5. Субъект самостоятельно определяет средства, с помощью которых он мог бы привести себя в состояние уверенности в истинности положения, составляющего предмет диспозиционально интендируемого убеждения, что является фактором *косвенного контроля над собственными убеждениями* и дает основание для инициирования вопроса об ответственности субъекта за формирование убеждений определенного эпистемического качества.

6. Первоначальная доксистическая интенция исполняется эпистемически адекватным образом, если субъект в рамках общей политики формирования и пересмотра убеждений демонстрирует восприимчивость к свидетельствам, доводам, индикаторам истинности, составляющим этот эвиденциальный базис; диспозиция трансформируется в относительно устойчивое убеждение, если сработал соответствующий когнитивный механизм индукции уверенности в истинности положения, составляющего предмет доксистической интенции; работа этого механизма находится под эффективным контролем субъекта в той мере, в какой индукторами уверенности выступают факторы, которые субъект распознает как разумные причины для собственных убеждений, при этом оценка эвиденциальной значимости того, что дает основание для уверенности в истинности некоторого положения, составляет одно из необходимых условий работы этого механизма, т.е. трансформирует отношение субъекта к данному положению, являясь конститутивным фактором усвоения убеждения с таким пропозициональным содержанием.

В этой системе проективно выделенных условий доксистическая интенция выражена косвенным образом, а убеждение – диспозиция с гипотетически предположенным содержанием; при такой интерпретации следует признать, что субъект не на основе некоего базового акта (произвольного решения, задающего предметно-доксистическую интенцию), а лишь посредством осуществления комплекса действий, направленных на установление соответствующего эвиденциального базиса, способен создавать условия, в которых срабатывают определенные триггеры – индукторы уверенности, претворяемой в состояние убежденности.

Литература

1. Adler, J. *Belief's Own Ethics*. – Cambridge: MIT Press, 2002.
2. Alston W.P. *The Deontological Conception of Epistemic Justification // Philosophical Perspectives*, 1988, Vol. 2, Epistemology. Pp. 257–299.
3. Feldman, R. *Voluntary Belief and Epistemic Evaluation*. // In: Steup M. (ed.) *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – Pp. 77–92.
4. Losonsky, M. *On Wanting to Believe // In: Engel Pascal (ed.) Believing and Accepting Dordrecht: Kluwer Academic Publishers*, 2000. – Pp. 101–131.
5. McCormick, M. *Taking Control of Belief*. // *Philosophical Explorations*. 2011. Vol. 14 (2). Pp. 169–83.
6. McHugh, C. *Epistemic responsibility and doxastic agency*. // *Philosophical Issues*. 2013. Vol. 23 (1), pp. 132–157.

7. Naylor, M.B. Voluntary Belief. // *Philosophy and Phenomenological Research*, 1985. Vol. 45. No. 3 (Mar., 1985). Pp. 427–436.
8. Williams, B. *Problems of the Self*. Philosophical papers 1956–1972. – Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

EPISTEMOLOGICALLY ADEQUATE CONDITIONS FOR DELIBERATE BELIEF ACQUISITION

Galukhin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

According to B. Williams's argument, if all beliefs by nature aim at truth, then the assumption that one can acquire a belief at will, that is, irrespective of its truth, is conceptually undermined. This article considers the conditions under which the intention to acquire a belief with a particular content is compatible with considerations of the evidential support and truth-value of the. The basis for resolving the problem of the epistemological adequacy of doxastic intentions is provided by an analysis and refinement of M.B. Naylor's account of the conditions that are individually necessary and jointly sufficient for voluntary belief. The intention to acquire a belief is consistent with our epistemological intuitions if and only if this intention itself is formed in a particular problematic horizon and is embedded in the motivational structure of cognitive activity. A belief should be regarded as a disposition with a hypothetically predetermined content, which is the product of a provisional evaluative selection, it should have a sufficient probability index, it should be plausible or *prima facie* justified. Thus, the intention to cultivate a belief with such content

is reduced to the intention to be certain of the truth of that content, and this intention can be realized in an epistemically correct way if an agent's choice of means for resolving doubt and achieving certainty is guided by standards of conclusive justification or self-evidence.

Keywords: epistemic deontology, doxastic voluntarism, belief, intention, justification.

References

1. Adler, J. (2002). *Belief's Own Ethics*. – Cambridge: MIT Press.
2. Alston, W.P. (1988). The Deontological Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Perspectives*, Vol. 2, Epistemology, pp. 257–299.
3. Feldman, R. (2001). Voluntary Belief and Epistemic Evaluation // In: Steup M. (ed.) *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. – Oxford: Oxford University Press, 2001. Pp. 77–92.
4. Losonsky, Michael (2000). On Wanting to Believe // In: Engel Pascal (ed.) *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. – Pp. 101–131.
5. McCormick, M. (2011). Taking Control of Belief. *Philosophical Explorations*, 14(2), pp. 169–83.
6. McHugh, C. (2013). Epistemic responsibility and doxastic agency. *Philosophical Issues*, 23 (1), pp. 132–157.
7. Naylor, M.B. (1985). Voluntary Belief. *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 45, No. 3 (Mar., 1985), pp. 427–436.
8. Williams, B. (1973). *Problems of the Self*. Philosophical papers 1956–1972. – Cambridge: Cambridge University Press.

Некоторые проблемы вузовского образования в условиях современности

Раджабов Осман Раджабович,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и истории Дагестанского государственного аграрного университета имени М.М. Джамбулатова

Раджабова Залпа Камаловна,

д.э.н., профессор кафедры мировой экономика Дагестанского государственного университета

Лобачева Зоя Николаевна,

к.ф.н., доцент кафедры философии и истории Дагестанского государственного аграрного университета имени М.М. Джамбулатова

В статье рассматриваются некоторые проблемы и перспективы системы высшего образования в России. Выясняются наиболее характерные особенности сферы образования, выявляются причины возникновения трудностей на пути ее развития в современных условиях. Отмечается необходимость подготовки таких специалистов, которые нужны во всех сферах общества России и будут востребованы не только сейчас, но и в будущем.

Рассмотрены основные вопросы, связанные с дальнейшим анализом проблем образования.

Ключевые слова: образование, формальное образование, синергетика, когнитивная психология, гуманитаризация образования.

В истории развития общества образование является главной сферой человеческой деятельности. В извечном со времен Сократа, Платона, Аристотеля треугольнике – государство, общество, человек – образованию всегда отводилась роль главного цивилизационного фактора в развитии человека [1]. Чтобы сформировать профессиональных специалистов, в содержание образования необходимо включить все элементы духовной культуры, а не только систему умений, навыков и знаний о мире.

В конце XVIII – середине XIX века получила широкое распространение теория формального образования. Ее разрабатывали Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, А. Дистервег и другие крупные мыслители того времени. Многие сторонники этой теории опирались на учение Канта о том, что ум у человека – это врожденное качество личности, и он развивается безотносительно к опытам его познавательной деятельности. А раз так, то надо создавать только условия для его совершенствования. При этом роль реальных практических знаний в развитии интеллекта недооценивалась. Сущность данной теории сводится к трем постулатам:

- не следует давать обучающимся большого количества знаний, поскольку всех знаний им все равно не усвоить;
- нужно давать тот материал, который развивает их умственные силы, способности, мышление, воображение, память. Знания ценны не сами по себе, ценно их развивающее влияние, и поэтому наиболее полезными предметами являются те, которые обеспечивают гимнастику ума. Это, например, латинский и греческий языки, математика;
- упражнения должны развивать ум безотносительно к содержанию предмета.

Односторонность этой концепции очевидна, но она появилась не случайно и сыграла положительную роль в реформах содержания образования. Эта теория возникла как реакция на догматическую методику обучения Средневековья, которая не способствовала общему развитию человека, а, наоборот, подавляла его умственные силы.

Однако уже в XIX веке эта концепция перестала удовлетворять запросы общеобразовательного развития. XX век был отмечен огромными достижениями в сфере образования, которые легли в основу колоссальных социальных преобразований и научно-технического прогресса. Однако бурное расширение сферы образования и изменение ее статуса сопровождалось обострением проблем, которые позволили некоторым исследователям сделать вывод о мировом кризисе образования. Проблемы образования оказались в центре общественного внимания [2]. Получила широкое распространение теория материального образования, которую развивали и пропагандировали сторонники прагматической педагогики. Суть ее заключается в следующем: во-первых, главным критерием определения содержания образования служит пригодность знаний для жизни, а не их развивающее воздействие; во-вторых, что касается общего развития обучающихся, то оно будет иметь место в процессе овладения полезными знаниями без целенаправленных усилий со стороны педагогов.

Как отмечают педагоги, снизился интеллектуальный потенциал молодежи, у студентов исчезли уста-

новки на труд, научную деятельность, общественно-политическую активность [3].

В дидактике известны теоретические подходы к установлению содержания образования, которые по-разному трактуют соотношение знаний, умений, навыков и общего развития.

Необходима новая философия педагогики, образования, воспитания в абсолютно новых условиях, новых реалиях. Заявление главы Министерства науки и высшего образования Валерия Фалькова, что Болонская система – «прожитый этап», предполагает наличие новых философских концепций. Возникают вопросы: какой этот новый этап развития всей системы образования? Какие новые парадигмы предлагают обществу человеку, стране, государству [4]?

Высшее образование перестало быть престижным и приоритетным. Современная педагогика не принимает окончательно теорий формального и материального образования учащихся. Ум человека развивается в процессе овладения реальными знаниями. Следовательно, студентам необходимо давать наиболее полное представление о мире, что обеспечивается системой различных учебных дисциплин. Кроме того, обучать студентов необходимо так, чтобы создавались благоприятные возможности для их общего развития.

Качественное обновление учебного процесса в современном вузе предполагает углубленную работу по интеграции предметно-содержательного материала по всем учебным дисциплинам, изучаемым в школе и вузе, на модульно-синергетической основе. Приобретает особую значимость компетентный анализ фундаментальных достижений системы современных наук.

Основной проблемой российского высшего образования на современном этапе является его качество. Качество образования – это достижение в ходе образовательного процесса его целей и решение проблем.

Проблемы качества образования связаны с решением некоторых задач:

- заинтересованность студентов в получении знаний, умений, навыков и их использовании в практических целях;
- решение проблем, связанных со снижением престижа высшего образования в целом из-за того, что слабо подготовленным студентам присваиваются дипломы о высшем образовании;
- подготовить выпускников вузов к осуществлению профессиональной деятельности сразу после окончания вуза;
- акцентировать внимание на подготовку обучения специалистов, востребованных в современных условиях;
- преодолеть статичность программ обучения. Технологии развиваются стремительно, и на них мгновенно реагирует рынок труда: требуются новые навыки и умения, появляются новые специальности и профессии;
- программы российских вузов модернизируются крайне тяжело; специалисты, освоившие новые технологии и направления, не стремятся работать в вузах. Причиной этому является низкий уровень заработной платы;
- отсутствует четкое разграничение на профессиональное высшее образование и академическое. Высшее образование в России, скорее, признак «статусности», успешности, престижности (нередко – способ избежать службы в армии), чем ступень образования и квалификации;
- образование превратилось в «платную услугу». Бывший министр образования А. Фурсенко по этому по-

воду сказал следующее: «Профессиональное образование должно стать непрерывным и высокодоходным бизнесом». То есть на высшем уровне государственной власти было объявлено, что система образования должна производить не знания гражданина, а прибыль. Такой результат и получен: распространились коммерческие вузы, лишь имитирующие подготовку, но генерирующие прибыль.

Слова профессора С.А. Толкачева подтверждают плачевность данной ситуации: «Сегодня студенты платят не за то, чтобы учиться, а за то, чтобы НЕ учиться» [5]. Диплом о высшем образовании нужен современным студентам, потому что так принято и большое количество выпускников вузов не работают по специальности.

Под качеством образования мы понимаем степень достижения образованием своих целей, т.е. степень овладения студентами предлагаемыми знаниями, умениями и навыками.

В последние десятилетия сформировалась новая междисциплинарная область науки – синергетика. По определению ее создателя профессора Штутгартского университета (Германия) Германа Хакена синергетика занимается изучением систем, состоящих из многих подсистем самой различной природы, таких, как электроны, атомы, молекулы, клетки, нейтроны, механические элементы, фотоны, органы и даже люди. Цель синергетики – установить, каким образом взаимодействие таких подсистем приводит к возникновению пространственных, временных или пространственно-временных структур в макроскопических масштабах. Когда и как структуры возникают в результате самоорганизации? Какие принципы управляют процессами самоорганизации относительно к природе подсистем? Как происходят переходы «хаос – порядок», «порядок – порядок» и «порядок – хаос» в самых различных областях физики, химии, биологии, медицины, техники, экономики, экологии, социологии? Поиском ответов на эти сложные вопросы достаточно успешно занимаются специалисты в области синергетики.

В отличие от большинства новых наук, которые возникают, как правило, на стыке уже существующих и характеризуются проникновением идей одной науки в другую, синергетика возникла, опираясь не на пограничные, а на внутренние связи различных дисциплин, с которыми она имеет общие задачи исследования. В изучаемых синергетических системах, режимах и состояниях физик, биолог, химик, математик и специалист различных областей науки видит свой материал, и каждый обогащает общий запас научных идей и методов познания мира. В результате рождается качественно новое знание о природе, обществе, человеке, о вселенной.

Эта междисциплинарная философская идея, родившаяся во второй половине XX века, нуждается в пояснениях и конкретизации. Узкая специализация в любой области знания отжила свой век. Современные синергетически мыслящие ученые приходят к глубоким мировоззренческим выводам, на порядок опережающим идеи философов. Например, специалист в области языкознания В.С. Юрченко, изучающий инвариантную структуру предложения, пришел к ряду нестандартных философских умозаключений. Исходным постулатом, а равно и заключительным выводом его исследований, является мысль о том, что материальный (физический) мир и идеальный (информационный) мир взаимосвязаны и составляют единое целое – универсум. В системе универсума есть феномен, который занимает особое положение, – это язык. В языке адекватно воспроизводится действительность; обратная экстраполяция языка на мир помогает проникнуть в его сущность и понять

его общее строение. Язык расчленяет мир на предмет (субъект) и признак (предикат). Проецируя язык на мир в целом, можно прийти к заключению, что все мироздание (универсум) тоже имеет субъектно-предикатное строение. Такой подход приводит учёного к ряду следующих философских выводов. Соотношение идеального и материального должно рассматриваться не в статике, а в динамике, поскольку оно меняется в процессе становления мира. Два направления в философии – идеализм и материализм – могут и должны быть синтезированы в едином и цельном мировоззрении, в единой и цельной научной картине мира. К таким глубоким мировоззренческим выводам пришел не классический философ, а синергетически мыслящий современный системный философ. Сразу же оговоримся: некоторые эпистемологические идеи ученого можно считать дискуссионными. И это естественно. Важен принцип подхода к анализу изучаемых явлений: нельзя замыкаться в узком кругу собственно научных, частных идей, нужно подходить к осмыслению глобальных мировоззренческих проблем. Тогда научное и учебное познание будет обогащать интеллект ученого и учащегося. Ноосфере, утверждают философы, нужны ноосферная педагогика и ноосферная система образования и обучения.

Аристотель написал «Органон», заложив основы дедуктивной логики, Ф. Бэкон – «Новый органон», высветивший особенности индуктивного мышления. Р. Декарт оставил потомкам «Правила для руководства ума», используя дедуктивный метод, «Ум, хорошо устроенный», – писал еще М. Монтень, – стоит дороже, ума, хорошо наполненного». К. Гельвеций принадлежит солидный трактат «Об уме», И. Кант создал фундаментальный труд «Критика чистого разума», но человечество все равно ищет ответы на вопросы: «Что такое хорошо устроенный ум?», «Как развивать мышление в процессе обучения?», «Как учебный процесс влияет на формирование творческого потенциала личности?»

Отдельные гениальные догадки ученых не меняют сути дела. И, тем не менее, стало ясно, что зазубривание логически несвязанного материала иссушает мозг и душу, притупляет чувства, тем самым развивает только механико-статистическое мышление. Это результат болонского процесса и ЕГЭ.

Обучение в вузе все еще отстает от уровня и темпов интеллектуального развития студентов. Во 2-й половине XX века философы и психологи приблизились к созданию научной теории мышления. Возникла философская наука о законах мышления – когнитология и новая отрасль психологии – когнитивная психология, выявившая решающую роль продуктивной познавательной деятельности в формировании личных качеств и поведении человека. Только познание глубинных, существенных связей развивает интеллект. Действенный фонд системообразующих знаний – вот важнейший показатель интеллектуального развития человека. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты достижений когнитологии и когнитивной психологии.

Когнитивная психология возникла в конце 1950 – начале 60-х гг. как реакция на бихевиористское, механическое понимание сущности психических процессов. Исследователи (выявляя аналогии между процессами переработки информации у человека и в вычислительном устройстве) выделили многочисленные структурные составляющие (блоки) познавательных и исполнительных процессов, обнаруживающих существенную роль обобщенного знания в развитии духовных качеств человека. Исследования показали, что творческий потенциал пробуждается только тогда, когда субъект самостоятельно проникает в сущностные связи объективного мира.

Речь идёт об идее, которую можно положить в основу концепции содержания современного образования. В этом плане синергетический подход к разработке содержания интегративных учебных дисциплин позволяет усилить личностную направленность изучения каждой научной дисциплины, а не только предметов гуманитарного цикла. Традиционно под гуманитаризацией образования понимается лишь повышение в учебных планах удельного веса дисциплин гуманитарного цикла. Их изучение обращает высшую школу к ценностям мировой культуры, истории. Но гуманитаризация образования зависит не только от повышения статуса гуманитарных предметов. Прежде всего она достигается путем качественного обновления всех учебных дисциплин. Содержание учебных предметов должно быть принципиально переориентировано, чтобы духовная культура человечества перестала быть «слепком» готового знания, а развертывалась как живой процесс поиска, открытий, как борьба идей, как их взаимосвязь. Сегодняшний специалист – это, прежде всего, организатор с развитым социально-гуманитарным мышлением.

Содержание курсов гуманитарных дисциплин должно быть пересмотрено. Оно должно обновляться за счет «утверждения общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. Гуманитарная подготовка студентов – это не только утверждение общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, но и формирование целостного мировоззрения. Гуманитарная подготовка – это еще и искусство понимания людей и успешного общения с ними. Без этого выпускник вуза не может быть эффективным ни в профессиональной деятельности, ни в личной жизни» [6].

Таким образом, современное образование призвано обеспечивать интеллектуальное развитие каждого молодого специалиста, воспитать у него культуру речи, общения, исторического мышления, человеческого отношения к природе, научить объективно оценивать исторические процессы, характерные для любой общественной информации. Так, в любом вузе должны изучаться основы многих социально-гуманитарных дисциплин. В вузах необходимо формировать историческое мышление студентов, которое помогает рассматривать все проблемы в исторической ретроспективе, позволяющей не только оценивать научные и социальные процессы, но и гипотетически определять их возможные последствия.

Важно понимать, что Россия сегодня – это носитель исторических норм, духовных ценностей. Россия, которая не принимает западные тенденции примитивного потребительства без духовности. Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» отмечал, что единой человеческой цивилизации быть не может. Духовность – вот что отличает Россию от большинства стран Европы и США, где многие философские парадигмы ведут к деградации человека и человечности, т.е. бездуховности. В свете последних событий, в ходе специальной военной операции получила развитие идея пассионарной активности России, русского и других народов России, которые не утратили способность к сопереживанию, умению отличать добро от зла, своих от чужих, стремления защищать и спасать своих. Мы своих не бросаем – лозунг сегодняшнего дня. И это не только лозунг, но и элемент воспитания патриотизма. Философия воспитания национального характера как совокупности исторических, социально-психологических, духовных, сущностей является основой воспитания и образования [7].

Современному студенту необходима мировоззренческая установка на проблемы окружающего мира, он должен понимать свою роль, найти своё место в этом многообразном мире. Можно выделить четыре основ-

ные цели образования: 1) подготовка к определенной профессии и способность самостоятельно продолжать обучение в избранной специальности; 2) воспитание граждан-патриотов; 3) мировоззренческая ориентация; 4) способность критически, логически мыслить и анализировать происходящие события в общественной жизни, уметь эффективно общаться, безукоризненно владеть языком [8]. Это требует нового подхода к социально-гуманитарным наукам, где во главе угла стоит человек.

Литература

1. Бровкин А.В. Проблемы современной российской системы высшего образования и пути их решения в интересах всех участников образовательного процесса. Ч. 2. // Журнал «Современное образование». М., 2018.
2. Карманова Д.А. Кризис российского высшего образования: к проблеме аспектизации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 1. – С. 78.
3. Лаптиев А.А. Траектории коммуникационного взаимодействия вуза в условиях трансформации рынка образовательных услуг. – М., 2014.
4. Садовничий В. Проблемы образования и науки в России и стратегия на XXI век // Управление непроизводственной сферой. 1998. № 2.
5. Серебрякова Е.А. Российская система образования: достоинства и недостатки // Молодой ученый. 2015. № 13. – С. 703–707.
6. Яо Л.М. Проблемы высшего образования в современном российском обществе // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 6.
7. Раджабов О.Р., Лобачева З.Н. Некоторые методологические аспекты в системе гуманитаризации высшего технического образования // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. – С. 65–66.
8. Гончарова Н.В., Фенухин В.И. Философия и педагогика – логика диалектического единства // Журнал социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. – С. 134–136.

PROBLEMS OF UNIVERSITY EDUCATION IN MODERN CONDITIONS

Radjabov O.R., Radzhabova Z.K., Lobacheva Z.N.

DagGAU named after M.M. Dzhambulatov, Dagestan State University

The article discusses some problems and prospects of the higher education system in Russia. The most characteristic features of the sphere of education are clarified, the causes of difficulties in the way of its development in modern conditions are revealed. It is noted that it is necessary to train such specialists who are needed in all spheres of Russian society and will be in demand not only now, but also in the future.

The main issues related to the further analysis of the problems of education are considered.

Keywords: theory of formal education, theory of material education, modular-synergetic theory of education, cognitology and cognitive psychology, humanization and humanitarization of education, the role of humanitarian knowledge in the system of modern university education.

References

1. Brovkin A.V. Problems of the modern Russian system of higher education and ways to solve them in the interests of all participants in the educational process. Part 2. Journal "Modern Education". Moscow, 2018.
2. Karmanova D.A. Crisis of Russian Higher Education: To the Problem of Aspectization. Journal of Social and Humanitarian Research. 2012. № 1. – P. 78.
3. Laptiev A.A. Trajectories of communication interaction of the university in the context of transformation of the market of educational services. – M., 2014.
4. Sadovnichy V. Problems of education and science in Russia and strategy for the XXI century. 1998. № 2.
5. Serebryakova E.A. Russian education system: advantages and disadvantages. 2015. № 13. – S. 703–707.
6. Yao L.M. Problems of Higher Education in Modern Russian Society // Modern Problems of Science and Education. 2009. № 6.
7. Radjabov O.R., Lobacheva Z.N. Some general methodological aspects in the system of humanitarization of higher technical education. 2022. № 6. – S. 65–66.
8. Goncharova N.V., Fenukhin V.I. Philosophy and Pedagogy – Logic of Dialectical Unity // Journal of Social and Humanitarian Knowledge. 2022. № 6. – S. 134–136.

Бренд региона в гуманитарном познании: некоторые методологические особенности

Шадже Асиет Юсуфова,

д.ф.н., профессор кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета
E-mail: shadzhe@maykop.ru

В статье раскрывается актуальность осмысления бренда в гуманитарном познании в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов. Рассматриваются методологические особенности бренда на разных этапах развития науки. Автор отмечает, что в классической и неклассической науке слово «бренд» не употребляется, однако смысл его встречается в описании и объяснении этнических и региональных культур, в характеристике социокультурных традиций и обычаев, образа жизни на Кавказе. Неклассическая наука, рассматривая антропологические и социальные объекты в качестве системообразующих формирований, способствовала выявлению их ценностного смысла и конструктивного потенциала. В современной, постнеклассической науке появляются понятия «бренд», «брендинг» и «брендирование». Являясь экономическими терминами, они «перемещаются» в гуманитарную сферу, наполняясь социальной практикой, ценностным опытом и механизмом, скрепляющим социокультурные связи формирования позитивной идентичности на уровне региона и страны. Бренд рассматривается как динамичный феномен, который создается на основе социокультурных и политических традиций и новаций. Показана особенность междисциплинарного подхода в изучении этнокультурных и региональных брендов, нацеленных на взаимопонимание, укрепление исторической памяти, формирование нового мышления, единение этносов и регионов со страной. Делается вывод: а) инновационное управление представляет собой «мягкое воздействие» на сложные открытые системы «регион», «общество», «бренд», «политика идентичности»; б) осуществление социально значимой цели национального единения возможно на основе совместной работы государства, научных, образовательных, культурных институтов, общественных организаций, молодежных движений и информационной активности средств массовой информации.

Ключевые слова: бренд, брендинг, полиэтничный регион, политика идентичности, новые вызовы, многоуровневая идентичность, единение, междисциплинарный подход, инновационное управление.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2023-0004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

Постановка проблемы

Актуальность бренда региона в условиях современности имеет глобальный и локальный контексты. В современном мире повсеместно ощущается турбулентность во всех сферах бытия. Ныне перед человечеством открылись серьезные глобальные вызовы и риски, влекущие за собой глобальную дезинтеграцию.

Такой глобальный контекст оказывает влияние на страны, в частности на Россию и ее регионы, в определении вектора устойчивого развития: активизируются дезинтеграционные процессы в социуме, усиливаются социальная и социокультурная неустойчивость, непредсказуемость и неопределенность. Пожалуй, в качестве индикатора социальной турбулентности можно назвать социальную дезинтеграцию, которая активизирует чувство самосохранения индивидуальной и коллективной идентичности. Порой неустойчивые социальные отношения тормозят сохранение и развитие собственного достоинства в условиях риска, диктуют амбивалентные пути защиты, зачастую взаимоисключающие друг друга.

В таких условиях общество требует, чтобы объединить и сплотить его на основе какой-то концепции или модели. Представляется, что необходимо пересмотреть стратегии развития страны и регионов, имеющиеся концепции инновационного развития, методы прогнозирования и механизмы осуществления политики идентичности на разных уровнях – региональной и российской национальной идентичности. Это необходимо для проверки общества на устойчивость и определения вектора развития: Куда идем? Зачем? Что мы хотим?

Не менее важным является переосмысление современной реальности, обнаружение новых идентификационных маркеров и определение их перспектив в укреплении позитивной идентичности, с одной стороны, с другой – выявление ценностей, которые скрепляют народы и «работают» на укрепление многоуровневой идентичности.

Цель данной статьи – осмыслить некоторые методологические подходы в исследовании бренда региона в укреплении политики идентичности в контексте междисциплинарного подхода.

Как понимать бренд?

Термин «бренд» имеет большой успех в сфере экономики (маркетинга). Обычно *бренд*, или иногда *брэнд* (англ. *brand* [brænd] – клеймо, фабричная марка) – ассоциируется с прогрессивным развитием. Это – комплекс представлений, мнений, ассоциаций, эмоций, ценностных характеристик продукта либо услуги, который отличает товар или услугу одного продавца от товаров или услуг других продавцов; ментальная оболочка продукта или услуги – *бренд* является абстрактным названием. Физическими составляющими (носителями) бренда является весь комплекс элементов фирменного стиля: название бренда (слово, словосочетание), логотип (товарный знак) с принципами его построения, палитра фирменных цветов, поддерживающая фирменный стиль, оригинальная графика, набор фраз, звуки, торговая марка и прочее» [1].

Однако такая характеристика бренда в условиях современной реальности ограничена. Нас интересует значение бренда в социальной организации, консолидации, в создании условий для жизни, в упрочении своего «я» и «мы».

Важно вспомнить, что в классической и неклассической науке слово «бренд» не употребляется. Однако смысл его встречается в воспоминаниях мыслителей, побывавших на Кавказе в выявлении особенностей кавказцев, признаков их узнаваемости, о чем свидетельствуют источники [2].

Позже, в условиях неклассической науки появившиеся новые философские и научные методы феноменологии, герменевтики, диалектики и принцип системности помогли понять сущность кавказской культуры, выявить ценностный смысл этнических культур, традиций и «образа жизни» кавказцев. Системное осмысление северокавказского общества позволило понять специфику региона.

Иностранцы и русские мыслители, побывавшие здесь, отмечали характерную манеру поведения, называя «рыцарской», подразумевая средневековый западноевропейский этикет. Концептуальное переосмысление эмпирического материала позволило понять значимость традиций и этничности для кавказца. Как отмечал Я.А. Гордин, «для горских обществ право жить по своим традициям и миропредставлениям равнозначно было праву жить вообще...» [3].

Пожалуй, можно утверждать, что все вышесказанное свидетельствует тому, что смысл бренда формируется в неявном виде в кавказском обществе.

С конца XX в. в социально-гуманитарном познании стали руководствоваться междисциплинарной методологией. Появившееся в 2000 г. в западной науке понятие «бренд» активно используется в российской науке свыше двадцати лет: первоначально в экономике (маркетинговых исследованиях), позже – в области культуры.

Следует отметить, что активизации научных исследований в России по бренду способствовала «Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 гг.». Несмотря на то, что документ посвящен продвижению брендов товаров и услуг, но все же в нем формулируются понятия «национальный бренд» и «региональный бренд», а также задачи развития брендов городов и территорий:

«Национальный бренд – бренд страны, как государства, обладающего уникальными компетенциями в области производства товаров и услуг, опирающимися на научный, образовательный потенциал, культурные традиции, природно-рекреационные ресурсы, а также бренды товаров и услуг, такие как «сделано в России», «Российское качество» и аналогичные.

Региональные бренды – бренды российских городов и регионов, выступающие инструментом маркетинга территорий с целью привлечения инвестиций и кадровых ресурсов, а также бренды товаров и услуг, локализованных в определенной географической области («вологодское масло», «курорты Краснодарского края», туристический бренд «Золотое кольцо»)» [4].

Важно отметить, что в последние годы в нашей стране активизируется научный интерес к этнокультурным брендам. В.В. Путин на заседании Совета по международным отношениям, посвященном реализации на региональном и муниципальном уровнях Стратегии государственной национальной политики России на период до 2025 года, отметил важность и значимость этнокультурных брендов, необходимость их популяризации: «Наша страна уникальна в многообразии своей приро-

ды, народных традиций, но доступ к их изучению часто ограничивает не только недостаточная инфраструктура, но и тривиальная безынициативность на местах» [5].

Осмысление развития теории по проблеме бренда позволяет делать вывод, что до сих пор не выработана общая теория бренда в науке, в частности гуманитарной, а также не разработана соответствующая методология. В то же время, многие авторские определения понятий «бренд», «брендинг», «этнокультурный брендинг» представлены в сфере маркетинга учеными: Д. Аакер, С. Анхольт, В.Н. Домнин, А.В. Ульяновский и др.; понятие «брендинг»: Н.В. Костылева и И.П. Мильберт, В.К. Малькова и В.А. Тишков и др.; «этнокультурный брендинг»: В.А. Тишков и В.В. Степанов и другие.

Поскольку бренд многоаспектен и имеет многоуровневый характер – экономический, географический, политический, культурный и т.д., – однозначно трудно определить его сущность и смысл. Нет единого определения бренда. Не оспаривая имеющиеся дефиниции, представляется возможным сделать вывод о том, что все они не противоречат друг другу, а взаимодополняют.

Научно-философские предварительные основания изучения бренда в социально-гуманитарном познании связаны с идентичностью. В самом общем виде *бренд рассматривается нами как элемент идентификации, является идентифицируемым субъектом или объектом; обладает ценностью и направлена на формирование и укрепление позитивной идентичности.*

Понятия «брендинг» и «брендование» на английском языке используются как тождественные. Тем не менее, в отечественной науке отмечают некоторые особенности. *Брендинг* – процесс формирования, создания и развития бренда. Другими словами, это процесс управления брендом. Например, брендинг территории (в широком смысле) – это целенаправленное формирование образа страны, региона или города в глазах местной и мировой общественности. *Брендование* – это разработка и использование базовых атрибутов (айдентики) бренда, которые повышают узнаваемость объекта, то есть идентификационную систему бренда: (например, логотипа, графическое изображение элементов системы и т.д.).

Имеющиеся исследования в современной науке по данной теме можно разделить на три большие группы: теоретические, практические и методические. К сожалению, в гуманитарной науке эта проблема недостаточно разработана, не исследованы возможности и перспективы бренда в социокультурной и политической жизни страны.

Для нас представляет интерес исследование наших коллег Краснодарского края, которое посвящено вопросам методологии и рассмотрению с помощью эмпирического материала историко-культурных брендов территорий – одного из важных ресурсов инновационного развития современной России. «Основываясь на мировом и отечественном опыте, авторы рассматривают историко-культурные характеристики страны в целом и регионов Северного Кавказа в частности» [6]. При этом следует отметить, что Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, в частности Южный филиал, активно исследует этнокультурные бренды разных регионов, в частности «историко-культурное наследие Республики Адыгея как ресурс этнокультурного брендинга территории (концептуальные основы формирования зонтичного бренда)» [7].

Что касается классификации брендов, то это сложная проблема, поскольку они плохо поддаются распре-

делению по классам на основе их признаков, отличающихся друг от друга.

Известно, что наиболее часто в качестве классификации брендов в маркетинговой сфере приводятся модусы по а) по объекту (товарные бренды, сервисные бренды, или бренды услуг, корпоративные бренды, или бренды организаций, персональные, или личные, бренды; событийные бренды; географические и культурные бренды; б) типу продвигаемого продукта и сферам его применения (потребительские; промышленные; высокотехнологичные; образовательные); в) территориальному охвату (локальные; региональные; федеральные; международные) [8].

Научный интерес представляют междисциплинарные исследования в отечественной науке, в которых осуществляется «воспроизводство новых смыслов, текстов и практик, связывающих местность с определенными символами, товарами и услугами и помещающих город, село, деревню, регион в исторический, обрядовый, фольклорный и квазифольклорный контексты» [9]. Для обозначения процессов воспроизводства территориальных смыслов в них применяют понятие «бренди-рование».

Проблема классификации брендов остается еще открытой. Отметим лишь то, что предметом классификации в основном являются ценностные объекты которые могут быть разделены на материальные и духовные. Здесь следует оговориться, что в научной литературе руководствуются традиционно дихотомическим делением, т.е. делением брендов на материальные и нематериальные.

Представляется, что по содержанию можно осуществить деление брендов на культурные, экономические, социальные и политические. По субъекту – носителю ценностного отношения бренды делятся на два вида:

а) индивидуальные (например, код мира через национальный адыгский костюм дизайнера-модельера Юрия Сташа, чьи коллекции костюмов находятся под охраной ЮНЕСКО);

б) надывидеальные (этнические: знаменитый адыгейский сыр; групповые, общечеловеческие и т.д.).

Важно отметить, что бренд трудно понять с помощью только дефиниции, фиксирующей определенные стороны или признаки. Да и классификация брендов не является самоцелью в науке. Понимание бренда зависит от многих факторов, в том числе от того, *какими методами руководствуемся при их исследовании*. Именно они предопределяют то, как будет происходить формирование ценностного сознания и отношения к выбранному объекту, создание (или конструирование) и развитие бренда, а также возможные пути преломления ценностного содержания бренда в практическую плоскость.

Методологические основания исследования бренда. Известно, что в социально-гуманитарном познании сложились три парадигмы мышления: классическая, неклассическая и постнеклассическая (современная), функционирующие по принципу дополнителности. Познавательные возможности классического и неклассического мышлений оказались ограниченными одномерностью, поскольку доминирующие методы позволяли только описать и объяснить объект. Это диктовало необходимость перехода от линейного мышления к нелинейному. Методологическая парадигма современной науки предоставляет другие возможности: она позволяет познать сущность рассматриваемого объекта, определить его ценностный смысл и получить новые научные знания.

Не менее важным для понимания смысла бренда является и *назначение бренда*. Следуя мыслям Аристоте-

ля, нас интересует назначение бренда в социуме, регионе, стране, а также в региональной политике и политике идентичности. Важность этого положения следует из того, что бренд – это элемент, устанавливающий и скрепляющий социальные связи, более того, может придать содержательную направленность и вектор инновационного развития социума, региона и страны. Наконец, это даст новый импульс развитию региональной политики идентичности.

В рамках современной научной парадигмы бренд следует рассматривать как динамичное явление, как сложную нелинейную систему, которая развивается исторически. Хотя это не отрицает формирование бренда «сверху».

Формирование бренда в контексте традиций и новаций – одна из методологических основ в рассматриваемой проблеме. Традиционно в науке рассматривались три подхода: традиционалистский (сведение прогрессивного развития к исторически сложившимся традициям), модернистский (инновационное развитие без традиций) и диалектическое соотношение традиций и новаций.

Говоря о традициях, следует сказать, что традиции в том виде, в каком они исторически формировались, не могут существовать. Важно отметить и то, что в новой реальности появилось множество взаимоисключающих концепций о соотношении традиций и новаций.

Глубокий научный анализ данной проблематики осуществлен О.Н. Астафьевой и трудно не согласиться с ее выводом: «В настоящее время существует множество вариантов искажения сути «традиции как живой ткани культуры»: а) сохраняется узнаваемость внешних форм при «обновлении технологий и культурных практик (к примеру, «флэшмоб» в строго этнических костюмах в аутентичной среде); б) традиционность удерживается, но апелляции исключительно к ограниченной группе ценностей, представленной в определенной иерархии и рассматриваемой как единственно значимой (отказ в поддержке новых культурных практик, особые условия оценки и поддержки произведений современного искусства, творческих индустрий и т.д.)». [10]. О.Н. Астафьева справедливо отмечает, что «воссоздание подлинной традиции – это не простое следование или повторение кем-то созданного ранее, скорее – это включение индивидуального в коллективное творчество, «удерживающее» в памяти тексты культуры» [10].

Такой совместный социальный опыт в разных формах может наполнить социокультурное идентификационное пространство в регионе скрепляющими ценностями, на основе которых могут быть созданы региональные бренды.

Более того, механизм взаимодействия друг с другом разных эмпирических единиц, носителей разных культур и конфессий, новых социальных практик способствует познанию друг друга через духовные ценности, взаимопониманию, укреплению исторической памяти, формированию нового мышления, нацеленного на единение полиэтноконфессионального региона. Совместное сотрудничество и сотворчество на инновационное развитие своего региона укрепляет политику многоуровневой идентичности.

Как отмечалось нами, под политикой идентичности понимается «совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [11]. Политика идентичности осуществляется на разных уровнях: этническом, региональном и национальном.

Говоря о месте и роли этничности в политике идентичности, обратимся к методологии М.В. Назукиной.

Руководствуясь типологизацией институционализации этничности, она выделяет следующие уровни политики идентичности: *нормативный* – укорененный в формальные и неформальные институты, *нарративный* – содержащийся в дискурсе об идентичности, и *символический* – реализуемый в символических атрибутах [12].

В процессе исследования этничности в политике идентичности нами рассмотрены эти уровни на примере полиэтничной Республики Адыгея и нашли подтверждение на практическом материале [13].

В условиях новой реальности этнокультурное брендинг на основе этнокультурного разнообразия представляет научный интерес. Это обусловлено активизацией этнического разнообразия, как отметил в своем интервью академик В.А. Тишков: «Здесь два момента. С одной стороны, в нашей стране есть большой интерес к этническому своеобразие, ему придается особое значение, вплоть до отражения в самой системе федеративного устройства государства. Мы сейчас понимаем, что оптимальная формула устройства российского народа – это «единство в многообразии». И стратегия государственной национальной политики построена на том, что российская гражданская нация состоит из 193 народов, которые имеют общий опыт проживания, как правило, толерантного.

С другой стороны, сегодняшний интерес к низкой (партикулярной) этнической культуре и традиции в какой-то мере и есть ответ на воздействие массовой культуры. В том смысле, что существует нивелировка от глобализации, когда все похоже, у всех одни и те же гаджеты, прикиды, машины, и своеобразие уходит в сферу духовную, в сферу ценностей, представлений, верований, идей. ... Человечество как часть живой природы воспроизводит многообразие. Мы всегда были и будем разными. Если мы будем одинаковыми, то будем неинтересны друг другу, наступит социальная энтропия, смерть человечества» [14].

Некоторые выводы

Проанализировав и выявив некоторые методологические особенности и возможности бренда региона в гуманитарном познании, можно предложить нижеследующее.

Понятия «бренд», «брендинг» и «брендинг» в современной, постнеклассической науке, являясь экономическими терминами, «перемещаются» в гуманитарную сферу, наполняясь социальной практикой, ценностным опытом, скрепляющим социокультурные связи, механизмом формирования позитивной идентичности на уровне региона и страны. Бренд рассматривается как динамичный феномен, формирующийся на основе социокультурных традиций и новаций. Творческое и критическое осмысление последних должно способствовать выявлению ценностного смысла социального опыта и обнаружению новых «точек роста» в условиях современной реальности.

Представляется важным глубокие научные знания и экспертные оценки о сущности традиций и новаций, а также в выборе ценностной значимости комплекса объектов в инновационном развитии региональной политики идентичности. Междисциплинарный подход в изучении этнокультурных и региональных брендов нацелен на взаимопонимание, укрепление исторической памяти, формирование нового мышления, единение этносов и регионов со страной.

Инновационное управление регионом, в частности управление брендами, представляет собой «направленные» или «мягкое воздействие» на сложные открытые системы, каковыми являются «регион», «общество»,

«бренд». Осуществление социально значимой цели национального единения, «единства в многообразии» возможно на основе совместной работы государства, научных, образовательных, культурных институтов, общественных организаций, молодежных движений и информационной активности средств массовой информации.

Литература

1. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. (дата обращения: 19.08.2023).
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. пер., введение и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 636 с.
3. Гордин Я.А. Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. – С. 30, 238.
4. Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 гг. – URL: <https://pandia.ru/text/80/197/16448.php> (дата обращения: 16.09.2023).
5. Заседание Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле, посвященное реализации на региональном и муниципальном уровнях Стратегии государственной национальной политики России на период до 2025 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата обращения: 19.08.2023).
6. Этнокультурное брендинг территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики: монография / И.И. Горлова, Т.В. Коваленко, О.И. Бычкова [и др.]; отв. ред. Т.В. Коваленко. – М.: Ин-т Наследия, 2020. – 114 с.
7. Горлова И.И., Коваленко Т.В., Науменко В.Е. Историко-культурное наследие Республики Адыгея как ресурс этнокультурного брендинга территории (концептуальные основы формирования зонтичного бренда) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. Вып. 3 (264). С. 234–244.
8. Сюмаченко-Дроздова Ю. Основы брендинга. – URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/osnovy-brendinga-chto-takoe-brend-iz-chego-on-sostoit-i-kak-ego-sozdat/#stk-1> (дата обращения: 20.08.2023).
9. Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда / Сост М.В. Ахметова, Н.В. Петров; авт. предисл. Н.В. Петров, М.В. Ахметова, М.И. Байдж. – М.: Неолит, 2018. – 224 с.
10. Астафьева О.Н. Межкультурный диалог в контексте традиций и новаций: согласование индивидуальных и коллективных дискурсов // Россия: государство и общество в новой реальности: Сб. науч. ст. – М.: Проспект, 2016. Т. III. – С. 136.
11. Семенов И.С. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 164–165.
12. Назукина М.В. Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации. – М.: Новый хронограф, 2021. – 176 с.
13. Региональная политика идентичности: оценки и переосмысление в условиях новой реальности / Н.А. Ильинова, И.В. Киреева, Е.С. Куква, А.Ю. Шадже // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 173–176.

14. Академик Валерий Тишков: одинаковость означает смерть человечества. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/akademik-valerij-tiskov-odinakovost-oznaczaet-smert-celovecestva> (дата обращения: 16.08.2023).

BRAND OF THE REGION IN HUMANITARIAN COGNITION: SOME METHODOLOGICAL FEATURES¹

Shadzhe A.Y.

Adyghe State University

The article reveals the actuality of brand conceptualization in humanitarian cognition in the context of modern geopolitical and socio-cultural challenges and risks. The characterological features of the brand at different stages of the development of science are considered. The author notes that the word “brand” is not used in classical and non-classical science, but its meaning is found in the description and explanation of ethnic and regional cultures, in the characteristics of socio-cultural traditions and customs, lifestyle in the Caucasus. Non-classical science, considering anthropological and social objects as system-forming creations, contributed to the identification of their value meaning and constructive potential. In modern, post-non-classical science, the concepts of “brand” and “branding” appear. Being economic terms, they “move” into the humanitarian sphere, being filled with social practice, value experience and mechanism that binds the socio-cultural ties of the formation of positive identity at the level of the region and country. Brand is considered as a dynamic phenomenon that is formed on the basis of socio-cultural and political traditions and innovations. The article shows the peculiarity of the interdisciplinary approach in the study of ethno-cultural and regional brands aimed at mutual understanding, strengthening of historical memory, formation of new thinking, unity of ethnic groups and regions with the country. The conclusion is made: a) innovative management is a “soft impact” on complex open systems of “region”, “society”, “brand”, “identity policy”; b) the implementation of a socially significant goal of national unity is possible on the basis of joint work of the state, scientific, educational, cultural institutions, public organizations, youth movements and information activity of mass media.

Keywords: brand, branding, polyethnic region, identity policy, new challenges, multilevel identity, unity, interdisciplinary approach, innovative management.

References

1. Material from Wikipedia – a free encyclopedia. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (date of access: 19.08.2023).
2. Adyghe, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries / comp., ed. translation, introduction and introductory articles to texts by V.K. Gardanov. – Nalchik: Elbrus, 1974. – 636 p.
3. Gordin Ya.A. Land and blood. Russia in the Caucasian War of the 19th century. – St. Petersburg, 2000. – P. 30, 238.
4. Concept for promoting national and regional brands of domestically produced goods and services for 2007–2008. – URL: <https://pandia.ru/text/80/197/16448.php> (date of access: 09.16.2023).
5. Meeting of the Council for Interethnic Relations in Yoshkar-Ola, dedicated to the implementation at the regional and municipal levels of the Strategy of the State National Policy of Russia for the period up to 2025. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (date of access: 19.08.2023).
6. Ethnocultural branding of the territory in the context of regional development strategy: scientific and methodological approaches and practices: monograph / I.I. Gorlova, T.V. Kovalenko, O.I. Bychkova [etc.]; executive ed. by T.V. Kovalenko. – M.: Heritage Institute, 2020. – 114 p.
7. Gorlova I.I., Kovalenko T.V., Naumenko V.E. Historical and cultural heritage of the Republic of Adygheya as a resource for ethnocultural branding of the territory (conceptual framework for the formation of an umbrella brand) // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Region studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology. 2020. Iss. 3 (264). P. 234–244.
8. Syumachenko-Drozdova Yu. Fundamentals of branding. – URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/osnovy-breninga-chtotakoe-brend-iz-chego-on-sostoit-i-kak-ego-sozdat/#stk-1> (date of access: 20.08.2023).
9. Imaginary territory: from local identity to brand / comp. by M.V. Akhmetova, N.V. Petrov; author's preface by N.V. Petrov, M.V. Akhmetova, M.I. Bayduzh. – M.: Neolit, 2018. – 224 p.
10. Astafieva O.N. Intercultural dialogue in the context of traditions and innovations: harmonization of individual and collective discourses // Russia: state and society in the new reality: collection of proceedings. – M.: Prospekt, 2016. Vol. III. – P. 136.
11. Semenenko I.S. Identity politics // Political identity and identity politics: in 2 volumes. M., 2012. Vol. 1. P. 164–165.
12. Nazukina M.V. Ethnicity in the identity politics of Russian republics: facets of institutionalization. – M.: New Chronograph, 2021. – 176 p.
13. Regional identity politics: assessments and rethinking in the new reality / N.A. Ilyinova, I.V. Kireeva, E. S. Kukva, A. Yu. Shadzhe // Social and humanitarian knowledge. 2022. No. 6. P. 173–176.
14. Academician Valery Tishkov: sameness means the death of humanity. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/akademik-valerij-tiskov-odinakovost-oznaczaet-smert-celovecestva> (date of access: 16.08.2023).

¹ The research is carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment for research at the Adyghe State University under the project of № FENZ-2023–0004 “The potential of regional branding in strengthening the Russian national identity: traditions and innovations.”

Социальные технологии как идеология элиты в современном обществе

Викторов Александр Шагенович,

доктор социологических наук, профессор, профессор,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: aviktorov@bk.ru

В статье рассматриваются сущностные особенности взаимодействия социальных технологий и современной идеологии, как целостного явления, содержание которого раскрываются через такие ключевые аспекты, как определение доминирующей идеологии общественного развития, специфики ее влияния на социальное сознание, выявление особенностей политических интересов разных социальных групп в политических системах, анализ научно-политических теорий и идеологем, программы действия, политехнологий и доктрин как механизмов изменения социального сознания, ориентированных на оправдание и поддержание правящей элиты. В статье делается следующий вывод: все общества в современном мире делятся на элитарные и конституционные. В данном отношении российская элита сегодня применяет зарубежный опыт.

Ключевые слова: консервативная и либеральная идеология, тип либерального мышления, тип консервативного мышления, социальные технологии, нелиберальные и неконсервативные проекты, виды современного общества, элита, неолибералы, политика, валюта.

На протяжении последних десятилетий современный мир стал все более антиномичным и парадоксальным, вобрав в себя различные несовместимые характеристики: дезинтеграцию и интеграцию, дестабилизацию и стабилизацию, инволюцию и эволюцию, раскол и единство.

Виртуальная реальность противостоит реальности или дополняет ее. Отсюда российская социальная действительность выражается в связанных с определенными социальными технологиями противоречивых формах:

- *консервативной*, направленной на реставрацию институций, основы которых были заложены в XIX веке западниками и славянофилами и развиты в XX веке в идеологию консервативной революции или третьего пути;
- *либеральной*, ориентированной на уничтожение основ русской или российской цивилизации.

Крах проекта глобализма как единого мирового государства и нарастания реальных угроз человеческой цивилизации привела к тому, что в современном мире победила не идея общего блага, а идея противопоставления частных эгоистических интересов различных (глобальных, локальных) властных структур и групп, не имеющих общенациональной ценностной духовно-нравственной основы. Это с необходимостью актуализировало проблему жесткого (вплоть до военного) противостояния между развитыми и развивающимися странами за природные, территориальные и человеческие ресурсы и разработку новой идеологии национально-государственного, гражданского развития и адекватных технологий ее решения.

Целью статьи является разработка нового концептуального подхода в изучении характера взаимосвязи феномена «социальные технологии и современная идеология» как целостного явления. В методологическом плане благодаря системному анализу и методу антиномии раскроем и уточним понятия «идеология», «технология», покажем их содержательные характеристики через конструкты либерального и консервативного мышления, типов современного общества (элитарного, конституционного) и видов современных проектов социального развития (неолиберального, неконсервативного).

На базе происхождения основы термина «идеология», означающего в дословном переводе с греческого «зримая (видимая) сущность», принято выделять ее следующие главные модуса:

- социальная технология или практический способ решения проблем;
- ценностное знание, предназначенное для выявления цели развития.

Любая идеология представляет собой, образно выражаясь, указатель направленности (пути) развития на определенном историческом этапе. Введение понятия «идеология» в социально-историческом контексте обусловлено было следующими обстоятельствами:

- данное понятие после событий Великой французской революции использовалось при оправдании действий буржуазии, которые направлены были про-

тив сути установления народовластия, декларируемого революцией;

- переход от светскому обществу на основе новых ценностей (большая значимость демократии и свободы, науки, цивилизации и прав человека).

В XIX в. был сформирован ряд идеологием или путей развития, таких как марксизм, либерализм, анархизм, консерватизм, фашизм, национализм и демократизм. Каждая идеологема претендовала на то, чтобы занимать статус единственно верного пути.

XX в. – это столетие столкновений разных идеологием развития. В борьбе между ними победу одержала наиболее жизнеспособная либеральная демократия. За ней стояли народы, государства и общества, выступающие наиболее экономически развитыми и сформировавшие возможности для раскрытия творческого потенциала личности.

Сегодня вследствие повышения нестабильности и числа разнообразных катастроф (технических, социальных и др.) наблюдается кризис либеральной идеологии или ‘ренессанс’ идеологии социализма (национализма), требующего поиска адекватных ответов на новые вызовы. Современная элита определяет негативную или, наоборот, позитивную направленность развития социума.

В РФ сегодня в неолиберальной и неоконсервативной формах функционируют проекты государственно-олигархического корпоративизма.

Неолиберальный проект по сути – это встраивание государства в лице ТНК как придатка мировой экономики. Неоконсервативный проект, в свою очередь, выступает авторитарной структурой, направленной на экономическое сотрудничество международного уровня, а также формирование новой общественной системы.

Причем, если первый проект для решения социальных проблем ориентирован в сторону патерналистской государственности и принципа “равенства результатов”, то второй – ратует за свободную рыночную конкуренцию на основе принципа “равных возможностей”.

Неолиберальная политика основана на минимизации государственных расходов на общественные нужды, а неоконсервативная – на их увеличении в различного рода социальные секторы (в ЖКХ, инфраструктуру, транспортную систему, образование, науку, здравоохранение и др.). Неоконсервативный проект в отличие от неолиберального предлагает также в решении социальных проблем не только контроль за ресурсами, повышение зарплат, бесплатную медицину и образование, но и разработку новых технологий, связанных с развитием человеческого капитала (креативные инновационные и экологические отрасли экономики).

Неолибералы в этом контексте стремятся привлечь как можно больше иностранных инвестиций в экономику, которые, прежде всего, ориентированы на получение максимальных прибылей, овладение контрольными пакетами акций на значимые промышленные (сырьевые) объекты и использование дешевой рабочей силы. Поэтому в реальной современной российской жизни происходит “внедрение” некой упрощенной синтетической модели, где, с одной стороны, повышаются зарплаты и социальные выплаты, а с другой – поднимаются цены на товары и услуги, т.е. падение курса рубля по отношению к иностранной валюте. Эта неустойчивая ситуация заставляет россиян скупать в больших количествах валюту по повышенному курсу (но не товары сомнительного качества), а в результате – резкий рост валютных вкладов за границей и огромная масса обесцененных рублей в России.

Идеология, с точки зрения ряда зарубежных и российских ученых, представляет собой продуктом социально-политической активности людей, объединяющий общественно-политические ценности и идеалы, политические теории и т.д. [4]. Она содержит суть картины социальной реальности, матрицы, в соответствии с которой коллективное сознание создается [3].

Следовательно, неслучайным является то, что в идеологиях повышение важности социального элемента послужила причиной конструирования качественного нового идеологического свойства. А. Турен писал о том, что под социологией следует понимать идеологию современности [9].

Т. Парсонсом выделены содержательные элементы идеологием, выражающиеся в таких убеждениях, которые нацелены на культурные объекты, проблемы личности и коллектива [6].

К. Манхейм писал о том, что идеология направлена на практическое или деятельное развитие духовной жизни (‘социология знания’) [5].

С точки зрения Ф. Фукуяма, следует говорить об актуальности формирования адекватной глобальным трансформациям идеологии капитализма [10]. Э. Гидденс писал об идеологии перехода, осуществляемого капитализмом к качественно новому социальному (индустриальному) типу социума [2].

Отечественный ученый Ж. Тощенко определял социологию как науку, предметом которой являются движущие силы сознания гражданского социума [8]. Другой отечественный ученый А. Эфендиев писал о том, что под идеологией следует понимать систему аргументации разделяемых всеми представителями общества ценностей [13].

Впервые сложная проблема влияния идеологии на сознание человека была рассмотрена И. Кантом. Ему принадлежит идея о существовании перцептивных решеток, выравнивающих различные индивидуальные опыты. Ф. Ницше уточнил своего предшественника в том, что идеология представляет собой решетку, в которой содержится сама жизнь.

Идеологические решетки предназначены для конструирования человеческого сознания таким образом, чтобы в целостном мировосприятии оно отражало определенный заданный фантазм (представление, призрак) или далекой от реальности идеальную модель. Другими словами, как технология знания-фикции идеология создает идеализированные представления и ложные ощущения, упорядочивающие действительность, заставляя общество воспринимать разные социальные проблемы и вопросы как естественные явления.

Таким образом, любую идеологию можно представить в качестве «апории» (с греческого – «безысходности»). Это некий ложный выход при решении различных противоречивых ситуаций теоретического и прикладного характера. Догмы становятся апоориями, а последние – трансформируются в догмы. Соответственно, любая идеология является всегда истинной, и в нее необходимо верить по причине ее абсурдности или невозможности.

Рассуждая на тему соотношения различных идеологий, известный польский ученый П. Штомпка сделал вывод о том, что она, в первую очередь, касается групповых интересов [12]. В соответствии с положением, занимаемым в стратификации общества, ученый выделил следующие типы идеологий:

- эгалитарная (идеология дискриминируемых групп, которые выступают против социального неравенства);
- элитарная (приверженцы данной идеологии занимают в обществе наиболее высокие позиции, что отра-

жается в наличии у них широкого спектра легитимных привилегий. Для расистских и националистических идеологий характерно приписывание достоинств по факту рождения);

- меритократическая (на основе этой идеологии социальное неравенство оправдано, если оно выступает результатом личных заслуг, ориентированных на удовлетворение, в целом, потребностей всего социума).

П. Штомпка пишет о том, что любая идеология взаимосвязана с особенностями мышления. Ученый выделил либеральный и консервативный типы мышления, свойственные групповым потребностям (интересам) развитых (Западная Европа, США) и развивающихся (ЮАР, Индия, Китай, РФ) мировых держав.

В развитых государствах идеология отражает групповые интересы клановой и родовой элит, то есть современная идеология выступает как социальная технология. Сохранение национализма, традиционализма и религиозного фундаментализма является конструктором социального контроля – важнейшего условия поддержания авторитарного и тоталитарного общественного порядка.

Сегодня данная проблема наиболее остро проявляется в странах Ближнего Востока (Тунис, Египет, Сирия) и отчасти в Азии (Индия, Китай, Северная Корея, Пакистан). Она опосредована экономическими и геополитическими интересами разных международных сил, которые относятся к сторонам-антагонистам (террористы, военные и др.) неоднозначно.

Способы и инструменты решения проблем англосаксонской и западноевропейской элит отражают логику политического развития капиталистического социума. Данный стиль мышления отличается от кастовой знати и новоиспеченных олигархов, однако, имеет особенности в западноевропейских государствах – социал-демократическая и национально-демократическая направленность проблем (в США – либерально-демократическая) при решении общественных.

Дополняя логику П. Штомпки, американский ученый Л.Н. Росситер пишет о том, что специфика либерального мышления обусловлена особой разновидностью психического расстройства. Так, либералы противостоят воображаемому врагам, защищают права и свободы воображаемых жертв.

Другими словами, в воображаемом мире живет меньшинство. Нормальные люди из сферы внимания либералов выпадают. Ярким примером этому служит конструирование образа осужденного за совершение экономического преступления, направленного против государственной власти, ‘узника совести’, досрочное освобождение которого преподнесли как акт выражения высшей справедливости.

Консерваторы с этой точки зрения страдают иной формой расстройства психики или социальной патологией, выраженной абстрактной защитой гражданских прав России. Они представляют реальных противников, которые мешают гражданам удерживать власть в своих руках.

Консервативную рефлексию отличает субъективизм, выражающийся в сохранении ценностей, охране частной собственности, признании индивидуализма в различных вариациях.

Когда общественная жизнь резко меняется, традиционные основы рушатся. На их месте формируется качественно новая матрица ценностей, которая не имеет под собой той или иной информационно-технологической базы. Под идеологией развивающихся государств следует понимать резкий скачок к новой ценностной системе, переход от традиционного к информационному укладу.

Таким образом, за решение социальных проблем отвечает так же институт власти. Применение различных политических технологий господствующей группы или правящей элиты выходит на первый план.

Наиболее полно сходство и различие либеральной и консервативной рефлексии проявилось в январе 2023 года при обсуждении в СМИ запрета литературных произведений советских авторов, как не выдержавших испытание временем без оценки их художественной ценности.

Ф. Фукуяма пишет о том, что сегодня в мире существуют следующие идеологемы развития:

- либеральная демократия (отвечает актуальным потребностям социально-экономических структур (в данном случае прослеживается четкая зависимость между стабильной демократией и высоким уровнем социального развития);
- исламская теократия (поддерживаемая нефтью альтернатива либеральной демократии);
- социалистическая идеологема (основана на порождающих неравенство и коррупцию рыночной экономике и авторитаризме).

Как эффективное средство решения общественных проблем, социальная технология в современных переходных (транзитных) условиях превращается из определенной идеологии в технологию моделирования или конструирования определенной реальности, манипулирования сознанием социума, инструментом контроля информационных, культурных и научных знаний, творческого потенциала общества, тогда как современная идеология трансформируется в социальную технологию (обретение нового знания).

Отсюда суть характера взаимосвязи между идеологией и технологией в условиях отсутствия общенациональной (общечеловеческой), духовно-нравственной и правовой основы приводит к тому, что социальная технология может выступать как современная идеология.

‘Технология’ в переводе с греческого значит мастерство, искусство или умение влиять на объекты, достигать рационально поставленные цели. Канадский исследователь Дж. Чандлер [11] выделил ключевые механизмы, благодаря которым различные технологии принимаются как обязательные:

- конкуренция между группами (индивидами) подталкивает к принятию расширяющих или усиливающих способности человека технологий;
- группы (индивиды) могут попасть в состояние зависимости от технологий или останутся неудовлетворенными вследствие того, что они удовлетворяют только некоторые из потребностей;
- технологии как источник трансформации социальных ценностей и норм.

Технология в широком смысле слова содержит конструирование общественных систем и поддержание порядка в социуме. Она может быть использована в качестве социальной диагностики.

К. Поппер приравнивал социальную технологию к социальной инженерии, политике как способу сбора фактических данных для изменения (построения) социальных институтов. Она может выступить в качестве эффективного инструмента классового подчинения. Поппер писал о том, что марксизм является социальной технологией российского эксперимента [7].

Приоритет в процессе разработки различных технологий у англосаксонской (американской) обществоведческой школы, в рамках которой выделяется концепция строительства наций, а также этнических конфликтов, конфликта цивилизаций, теории справедливости и элит, теория коммуникаций.

Теория или концепция социальных технологий определяется как способ использования социальных знаний в целях управления социумом, связанный с разработкой материальных средств влияния на человека или социальных процедур. Область их применения охватывала и частную, и публичную жизнь. Внедрение данных технологий американским элитам позволило успешно решить немало сложных внутренних проблем и сокрушить главного конкурента или советскую цивилизацию (СССР) [1].

Российская элита сегодня использует 'технологический' опыт США, выделяя для этого огромные средства и привлекая иностранных специалистов. Ряд отечественных организаций функционирует при финансовой помощи зарубежных организаций. Таким образом, в социальном поле современной РФ конкурируют группы имеющих различные цели и задачи социальных технологий. Подобная конкуренция послужила причиной формирования внутригрупповой стратификации в стране. Ее можно представить в виде виртуального подобия социально-властной дифференциации.

Динамика общественного процесса определена модусами (целями) развития, обусловленными существующими технологиями и ценностями. Развитие технологий и человека, в соответствии с 'барьером Питерса' различаться не могут.

Другими словами, технологии развиваются быстрее людей. Лаг между потенциальной технологией и потенциалом человека может быть огромным. Следовательно, если развитые государства сформировали такие модусы развития, как комфорт и безопасность, для себя, то развивающиеся создали общество дискомфорта и страха.

Глобальное развитие технологий и социальные трансформации привели к смене образа жизни посредством изменения специфики социального взаимодействия. Чем уровень технологий выше, тем активнее человеческое развитие. Благодаря этому необходимо сформировать особую гуманистическую культуру, в которой главной целью развития общества будет являться сам человек.

Социальная технология представляет собой технологию (механизм) вмешательства в различные социальные процессы, внедрение адекватных технологий поддержания удобства и комфорта жизни меньшинства на основе доминирующих идеологем развития и групповых интересов социума), способ создания небезопасных неопределенных условий для существования большинства.

Условно технологии по своему целевому характеру применения можно разделить на три вида: мягкие, средние, жесткие.

Мягкие технологии используются с целью воздействия на общественное сознание и формирования определенного (необходимого) представления о событиях, фактах, людях и др. на основе противоречивой информации. Средние (мягко-жесткие) технологии применяются с целью изменения динамики или направленности социального процесса. Наиболее наглядно они проявляются в особом воздействии на общественное сознание через информационные войны.

Жесткие технологии используются в тех случаях, когда напрямую возникают угрозы политической власти и переделу (изъятию) собственности, капитала, предприятий, бизнеса и др. Здесь представители двух конкурирующих идеологий консерваторы и либералы могут пойти на крайние меры (экономическая блокада, военные действия, разжигание межнациональной вражды (конфликта) вплоть до вооруженных столкновений, информационное "раскручивание" экстремистских настроений, националистических движений, проявление противоположных радикальных движений и др.).

В раскрытии специфики воспроизводства форм и сути характера взаимосвязей между технологией и идеологией важное место занимает анализ тех договоренностей как между обществом и властью, так и между группами внутри власти. В первом случае – это конституция страны и законы, принимаемые соответствующей властью, а во втором – это характер смены политических лидеров (руководителей) государства, которые и определяют тот или иной социальный порядок в обществе, через воспроизводство определенной структуры системы отношений.

Исходя из этого, все современные общества можно разделить на два вида: конституционные и элитарные. К конституционному виду относится большинство развитых стран (их около 25), где законы демократии и рост рыночной экономики обеспечивают динамику решения социальных проблем (обновление и правовое решение противоречий), а элитарный вид характеризуется своими особыми законами рыночной конкуренции (где одним можно все, а другим ничего нельзя), который воспроизводит "жесткую" (авторитарную или тоталитарную) структуру отношений (к нему относится более 150 стран).

Однако в процессе глобальных изменений обозначились три основные противоречивые тенденции перехода от одного вида к другому:

- соблюдение приоритета национальных конституционных прав (или их ослабление), усиление роли международных (надгосударственных) органов за соблюдением различных прав людей;
- расширение и увеличение гражданских (негосударственных) организаций выступающих как в защиту общественных интересов, так и правительственных;
- возрастание роли силовых структур, имеющих низкий уровень группового и общественного контроля.

Поэтому проблема доминирования того или иного вида общества (структуры социальных отношений) – это проблема сохранения власти различными группами элиты, где соответственно выделяются два типа групп. Согласно институциональной теории к первой группе, относится так называемая группа Олсона (названа именем американского экономиста М. Олсона, который занимался исследованием проблемы частной собственности, общественного блага и коллективного действия), члены которой немногочисленны и объединены общими интересами, способны договориться между собой. Вторая группа – это группа Патнэма (названа именем американского политолога, профессора Гарварда, Р. Патнэма, разработавшего "двухуровневую теорию игр"), объединяющая огромное число разных людей (несколько миллионов), неспособных договориться друг с другом.

В качестве примера группы Олсона можно привести все те договоренности по поводу будущих социальных изменений российского общества в предвыборных программах кандидатов в органы власти от разных политических партий, а группы Патнэма – электоральное поведение россиян с их разными социальными, политическими и экономическими предпочтениями и протестными настроениями, которые не дают им возможности договориться между собой.

Следует также отметить, что в группах Олсона в силу наличия интересов, которые базируются на личных (в большинстве своем) отношениях достаточно высок уровень взаимодоверия, а в группах Патнэма этот уровень весьма низок и отличается разными социальными статусными позициями. Согласно П. Штомпки, функционирование доверия при разных политических режимах имеет существенные различия. Если при демократии оно является одновременно плодом демократии и фак-

тором, который ее укрепляет [12], то автократия стремится к непосредственной институционализации доверия и превращение его в требование, отягощенное серьезными формальными санкциями [12]. Иначе говоря, условные группы Олсона и Патнэма необходимо рассматривать в конкретном контексте того или иного политического режима. Но когда страна стоит на пороге социального взрыва или гражданской войны, когда утрачивается доверие к организованным группам или проблема появления новых лидеров или движений, которые должны выработать новую идеологию развития общества на основе не мифического знания, а практического (полученного в результате применения социальных технологий).

В развитых странах (демократические общества) граждане пытаются контролировать власть, а в развивающихся, где слабы институты демократии и сильна автократия ситуация обратная – власть контролирует общество и не подотчетно ему. По сути своей, демократия создается политическими группами власти, чтобы потом попытаться уйти от общественного контроля. Авторитарные режимы пытаются это делать с помощью насильственных средств. Но элиты отдают власть тогда, когда боятся, что потеряют ее, полагая, что путем уступок они потеряют меньше, чем в результате немирных действий. Причем властная элита – это не единая группа, а совокупность различных групп, которые конкурируют и соперничают друг с другом.

Поэтому они взаимосвязаны между собой как взаимными интересами, так и взаимными угрозами. Отсюда различные группы элит стремятся трансформировать личные отношения в безличные, путем изменения формальных, преобразующих привилегий элиты в их права. С этой целью создаются некие институциональные условия для поддержания безличных отношений:

- а) верховенство права, т.е. одинаковое отношение по всем социальным группам общества;
- б) создание организаций в общественной и частной сферах, которые поддерживают их;
- в) контроль над силовыми структурами и СМИ.

Среди социальных институтов особо выделяются такие как: наука, образование, воспитание, искусство, средства массовой коммуникации и др., поскольку они с помощью своих специфических средств (социальных технологий) формируют и воспроизводят определенные социальные качества, свойства, стереотипы, необходимые в системе социальных отношений конкретного общества.

Существуют и другие основания в классификации социальных технологий. Если во главу угла ставить принцип гуманизма, то их можно разделить на высокие гуманитарные технологии, направленные на раскрытие человеческого потенциала и, соответственно, на антигуманитарные, которые препятствуют человеческому развитию и связаны как с манипуляцией общественного (индивидуального) сознания, так и прямым уничтожением людей (геноцид).

Таким образом, на основе теоретического анализа и метода антиномии разработан новый концептуальный подход в изучении социальной технологии и современной идеологии как целостного феномена, который базируется на следующих положениях:

Во-первых, крах проекта глобализма как единого мирового государства привел не только к противопоставлению частных эгоистических интересов различных властных структур, не имеющих общенациональной ценностной духовно-нравственной основы, но и вызвал применение жестких технологий (ограничительные меры

вплоть до военных) со стороны элиты развитых стран по отношению к развивающимся.

Во-вторых, раскрыт характер взаимосвязи между идеологией как фиктивного (ложного) знания, далекого от реальной жизни и социальными технологиями, использующих его (знание) в качестве ценностного конструкта целеполагания. Именно на этой ценностной основе был порожден целый ряд идеологий (целевых путей развития, которые оказались неудачными).

В-третьих, идеология как технология непосредственно связана с характером мышления, которое в современном обществе имеет две разновидности: консервативное (выражает групповые интересы родовой и клановой элиты развивающихся обществ, использующих социальные технологии традиционализма для поддержания удобного для них порядка) и либеральное (связано с разнообразными групповыми интересами западно-европейской и американской элиты с их технологиями решения социальных проблем, которые базируются на национально-демократической, социал-демократической, либерально-демократической основе).

В-четвертых, особенности характера взаимосвязи идеологии и социальных технологий в России проявляется в двух противоречивых формах: либеральной (направлена на уничтожение основ российской (русской) цивилизации и встраивание в глобальную систему рыночного капитализма) и консервативной (ориентированной на конструирование новой национальной государственности). Сегодня в России как бы функционируют два проекта государственно-олигархического корпоративизма в неоконсервативной и неолиберальной форме выживания.

Неоконсервативный проект ориентирован на создание новой системы общества на базе бывших советский республик (евразийский проект), неолиберальный проект – это встраивание России в качестве придатка мировой экономики ТНК.

В-пятых, в раскрытии специфики воспроизводства форм и сути характера взаимосвязей между технологиями и идеологией важное место занимает анализ договоренностей, которые сложились как между обществом и властью, так и между группами внутри власти. Исходя из этого, все современные общества можно разделить на два вида: конституционные (большинство развитых стран, где решение социальных проблем благодаря определенной идеологии и применению адекватных технологий опирается на правовое решение противоречий) и элитарные (характеризуются особыми законами рыночной конкуренции, где одним можно все, другим – ничего). Современная российская элита в этом отношении широко использует зарубежный “технологический опыт”, причем делает это с привлечением зарубежных специалистов, поэтому в России как бы конкурируют две группы социальных технологов, имеющих разные целевые задачи.

Литература

1. Гапоненко А.В. Современные американские социальные технологии и возможности их практического применения Россией. В кн.: Кризис России в контексте глобального кризиса. М.: Институт динамического консерватизма, ООО “Центральный издательский дом”. 2013. С. 293–298.
2. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практика. 2011. 352 с.
3. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЕН. 2004.

4. Жовтун Д.Т. Социологический анализ идеологических процессов // Социология власти. 2007. № 2. С. 5–14.
5. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист. 1994.
6. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект. 2002.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс. 1992.
8. Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: Юнити. 2016.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир. 1998. С. 12–13.
10. Фукуяма Ф. Будущее истории. Сможет ли либеральная демократия изжить упадок среднего класса // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-istorii/>
11. Чандлер Дж. “Обязательные технологии”: почему люди чувствуют себя вынужденными использовать некоторые технологии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Наукоедение: РЖ. 2013. № 4. С. 255–264.
12. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос. 2012.
13. Эфендиев А. Общая социология. М.: ИНФРА-М. 2000. С. 385–386.

SOCIAL TECHNOLOGY AS AN ELITE IDEOLOGY IN MODERN SOCIETY

Viktorov A. Sh.

Lomonosov Moscow State University

The article discusses the essential features of the interaction of social technologies and modern ideology as a holistic phenomenon: disclosure of social development dominating ideologeme (as social value), peculiarities for its affection on social mind (directed to reveal particulate level of significance); disclosure of different groups political interests character peculiarities in different political systems, that these groups use in power struggle as different kinds of theory (science political ideologeme), doctrines (action plan), and politics technology (social mind affecting and changing) aimed for existing

governing elite support and justification; concludes that all modern societies can be divided into two types: constitutional and elitist, and that the modern Russian elite makes extensive use of foreign «technological experience» in this respect.

Keywords: conservative and liberal ideology, type of liberal thinking, type of conservative thinking, social technologies, neoliberal and neoconservative projects, types of modern society, elite, neoliberals, politics, currency.

References

1. Gaponenko A.V. (2013) Modern American Social Technologies and Possibilities of Their Practical Application by Russia. In: Russia's Crisis in the Context of the Global Crisis. Moscow: Institute for Dynamic Conservatism, OOO Central Publishing House: 293–298 (In Russ.).
2. Giddens E. (2011) The Consequences of Modernity. Moscow: Praxis: 352 (In Russ.).
3. Girtz K. (2004) The Interpretation of Cultures. MOSCOW: ROSSPEN.
4. Zhovtun D.T. Sociological Analysis of Ideological Processes // Sociology of Power. 2007. № 2: 5–14 (In Russ.).
5. Mannheim K. (1994) Diagnosis of our time. Moscow: Jurist (In Russ.).
6. Parsons T. (2002) On Social Systems. Moscow: Academic Project.
7. Popper K. (1992) The Open Society and its Enemies. Vol. 1: Plato's Charms. Moscow: Phoenix (In Russ.).
8. Toshchenko J.T. (2016) Sociology of Life. Moscow: Unity (In Russ.).
9. Touraine A. (1998) The Return of the Acting Man. An Essay on Sociology. Moscow: Scientific World.: 12–13 (In Russ.).
10. Fukuyama F. (2012) The Future of History. Whether Liberal Democracy Can Survive the Decline of the Middle Class // Russia in Global Politics. № 1: <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-istorii/> (In Russ.)
11. Chandler J. (2013) 'Obligatory Technology': Why People Feel Compelled to Use Some Technologies // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 8. Naukovedenie: RZh. 2013. № 4: 255–264 (In Russ.).
12. Shtompka P. (2012) Trust – the basis of society. Moscow: Logos (In Russ.).
13. Efendiev A. (2000) General Sociology. MOSCOW: INFRA-M: 385–386 (In Russ.).

Институционализация лоббирования как политического института в условиях демократизации общества

Брода Сергей Борисович,

аспирант, Российский университет дружбы народов

E-mail: mraad2012@mail.ru

В статье процесс институционализации лоббизма показано как его развитие в направлении формального политического института, являющегося результатом развития политической системы в условиях ее демократизации. Показано, что современные полиморфные политические системы, институционализирующие лоббизм, демонстрируют направленность на публичное согласование интересов групп взаимодействия, на эффективное изобретение компромиссных решений в условиях конфликтов интересов на основе определенных и признанных правил. Показано, что процесс разработки стандартов по институционализации лоббизма в Европейском Союзе стал происходить под влиянием международных региональных организации, которые создали опорные документы и рекомендации во время активных этапов развития единой Европы. В условиях транснационализации политического пространства это обеспечило развитие механизмов изобретения компромиссных решений в условиях кризиса плебисцитной и расширения конкурентной, представительной демократии. Институционализация лоббизма в Европейском Союзе и странах-членах, приобретение им качеств конвенционной практики группового и индивидуального представительства интересов позволили рассматривать лоббирование как деятельность по компенсации недостатков демократических процедур политического участия и обеспечения противодействия евроскептицизму.

Ключевые слова: лоббирование, лоббирование, институты лоббизма, политическое участие, профессиональный лоббизм, групповые интересы.

В отчете Организации экономического сотрудничества и развития «лоббирование в XXI веке: прозрачность, честность и доступность» за 2021 год говорится, что лоббирование во всех его формах, включая пропаганду и другие способы воздействия на государственную политику, является законным актом политического участия. Это дает заинтересованным сторонам доступ к разработке и реализации государственной политики. Инклюзивный процесс разработки политики предоставляет возможности для более информированной и более эффективной политики [16].

Процесс преобразования широких практик лоббирования в конвенционную деятельность специалистов с целью реализации политических и экономических интересов групп и эффективного социально-политического представительства давно стала предметом исследования и анализа в работах Крэга Флешера [11], Конор МакГрата [15]. Эти авторы исследовали и определяли профессиональные навыки и функциональную специфику деятельности лоббистов в различных сферах общественной жизни и в политической практике современных социальных систем, включая адвокацию, медиацию, законотворчество и прочее.

О превращении современного лоббизма в профессию пишут Робин Педлер [21], Джордан Грант и Кевин Молони [13]. Механизмы влияния групп интересов на законодателей исследовались в трудах Скотта Эйнсворта [2], Дэвида Остин-Смита [4], Фрэнка Баумгартена и Бети Лич [5], Кеннета Гольдштейна [12], Джеффри Берри [6].

Такой уровень исследовательского интереса, свидетельствует не только об актуальности вопросов легализации и институционализации лоббизма, но и о значительных изменениях в системе социально-политического представительства в условиях транснационализации политического пространства. Цель статьи заключается в исследовании современного уровня институционального закрепления лоббистской деятельности в ЕС как результата длительного процесса публичного признания его роли в политике. Конечно, свидетельством признания лоббизма является прежде всего конвенционная практика, которая закрепляются как на национальном уровне, так и на уровне институтов интегрированного социально-политического пространства с целью упрощения функционирования системы. Политическая система, институционализирующая лоббизм, таким образом демонстрирует направленность на публичное согласование разнородных ожиданий групп, на изобретение компромиссных решений в условиях конфликтов интересов на основе определенных и признанных правил, которые в свою очередь демонстрируют уровень демократического развития. Процесс институционализации лоббизма в условиях транснационального социально-экономического пространства предстал результатом профессионализации лоббирования как специфической политической, политико-правовой, и даже, маркетинговой деятельности.

Еще с середины XX века в отдельных странах начали появляться нормативно-правовые акты по урегулированию лоббирования: в США (1945); в Германии (1951); в Австралии (1983); в Канаде (1989). В начале XXI ве-

ка этот процесс ускорился в странах Европы и правила по лоббистской деятельности появились в Польше (2005), Венгрии (2006); Израиле (2008); Франции (2009); Мексике (2010); Словении (2010); Австрии (2012); Италии (2012); Нидерландах (2012); Чили (2014); Великобритании (2014) [17] и других странах. Это актуализировало вопрос о создании на уровне крупных интеграционных систем общей основы для нормативно-правового регулирования практик лоббирования. Начало этого процесса в ЕС связывают с подписанием договора об учреждении Европейского экономического сообщества (1957). В результате чего в 1958 году появились такие институциональные структуры давления как:

1) комитет аграрных организаций в ЕС, лоббирующий интересы европейских фермеров в рамках аграрной политики ЕС;

2) Союз конфедераций предпринимателей и работодателей ЕС, объединивший предпринимателей из стран-членов ЕС, и стран-партнеров. После подписания Единого Европейского акта (1986) расширилась компетенция институтов Европейских сообществ, которые получили полномочия по созданию европейского рынка: установление правового регулирования научно-технической, экологической и региональной политикой.

Одна из первых попыток законодательного урегулирования взаимоотношений между институтами ЕС и лоббистами была осуществлена во время доклада на заседании Европейского парламента в 1989 году [12, С. 60]. Уже в начале 90-х годов появился ряд документов, которые демонстрировали наличие процесса разработки критериев и принципов относительно политико-правовых правил регулирования лоббистской деятельности в ЕС. Так, в 1991 году в докладе Европейскому парламенту «Report on the Code of Conduct Governing Lobbyists» были представлены основные правовые категории лоббистской деятельности и рекомендации по необходимости разработки саморегулируемой модели управления интересами групп [12].

В 1992 году Комиссия ЕС одобрила коммюнике «открытый и структурированный диалог комиссии со специальными группами интересов» [3], в котором устанавливались правила взаимодействия лоббистов и европейских служащих. В 1996 году Европейский парламент одобрил «Кодекс поведения лоббистов» [7].

С целью стимулирования регистрации лоббистов было предложено предоставить им право свободного доступа к помещениям Европейского парламента с целью участия в работе органов парламента. В 2003 году был принят известный Акт «лоббирование в Европейском Союзе: действующие нормы и правила», определявший виды лоббистов, формы их деятельности, модели взаимодействия лоббистов с должностными лицами ЕС, и специфику нормативного регулирования лоббирования на наднациональном уровне и в отдельных государствах-членах. Но Акт не имел юридической обязательной силы при применении [14].

Первым международным документом, определявшим руководящие принципы управления с устранением рисков непропорционального влияния, а также неравенства в силе влияния стали принятые Советом ОЭСР 18 февраля 2010 года рекомендации «о принципах прозрачности и честности в лоббировании» [18]. В этом документе понятие «лоббирование» определялось как «общение с государственным служащим с целью воздействия на законодательство, политику или административные решения, которое часто фокусируется на законодательной ветви власти на национальном и субнациональном уровнях. Но оно имеет место и в органах исполнительной власти, например, чтобы

влиять на принятие нормативных актов или разработку проектов и контрактов». Термин «государственные должностные лица» включает государственных служащих и лиц, занимающих государственные должности в органах исполнительной и законодательной власти, независимо от того, избраны они или назначены. Рекомендация установила «10 принципов прозрачности и честности лоббирования» [18].

Следующим международным документом стала рекомендация Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) «лоббирование в демократическом обществе (Европейский кодекс надлежащего поведения в отношении лоббирования)» 2010 года, в котором дана рекомендация Комитету министров Совета Европы придерживаться следующих правил: разграничить лоббирование как профессиональную оплачиваемую деятельность и деятельность организаций гражданского общества; усилить прозрачность в сфере лоббирования; установить ограничение времени в течение которого запрещено осуществление лоббистской деятельности для политиков, государственных служащих, членов групп давления и бизнеса после увольнения их с должности; обеспечить регистрацию субъектов лоббистской деятельности; привлечь лоббистских организаций к разработке законопроектов в этой сфере [19].

В документе отмечалось, что лоббистская деятельность как в Брюсселе, так и в Страсбурге наблюдалась во время процесса объединения и расширения ЕС. В Брюсселе активны более 15 000 групп с особыми интересами, более 2 600 из которых имеют постоянные представительства и осуществляют лоббистскую деятельность в институтах Европейского Союза [19].

Ассамблея Совета Европы длительное время пыталась влиять на процессы урегулирования лоббистских практик. Об этом напоминают ее рекомендации и резолюции по борьбе с коррупцией (резолюция 1214 (2000)), по финансированию политических партий (рекомендация 1516 (2001)), по имплементации передовой практики в избирательных вопросах, касающихся политических партий (резолюция 1264 (2001) и резолюция 1546 (2007)), по корпоративной этике в Европе (резолюция 1392 (2004)), по конфликту интересов (резолюция 1554 (2007)), относительно состояния демократии и прав человека в Европе (резолюция 1547 (2007) и рекомендация 1791 (2007)), а также серии отчетов по мониторингу демократии в государствах-членах. Поэтому в 2010 году обеспокоенность ассамблеи Совета Европы фактом, что к 2010 году «среди 14 стран, регулирующих лоббирование, только 4-и европейские страны приняли закон по этому вопросу», и что «такая ситуация может подорвать демократические принципы», звучала не предвзято.

Также Ассамблея приветствовала факт, что Европейский парламент был первым институтом, который урегулировал лоббистскую деятельность в собственных структурах, создав реестр европейских лоббистов 23 июня 2008 года и Этический кодекс лоббистов, позволяющий стандартизацию этой деятельности на европейском уровне, укрепляет культуру диалога, демократию, через закрепление дополнительных механизмов участия граждан, уменьшение дистанции между ними и органами принятия политических решений [19].

Рекомендации ПАСЕ «лоббирование в демократическом обществе (Европейский кодекс надлежащего поведения в отношении лоббирования)» 2010 года, были поддержаны Европейской комиссией «демократия через право» (Венецианской комиссией), группой государств против коррупции (GRECO) и Конференцией международных неправительственных организаций (International

Non-governmental Organisations, INGOs). Следовательно, состоялось официальное признание практик лоббирования и институционализация лоббизма на уровне Совета Европы.

В том же 2010 году ПАРЕ приняла резолюцию 1744 «Вне институциональные актеры в демократической системе» [20]. В резолюции отмечалось, что в условиях кризиса демократии, снижения интереса и участия в политике из-за потери доверия граждан к государственным и политическим институтам ассамблея Совета Европы подчеркивает особую поддержку вне институциональным субъектам политического процесса [21, с. 4] – «профсоюзам, официальным консультативным органам, деловым кругам, заинтересованным и влиятельным группам, правозащитным организациям, лобби и сетям влияния... СМИ, организациям гражданского общества, религиозным организациям, которые часто преследуют политические цели и склонны влиять на политические решения», поскольку «традиционные государственные политические институты – парламенты, правительства, судебная система, а также политические партии не являются единственными участниками демократического политического процесса».

Принимая во внимание как положительные, так и отрицательные стороны лоббирования как деятельности внеинституциональных актеров политической системы ПАРЕ, определяла, что она считает, что политические и государственные институты должны активно привлекать внеинституциональных субъектов и граждан к процессу принятия решений» [20]. Ради содействия этому процессу, был представлен доклад комиссия Совета Европы» за демократию через право «(Венецианской комиссии)» о роли внеинституциональных актеров в демократической системе [21]. В докладе отмечалось, что для отграничения лоббирования от деятельности, которая является неотъемлемой частью представительского или институционального процесса, комиссия определяла для применения две спецификации:

1) лоббирование осуществляется «внеинституциональным» актером, то есть юридическим лицом, не являющимся при этом Институтом публичной власти или институтом с конституционным мандатом;

2) лоббирование включает прямое или опосредованное вознаграждение лоббистов за услуги, выражаемые попытках повлиять на решение, то есть осуществлять эту деятельность на профессиональной основе. Важно, что этот критерий призван исключить из определения форм лоббизма такие как демократическое участие, обращение в парламент, действия обычных граждан. Список основных внеинституциональных актеров / групп интересов / лоббистов содержит реестр Европейской комиссии: профессиональные консультанты, юридические фирмы, внутренние корпоративные лоббисты, профессиональные ассоциации, профсоюзы, НПО и общественные организации, аналитические центры, академические организации, представители религиозных организаций [21, С. 4–5].

Венецианская комиссия определяла следующие формы лоббирования: прямое общение с политиками и с государственными служащими (как внутри, так и за пределами институциональных помещений); предоставление советов или консультаций официальным лицам на временной или регулярной основе; предоставление проектов отчетов государственным служащим, в которых описываются детали политики; поддержание неформальных контактов с политиками или государственным служащими, включая телефонные разговоры; официальные или приглашенные консультации через институциональные каналы; участие в слушаниях; участие в делегации

или конференции; отправка информации или документов политикам и государственным служащим.

При этом, комиссия признала, что будет чрезмерным, если определять лоббированием попытки повлиять на политику через открытое участие в публичном дискурсе (интервью, коммюнике, распространение позиционных документов и/или отчетов и т.д.) [12, С. 4–5]. Связывая лоббирование как технику представления и реализации интересов групп с процессом демократического развития, в докладе Венецианской комиссии отмечалось, что в Европе есть две идеальные модели демократии:

1) модель демократии, построенная на идее общих интересов, которая предполагает, что не только парламентарии и члены правительства выполняют государственную функцию, но и граждане, участвующие в публичных дебатах;

2) конкурентная модель демократии, предполагает, что общее благо или общий интерес рассматривается как сумма конкурирующих частных (индивидуальных) интересов [12, с. 6].

В 2012 году, в соответствии с межведомственным соглашением между Европейским парламентом и Комиссией ЕС был создан так называемый Реестр прозрачности «о создании открытого реестра организаций и самозанятых частных лиц, участвующих в разработке и реализации политики ЕС» (Transparency register) [1]. Перезаключение в 2014 году, настоящее соглашение состоялось с целью создать систему постоянного обновления информации о заинтересованных сторонах, осуществляющих профессиональное представительство интересов в органах публичной власти ЕС.

Введение реестра, как отмечено в преамбуле соглашения, было обосновано двумя факторами. Во-первых, взаимодействие органов публичной власти ЕС с общественностью является постоянным, законным и необходимым для качества демократии, обеспечивая таким образом адекватную политику, соответствующую реалиям настоящего. Во-вторых, граждане вправе ожидать, что профессиональное представительство интересов общественности в органах государственной власти ЕС является прозрачным и соответствует закону, а также предусматривает уважение к этическим принципам, избегая при этом чрезмерного давления, незаконного или привилегированного доступа к информации или лицам, принимающим решения.

Реестр прозрачности предоставляет гражданам прямой и единый доступ к информации о том, кто влияет на информирование клиентов об их правовом статусе; мероприятий по досудебному примирению или посредничеству (это касается всех секторов бизнеса в ЕС); деятельности субъектов социального диалога в рамках договора (профсоюзы, ассоциации работодателей и т.д.); ответов на прямые и индивидуальные запросы институтов ЕС, депутатов Европарламента и прочее [1, С. 120–121].

Межинституциональное соглашение не только в значительной степени объединило существующие ранее разрозненные нормы, но также ввело значимые изменения ключевых понятий в отношении процесса лоббирования. Так, отмечалось, что под лоббирование следует понимать все действия, которые прямо или косвенно влияют на формулировку и осуществление политики и законодательного процесса в ЕС. В том числе осуществляемые через аутсорсинг, СМИ, посредников, широкие общественные массы другое. Среди других действий указаны различные экспертизы, общение с сотрудниками институтов ЕС, организации встреч, круглых столов и тому подобное.

Также была детально регламентирована процедура рассмотрения жалоб и принятия мер в случае нарушения правил деятельности лоббистов. Было установлено, что все лица, получившие запись в реестре прозрачности, обязаны соблюдать Кодекс поведения, который является структурным элементом реестра и распространяет свое действие как на организации, так и на самостоятельно занятых лиц. В случае же их нарушения Регистрация лоббиста приостанавливается или такой исключается из реестра на один или два года, что лишает их права доступа в помещение Европарламента.

Кроме того, Кодекс поведения члена Европарламента и Кодекс поведения члена Европейской комиссии определяют правовой статус объекта лоббирования. В начале третьего десятилетия XIX века, на уровне ЕС прозрачность лоббистской деятельности обеспечивается не только через добровольный реестр лоббистов, но и через обнародование программ ключевых должностных лиц ЕС [16; 10]. С 31 января 2019 года Регламент Европейского парламента требует от членов Европейского парламента, которые играют ведущую роль в разработке и обсуждении законодательства, публиковать для каждого отчета информацию о своих запланированных встречах с лоббистами. Их призывают не встречаться с незарегистрированными лоббистами. Это правило касается докладчиков, теневых докладчиков и председателей комитетов Европейского парламента. 15 декабря 2020 года, Европейский парламента, Совет ЕС и ЕК достигли согласия по усилению реестра прозрачности.

Встречи лоббистов с руководителями этих структур должны проходить при условии регистрации в реестре прозрачности. Кроме того, некоторые страны-члены будут применять этот принцип к встречам со своими постоянными представительствами во время председательства в Совете ЕС (один раз в 13 лет) и шесть месяцев перед ним [8]. Новое межведомственное соглашение ЕС требует, чтобы чиновники раскрывали информацию о встречах с лоббистами. Например, в отношении Президента Европейского парламента будет применяться правило «добровольной прозрачности», в отношении Президента ЕС – «обязательная прозрачность», в отношении председателя Совета ЕС – «отсутствует требование прозрачности» [16; 10; 9].

Реестр прозрачности открывается для добровольного участия других институтов, органов, офисов и агентств ЕС, а также постоянных представительств стран-членов при Союзе. Официальное подписание соглашения и вступление в силу состоялось в 2021 году после официального принятия тремя учреждениями. Выводы. Следовательно, лоббирование является заметной и влиятельной чертой современных политических систем в условиях усложнения политического пространства и оформления интегрированных социально-экономических систем во всем мире.

Лоббирование из широкой неконвенционной практики постепенно превратилось в высококвалифицированную профессиональную деятельность, без которой невозможно представительство групповых интересов на уровне многосложных политических систем. С самого начала строительства единой Европы лоббирование было ключевой практикой согласования интересов разрозненных групп и силой, которая влияла на направления интеграционных процессов. Это повлияло и то, что институционализация лоббизма происходила под влиянием международных организации, которые создали опорные документы и рекомендации по внедрению стандартных практик регулирования лоббирования.

Принятие нормативных рекомендаций по лоббистской практике повлияло на стандартизацию корпоратив-

ных норм в середине объединенной Европы и внедрение этических правил взаимодействия между гражданами и политической властью. Институционализация лоббизма и приобретение им качеств конвенционной практики группового и индивидуального представительства интересов позволяют рассматривать лоббирование как деятельность по компенсации недостатков демократических процедур политического участия и обеспечения противодействия евроскептицизму.

Литература

1. Agreement between the European Parliament and the European Commission on the transparency register for organisations and self-employed individuals engaged in EU policy-making and policy implementation 2014. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TX-T/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.277.01.0011.01.ENG (accessed 10.06.2023).
2. Ainsworth S.H. The Role of Legislators in the Determination of Interest Group Influence. *Legislative Studies Quarterly*. 1997. Vol. 22 (November). P. 517–533.
3. An open and structured dialogue between the Commission and special interest groups. URL: <http://www00.unibg.it/dati/corsi/68030/38337-comunic%20comm%201993.pdf>. (accessed 15.09.2022).
4. Austen-Smith D, Wright J.R. Competitive Lobbying for a Legislator's Vote. *Social Choice and Welfare*. 1992. № 9 (April). P. 229–257.
5. Baumgartner F. R., Leech B.L. *Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science*. Princeton: Princeton University Press. 1998. 248 p.
6. Berry J.M. *The New Liberalism: The Rising Power of Citizen Groups*. Washington: Brookings Press. 1999. 220 p.
7. Code of Conduct governing lobbyists. Rules of Procedure of the European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getLastRules.do?reference=ANN-09&language=EN>. (accessed 15.09.2022).
8. EU. European Parliament. Transparency: key MEPs to declare meetings with lobbyists, 2019. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20190124STO24226/transparency-key-mepsto-declare-meetings-with-lobbyists>. (accessed 16.10.2022).
9. EU. Joint Transparency Register Secretariat. Transparency Register Implementing Guidelines, 2020. URL: http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/openFile.do?fileName=guidelines_en.pdf. (accessed 16.10.2022).
10. European Commission. Press Release. Agreement on a Mandatory Transparency Register, 2020 URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_2425. (accessed 10.10.2022).
11. Fleisher C.S. Managing business political activities in the USA: bridging between theory and practice – another look. *Journal of Public Affairs*. 2002. Vol. 1, Is. 4. P. 376–381.
12. Goldstein K.M. *Interest Groups, Lobbying, and Participation in America*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. 158 p.
13. Jordan G., Moloney K. Why Companies Hire Lobbyists. *Service Industries Journal*. 1996. Vol.16, Is. 2. P. 242–258. URL: <https://ur.booksc.me/book/36076224/fc0264>. (accessed 15.10.2022).
14. Lobbying in the European Union: current rules and practices. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2003/329438/DG-4-AFCO_ET\(2003\)329438_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2003/329438/DG-4-AFCO_ET(2003)329438_EN.pdf). (accessed 15.10.2022).

15. McGrath C. The Ideal Lobbyist: Personal Characteristics of Effective Lobbyists. *Journal of Communication Management*. December 2005. JCOM 10,1. P. 67–79. DOI: 10.1108/13632540610646382;
16. OECD. Lobbying in the 21st Century. Transparency, Integrity and Access. OECD Publishing, Paris, May 20, 2021. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/c6d8eff8-en/index.html?itemId=/content/publication/c6d8eff8-en>. (accessed 10.11.2022).
17. OECD. Lobbying. 2022. URL: <https://www.oecd.org/corruption/ethics/lobbying/>. (accessed 15.10.2022).
18. OECD. Recommendation of the Council on Principles for Transparency and Integrity in Lobbying. OECD/LEGAL/0379 та C/M (2010) 3/PROV. February 18, 2010. URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0379?_ga=2.80245783.1899335524.1665248008-1431016265.1665248008. (accessed 25.10.2022).
19. PACE. Lobbying in a democratic society (European code of good conduct on lobbying) Recommendation PACE Rec. 1908 26/04/2010. Doc. 12438 URL: <https://pace.coe.int/pdf/7fad1b4e56165b10fd7885f521c66b710d4a2c98085e522747803b93b32c8f46/recommendation%201908.pdf>. (accessed 25.10.2022).
20. PACE. Resolution 1744 (2010) “Extra-institutional actors in the democratic system”. The Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE). 23 June 2010. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17884&lang=en>. (accessed 25.10.2022).

INSTITUTIONALIZATION OF LOBBYING AS A POLITICAL INSTITUTION IN THE CONTEXT OF DEMOCRATIZATION OF SOCIETY

Broda S.B.

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

In the presented article, the process of institutionalization of lobbying is shown as its development in the direction of a formal political institution, which is the result of the development of the political system in the conditions of its democratization. It is shown that modern polymorphic political systems that institutionalize lobbying demonstrate a focus on public coordination of the interests of interaction groups, on the effective invention of compromise solutions in conditions of conflicts of interest based on certain and recognized rules. It is shown that the process of developing standards for the institutionalization of lobbying in the European Union began to take place under the influence of international regional organizations that created supporting documents and recommendations during the active stages of the development of a united Europe. In the context of the transnationalization of the political space, this ensured the development of mechanisms for inventing compromise solutions in the context of the plebiscite crisis and the expansion of competitive, representative democracy. The institutionalization of lobbying in the European Union and member states, its acquisition of the qualities of the conventional practice of group and individual representation of interests made it possible to consider lobbying as an activity to compensate for the shortcomings of democratic procedures for political participation and to ensure counteraction to Euroscepticism.

Keywords: lobbying, lobbying, lobbying institutions, political participation, professional lobbying, group interests.

References

1. Agreement between the European Parliament and the European Commission on the transparency register for organisations and self-employed individuals engaged in EU policy-making and policy implementation 2014. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.277.01.0011.01.ENG (accessed 10.06.2023).
2. Ainsworth S.H. The Role of Legislators in the Determination of Interest Group Influence. *Legislative Studies Quarterly*. 1997. Vol. 22 (November). P. 517–533.
3. An open and structured dialogue between the Commission and special interest groups. URL: <http://www00.unibg.it/dati/corsi/68030/38337-comunic%20comm%201993.pdf>. (accessed 15.09.2022).
4. Austen-Smith D, Wright J.R. Competitive Lobbying for a Legislator's Vote. *Social Choice and Welfare*. 1992. № 9 (April). P. 229–257.
5. Baumgartner F. R., Leech B.L. Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science. Princeton: Princeton University Press. 1998. 248 p.
6. Berry J.M. The New Liberalism: The Rising Power of Citizen Groups. Washington: Brookings Press. 1999. 220 p.
7. Code of Conduct governing lobbyists. Rules of Procedure of the European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getLastRules.do?reference=ANN-09&language=EN>. (accessed 15.09.2022).
8. EU. European Parliament. Transparency: key MEPs to declare meetings with lobbyists, 2019. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20190124STO24226/transparency-key-mepsto-declare-meetings-with-lobbyists>. (accessed 16.10.2022).
9. EU. Joint Transparency Register Secretariat. Transparency Register Implementing Guidelines, 2020. URL: http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/openFile.do?fileName=guidelines_en.pdf. (accessed 16.10.2022).
10. European Commission. Press Release. Agreement on a Mandatory Transparency Register, 2020 URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_2425. (accessed 10.10.2022).
11. Fleisher C.S. Managing business political activities in the USA: bridging between theory and practice – another look. *Journal of Public Affairs*. 2002. Vol. 1, Is. 4. P. 376–381.
12. Goldstein K.M. Interest Groups, Lobbying, and Participation in America. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. 158 p;
13. Jordan G., Moloney K. Why Companies Hire Lobbyists. *Service Industries Journal*. 1996. Vol.16, Is. 2. P. 242–258. URL: <https://ur.booksc.me/book/36076224/fc0264>. (accessed 15.10.2022).
14. Lobbying in the European Union: current rules and practices. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2003/329438/DG-4-AFCO_ET\(2003\)329438_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2003/329438/DG-4-AFCO_ET(2003)329438_EN.pdf). (accessed 15.10.2022).
15. McGrath C. The Ideal Lobbyist: Personal Characteristics of Effective Lobbyists. *Journal of Communication Management*. December 2005. JCOM 10,1. P. 67–79. DOI: 10.1108/13632540610646382;
16. OECD. Lobbying in the 21st Century. Transparency, Integrity and Access. OECD Publishing, Paris, May 20, 2021. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/c6d8eff8-en/index.html?itemId=/content/publication/c6d8eff8-en>. (accessed 10.11.2022).
17. OECD. Lobbying. 2022. URL: <https://www.oecd.org/corruption/ethics/lobbying/>. (accessed 15.10.2022).
18. OECD. Recommendation of the Council on Principles for Transparency and Integrity in Lobbying. OECD/LEGAL/0379 та C/M (2010) 3/PROV. February 18, 2010. URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0379?_ga=2.80245783.1899335524.1665248008-1431016265.1665248008. (accessed 25.10.2022).
19. PACE. Lobbying in a democratic society (European code of good conduct on lobbying) Recommendation PACE Rec. 1908 26/04/2010. Doc. 12438 URL: <https://pace.coe.int/pdf/7fad1b4e56165b10fd7885f521c66b710d4a2c98085e522747803b93b32c8f46/recommendation%201908.pdf>. (accessed 25.10.2022).
20. PACE. Resolution 1744 (2010) “Extra-institutional actors in the democratic system”. The Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE). 23 June 2010. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17884&lang=en>. (accessed 25.10.2022).

Брызгов Николай Викторович,

кандидат искусствоведения, профессор кафедры промышленного дизайна Московского художественно-промышленного университета им. С.Г. Строганова
E-mail: Bryzgov@yandex.ru

Статья посвящена современному уровню политической поддержки промышленного дизайна со стороны Российского государства. Современный этап в области развития международной государственной политики в сфере дизайна фиксируется исследователями как политика «интеграции дизайна и инноваций» (дизайн как движущая сила инноваций). Россия находится среди тех стран, где дизайн не рассматривается как важный фактор развития и не связывается напрямую с целями инноваций. Российская политика в области промышленного дизайна стала несколько отставать от мировой в 1960-е годы: это было связано с пропуском ряда важнейших факторов мирового экономического развития, таких как революция жилищного строительства и связанное с ней обновление бытовой техники, автомобильная революция и пр. Существовавшая в советский период система дизайна, встроенная в промышленное производство (художественно-конструкторские бюро при фабриках и заводах, во главе с ВНИИТЭ) закончила свое существование при СССР. Сегодня государство стоит перед необходимостью формирования новой системы государственной поддержки дизайна. Работающая сейчас программа поддержки инжиниринга и индустриального дизайна, проводимая Минпромторгом России, отводит дизайну малозначимую роль и какого-либо заметного влияния на отрасль не оказывает. Россия производит крайне мало конкурентноспособных товаров, выходящих на мировой рынок, в особенности в высокотехнологичных мирных отраслях. Перспективы дизайна во многом зависят от того, насколько государство понимает возможности дизайна в решении социальных, культурных и экономических проблем.

Ключевые слова: Дизайн, российский дизайн, промышленный дизайн, ВНИИТЭ, политика в области дизайна, государственная поддержка.

Государственная политика в области дизайна, состоящая в целенаправленной системе деятельности, связанной с основанием и поддержкой школ дизайна, выделением государственных особенностей дизайна, сформировалась как направление достаточно поздно. Запуск значительных программ в этой сфере во всем мире относят к 1960–90-м, а во многих странах даже и к 2000-м годам. Однако государственная политика в области дизайна быстро формируется и эволюционирует, реагируя на множество причин: значительный рост разделения труда и формирование большого числа специалистов в дизайн-сфере (так, в Евросоюзе число непосредственно занятых только в области промышленного дизайна оценивается более чем в 400 тыс. человек) [Княгинин, 2012, 46]; глобализация экономики и рост конкурентного спроса; растущая сложность продукции и облегчение ее функционирования с помощью дизайна; и пр.

Современный этап в области развития международной государственной политики в сфере дизайна фиксируется исследователями как политика «интеграции дизайна и инноваций» (дизайн как движущая сила инноваций) [Княгинин, 2012, 47].

Различные страны по-разному подходят в необходимости государственной политики в области дизайна. Как заключают специалисты, Россия находится среди тех стран, где дизайн не рассматривается как важный фактор развития и не связывается напрямую с целями инноваций; наряду с Россией, такую же позицию занимают Мальта, Венгрия, Словакия, Болгария и др. [Княгинин, 2012, 48–49]. Эта первоначальная ступень «лестницы дизайна»: такой концепт разработан с Датском центре дизайна (the Danish Design Centre); на верхней, четвертой ступени, находится концепция дизайна как непрерывного цикла запуска инновационного развития, и к этому вектору относятся США и Великобритания, Дания и Франция. Причем это положение не меняется: по оценкам 2018 года, все так же «Россия занимает место на самой нижней ступени «лестницы дизайна», характеризующей политику государства в отношении дизайна» [Павловская, Клименко, 2018, 141].

Также в ряде стран существуют программы поддержки национального дизайна: так, в Канаде это поддержка малого бизнеса и создание креативных кластеров, в Дании – пропаганда национального дизайна, финансовая поддержка и так далее.

Российская политика в области промышленного дизайна стала несколько отставать от мировой в 1960-е годы: это было связано с пропуском ряда важнейших факторов мирового экономического развития, таких как революция жилищного строительства и связанное с ней обновление бытовой техники, автомобильная революция и пр.

Как отмечают исследователи, в начале XXI века «промышленный дизайн полностью выпал из приоритетов государственной политики России» [Княгинин, 2012, 64]; «государству не до дизайна» [Павловская, Клименко, 2018, 148]. Более того, «Градостроительство, возведение зданий социально-культурной направленности, госзакупки в сфере транспорта, образования, здравоохранения, социального обеспечения осуществлялись и осуществляются без учета передовых требований к дизайну и функциональности предметов и окружающей среды» [Басаева, Тотиева, 2018, 276].

Планы создать Общественный совет по промышленному дизайну при Минпромэнерго в 2006 году так и остались планами [Создан Общественный совет..., 2016]. В 2007 году Президент РФ поручил Правительству основать центры промышленного дизайна, но это поручение по сути оказалось невыполненным. Союз Дизайнеров России обсудил проект закона о промышленном дизайне, но и этот проект не был реализован. Несколько лет обсуждаемая «Концепция развития дизайна в России на 2006–2008 годы», предполагавшая ряд приемов по государственной поддержке дизайна, так и не была принята.

В 2008–2012 гг. был принят ряд документов, косвенно касающихся сферы промышленного дизайна. Это «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р; Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»; «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержден 11 января 2012 г. № Пр-83; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». К промышленному дизайну можно отнести здесь такие направления, как рост доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП; формирование национальной высококонкурентной институциональной среды; организация новейших высокопроизводительных рабочих мест и пр. Однако, как можно заметить, эти меры касаются поддержки и развития дизайна только косвенно.

В 2013 году распоряжением Правительства РФ от 23 июля № 1300-р была утверждена «Дорожная карта» в области инжиниринга и промдизайна в РФ. Она включала в себя развитие по 9 направлениям-блокам и ряд планируемых мероприятий, в том числе создание единого реестра предприятий промдизайна и создание отраслевого портала (на данный момент последние материалы на нем размещены в 2016 году). Однако, очевидно, работа Дорожной карты не оказала значительного влияния на развитие государственной поддержки и государственной политики в области промышленного дизайна. Работающая сейчас программа поддержки инжиниринга и индустриального дизайна, проводимая Минпромторгом России, отводит дизайну малозначимую роль и какого-либо заметного влияния на отрасль не оказывает.

Проект Федерального Закона об инжиниринге прошел обсуждения в 2014 и 2015 годах, но до сих пор есть лишь концепция и предварительный вариант законопроекта, который пока не принят и не обсуждается далее.

По сути, единственным институтом, занимающимся государственной политикой в сфере промышленного дизайна, остается Консультативный совет при Роспатенте по правовой охране дизайна, однако его деятельность сложно отследить.

В России существует система дизайнерского образования: подготовка специалистов, бакалавров и магистров по направлению 060701 «Дизайн» осуществляется в более чем 100 высших учебных заведениях в 57 субъектах Российской Федерации [Княгинин, 2012, 66]. Практически везде это обучение ведется

в очной форме, чаще всего на факультетах технологии и дизайна и художественно-графических. Можно согласиться с В.Е. Кулайкиным, что «развитие российского дизайна уже сегодня имеет значимую кадровую и профессионально-организационную базу» [Кулайкин, 2014, 10]. Однако, как отмечает В.Н. Княгинин, «Развитие дизайна в России может быть реализовано только при условии интеграции его в общее инженерное проектирование. Поэтому так важно включение дизайнеров в разного рода производственные консорциумы. Очевидно, что не главным, но важным условием создания подобного рода консорциумов является наращивание менеджментом российских предприятий новых компетенций в сфере дизайна (включение в программы MBA учебных модулей по промышленному дизайну, изменение учебных программ подготовки инженеров и дизайнеров, а также менеджеров и т.д.)» [Кулайкин, 2012, 73].

Вместе с тем вопрос о внедрении дизайнерских решений в промышленность и сотрудничестве дизайнера и производителя осложняется рядом проблем. «Низкий уровень спроса на дизайн со стороны отечественных производителей обусловлен не только крайне малой осведомленностью топ-менеджмента о возможностях и преимуществах дизайна или представлениями о дизайне исключительно как о средстве «художественного оформления» продукции. Одним из главных факторов, препятствующих использованию инновационного потенциала дизайна, является характерная для высокотехнологичных отраслей промышленности значительная стоимость организации цепочки «исследования – проектирование – внедрение» в сочетании с неизбежными рисками. Как следствие – отказ от инвестиций в дизайн, в итоге – низкая конкурентоспособность продукции, отсутствие сильных национальных и региональных брендов и т.д.» [Павловская, Клименко, 2018, 145]. И потому Россия производит крайне мало конкурентоспособных товаров, выходящих на мировой рынок, в особенности в высокотехнологичных мирных отраслях: «тот самый YotaPhone – это несмелая попытка создать новый товар, но еще основанная на чужой работе» [Молокова, Сивакова, 2015, 115].

Таким образом, можно говорить о наличии значительных пробелов в области государственной политики в сфере промышленного дизайна. Их список был сформулирован при опросе ряда компаний и организаций, занимающихся дизайном:

- промышленный дизайн практически не используется в Российской Федерации для решения социальных задач (таких как экодизайн, улучшение городской среды);
- в России не проводится работа по рефлексии дизайна, по осмыслению особенностей национального стиля проектирования; нет и стратегии развития русского дизайна;
- отсутствуют частно-государственные инициативы, направленные на развитие рынка дизайнерских услуг;
- российские компании не имеют необходимых компетенций для работы с дизайнерскими решениями, российская относительно сложная продукция практически не представлена на внешних рынках;
- существует барьер доступности дизайнерских услуг для потребителей;
- ограничено число компаний, оказывающих услуги промышленного дизайна;
- российский промышленный дизайн мало интегрирован во внешний рынок;
- уровень профессионального образования в сфере недостаточно высок [Княгинин, 2012, 69–70].

Существовавшая в советский период система дизайна, встроенная в промышленное производство (художественно-конструкторские бюро при фабриках и заводах, во главе с ВНИИТЭ) закончила свое существование при СССР. Сегодня государство стоит перед необходимостью формирования новой системы государственной поддержки дизайна. Перспективы дизайна во многом зависят от того, насколько государство понимает возможности дизайна в разрешении социальных, культурных и экономических проблем.

Очевидно, для поднятия государственного престижа дизайна необходима разьяснительная работа о возможностях дизайна в повышении качества жизни людей: «Его существенный вклад в повышение качества жизни населения объясняется не только прямым удовлетворением конкретных человеческих потребностей, но и наличием мультипликативных экономических, экологических и социокультурных эффектов, для актуализации которых необходимо целенаправленное развитие специализированных направлений дизайна: макросредового, архитектурного, экологического, коммуникативного (включая веб-дизайн) и т.д.» [Кулайкин, 2014, 7]. переосмысление дизайна необходимо в следующем аспекте: «промышленный дизайн – это проектная деятельность, творческий образ и оружие конкуренции, способ сократить издержки и расширить ассортимент национальной продукции. Это не краткосрочное вложение средств, а долгосрочные инвестиции в будущее предприятия» [Ананьин, Чиркова, 2018, 8].

Для решения проблемы государственной поддержки дизайна необходимо принятие множественных мер, однако первоочередной видится задача создания структуры, аналогичной Советам по дизайну, которые работают в большинстве стран мира. Важно также создавать сразу для создания дизайна. Как отмечает В.Н. Княгинин, «Развитие дизайна имеет не только отраслевую или рыночно-секторальную привязку, но и региональную локализацию. Поэтому в России должны появиться территориальные точки «продвинутого» («опережающего», «лидерского») развития дизайна, как правило, предполагающие наличие определенной организационно-технологической инфраструктуры: а. «Креативные» зоны/кварталы (Art&Design District) в крупных городах и система креативных центров, имеющих в том числе дизайнерскую специализацию (нужно учесть, что ни один современный IT-парк не может нормально функционировать, если в нем не локализован сегмент дизайнерских услуг и т.д.). б. Дизайн-центры. в. «Живые лаборатории» (living Lab) как сообщества продвинутых пользователей в сфере дизайна» [Княгинин, 2012, 73–74].

Кроме того, видятся важными следующие меры: переоценка художественного наследия России как основание для создания концепции национального дизайна; осмысление российского дизайна как части мирового дизайнерского, инновационного и культурного мейнстрима; эффективное государственное партнерство, в том числе в области социального функционирования дизайна; создание эффективной системы дизайнерской экспертизы; включение дизайн-проектирования в сферу деятельности предприятий; последовательность в развитии идей, формы и реализации национального дизайна.

Литература

1. Ананьин А.С., Чиркова Л.Н. Проблемы развития промышленного дизайна в современной России // Развитие и актуальные вопросы современной науки. 2018. № 5 (12). С. 8–13.

2. Басаева Д.И., Тотиева Ж.Д. Развитие государственной политики в сфере промышленного дизайна в РФ // Актуальные вопросы современной экономики. 2018. № 4. С. 275–279.
3. Княгинин В.Н. Промышленный дизайн Российской Федерации: возможность преодоления «дизайн-барьера». СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 80 с.
4. Кулайкин В.И. Государственная политика в сфере дизайна: проблемы и пути решения // Качество и жизнь. 2014. № 2. С. 7–10.
5. Молокова О.А., Сивакова К.В. Текущая проблема отечественного производства – промышленный дизайн в России // Gaudeamus Igitur. 2015. № 1. С. 111–115.
6. Павловская Е.Э., Клименко В.А. Дизайн и государство: пространства взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 141–150.
7. Создан Общественный совет по промышленному дизайну // Компетентность. 2006. № 5–6 (34–35). С. 70.

MODERN RUSSIAN POLICY IN THE FIELD OF INDUSTRIAL DESIGN

Bryzgov N.V.

Moscow Art and Industrial University. S.G. Stroganov

The article is devoted to the current level of political support for industrial design by the Russian state. The current stage in the development of international public policy in the field of design is fixed by researchers as a policy of “integration of design and innovation” (design as a driving force of innovation). Russia is among those countries where design is not considered an important factor in development and is not directly related to the goals of innovation. Russian industrial design policy began to lag somewhat behind the world in the 1960s: this was due to the omission of a number of the most important factors of world economic development, such as the housing revolution and the related renovation of household appliances, the automobile revolution, etc. The design system existed in the Soviet period, built into industrial production (art and design bureaus at factories and plants, headed by VNNITE), ended its existence with the USSR. Today, Russia faces the need to form a new system of state support for design. The current program of engineering and industrial design support, carried out by the Ministry of Industry and Trade of Russia, assigns an insignificant role to design and does not have any noticeable effect on the industry. Russia produces extremely few competitive products entering the world market, especially in high-tech peaceful industries. The prospects for design largely depend on how much the state understands the possibilities of design in resolving social, cultural and economic problems.

Keywords. Design, Russian design, industrial design, VNIITE, design policy, government support.

References

1. Ananyin A.S., Chirkova L.N. Problems of development of industrial design in modern Russia // Development and current issues of modern science. 2018. No. 5 (12). pp. 8–13.
2. Basaeva D.I., Totieva Zh.D. Development of state policy in the field of industrial design in the Russian Federation // Current issues of modern economics. 2018. No. 4. pp. 275–279.
3. Knyagin V.N. Industrial design of the Russian Federation: the possibility of overcoming the “design barrier”. SPb.: Publishing House Polytechnic. Univ., 2012. 80 p.
4. Kulaikin V.I. State policy in the field of design: problems and solutions // Quality and Life. 2014. No. 2. P. 7–10.
5. Molokova O.A., Sivakova K.V. The current problem of domestic production – industrial design in Russia // Gaudeamus Igitur. 2015. No. 1. P. 111–115.
6. Pavlovskaya E.E., Klimenko V.A. Design and the state: spaces of interaction // Bulletin of Tomsk State University. 2018. No. 428. pp. 141–150.
7. The Public Council for Industrial Design was created // Competence. 2006. No. 5–6 (34–35). P. 70.

Воронкова Ольга Алексеевна,

к.п.н., старший научный сотрудник Института социологии
ФНИСЦ РАН

В XXI веке коммуникативные технологии становятся драйвером для развития всех сторон социальной жизни, для поиска новых способов самореализации и смыслоутверждения. Социальная глобальная сеть это коммуникативное пространство, в котором происходит переосмысление традиционных форм жизни и продуцирование новых миропониманий и новых социальных практик. Но глобальная сеть становится не только местом обмена мнениями и предпочтениями, но и ареной социальных конфликтов. Поиск соотносительных точек в отстаиваемых позициях и достижение консенсуса – есть главная и наиболее трудная задача сетевого дискурса. И только развитие дискурсных процессов, а не их подавление установлением какого бы то ни было верховного контроля над сетевым публичным пространством может привести к разрешению конфликтов и кризисных проблем. Основным тезисом статьи является утверждение, что для формирования дискурсивной этики и сетевой культуры необходимо открытое обсуждение тех ценностей и норм, которые должны лежать в основе социального взаимодействия. Сетевая рациональность есть критически-аналитическая рациональность, развивающаяся в противовес любым тенденциям установления господства какой-либо силы в современном социуме.

Ключевые слова: сетевая реальность, сетевой дискурс, дискурсивный конфликт, дискурсивная этика, сетевая культура, сетевая рациональность.

Социальный дискурс в современной сетевой реальности определяется как коммуникативный процесс всеобъемлющих многоплановых обсуждений социально значимых вопросов и политических решений, влияющих на ход жизненной практики [2, с. 115]. *Сетевая реальность* – это многовариантная перекрестная сфера социальных коммуникаций, основанная на принципиально новых технологических условиях. В современной сетевой реальности социальный дискурс приобретает качественно новые характеристики. *Конституирующими элементами сетевой реальности являются «так называемые энергетические узлы или точки сосредоточения кумулятивной энергии взаимодействия индивидов или их групп»* [1, с. 124]. Индивиды или группы как узлы сетей социального взаимодействия запускают процессы сетевого дискурса, который становится движущей силой изменений традиционных и утверждения новых форм социальных и политических отношений.

Развитие логики «связывания мира» в многовариантную систему сетевой коммуникации, переворачивающей весь предшествующий исторический опыт, знаменует переход человечества на новый уровень когнитивного и поведенческого развития, на котором открываются новые сферы деятельности для всех членов общества. Сетевой дискурс требует открытости экономических и демократизации политических отношений, но на первых этапах этого процесса неизбежно непросто притирание прежних социально-культурных традиций к новым технологическим условиям. Глобальная сеть, вбирая в себя, «переваривая» и «перемалывая» все существующее разнообразие интересов, ценностей и способов самореализации, становится не только пространством обмена мнениями и предпочтениями, но и ареной реальных социальных конфликтов.

Столкновение различных мнений и суждений, отражающих интересы, ценности или нормативные установки определенных слоев общества, есть нормальный дискурсивный процесс. Однако в этом процессе проявляют себя элементы разного типа культур и субкультур. Жесткие структурные элементы иерархической системы – административные, религиозные, политические и пр. – сталкиваются с элементами субкультур новых поколений, последствием чего становятся проявления недопониманий, взаимоотторжений, замыканий в узлах скопления единомышленников и пр.

Сетевые сообщества, объединяемые схожей системой взглядов, могут поддерживать как традиционно формируемый «дискурс власти», так и другие типы дискурсов – критически-аналитический, академический, маркетинговый и пр. Но сетевой дискурс в целом, развивающийся по своему объективно-историческому сценарию, неизбежно раскрывает те процессы и явления, которые традиционные типы дискурсов либо «не замечают» по причине их протекания вне пределов их внимания, либо активно им противостоят по причине несоответствия их интересам, ценностям и убеждениям. Бурное развитие критически-аналитических возможностей сетевого дискурса неизбежно подрывает начинающие окостеневать принципы традиционных дискурсов, постепенно вытесняя их из пространства сетевого социума. Коммуникативно-сетевые системы все в большей степени способствуют переходу социума на договорные

принципы сосуществования, то есть предложения, с одной стороны, и возможностью принятия или отвержения, с другой. Запускается и укрепляется глобальный тренд *десакрализации власти и деиерархизации «вертикалей»* и «субординаций» в социальных и политических отношениях [3].

При постоянном усложнении технического компонента, коммуникативно-цифровые технологии продвигают шаг за шагом процесс упрощения инструментального кода социальной практики. Однако это «упрощение» приобретает качественно иной характер, нежели идеологическая унификация «картин мира», стартовавшая в эпоху раннего модерна. На первый взгляд, становится упрощенным способ сохранения власти и символического влияния в обществе для традиционно организованных форм управления, нацеленных на информационную обработку массового сознания. Но на более глубоких уровнях процесса постоянное столкновение с многовариантностью информационных и коммуникативных возможностей трансформирует социальное сознание в сторону обретения личностности и субъектности. Другими словами, если идеологическое упрощение прошлого века приводило все многообразие воззрений к единому знаменателю и снижению необходимости использовать собственный разум для оценки социальной и политической реальности, перекладывая эту задачу на властные элиты, то теперь для социального сознания открывается доступ к информации из разных источников, что подрывает вертикально-иерархические принципы управления.

Однако расширение сферы сетевой коммуникации неизбежно влияет на сложность протекания дискурсных процессов.

На ранних этапах ориентации в сетевой реальности массовое сознание оказывается под прицелом множества информантов, преследующих самые разные цели. Круг информантов постоянно расширяется, несмотря на усиленные попытки власти использовать интернет как сферу исключительно своего влияния. Этот круг пополняется и политически ориентированными информантами, и экономическими – маркетинговыми, финансово-заинтересованными, и культурно-просветительскими, и развлекательными, и т.д. В сетевом пространстве возникает тесное переплетение процессов создания нового культурно-символического поля и векторов перекрестного манипулирования сознанием. Сетевая интериоризация требует от массового сознания активизации рефлексивно-мониторинговых качеств, перестройки всех усвоенных прежде диспозиционных матриц в сторону развития дискурсивной компетентности, то есть навыков распознавания правдивой и ложной информации, различения искренности и лицемерия, адекватного реагирования на разного рода провокационную активность и т.д. Новые качества массового сознания развиваются в атмосфере постоянного противоборства способов и методов завоевания умов, и это является основой разного рода споров, дискуссий, нестыковок, конфронтаций, и пр.

В сопоставлении ментальной рефлексии с сетевой реальностью неизбежно проявляется фактор «освобождения от иллюзий», которые составляют существенную часть когнитивно-эмоциональной матрицы сознания. Но такое «освобождение» оказывается весьма болезненным для массовой психики, так как часто сопровождается разочарованием в новых социальных явлениях и желанием возврата к привычным схемам интерпретации реальности и средствам решения проблем. В то же время, преодоление барьеров ментального роста является импульсом перехода на новый этап, подразумевающий самообразование и саморазвитие социального сознания – побуждения участников к углубленному

изучению исторических фактов, и приведения основанных на фактах аргументов в защиту своих позиций, попыток понять причины и прогнозировать следствия тех или иных значимых событий современности. Стремление к убеждению оппонента средствами рациональных аргументов постепенно вытесняет «силовой аргумент» во взаимоотношениях.

Сложность этого процесса проявляется в формах *дискурсных разрывов, разломов и конфликтов*. В спонтанных дискуссиях при столкновении различных взглядов на текущие события, недостаточности времени на продумывание аргументов для ответа собеседнику наиболее частой формой становятся *дискурсные разрывы*. Спонтанные дискуссии в сетях часто начинаются с высказываний неких суждений, позиций и принципов, а заканчиваются банальной перепалкой, доходящей до личностных оскорблений, после чего самопроизвольно возникающие споры прерываются в тупиковые моменты невозможности продолжения.

Сложнее протекают дискуссии убежденных сторонников различных или противоположных мировоззрений – идеологий, нормативных систем. Сложившиеся в процессе накопления личного опыта, вплетенного в общий социально-исторический опыт, мировоззренческие и этические матрицы сознания, сталкиваясь в дискурсном процессе и не находя точек соприкосновения, образуют глубокие *дискурсные разломы*, разводя сетевой социум по локальным полузамкнутым анклавам. Попадая в такое полузамкнутое сообщество, «чужак» чувствует себя «изгоем», находится «не в своей тарелке», все его аргументы подвергаются массивной коллективной атаке определено настроенного сообщества и вытесняются с «территории».

Дискурсивный конфликт возникает при отсутствии точек совместимости интересов и целей. Конфликтность дискурсивному процессу придает не просто расхождение мнений, а критическое рассогласование между «дискурсивными формациями» – относительно изолированными друг от друга сферами коммуникации, каждая из которых оперирует своим видением ситуации и понятийным аппаратом, исходящими из центров сфер жизненно важных интересов и функциональных периферий их обслуживания. М. Фуко, определял *дискурсивные формации* как продукт распределения власти в социальном пространстве. Согласно Фуко, коммуникация представляет собой довольно отчетливо структурированную пространственно-временную систему, в которой основные позиции занимают «очаги власти», претендующие на монопольное распределение «знания» и «символической собственности», придающей «знанию» узнаваемую форму. Во времена М. Фуко, то есть во времена противостояния мировых идеологических систем, социальная истина была преломленным продуктом доминирующей в обществе идеологии. Монопольное владение «символической собственностью» управляло течением коммуникативных потоков – мэйнстримов. «Очаги власти» определяли границы между «значимым» и «не значимым» и *возможности* различных социальных групп высказываться о чем-то [4]. И тогда мировой дискурсивный процесс был практикой идеологической борьбы. Постоянное столкновение «комплексов идей», идеологий разного уровня являлось движущей силой социального развития.

В современной сетевой реальности, в которой произошло разрушение монополии власти на «символическую собственность», оформляющую социальное знание, происходит процесс переопределения дихотомий «нормы-патологии», «истины-лжи», вплоть до разворота на полную противоположность их содержательного на-

полнения. В условиях расщепления и размывания идеологий, социальная истина становится продуктом объективации индивидуально конструируемых смыслов. Сетевая реальность есть явление постструктурализма, обозначающего трансформацию базового принципа управления социумом – переход от состояния верховно-властного руководства мышлением и поведением людей (политическими идеологемами, стереотипами, шаблонами и другими семиотическими конструкциями) к утверждению процесса совместного согласования смыслов и действий в ситуации семиотического обмена.

Конфликтный характер взаимоотношений современных дискурсивных формаций определяется как объективными, так и субъективными факторами. Объективные задачи поддержания целостности традиционно сформированной политической системы определяют рамки системно-энкратической (внутривластной) дискурсивной формации. Семиотический объем, охваченный этими рамками, включает в себя множество дискурсивных сфер: политико-идеологическую, официально-бюрократическую, парламентскую, медийно-пропагандистскую. И хотя степень формализации этих сфер довольно сильно различается – от стандартизированного официально-бюрократического стиля федеральных информационных источников до пропагандистских шаблонов и бытовых стереотипов, внедренных в массовый языковой оборот – энкратическая дискурсивная формация в целом объединена институциональной функцией контроля над общим состоянием социальных мнений. Построенная на основе функции контроля системно-энкратическая дискурсивная формация служит единственной цели – создания, сохранения, поддержания и воспроизводства позитивного образа традиционной политической системы в целом и подсистем нижних уровней – образа, задающего ориентир, эталон, долженствующий вектор развития социальной практики. Эта функция объективно противостоит тенденции возникновения новых жизненных проявлений, которые, пытаясь вырваться из-под любого контроля, формируют свои собственные дискурсивные пространства.

Привилегированный статус акторов энкратической дискурсивной формации в России объективно, и субъективно работает на воспроизводство асимметричного характера отношений власти и общества – ситуации правового неравенства, социальной несправедливости, выражающейся в громадной дистанции между приближенными к власти функционерами и народом. Ответная потребность в защите своих позиций в отсутствие для этого достаточных возможностей – свободной публично-политической сферы – вынуждает гражданское общество развивать противоборствующие критически-аналитические дискурсивные формации. Незрелость институтов обратного социального контроля над действиями госорганов приводит к активизации усилий подавления доминирующими формациями прав на самовыражение гражданского общества, что и является одной из основных причин воспроизводства *властно-социального типа* дискурсного конфликта.

Власть авторитарного типа не заинтересована в легитимации оппонентов, признании за ними права на собственное мнение, критику действий власти и принимаемых ею решений. Сама органическая природа власти как господства, не совместима с демократической ценностью толерантности к инакомыслию. Авторитарная власть всегда стремится устанавливать выгодные ей правила в обществе и ограничивать коммуникативное пространство в своих интересах, а когда она наделяет себя неограниченными полномочиями – навязывать обществу силой определенные способы мышления и фор-

мы выражения. Именно это подчеркивает Ю. Хабермас, когда утверждает, что властно-доминирующие формы коммуникации являются факторами, «систематически искажающими» коммуникативное пространство [5]. Для сложившейся политической системы в России активность нелояльного гражданского общества является сильно раздражающим фактором. При подавлении условий развития политического дискурса кризисное состояние социально-политических отношений усугубляется. Таким образом, *перманентно воспроизводятся условия для поддержания состояния недогвороспособности между энкратической и социальной дискурсивными формациями.*

Но не менее серьезным становится дискурсивное столкновение больших, фундаментальных пластов социального сознания – *субъектно-социального и традиционно-массового.* Расширение сферы участников сетевой коммуникации за счет вливания широких традиционалистски-ориентированных масс вносит свой «вклад» в течение и обострение дискурсивных конфликтов.

В глубинной основе формирования традиционалистской дискурсивной формации лежат исторически сложившиеся представления массового сознания о должном устройстве политической системы – с сильным лидером во главе и подчиненностью низовых пластов разного уровня. Значительный пласт российского массового сознания до сих пор остается в зоне влияния принудительно-силового «аргумента». Для этой части запрос на «сильного лидера» и сакрализация власти пока остается доминирующим фактором национально-го существования.

Идентичность принадлежности к ментальному мэйнстриму, государственнической «генеральной линии», отличает массовое сознание от субъектно-социального, характеризующегося потребностью выстраивания собственной ментальной концепции мира. Современный массово-ментальный мэйнстрим и до сих пор по инерции или в силу ретроградных вихрей исторической спирали задается обновленной формой традиции в эклектичном смешении религии и идеологии или попытками ее замещения – различными формами «национальной идеи». В силу этой эклектики, массовое сознание при общем механизме формирования «идентичности принадлежности» – неоднородно в выборе направлений «принадлежности». Оно едино по форме, прочно структурировано и фиксировано по линиям формируемых схем мышления, но разнородно по исторически-поколенческой технике «закладки» ментального фундамента, приходящейся, главным образом, на детско-юношеский возраст первичной социализации.

Субъективно ощущаемые материально-бытовые условия и психо-эмоциональный контекст социализации – семейный и образовательный микроклимат – проецируется на более общие характеристики исторического времени. Объективные характеристики социальных кризисов, общей неустроенности воспринимаются индивидуальным сознанием нейтрально, без отторжения, пока внутреннее ощущение субъективного мира не достигают порога когнитивного или, более широко, *экзистенциального диссонанса.* Даже в период войн массовое сознание не быстро меняет свои постулаты мышления, так как именно они служат компенсаторным механизмом, помогающим психически справиться с событийными стрессами. И в зрелые периоды жизни при необходимости разрешения вновь возникающих жизненных проблем массовое сознание склонно обращаться к прошлому и именно там искать рецепты выхода из текущих кризисов. Это объясняет оправдание и даже актив-

ную защиту сталинизма 30–40-х гг. XX века теми словами, которые не пострадали от массовых репрессий, ностальгию по оттепели 60-х для мечтателей о свободе или брежневскому «золотому веку» 70-х для не слишком ощутивших в ранней молодости проблемы общей бедности, дефицита и окостеневшей метариторики «развитого социализма». Разным образом сформированная историческая память, переносимая через поколения, по-разному определяет развитие способности анализа прошлых и настоящих событий и ментальное проецирование идеала будущего, посткризисного социального и политического устройства.

Формирование сетевой этики и новой сетевой культуры

Дискурсные конфликты могут найти пути разрешения поэтапно через достаточно длительный процесс сопоставления ментальных отражений действительности с реальными событийными процессами – развитием экономических и культурных взаимодействий. Сетевая экономика, при условии нивелирования политических барьеров на пути ее развития, задает тенденцию выравнивания сред и материальных условий обитания населений различных географических сегментов, центров и провинций. Повышение материального уровня жизни сглаживает противоречия материальных интересов. Культурный взаимообмен способствует расширению горизонтов познания через самообразование, существенно облегчаемого возможностями цифровизации информационного и коммуникативного пространства.

Классики социологии коммуникаций (Хабермас, Луман) сходятся во мнении, что решение проблемы примирения социетальных конфликтов необходимо искать через развитие и совершенствование коммуникативных взаимосвязей. Дискурсивная этика, по Хабермасу, задается общим стремлением к достижению социальной истины и консенсуса. Для этого общество должно стремиться к созданию «идеальных условий» для дискурсного процесса. «Идеальные» условия это такие, в которых все заявляемые позиции (validity claims) просеиваются на предмет честности и искренности убеждения. Дискурсивный процесс направляется единственной целью кооперативного поиска лучшего аргумента, доказывающего необходимость принятия того или иного решения [5]. Такая идеально-типическая конструкция, конечно, носит характер утопичности. Необходимо признать, что нахождение соотносительных точек в отстаиваемых позициях, и конечное достижение консенсуса – есть главная и наиболее трудная задача дискурса.

Но, как утверждает Н. Луман, несмотря на сложность и противоречивость событийных аспектов жизни, коммуникация, **и ничто иное**, остается тем средством, которым общество как система воспроизводит себя, рефлексивизируя по поводу текущего состояния дел и должного устройства социальной и политической системы. Именно коммуникация обеспечивает внутреннее структурное сцепление (structural coupling) современного общества [6, с. 127].

Взаимозависимость индивидуальных и групповых способов самореализации становится принципиальным условием нового типа рациональности – социально-сетевой [1]. Понятие социально-сетевой рациональности, в отличие от индивидуально-инструментальной, предполагает не просто постановку цели и просчет средств, а достижение баланса взаимодействия и взаимопонимания в обществе, невозможное в условиях господства какой-либо одной структуры и силового подавления альтернативных интерпретаций. Нельзя не согласиться с Ю. Хабермасом, что решение кризисных проблем должно быть найдено на уровне дискурсивной

этики как высшей стадии развития внутренней логики эволюции социальных систем [5].

Современный тип общественного устройства базируется не на установлении какого бы то ни было верховного контроля над сетевым публичным пространством, а на открытом обсуждении и постоянном критическом пересмотре тех ценностей и норм, которые должны лежать в основе социального взаимодействия. Современная социально-сетевая рациональность есть, таким образом, критически-аналитическая рациональность, развивающаяся в противовес любым тенденциям установления господства какой-либо силы. Эта неорациональность развивается в сетевом дискурсивном процессе.

Фактором, выправляющим «систематическое искажение» коммуникативного пространства, становится не добродетельность власти, старой или новой, а гражданская активность общества, добиваемая в нелегкой борьбе с властью права на собственное мнение и поведение. Именно долгая и кропотливая работа гражданского общества приводит власть к осознанию необходимости установления договорного принципа отношений с политическими оппонентами. В современных развитых демократиях такая борьба за многие годы противостояний привела к установлению институтов взаимных переговоров и сотрудничества власти и оппозиции, институциональному признанию «прав человека». Многовековая борьба противоборствующих позиций исторически постепенно приобрела более рациональный и цивилизованный характер, чем это было в начале пути становления демократий. Именно это Ю. Хабермас и называет «делиберативной демократией» – новой формой рационализации общества, пришедшей на смену идеологизированным формам рациональности раннего модерна.

Социально-политический ландшафт сегодняшней России очевидно демонстрирует восстановление исторически сложившегося перекоса в сторону политического доминирования над социальным, подавления альтернативных ветвей социального развития. Результатом такого перекоса становится ставший уже традиционным путь накопления социального напряжения и периодический выброс в социальную атмосферу актов социального протеста.

Тем не менее, современное сетевое общество находит пути формирования и поддержки критически-аналитической активности. Критическое общество подрывает начинающие окостеневать принципы функционирования политико-административной системы, перерождаясь из структур поддержания социального порядка в фактор, препятствующий социальному развитию. Сетевой социум переосмысливает официальные презентации происходящих событий, что влечет за собой значимое ослабление целенаправленных мер по продвижению «методологии власти» – установления разных форм контроля над сетевыми процессами. В исторической перспективе такие усилия обречены на неуспех в силу развития массового сознания в сторону обретения самостоятельности мышления и субъектности действия. И именно этот тренд постепенно формирует условия, при которых воспроизводство социетальных кризисов и дискурсивных конфликтов теряет основы «неразрешимости».

Литература

1. Политические отношения в сетях: система или общество. Материалы круглого стола. Михайленок О.М., Брега А.В., Люблинский В.В. и др. // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 122–163.

2. Сетевизация политических отношений в условиях новой реальности: [монография] отв. ред. О.М. Михайленок, А.В. Назаренко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 382 с. DOI: 10.19181/monogr.978–5–89697–371–3.2021
3. Трансформация политических отношений в процессе взаимодействия сетевых феноменов и иерархических структур. Материалы круглого стола. Михайленок О.М., Брега А.В., Зеленко Б.И. и др. // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3. С. 297–340.
4. Foucault M. The Archeology of Knowledge and the Discourse of Language. – New York, 1972. – 246 p.
5. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol.1: Reason and the Rationalization of Society. – Polity Press. 1991. – 465 p.
6. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. – N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. – 236 p. – P. 127.

DISCOURSE PROCESSES IN NETWORK REALITY

Voronkova O.A.
FCTAS RAS

In XXI century communicative technologies become a driver for the development of all aspects of social life, for the search for new ways of self-realization and meaning-affirmation. A social global network is a communicative space for rethinking of traditional forms of life and the production of new worldviews and new social practices. But the global network is becoming not only a place for the exchange of opinions and preferences, but also an arena for social conflicts. The search for correlative points in the defended positions and the achievement of consensus is the main and most difficult task of net-

work discourse. However, only the development of discourse processes, and not their suppression by the establishment of any supreme control over the network public space, can lead to the solution of conflicts and other problems. The main thesis of the article is the assertion that for the formation of discursive ethics and network culture, an open discussion of the values and norms that should underlie social interaction is necessary. Modern network rationality is a critical-analytical rationality that develops in opposition to any tendencies to establish the domination of any force.

Keywords: network reality, network discourse, discourse conflict, discursive ethics, network culture, network rationality.

References

1. Political Relations in Networks: System or Community. Round table // Social and humanitarian knowledge. 2021. № 1. S. 122–163.
2. Networkization of political relations in the conditions of the new reality: [monograph] ed. by O.M. Mikhailenok, A.V. Nazarenko. – M.: FCTAS RAS, 2021. – 382 p., DOI: 10.19181/monogr.978–5–89697–371–3.2021
3. Transformation of political relations in the process of interaction of network phenomena and hierarchical structures. Round table // Social and humanitarian knowledge. 2022. № 3. S. 297–340.
4. Foucault M. The Archeology of Knowledge and the Discourse of Language. – New York, 1972. – 246 p.
5. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol.1: Reason and the Rationalization of Society. – Polity Press. 1991. – 465 p.
6. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. – N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. – 236 p. – P. 127.

Михайленок Олег Михайлович,

д.п.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Назаренко Алексей Владимирович,

к.п.н., ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: alek_nazarenko@mail.ru

В настоящей статье речь идет о первой и, пожалуй, главной составляющей в сети политических отношений – о человеке как их источнике. Его включение в политику на индивидуальном уровне с одновременным снижением его политической активности в рамках конвенциональных социально-политических объединений, ведёт к изменению самой сути «человека политического». Он становится все более автономной и самостоятельной личностью в политической жизни. Благодаря этому в политику вовлекается всё больше людей, внося в нее элементы эмоционального, увеличивая таким образом широту и интенсивность политических взаимодействий. Благодаря развитию современных технологий эти взаимодействия переносятся в виртуальную сферу, обретая таким образом не только динамическую, но и темпоральную окраску. В результате процесс сетевизации отношений формирует потребность в осмыслении политики и политического не с позиций дедуктивной логики, основанной на заданных большими социально-политическими формами или ценностными основаниями детерминированных изменений, а исходя из ориентации на интересность отдельного политического человека.

Ключевые слова: человек, субъект, сеть отношений, политическое, реальность, виртуальность, динамика, темпоральность, интересность.

В настоящий момент российская политическая наука оказалась на перепутье. Становится очевидным, что она оказалась заложником ситуации «качелей» между направленной «политикой» человека по отношению к своему окружению и ненаправленным «природным» ответом на его притязания порождая тем самым глобальную турбулентность. Любые попытки найти равновесие между этими крайними позициями будут затрагивать, казалось бы, незыблемую основу современного миропорядка – глубинную суть «политического», однозначно и направлено детерминирующего взгляд человека на окружающий его общий мир, его историю и его перспективы. Любые попытки избежать коррекции глубинной сути «политического» путем смещения акцентов в управление им заводят в логический тупик, ибо сам процесс управления в его классической парадигме предполагает разделение мира на два глобальных лагеря – субъектов и объектов. Очевидно, что проблема управления лежит гораздо глубже – сначала нужно понять, чем и в чьих интересах нужно и можно управлять.

Это возвращает нас к необходимости пересмотреть понимание политического. Расширяющаяся пропасть между классическими, простыми, ясными, четко определенными формулировками и понятиями в системно – институциональном ключе в контексте «да-нет», «субъект-объект», «друзья-враги» и выходящими за из пределы явлениями реального мира в контексте «и да, и нет», «субъект-субъект», «человек человеку человек» требует немедленного вмешательства в ситуацию. Поскольку простые классические подходы к пониманию глубинной сущности мира и траектории его развитию перестают работать, наблюдаются безуспешные попытки смены основания для оценки направленности политического. Отказ от его целевого контекста в духе «цель оправдывает средства», закономерно заводящего мир в тупик либо будущего, либо прошлого, обрекая его к движению по замкнутому кругу что вообще-то противоречит пониманию прогресса в пользу ценностной парадигмы контексте «средства оправдывают цель» не только не снимает проблему разделенного мира, а лишь усугубляет ее. Основная причина становится еще более очевидной – любая бытийная заботливость как феноменологическая и даже с экзистенциальная проблема ориентации на конкретную, идеологически закрепленную и универсальную норму, фиксирующую интенциональность, истину и красоту человеческого «бытия» вкупе с выделением «идеала» в виде «учителей» как поверенных трансцендентного мира однозначно заводит в тупик.

В результате приходится говорить о необходимости отказа как от любой абсолютизации абстрактного «блага», политического или духовного первенства, доводящая «человеческое» до такой крайности, за которой «пробасть» между человеком и человеком даже «Ахилл свободомыслия» не сможет преодолеть «не без дрожи ужаса» [9, С. 295–305]. Далеко не случайно главным лейтмотивом предстоящей ежегодной конференции российской ассоциации политической науки становится теоретический поиск оснований политического и новых политических практик в меняющемся мире. Отход от доминирования линейных теоретических парадигм, политических и идеологических проектов, действительно ставит перед нами под вопрос о правомерности существующих

традиционных политических практик, легитимности институтов, целей и субъектов политического процесса [10].

В течение длительного времени научный коллектив отдела исследования социально-политических отношений ФНИСЦ РАН вел работу именно в этом ключе, занимаясь поиском некоего синтетического неклассического оператора, способствующего запуску процесса синтеза субъектности и формирования новой связанности субъективностей в рамках распределенных по всей планете антропосоциальных, живых и неживых, материальных и виртуальных агломераций исключаящего их лобовое столкновение. Речь идет о сетевом взгляде на мир и происходящие в нем процессы, причем не в его латуровской интерпретации как «сети действия» в духе «все зависит от того, какого рода действие перетекает от одного к другому», а в более глубинной версии делезовской «действующей сети» отношений [7, С. 199–201]. Именно она, возможно, окажется способной отсылать субъекты к самим себе через соотнесение одной вещи с другой, через отношение, закон, или необходимое) вдохновляющей его тем самым на «акты», содержащие символический элемент некоего закона (давать, обменивать); на интерпретации, отсылающие к некоему элементу смысла; на интеллектуальные ощущения отношений типа ощущений, сопровождающих употребление логических союзов вроде «потому что», «хотя», «чтобы», «стало быть» «и вот» и т.д. В результате сами субъекты окажутся равными в своей способности «действовать и вступать во взаимодействие, в ходе которых и будет определено кто или что они есть и чем они будут» [2, С. 268–324]. Несмотря на то, что результаты проведенных исследований уже обнародованы, они по своей сути видятся промежуточными, стимулирующими к дальнейшим творческим поискам универсального основания политического, лежащего в основе нашего мировосприятия.

Целью настоящей статьи, состоящей из двух логически связанных между собой частей является не столько обнародование ключевых положений сетевого взгляда на мир, сколько приглашение читателя к дискуссии о новой сути и роли политического в нем призванной внести еще больше ясности в сопутствующие этому дефиниции – «потому что», «хотя», «чтобы», «стало быть» «и вот» и т.д. Первая часть статьи затрагивает на наш взгляд ключевую дефиницию – человека как субъекта выступающего в роли внешнего источника распространяющегося по сети отношений политического.

Сетевизация предполагает включение человека в политику на индивидуальном уровне, одновременно снижая его политическую активность в рамках конвенциональных социально-политических объединений (партии, профсоюзы и пр.). Это ведёт к изменению самой сути «человека политического», который становится более автономной и самостоятельной личностью в политической жизни.

Объективной причиной для сетевого взгляда на мир являются фундаментальные изменения в политических и социальных отношениях, а с ними и последующих эмоций и действий, вызванные изменениями в мышлении отдельного человека, в части мироощущений и мировосприятий. Возникающее в процессе сетевизации отношений субстантивное множество политических позиций человека заставляет по-новому взглянуть и на суть политики. Ее более нельзя рассматривать только в контексте конвенционального общественного регулирования – распределения статусов, активов и пассивов. Новый «человек политический» уже не будет восприниматься как объект, принадлежащий к тому или иному субъективному политическому образованию, а становится самостоятельным политическим игроком, способным создавать или разру-

шать различные политические сборки, встраиваться или покидать их в зависимости от обстоятельств. Теперь множественное создается не благодаря условному субъекту доминирующей воли, организовывающему социальный, национальный, государственный, межгосударственный или цивилизационный порядок, а благодаря исходящей от микроуровня – «человека политического» сетевой активности. Суть этого процесс хорошо описывается посредством делёзовско-гваттариёвской ризомы, сделанной «не из единиц, а из измерений», и для которой характерно вычитание «единственного» из множества (n-1) [4, С. 37]. Это позволяет обнаруживать потенциальную множественность возможных состояний субъекта, обусловленных интенциональностью человека политического вкупе со скоростью, темпоральностью и направленностью его отношений со своим окружением, образующих каждый раз каждого нового следующего за ним субъекта.

Сетевизация охватывает и вовлекает в политику всё больше людей, увеличивая тем самым широту и интенсивность политических взаимодействий, внося в них элементы эмоционального.

Откат политики от модели конвенционального общественного регулирования, содействующей укреплению статусной иерархии и сохранению ресурсно-акторного перераспределения активов и пассивов, создает риски для превращения ее в новую территорию мифов. Это может быть следствием замещения транслируемого ситуационным мейнстримом линейного, но адресованного всем, но никому в отдельности ненаправленного политического воздействия, нелинейным, но направленным кибернетическим потоком событий [6, С. 41]. Это будет обусловлено «новой публичностью» человека как политического субъекта во всё новых и новых реальных и виртуальных образах, смысл появления которых далеко не однозначен. Приходится говорить о том, что политическая рациональность, являющаяся основой для социального конструирования и регулирования, начинает размываться чувственным измерением политических субъектов. Как следствие политика обретает некое метафизическое измерение, в котором рациональное конструирование социальной действительности и ее регулирование теряет свою приоритетность. Это приводит к тому, что меняется понимание «контроля» за политическими процессами.

Несводимый к традиционному восприятию власти посредством прямых и обратных связей, контроль кибернетических процессов начинает обретать эмерджентный характер. Теперь контролю подлежат последствия выхода человека как политического субъекта за его существенные – «человеческие» рамки окружения в контексте «приемлемо» – «опасно». Эмерджентность будет объясняться связями – отношениями, дискурсами и действиями и законами их «композиции». Их частно невозможно увидеть у отдельного человека как сетевого узла, но они могут проявиться при объединении людей посредством отношений. Возникает новый концепт – управление отношениями и связями. В результате наметившихся в настоящее время технологических прорывов, расширяющих возможности человека как политического субъекта до немислимого ранее пределов посредством создания виртуальной реальности, приходится оценивать перспективы каждых всё новых и новых технических достижений в контексте условного «добра» или «зла». Ярким примером этого является отход от первоначального замысла сети интернет – в чьих руках окажется создание новых продуктов, кем, как и с какой целью будет использоваться современный прообраз искусственного интеллекта – чат GPT, позволяющий преодолевать изначальное интеллектуально-информационное неравенство людей, остается вопросом.

Благодаря развитию современных технологий, человеку с его «играми разума», освобождаемыми от теологическо-методологических клише априори упорядоченного «общезития» был преподнесен сюрприз, последствия которого никто не в состоянии был предсказать заранее, но который существенным образом меняет его восприятие реальности, а с ним и алгоритм последующих действий в контексте «причина – следствие».

Внутренний виртуальный мир человека, обрел возможность «покинуть» его материальные пределы, вступив во взаимодействие с виртуальными мирами других людей. В результате все созданные человеком виртуальные образы на основе его воспоминаний, грез и собственных «миров» могут оказывать определенное влияние на его реальный образ, за которым скрывается его субъективность посредством «знаков» – «образов времени», «нередуцированных» к реальному «образу-движению», но связанному с ним посредством отношений [2, С. 330]. Образы могут дополнять друг друга, подводя нас к постижению человеческой субъективности или вступать в противоречие, отдаляя нас от постижения ее сути. Каждый новый виртуальный облик человека будет способен детерминировать его реальный облик лишь до того момента, пока не достигнет определенного предельного уровня развития психофизической сферы действующего и наблюдающего человека. Ведь в отличие от материальной сферы, в виртуальной сфере не существует ответственности за производимые действия, которые всегда могут быть изменены или отменены без каких-либо последствий, вследствие отсутствия реальной возможности их регулировки. В результате умножая образы и превращаясь в центр всех бытийных горизонтов, человек получает возможность для монтажа определенной последовательности событий, стремясь при этом сохранить свою субъектность не выходя за рамки «человеческого» при любом переходе от виртуальности к реальности и наоборот.

Сетевые отношения в политике предполагают новое прочтение политической субъектности. В отношениях помимо физического присутствия субъекта политики значимым становится и его параллельное виртуальное присутствие. В результате создаваемые им образы и дискурсы образуют сложносоставную субъектность. Осмысление подобной реальности предполагает использование междисциплинарного подхода, что требует широкого привлечения учёных из различных сфер науки.

Симбиоз базового положения феноменологии – «кто присутствует в мире» с базовыми положениями фуко-лакановского дискурса позволил говорить о том, что любая «бытийная» реальность будет основываться на том или ином дискурсе и определяется им. Суть дискурсов и их «интенциональность» будут определяться глубинными интересами субъектов и «картой» графов отношений между ними посредством создаваемых политических «образов». Активно создавая «образы», субъекты создают предпосылки для возникновения достаточно сложной схемы отношений между собой: «субъект» – «создаваемый им образ» – «другой субъект» – «создаваемый им образ», и далее возврат к первому субъекту. Можно говорить о возникновении сложной сети отношений между субъектами, в которой логика сопряжения их между собой может быть лишь домыслена наблюдающим, и то при условии его «погружения» в них в качестве полноправного их участника. Заметим, что это полностью совпадает с копенгагенской интерпретацией квантовой модели взаимодействия между элементарными частицами. В соответствии с ней первоначально «ограни-

ченная» атомным миром «квантовая неопределённость» взаимодействующих между собой объектов может быть устранена лишь в ходе прямого наблюдения за ними (эффект шрёдингерского кота). То есть если «атом», в нашем случае «субъект», дополнить «кварком» – отношениями, то «научный дискурс» «начнёт развиваться именно в этом направлении», и мы будем вынуждены «говорить не о мире атомов, а о чём-то другом», другом мире – мире отношений и дискурсов [5, С. 46]. Поскольку при осмыслении модели сети отношений между людьми приходится использовать базовые положения философии, психологии и математики, следует говорить о междисциплинарной сути сетевой модели политических отношений между людьми.

Индивид, а также образующиеся при сетевых политических взаимодействиях неформальные группы единомышленников имеют возможность не только включаться в политику и выключаться из нее исходя из собственных предпочтений, но и транслировать их во вне, становясь активными сетевыми узлами. Эти узлы могут составлять конкуренцию традиционным институтам. Благодаря этому процессу умножается число вариантов возможных состояний сети отношений до таких величин, которые не могут быть проанализированы посредством имеющихся на настоящий момент вычислительных возможностей.

Предметом исследования становятся люди как субстантивно множественные субъекты. Они рассматриваются уже не в качестве независимых единиц наблюдения, анализа и интерпретации их статических «образов», а в качестве «узлов» сложной сети межличностных отношений [11]. Следуя логике Пор-Рояля, «идея» субъекта определяется через две отдельные субстанции, не имеющие ни одной общей части, «идея» представляемого субъекта – человека всегда будет вызываться посредством «идеи» представляющего субъекта – другого человека [1, С. 46]. Функционал подобной модели отношений между представляющими и представляемыми «узлами» достаточно хорошо описывается моделью логической булевой сети (Random Boolean Network (RBN)). Состоящую из дискретного набора состояний «узлов» сети, булеву сеть можно рассматривать как упрощённый ориентированный мультиграф отношений, каждой дуге которого приписывается некоторый элемент из фиксированного конечной булевой алгеброй множества состояний самих «узлов» в контексте «истинности» или «лжи». Пространственное представление формализованной на уровне состояний узлов модели отношений возможно в виде дерева Келли, для которого справедливо правило, по которому число «деревьев» отношений с n пронумерованными узлами – вершинами графов равно n в степени $n-2$. Вкупе с неявными, множественными состояниями узлов (следуя математической логике – аксиомам булевой алгебры), это существенно умножает число вариантов возможных состояний сети отношений – до таких значений, которые не могут быть проанализированы посредством имеющихся на настоящий момент вычислительных возможностей.

Процесс сетевизации формирует потребность в осмыслении политики не с позиций дедуктивной логики, основанной на заданных большими социально-политическими формами детерминированных изменений, а исходя из ориентации на «внутренний взгляд» каждого отдельного «человека политического».

Тенденции к изменению мышления и мировосприятия приводят к смене парадигмы создающих политического субъекта отношений. Налицо переход от «конкуренции» и «конфронтации» в духе бинарной логики

отношений к активному поиску «гармонии» и «единого будущего» субстантивно множественных субъектов – «политических людей». Лейтмотивом новой эпохи видятся «коммуникация и кооперация». То есть речь идёт о политическом подходе, сфокусированном на индивидуальных социально-психологических процессах и лежащих в их основе психологических механизмах. Важность адекватной оценки человеком окружающей его реальности, а именно социально-психологического состояния людей в его окружении, позволяет сместить акцент с изучения распространённости тех или иных позиций и настроений в обществе на индивидуальные, часто эмоциональные индивидуальные «предпочтения – неприятия». Это указывает на важность изучения механизмов рационального и иррационального политического взаимодействия людей, образования и разрушения организационно не оформленных невозможных и неявных политических сообществ [8, С. 6–15].

Выводы

Первая часть статьи затронула ключевую для понимания политического в сети дефиницию – человека как полюса сети отношений. Являясь субъектом отношений, он выступает в качестве внешнего источника политического, распространяющегося по сети. Сложность заключается в том, что человек одновременно эмоционален и рационален, автономен и связан, активен и пассивен, то есть имеет множество «лиц». Подобная множественность состояний полюсов сети отношений, благодаря «действенным» и «темпоральным» сетевым «соединениям», «исключениям» и «распределениям» делает возможным выявлять допустимый «разброс» образов состояний центров-полюсов отношений вокруг некоего «условного» центра – аттракционного центра субъективности полюса на каждом этапе его эволюции. Появляется достаточно веское основание и для выявления направленности процесса эволюции субъекта отношений – киберконвергентного или киберположительного. С одной стороны это может быть условной точкой аттракции состояний центров сети отношений, где эволюционный процесс закончится, а с другой стороны – бесконечно расширяющаяся виртуальная сфера субъектностей. Нельзя не увидеть в этом явную аналогию с делезовскими парадоксами – неопределенного размножения и регресса, стерильного раздвоения, нейтральности и абсурда [3, С. 44–53]. Важным в эволюционном процессе является не только неприемлемость подмены «конвергенции» ограниченной гомеостатической парадигмой эволюции на основе эффекта стерильного размножения или невозможного состояния, но и прочтение кибернетики в контексте «направленной» целостности потока состояний, исключающее потенциальную двойственность и взаимообратимость событий – последовательное изменение состояний субъектов отношений. Поскольку состояние состоящего в отношениях субъекта отношений считается посредством образов, создаваемых в процессе взаимодействия с другими, именно они могут восприниматься в качестве внешнего источника, распространяющегося по сети отношений политического. При этом, как мы понимаем, существует предел способов восприятия и реализации отношений. Поскольку сторонами отношений являются люди, этот предел детерминирован понятием «человеческого». Явная тенденции к изменению человеческого мышления и мировосприятия, расширяющее понятие человеческого, закономерно приводят к смене парадигмы создающих политического субъекта отношений – их глубинной сути. Ведь благодаря этому может состояться столь желанный переход от «конкуренции» и «конфронтации» в духе бинарной логики отношений

к активному поиску «гармонии», а с ней и «единого будущего» субстантивно множественных субъектов – «политических людей». Можно говорить о том, что изменение глубинной сути политических отношений создают новую хайдеггеровскую «мирность» мира – политическую среду, в которую погружены политические субъекты как внешние источники политического. В результате начинает просматриваться своеобразный «круговорот политического» – от его источника, к способу распространения, а от него к среде и далее вновь возврат к источнику. Рассмотрев в первой части статьи первую и основную дефиницию – политического человека, необходимо последовательно рассмотреть и остальные – способ распространения политических отношений и политическую среду, дабы не нарушить целостность политически действенной сети. Речь о них пойдет во второй части.

Литература

1. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / Антуан Арно и Пьер Николь / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. – М.: Наука, 1991. – 417 с.
2. Делез, Ж. Кино / Жиль Делез пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: «Ад Маргинем», 2004. – 624 с.
3. Делез Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с.
4. Делез Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари / Пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Астель, 2010. – 895 с.
5. Лакан Ж. Семинар, Книга XX (1972/73). Пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: Логос, – 176 с.
6. Ланд Н. Киберготика / Ник Ланд пер. с англ. Д.Я. Хамис и др. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 208 с.
7. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
8. Мизиано В. Невозможное сообщество / Невозможное сообщество. Научно-исследовательское издание. Книга 2. Куратор Виктор Мизиано. – М.: Московский музей современного искусства, 2011–2015. – 416 с.
9. Ницше Ф. К Генеалогии морали / Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы: пер. с нем. – Минск: Харвест, 2009. – 1037 с.
10. Российская ассоциация политической науки (РАПН). Ежегодная всероссийская научная конференция РАПН «Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск», Москва, декабрь 2023 // <https://rapn.ru/> (дата обращения 11.09.2023).
11. Mach, B.W., Sadowski, I Ludzie w sieciach. Znaczenie otoczenia społecznego dla funkcjonowania jednostki. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. – 256 p.

Networking of political relations: source, method, environment

Part 1. Man as a source of the political

Mikhaylenok O.M., Nazarenko A.V.
Russian Academy of Sciences

This article deals with the first and, perhaps, the main component in the network of political relations – about a person as their source.

His inclusion in politics at the individual level with a simultaneous decrease in his political activity within the framework of conventional socio-political associations leads to a change in the very essence of "political man". He is becoming more and more autonomous and independent personality in political life. Thanks to this, more and more people are involved in politics, introducing elements of the emotional into it, thus increasing the breadth and intensity of political interactions. Thanks to the development of modern technologies, these interactions are transferred to the virtual sphere, thus acquiring not only a dynamic, but also a temporal coloring. As a result, the process of networkization of relations creates a need to understand politics and the political not from the standpoint of deductive logic based on deterministic changes set by large socio-political forms or value foundations, but based on an orientation towards the intersubjectivity of an individual political person.

Keywords: person, subject, network of relations, political, reality, virtuality, dynamics, temporality, intersubjectivity.

References

1. Arnaud A., Nicole P. Logic, or the art of thinking, which, in addition to the usual rules, contains some new considerations useful for the development of the ability to judge / Antoine Arnaud and Pierre Nicole: trans. from fr. V.P. Gaidamak. – M.: Nauka, 1991. – 417 p.
2. Deleuze, J. Cinema / Gilles Deleuze trans. from fr. B. Skuratova. – M.: "Ad Marginem", 2004. – 624 p.
3. Deleuze J. Logic of meaning / Transl. from fr. Ya.I. Svirsky. – M.: Academic project, 2011. – 472 p.
4. Deleuze J. A Thousand Plateaus. Capitalism and schizophrenia / Gilles Deleuze, Felix Guattari; trans. from fr. Ya.I. Svirsky. – M.: Astel, 2010. – 895 p.
5. Lacan J. Seminar, Book XX (1972/73). Per. from fr. A. Chernoglazova. – M.: Logos. – 176 p.
6. Land N. Cybergothic / Nick Land trans. from English D. Ya. Khamis et al. – Perm: Gile Press, 2018. – 208 p.
7. Latour, B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory / trans. from English I. Polonskoy; edited by S. Gavrilenko; National research University "Higher School of Economics". – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2014. – 384 p.
8. Misiano V. Impossible community / Impossible community. Research publication. Book 2. Curated by Victor Misiano. – M.: Moscow Museum of Modern Art, 2011–2015. – 416 p.
9. Nietzsche F. On the Genealogy of Morals / Nietzsche, F. Thus Spoke Zarathustra. On the genealogy of morality. The birth of tragedy. The will to power. Posthumous aphorisms: trans. with him. – Minsk: Harvest, 2009. – 1037 p.
10. Russian Association of Political Science (RAPN). Annual All-Russian scientific conference of RAPN "Political science in a changing world: new practices and theoretical search", Moscow, December 2023 // <https://rapn.ru/> (date of access 09.11.2023).
11. Mach, B.W., Sadowski, I. Ludzie w sieciach. Znaczenie otoczenia społecznego dla funkcjonowania jednostki. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. – 256 p.

Основные аспекты управления данными в государственных и международных организациях

Семёнова Ольга Викторовна,

старший преподаватель, кафедра государственного управления во внешнеполитической деятельности, Дипломатическая академия МИД России
E-mail: Semenova-o-v@yandex.ru

Целью данной работы является выявление ключевых аспектов в сфере управления данными на основе системного подхода. В статье рассмотрены программно-аппаратные средства и технологии, а также организационно-правовые и морально-этические аспекты управления данными в компаниях, государственных и международных организациях. Отмечается, что достаточно активно развивается российский рынок программных продуктов в условиях импортозамещения; приводятся данные рейтингов и краткие характеристики перспективных российских продуктов в сфере управления данными. Выявлены общие противоречия в необходимости защиты персональных данных и праве на информацию, стремительном развитии нейросетей и ошибках в их работе, различающейся информационной политике государств и необходимости в трансграничном обмене данными. Дальнейшее развитие глобальных инициатив возможно на основе определения каждым из государств необходимого и достаточного уровня «глубины», открытости и достоверности. Экспертные системы могли бы играть «направляющую» роль для усвоения принципиально важных знаний нейросетями. Наиболее перспективным решением может стать взаимодействие гибридного искусственного интеллекта на основе нейросетей, экспертных систем с человеком и окружающей его внешней средой, как основной цели Индустрии 5.0.

Ключевые слова: управление данными, базы данных, СУБД, экспертные системы, нейросети, гибридный интеллект, Big data, Индустрия 5.0.

На протяжении всей истории данные служили основой для получения знаний. Примером фиксации данных в древности можно считать зарубки на носу (дощечки с записями), а систематизировать данные начали в XVII веке. С приходом индустриальной революции в XIX веке потребовалось вести подсчеты, связанные с автоматизацией производства. В 1884 г. появилась табулатура, способная считывать перфокарты, с 1890 г. при переписи населения стали использовать табуляторы. В 1927 г. вошли в обиход магнитные ленты, позже – диски и т.д. В 1948 г. Клод Шеннон ввел понятие бита. В 1960 г. появилась международная организация по управлению данными – Международная федерация по обработке информации (IFIP), которая определила данные как «формальное представление фактов или идей, которые можно передавать и которыми можно управлять каким-либо способом». В 1966 г. на 11-й Генеральной ассамблее Международного совета по науке открыл Комитет по данным для науки и техники (CODATA). Каждое новое изобретение обладало новыми, улучшенными характеристиками по сбору и обработке данных.

Данные – это зафиксированные сигналы, отдельные факты, представленные в готовом для хранения, передачи и обработки виде, это минимальные семантические единицы, представляющие собой дискретный набор значений. Данные используются для их последующего анализа и принятия решений.

Управление данными – это процесс сбора, хранения, защиты и использования данных организации, реализуемый в целях эффективности принятия решений. Методология управления данными базируется на множестве технических, программных, организационных, методических, организационных, правовых и морально-этических аспектов, которые легли в основу построения информационных систем (ИС). Рассматривая эволюцию ИС, можно отметить, что в практике управления первыми стали системы обработки электронных данных – СОД (Electronic Data Processing – EDP).

Объём данных, как можно заметить, растет по экспоненциальному закону. Вся содержащаяся в информационных системах информация (**Big data**) отражает такое количество фактов действительности, которого во многих случаях становится достаточно для построения модели существующих объектов или части реального мира. Именно данные и используются для поиска полезных уточнений, составления общей картины изучаемого явления. **Data Mining** – это поиск закономерностей, ранее неизвестных, нетривиальных знаний в больших массивах данных.

Самые популярные программы для ведения данных – **Базы данных**. Это информационные массивы, представленные в наиболее четко структурированном виде. **Системы управления базами данных (СУБД)** позволяют их систематизировать, фильтровать, пополнять, делать запросы и т.п. Данные структурированы в соответствии с представляемой моделью. Существуют следующие их разновидности:

Иерархическая, представляющая различные уровни подчинённости;

Сетевая, напоминающая граф с узлами – объектами БД и ребрами – связями между ними. Пропагандистом этой модели был Чарльз Бахман. Сетевая модель данных CODASYL основана на математической теории множеств;

Реляционная, основанная на модели Э.Ф. Кодда, в которой данные представлены в виде связанных между собой посредством ключевых полей таблиц. Для реляционных баз данных разработан язык SQL. Данные классифицированы по типам (текстовые, числовые, денежные, логические и т.п.), а основными объектами, наряду с таблицами, являются запросы, формы, отчёты и др.;

Объектные и объектно-ориентированные модели позволяют представлять с помощью объектно-ориентированного языка любую сущность реального мира в виде объектов, их атрибутов, методов и классов. Такие средства являются информационной основой для систем других классов.

NoSQL – это один из новых подходов к организации хранения данных, решающий проблемы масштабируемости, доступности за счет согласованности данных. Доступ к данным осуществляется уже не языком SQL, а скриптами (небольшими программами); [4]

Документная база данных – нереляционная СУБД, которая хранит данные в документах (а не в строках и столбцах, как в реляционных СУБД);

СУБД типа ключ-значение связывают ключ с каким-либо одним значением;

Графовые СУБД – сетевые модели в виде графов с их свойствами и отношениями между узлами; **Колоночные СУБД** подобны реляционным, однако для обращения к данным считывается не вся строка, а обращение идёт сразу к нужной колонке;

Многомодельные СУБД позволяют отобразить всё информационное пространство Интернета, характеризуются тем, что могут быть применимы в облачной СУБД. На рисунке 1 приводятся рейтинги популярности в поисковых системах СУБД – **DB – Engines Rankinr** (один из первых рейтингов популярности продуктов разработчиков СУБД). Он показывает, что на август 2023 г. среди российских мультимодальных СУБД **PostgreSQL** занимает 4 место, **Эластичный поиск** – 7 позицию, ClickHouse (остановил деятельность в России) – 39 строчку, Tarantool – 162 место, Postgres-XL – 246 место, Linter – 315 место [12]. Интерес к данному исследованию связан с тем, что многие иностранные разработчики ПО (а в сфере СУБД это Microsoft, ORACLE и другие) приостановили или прекратили свою деятельность на территории России.

Рейтинг DB-Engines - популярность тренда

Рейтинг DB-Engines ранжирует системы управления базами данных в соответствии с их популярностью.

Узнайте больше о [методе](#) подсчета баллов.

Rank	DB-Engine	Score	Change
1	Oracle	1880	+27
2	MySQL	1342	+47
3	SQL Server	1278	-40
4	PostgreSQL	174	-3
5	MS Access	161	-8
6	DB2	155	-4

рейтинговая таблица
август 2023

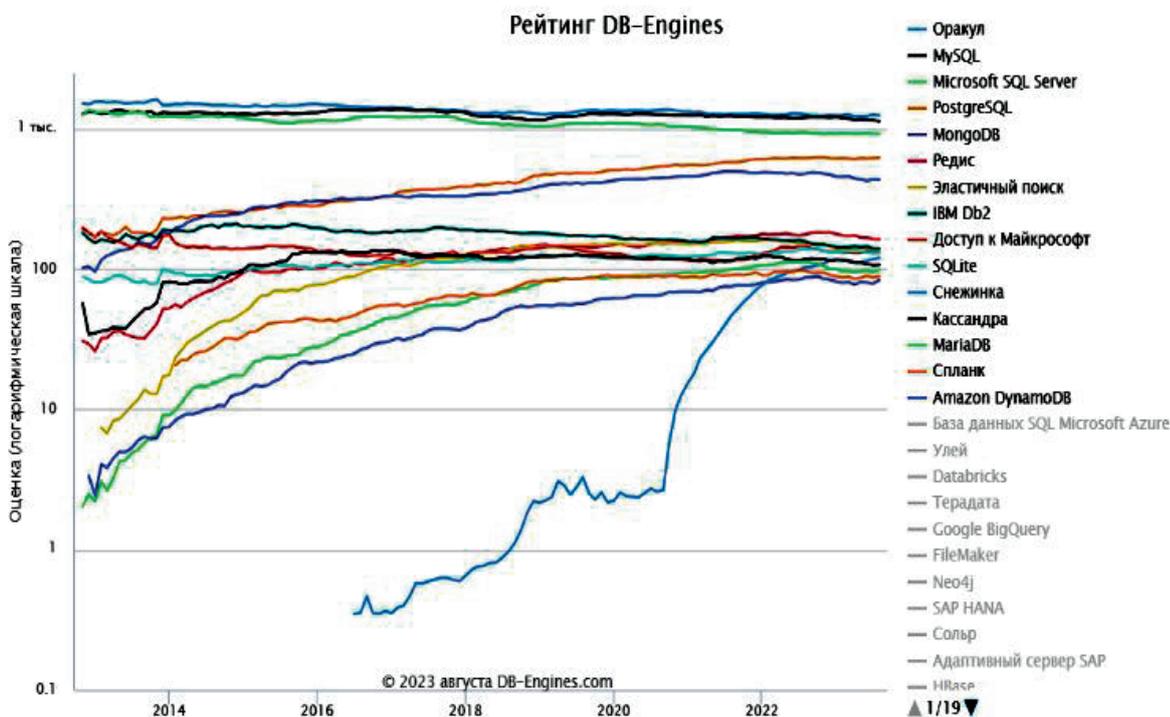

Рис. 1. Рейтинг СУБД по данным DB-Engines Rankin (август 2023 г.)

PostgreSQL – свободно-распространяемая СУБД, разработанная международным сообществом и значительным вкладом разработчиков Postgres Professional.

Postgres Pro – российская коммерческая реляционная СУБД (входит в реестр Российского ПО), облада-

ющая высокой производительностью и надежностью; используется во многих сферах промышленности и финансах.

ClickHouse – это база данных, предназначенная для проведения бизнес-аналитики, формирования отчётов;

используется в электронной коммерции, в исследовательской работе и др.

СУБД Линтер – реляционная система управления базами данных, полностью отечественный продукт, созданный специалистами ЗАО НПП «РЕЛЭКС». **Линтер Стандарт** – российская реляционная СУБД, включена в Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных Минцифры РФ. Основные преимущества – предъявление минимальных требований к памяти, что позволяет использовать во встраиваемых решениях, либо на M2M/IoT устройствах. **Линтер Бастион** – российская реляционная СУБД, которая гарантирует высочайший уровень безопасности данных пользователя, включена в Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных Минцифры РФ. С 2017 г. «РЕЛЭКС» развивает масштабируемую реляционную СУБД SoQoL, которая, по мнению разработчика, показывает значительное превосходство отечественного решения над PostgreSQL, Oracle и Microsoft SQL Server в производительности [7].

Эластичный поиск – поисковая система с поддержкой автозаполнения, геолокации, с функцией менеджера журналов, сервисом консультаций, созданная по типу NoSQL.

Основным преимуществом СУБД **Tarantool** является высокая производительность запросов на чтение по сравнению с аналогичными СУБД. Tarantool соединяет в себе два основных принципа: высокая скорость работы и высокая надежность, тогда, когда аналогичные СУБД не могут сочетать в себе наличие двух этих факторов. СУБД используют Авито, Yota, Qiwi и т.д.

На базе систем управления базами данных и систем поддержки принятия решений строятся **хранилища данных (ХД)**. Хранилище – структурированная информация, **озеро данных** – неструктурированное хранилище данных разного формата (csv, xml, json, parquet, jpg, png, mov, mp3, pdf). Представителями программных продуктов этой категории являются SAP Business Warehouse (SAP), Informatica и другие. ХД часто содержат семантический слой (бизнес-слой), поддерживающий фразы на естественном. **Фабрики данных** – службы, организующие интеграцию, перемещение и обработку необработанных данных в данные, пригодные для дальнейшего использования.

Центральным местом хранения цифрового контента является **репозиторий**, которым управляет система ECM (Enterprise Content Management). Такие системы предоставляют мощные возможности для поиска, управления записями, шифрования, контроля доступа для авторизованных пользователей, аналитики и отчетности и много других функций. Российские ECM представлены продуктами: платформа Documino, Docsvision, ЭЛАР Контекст, зарубежными – ECM Alfresco, Microsoft SharePoint, Dosis4 и др.

Репозиторий метаданных (метаданные – это информация о другой информации, сведения о признаках, свойствах и т.п.) хранит данные на протяжении всего жизненного цикла бизнес-проекта. **Критически важные данные** – это информация, которая имеет особую ценность и необходима для нормального функционирования предприятия, организации или государства. Она обладает высокой степенью конфиденциальности, надежности и целостности.

Подходы к управлению данными напрямую зависят от новейших информационных технологий. По отчету IEEE за 2023 год, наиболее перспективными выделены 3D интегральные схемы с применением оптических лучей; озера данных; облачные технологии, блокчейн, естественный пользовательский интерфейс, который,

используя большой объем данных (по прогнозируемому к 2025 году 175 зеттабайт), будет способствовать по-настоящему глубокому обучению ИИ.

Компании, государственные и международные организации разрабатывают организационные и методологические основы управления данными. Например, одним из выводов из исследований компании Gartner является то, что при внедрении процессов УД 80% инициатив, направленных на построение и развитие системы УД, не приводят к ожидаемым результатам из-за отсутствия понимания цели и ожиданий. Практика показывает, что часто не прорабатывается архитектура данных, игнорируется аналитическая культура, приобретаются коробочные решения, не учитывающие нужды организации, но включающие ненужные функции.

Ключевым фактором успешной реализации стратегии управления данными в организации является наличие единого ответственного лица. Руководителем высшего звена, отвечающим за использование данных и комплектирующий команду, является главный директор по данным (Chief data officer). Для создания новых бизнес-моделей на основе корпоративных данных создается подразделение – Департамент управления данными (Chief Data Office), который руководит инициативами, ориентированными на бизнес, возглавляет культурные изменения, позволяющие сформировать стратегические принципы и подходы организации к данным. Конкретный массив данных контролируется владельцем данных (Data owner). Data consumer (потребитель данных) – любое приложение, пользователь, получающие доступ к данным. Data producer – перехватывает данные, обеспечивая их соответствие требованиям потребителей данных к качеству. Data steward – обычно отвечает за выполнение политик использования данных, полноту и качество содержимого данных, координирует работу по описанию таблиц, атрибутов и связей, определяет степень доверия к данным, обеспечивает повышение качества их надежности и др. Data analyst – исследует, оценивает, обобщает данные и сообщает о результатах высшему руководству. Data Scientist – это специалист по работе с данными для решения задач бизнеса. Он работает на стыке программирования, машинного обучения и математики. Data custodian (data modeler, администратор баз данных) и ETL-разработчик управляет технической средой обслуживания и хранения данных, отвечает за качество, целостность и безопасность данных в процессе ETL (extract, transform, load).

Государство использует данные при анализе, подготовке, принятии управленческих решений, для обоснования законопроектов, получения сведений из реестров, подтверждающие различные юридические факты, для оценки качества госуправления, достижения стратегических и тактических целей, оценки эффективности деятельности госслужащих, принятия решений относительно граждан и др. [15, с. 47]. Целями национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» являются создание информационно-телекоммуникационной инфраструктуры для обработки, хранения, высокоскоростной передачи и хранения больших объемов данных, а также использование преимущественного отечественного ПО государственными органами, органами местного самоуправления и организациями. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 231 создается цифровая платформа Российской Федерации «ГосТех», функционирование которой поручено Правительству [11]. Она будет служить основой для государственных ИС, для связи граждан, государства и бизнеса и включать множество сервисов.

Как выяснил CNews, Счетная плата (СП) намерена создать систему управления данными на российской платформе Unidata (компании «Юнидата») [13]. Газпромнефть запустила проект создания «умного озера данных», который стал первым в российской практике. Это комплексная платформа обработки, хранения и анализа данных с интегрированным Data Governance, с помощью которой реализуются около 50% всех аналитических проектов и инициатив региональных продаж [6].

Ведущими игроками на мировом рынке платформ УД являются Lotame Solutions, KBM Group, Rocket Fuel, Krux Digital, Turn, Informatica и другие. 18 декабря 2019 года компания Mail.ru Group сообщила о запуске единой платформы управления и обработки данных (DMP – Data Management Platform). DMP даёт представление о целевой аудитории на основе обезличенных данных о 92% аудитории рунета, включая социально-демографические и ценностно-поведенческие характеристики и интересы [1]. В 3-м квартале 2021 г. лидером программы The Forrester Wave™ по продукции управления данными стала компания Ataccama. В 2022 г. российская компания DIS Group разработала решение для бизнес-анализа, создания корпоративных каталогов, бизнес-гlossариев Plus7 EDM (Enterprise Data Management). В дополнение к этому продукту компания заявила о других решениях – зарегистрированном в 2023 г. в реестре российского ПО продукте «Юниверс MDM» (для управления мастер-данными), «Юниверс DG» (для полного цикла управления данными), «Юниверс smart ETL» (основанное на технологиях open source решения для трансформации и наполнения озер данных) и «Юниверс DQ» (для организации и мониторинга качества данных) [2,3]. Проекты, интегрированные с продуктами «Юнидата», вошли в список лидеров в престижном исследовании Magic Quadrant Gartner, они успешно реализованы в Федеральных органах исполнительной власти, в частности, в Аналитическом центре при Правительстве Российской Федерации, в Министрствах, учебных заведениях и т.п.

Сравнительно новым сервисом является **выявление критичных данных**, связанное с определением доменов данных, учитывающим их зависимость от других данных, с информацией об уровне защищённости, системами мониторинга для выявления аномалий в критичных данных и т.п. В исследованиях CDO организаций из Electronic Business Group отмечена необходимость в снижении издержек в текущих активностях и росте эффективности бизнес-направлений за счет управления данными, а в качестве наиболее наглядного решения выбрать аспект, который является наиболее проблемным для организации [15, с. 86].

Система **управления содержимым** (Content management system, CMS) – ИС для совместного процесса создания, редактирования и управления контентом. Web Content Management System – программный комплекс для создания, редактирования и контроля Web-страниц. Средства **поддержки рабочих групп** включают возможности интерактивного общения, проектные методы общей работы. Средства **управления рабочими потоками** – это инструмент для разработки маршрутов, автоматизации бизнес-процессов и других задач.

Одна из новых тенденций – **дополненное управление данными** (augmented data management). Для того, чтобы процессы управления данными были самонастраивающимися, саморегулирующимися и полностью автоматизированными, подключаются искусственный интеллект и машинное обучение. Ещё один из трендов, выявленный Gartner – **дополненная аналитика**. Возможности ИИ, машинного обучения, обработка текстов

на естественном языке (NLP) служит как для поиска важных сведений, так и для диалога, доступного любому сотруднику для доступа к своим данным.

Рынок инструментов **управления качеством** данных растёт примерно на 20% в год; это универсальные решения, специализированные системы, средства интеграции и очистки данных, управления реестрами, метаданными и пр. Примерами таких систем являются: Informatica, IBM, MS Data Quality Services, SAP, Unidata; SAS DQ, SAP Data Services, TIBCO Clarity; Informatica Master Data Management, Data Management, Syncsort Trillium, Alteryx, Pentaho, Unidata; Informatica Enterprise Data Catalog и другие.

Существует множество подходов к определению качества данных. Именно качество данных будет определять результат информационной деятельности. На качество влияют степень предвзятости, гендерные и расовые предрассудки и множество других факторов. Ричард Ван и Диана Стронг описали четыре категории качества данных – внутреннюю, контекстуальную, репрезентативную и по степени доступности. Целостность, точность, надёжность, методологическую надёжность, доступность, удобство обслуживания выделяют в МВФ (Data Quality Assessment Framework). В DQAF включено семь структур для поддержания единых стандартов качества – таких, как национальные счета, индекс стоимости жизни, различные статистические показатели и др. [11].

Для исключения таких разночтений применяются стандарты (начиная с ГОСТ Р 56214–2014/ISO/TS 8000–1:2011, ГОСТ 56215 ISO/TS 8000–150:2011). Качество как общих, так и основных, а также транзакционных данных определяется в стандартах группы ISO/TS 8000. Международные стандарты группы ISO 25000 определяют качество программного продукта исходя из общей модели качества данных.

Не так быстро, как программы, регулируются этические стороны использования данных. Российское законодательство вводит инициативы в отношении регулирования данных. С 2006 г. в России действует Закон о персональных данных. «Кодекс этики с сфере искусственного интеллекта» был разработан в 2021 году Альянсом в сфере искусственного интеллекта совместно с Аналитическим центром и Минэкономразвития. Основные положения адресованы Государству, бизнесу, разработчикам, учёным и носят рекомендательный характер. Минцифры согласовало законопроект, предусматривающий штрафы от 1 до 3 процентов за утечку персональных данных пользователей [9].

Ассоциация больших данных (АБД), организованная в октябре 2018 года (основные участники – МегаФон, Mail.Ru Group, Яндекс, Сбербанк, oneFactor, Тинькофф Банк) создаёт единые принципы и стандарты обработки, хранения, передачи и использования больших данных, формирует кодекс этики использования данных для защиты интересов пользователей. Кодекс содержит отраслевые стандарты профессионального и этического поведения. Документ также предполагает создание и ведение Реестра добросовестных участников. В состав Кодекса входит «Белая книга», в которой собраны примеры ответственного поведения в отношении обращения с данными [16].

Различные государства принимают инициативы, регулирующие правила использования больших данных. Статистическое управление Соединенного Королевства в феврале 2021 года СУСК основало Центр прикладной этики данных (ЦПЭД), который ставит перед собой цель стать одним из признанных мировых лидеров в области прикладной этики данных [14]. В ЕС в 2018 г. Вступил в силу генеральный регламент о персональных данных

(GDPR), который должны соблюдать операторы стран – участниц ЕС и ЕЭС, компании всех стран, обрабатывающие ПД граждан ЕС и ЕЭС. В США государство предоставляет намного больший доступ к ПД граждан в связи с принципами свободы информации, коммерции и безопасности общества, что находит отражение в законодательстве также и в отдельных штатах. В Китае условия использования данных диктуются государством и крупными дата-корпорациями, этичным считается жесткий контроль над ПД граждан [8].

Для госслужащих в Новой Зеландии приняты документ «Принципы безопасного и эффективного использования данных и аналитики», согласно которым необходимо фокусироваться на нуждах граждан, поддерживать прозрачность работы с данными, обеспечивать общественное благо.

В некоторых странах ИИ может быть признан автором произведения; в Германии, Франции и Китае пилотируют беспилотные авто, но Чили, например, одобряет право на защиту от технологических достижений, Еврокомиссия вводит ограничение на использование ИИ. Одним из шагов в сфере регулирования этики ИИ стал запуск глобальной платформы globalpolicy.AI (ООН, ЕС, Совета Европы и других международных органов) о международном регулировании ИИ. Рекомендация ЮНЕСКО в сфере этики ИИ в 2021 г. стала первым глобальным документом, которую приняли 193 государства. Документ призывает компании и государства повысить эффективность защиты персональных данных, дать возможность гражданам не только получить доступ к ним, но и возможность их удалить, вводит запрет использования ИИ для слежки, но рекомендует использовать его для борьбы с изменением климата и др. [5]. Появление глобальных документов, вырабатывающих общие принципы управления данными – важный шаг, позволяющий унифицировать и формализовать процедуры использования данных и постепенно устранять имеющиеся противоречия. Учёт того, как трудно выбираются согласованные подходы к трансграничному обмену данными, каждое из государств может определить уровень «глубинности» и приватности данных, подлежащих обмену, но именно условие их достоверности даст возможность для дальнейшего развития сети Интернет, самих государств и взаимоотношений между ними.

Результат работы нейросетей напрямую зависит от качества данных. Поэтому, несмотря на все преимущества, нейросети могут выдать неожиданный результат. Скорее всего, перспективным решением данной проблемы может стать гибридный интеллект. Следует вести активные разработки и в области экспертных систем, функционирующих на основе знаний специалистов. Из всех информационных систем именно они могут соблюдать наиболее важные принципы в той или иной деятельности, играть корректирующую роль на основе имеющейся базы знаний, следуя заданной логике. Если сигналам от экспертной системы присваивать значимый вес, это можно использовать, как обучающее правило для нейросети. Разрабатываются также способы обучения нейросетей на примерах, задаваемых экспертом. Потенциал нейросетей и экспертных систем, синхронизированных между собой на уровне программно-аппаратных средств, данных, знаний, наряду с контролем человека, аккумулирует самые сильные стороны разных видов интеллекта в одной системе. Качественные изменения в сфере управления данными на уровне индивидуумов, организаций, государств и в условиях трансграничного обмена, бесспорно, смогут вывести общество на новый уровень взаимоотношений, характерный для грядущей пятой промышленной революции,

когда наряду с автоматизацией и интеллектуализацией во главе угла остаётся человек и его взаимоотношения с окружающим миром.

Литература

1. 2019: Запуск платформы управления и обработки данных: [Электронный ресурс] // Деловой портал с уникальной базой знаний TAdviser о том, как устроено государство и бизнес, а также об информационных технологиях в их работе. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:> Mail.ru_Group_Data_Management_Platform_%28DMP%29?-cache=no&ptype=integr&ysclid=llnjkszx6172516798/ (Дата обращения: 27.08.2023).
2. DIS Group анонсировала комплексное российское решение по управлению данными и информацией // Сетевое издание «CNews». 18 июля 2022. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-07-18_dis_group_anonsirovala_kompleksnoe?ysclid=llnn8sw5hi465990352 (Дата обращения: 27.08.2023).
3. DIS Group обеспечит полный цикл управления данными на российских технологиях: [Электронный ресурс] // Сетевое издание «CNews». 19 января 2023. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-01-19_dis_group_obespechit_polnyj_tsikl?ysclid=llnncb8mt0116563024/. (Дата обращения: 27.08.2023).
4. NoSQL: [Электронный ресурс]. // Аналитика Big Data для руководителей и менеджеров / Школа больших данных BD School. URL: <https://bigdatascooll/wiki/posql>. (Дата обращения: 27.08.2023).
5. Андрей Незнамов. D-Russia: Топ-10 мировых событий в сфере правового регулирования и этики ИИ: [Электронный ресурс] // Ассоциация Электронных Торговых Площадок.М. 29 декабря 2021 г. URL: <https://aetp.ru/market-news/item/431921>. (Дата обращения: 27.08.2023).
6. Газпром нефть первой в России запустила «умное озеро данных»: Электронный ресурс // Новостной портал о ТЭК России и Мира Neftegaz.RU / Информационное агентство Neftegaz.RU. 11 февраля 2020. URL: <https://neftegaz.ru/news/tsifrovizatsiya/524234-gazprom-neft-pervoy-v-rossii-zapustila-umnoe-ozero-dannykh/?ysclid=lll7fjx4jc635161615/> (Дата обращения: 27.08.2023).
7. Исход американских компаний из России ускорил отказ от работы с их операционными системами и СУБД: [Электронный ресурс] // Сетевое издание «CNews». 25 августа 2023. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-08-25_ishod_amerikanskih_kompanij?ysclid=llqwtr66ao683357862. (Дата обращения: 27.08.2023).
8. Ларионова М.В., Шелепов А.В. Возможно ли лидерство «Группы двадцати» по вопросам управления данными? Есть ли шанс на сближение подходов? // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 7–32 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-01
9. Минцифры готовит новую версию законопроекта об оборотных штрафах за утечку персональных данных: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 12 июля 2022 г. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41722/>. (Дата обращения: 27.08.2023).
10. Национальный проект «Цифровая экономика»: [Электронный ресурс] // общероссийская цифровая платформа Стратегия 24 / URL: <https://strategy24.ru/>

rf/management/projects/natsional-nyu-proyekt-tsfrova-ekonomika?ysclid=lje8gaqg9v874424503/ (Дата обращения: 27.08.2023).

11. Р. Куцев. Управление качеством данных: роли, процессы, инструменты: [Электронный ресурс] // Сообщество ИТ-специалистов «Хабр». 14 ноября 2022. URL: <https://habr.com/ru/articles/694690/>. (Дата обращения: 27.08.2023).
12. Рейтинг DB-Engines – популярность тренда: [Электронный ресурс] // DB-Engines. URL: https://db-engines.com/en/ranking_trend. (Дата обращения: 27.08.2023).
13. Счетная палата построит систему управления данными аудита на российской платформе: [Электронный ресурс] // Сетевое издание «CNews». 15 марта 2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-03-15_schetnaya_palata_postroit/. (Дата обращения: 27.08.2023).
14. Углубленный обзор этики данных, подготовленный Канадой и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии при участии Евростата: [Электронный ресурс] // Европейская экономическая комиссия Конференция европейских статистиков / Семьдесят первое пленарное заседание. Женева, 22–23 июня 2023 года. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2023-05/CES%202023%205%20R.pdf/>. (Дата обращения: 27.08.2023).
15. Управление данными в госсекторе. Навигатор для начинающих / под ред. О.М. Гиацинтова, В.А. Сазонова, М.С. Шклярчук. – М.: РАНХиГС, 2022. – 198 стр.
16. Юлия Кривошапка. Крупнейшие компании определили этические принципы работы с данными: [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты»; гл. ред. В.А. Фронин. 12.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/12/krupnejshie-kompanii-opredelili-eticheskie-principy-raboty-s-dannymi.html?ysclid=llq978l033613638647>. (Дата обращения: 27.08.2023).

THE MAIN ASPECTS OF DATA MANAGEMENT IN STATE AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

Semenova O.V.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The purpose of this work is to identify key aspects in the field of data management based on a systematic approach. The article deals with software and hardware and technologies, as well as organizational, legal, moral and ethical aspects of data management in companies, government and international organizations. It is noted that the Russian market of software products is developing quite actively in the context of import substitution; rating data and brief characteristics of promising Russian products in the field of data management are given. General contradictions are revealed in the need to protect personal data and the right to information, the rapid development of neural networks and errors in their work, the different information policies of states and the need for cross-border data exchange. Further development of global initiatives is possible on the basis of determining by each of the states the necessary and sufficient level of «depth», openness and reliability. Expert systems could play a «guiding» role for the assimilation of fundamentally important knowledge by neural networks. The most promising solutions may be the interaction of hybrid artificial intelligence based on neural networks, expert systems with a person and his environment, as the main goal of Industry 5.0.

Keywords: data management, databases, DBMS, expert systems, neural networks, hybrid intelligence, Big data, Industry 5.0.

References

1. 2019: Launch of the data management and processing platform: [Electronic resource] // Business portal with a unique Tadviser knowledge base about how the state and business work,

- as well as about information technologies in their work. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82: Mail.ru_Group_Data_Management_Platform_%28DMP%29?cache=no&ptype=integr&ysclid=llnjkszx6172516798/ (Date of access: 27.08.2023).
2. DIS Group announced a comprehensive Russian solution for data and information management // CNews online edition. July 18, 2022. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-07-18_DIS_Group_announced_a_comprehensive?ysclid=llnn8sw5hi465990352 (Date of access: 27.08.2023).
3. DIS Group will provide a full cycle of data management on Russian technologies: [Electronic resource] // CNews online edition. January 19, 2023 (Date of access: 27.08.2023).
4. NoSQL: [Electronic resource]. // Big Data Analytics for Executives and Managers / Big Data School BD Scool. URL: <https://bigdataschool/wiki/nosql>. (Date of access: 27.08.2023).
5. Andrey Neznamov. D-Russia: Top 10 world events in the field of legal regulation and AI ethics: [Electronic resource] // Association of Electronic Trading Platforms.M. December 29, 2021 URL: <https://aetp.ru/market-news/item/431921>. (Date of access: 27.08.2023).
6. Gazprom Neft was the first in Russia to launch a “smart data lake”: Electronic resource // News portal about the fuel and energy complex of Russia and the World Neftegaz.RU / Information agency Neftegaz.RU. 11 February 2020. URL: <https://neftegaz.ru/press/news/11-february-2020-gazprom-neft-was-the-first-in-russia-to-launch-a-smart-data-lake/?ysclid=lll7fjx4jc635161615>. (Date of access: 27.08.2023).
7. The exodus of American companies from Russia accelerated the refusal to work with their operating systems and DBMS: [Electronic resource] // CNews online edition. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-08-25_the_exodus_of_american_companies?ysclid=llqwr66ao683357862. August 25, 2023 (Date of access: 27.08.2023).
8. Larionova M.V., Shelepov A.V. Is G20 leadership possible on data governance? Is there any chance for a convergence of approaches? // Bulletin of international organizations. 2023. V. 18. No. 1. P. 7–32 (in Russian and English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-01
9. The Ministry of Digital Development is preparing a new version of the draft law on turnover fines for the leakage of personal data: [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. July 12, 2022 URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41722/>. (Date of access: 27.08.2023).
10. National project “Digital Economy”: [Electronic resource] // all-Russian digital platform Strategy 24 / URL: <https://strategy24.ru/rf/management/projects/national-project-Digital-Economy?ysclid=lje8gaqg9v874424503> / (Date of access: 27.08.2023).
11. R. Kutsev. Data quality management: roles, processes, tools: [Electronic resource] // Habr Community of IT Specialists. November 14, 2022. URL: <https://habr.com/ru/articles/694690/>. (Date of access: 27.08.2023).
12. DB-Engines rating – trend popularity: [Electronic resource] // DB-Engines. URL: https://db-engines.com/en/ranking_trend. (Accessed: 08.27.2023).
13. The Accounts Chamber will build an audit data management system on the Russian platform: [Electronic resource] // CNews online edition. March 15, 2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-03-15_schetnaya_palata_postroit/. (Date of access: 27.08.2023).
14. An in-depth review of data ethics prepared by Canada and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland with the participation of Eurostat: [Electronic resource] // Economic Commission for Europe Conference of European Statisticians / Seventy-first plenary session. Geneva, 22–23 June 2023. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2023-05/CES%202023%205%20R.pdf/>. (Accessed: 08.27.2023).
15. Data management in the public sector. Navigator for beginners / ed. O.M. Giatsintova, V.A. Sazonova, M.S. Shklyaruk. – M.: RANEP, 2022. – 198 pages.
16. Julia Krivoshapko. The largest companies have determined the ethical principles of working with data: [Electronic resource] // Internet portal of Rossiyskaya Gazeta; ch. ed. V.A. Fronin. 12.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/12/Tehe-largest-companies-have-determined-the-ethical-principles-of-working-with-data.html?ysclid=llq978l033613638647>. (Date of access: 27.08.2023).

Англо-русские противоречия на Северном Кавказе в 1830–1860 гг.

Кураев Алексей Николаевич,

д.и.н., профессор, профессор кафедры теории и практики непрерывного казачьего образования, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)
E-mail: cool.kuraev@mail.ru

Мякинина Наталья Петровна,

к.и.н., заместитель директора Института международных отношений, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Баранова Валерия Александровна,

студент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
E-mail: valerija.baranova.2005@mail.ru

Политические отношения между Россией и Великобританией не утратили значения в современном мире. Англия исторически является одним из основных экономических и военных партнеров России. Доказательством тому может служить факт, гласящий о том, что победы России в кампании 1812 года и в заграничных походах 1813–1814 годов были одержаны благодаря английским поставкам военных материалов, а также прямой британской помощи деньгами. Однако политическая ситуация между государствами не всегда оставалась стабильной. В XIX веке Англия решила воспрепятствовать растущему влиянию России на Балканах. Началось то, что в XX веке было названо «Большой игрой». Цель исследования: доказать подрывную деятельность Британии по отношению к Российской империи в период Крымской (1853–1856 гг.) и Кавказской войны (1817–1864 гг.).

Ключевые слова: политика, Российская империя, Англия, Северный Кавказ.

На протяжении XIX века Великобритания являлась метрополией – государством, владеющим колониями. В годы антинаполеоновских войн Объединенное Королевство усилило свое господство в Индии и в Африке. В 1857 г. разгромом восстания сипаев завершилось покорение Индии. Проводилась колонизация Австралии и Южной Африки; происходило проникновение в Китай. Таким образом, Англия проводила колониальную политику на международной арене.

Великобритания и её колонии являлись лидерами мирового прогресса, поскольку население в них «достигло благосостояния и развития, неизвестного ни одной стране земного шара; это сказывалось и в полном отсутствии пауперизма (бедноты), и в высоком стандарте жизни всего населения» [1]. Положительно оценивали политику Англии такие научные деятели, как Дж. Сили, Дж. Фруд, Ч. Дилка, Б. Дизраэли. Кембриджский профессор Дж. Сили подчеркнул значимость Англии, ибо данное государство «завоевало полмира, не имея определенного плана» [2]. К поддержке британской политики примкнули и российские историки. Отечественный исследователь Г. Вызинский считал британский колониализм необходимым для развития цивилизации. Основоположник российской американистики П.Г. Мижуев обратил внимание на тот факт, что «британская империя представляет собою одно из самых замечательных и самых важных государств нашего времени как по огромности занимаемой им территории, разбросанной по всем пяти частям света, так и по крайнему разнообразию народностей, населяющих различные части империи, в особенности же по чрезвычайной сложности своего политического устройства» [3].

Направление внешней политики Великобритании было выражено в соблюдении доктрины «блестящей изоляции». Премьер-министр Англии Г. Пальмерстон изложил её суть так: «У нас нет вечных союзников и вечных врагов. У нас есть постоянные, вечные интересы, и мы им должны следовать» [4].

Геополитические интересы Российской империи строились на концепции континентального развития, сформировавшейся в первой четверти XIX века. Соперничать на море с Британией России было затруднительно, поэтому развитие российского государства происходило постепенным увеличением территорий.

На протяжении XIX века в России сложились две основные группировки по направлениям геополитической континентальной политики. Одни видели центр российских интересов непосредственно в Европе, вследствие необходимости поддержания баланса сил на континенте. К этой группировке относилась большая часть министров иностранных дел от Нессельроде до Горчакова, которым содействовали министры финансов. Центром другой группировки являлся Азиатский департамент, не беспокоившийся по поводу осложнения отношений с другими державами и стремившийся укрепиться на Кавказе. В него вступили Н. Игнатьев, Н. Муравьев-

Амурский, Н.М. Пржевальский, генерал Черняев, губернатор Туркестанского края Кауфман. В противоборстве этих группировок и складывалось геополитическое развитие России.

Мнения историков и общественных деятелей по поводу курса внешней российской политики на Кавказе разделяются. В дореволюционной историографии существовала традиция, получившая название «имперская». Ее представителями были военный историк и академик Н.Ф. Дубровин, консервативный публицист П.И. Ковалевский, участник Крымской войны и историк В.А. Потто, историк и публицист Р.А. Фадеев. Со времен лекций Д.И. Романовского происходит становление данной концепции, которая признаёт горские племена «дикими», отвергает присутствие у них самобытной культуры. Предпосылками внешней политики России на данном направлении считаются основания для умиротворения Кавказа. С этой точки зрения покорение Кавказа считалось необходимым и важным для реализации имперских политических целей.

В советской историографии подобная концепция была отвергнута. Советские историки объяснили данные явления в силу политико-идеологических факторов с «марксистской» точки зрения. В связи с пропагандой лозунгов «дружбы народов» и «классовой солидарности бедняков и трудящихся всех наций», русский народ не мог быть провозглашён завоевателем и колонизатором Кавказа. Горцы определялись в качестве борцов с «колониальными» целями царского правительства [5]. К советским историкам относят Н.И. Покровского, М.М. Блиева, В.В. Дегоева.

Отношения Британии и России зародились в XVI веке, когда англичане попытались подчинить Россию своим экономическим интересам. В 1555 году в Англии организовали привилегированную Московскую торговую компанию, ориентированную на продажу корабельного строевого леса, дёгтя, ворвани, пеньки. Благодаря русскому сырью Англия становится «владычицей морей». В конце XVI века после разгрома «Непобедимой Армады», т.е. военного флота Испании, Френсис Дрейк написал грамоту царю Федору Иоанновичу с благодарностью за оснащение английского флота.

В ходе экономического развития Англия не смогла определить материковый путь к сокровищам Индии. Однако Британия проложила в эту богатую страну более надёжный морской маршрут. К концу XVIII столетия Азия стала для Британии главным направлением для совершенствования торговой и колониальной политики.

Россия обратила внимание на закаспийские территории во время правления Петра I. Дипломатические поездки и военные экспедиции были направлены на то, чтобы проложить из Азии в Европу коммерческий путь, способствующий обогащению и укреплению Российской империи. Но неудачный поход Бековича-Черкасского в Хивинское ханство (1714–1717 гг.) привел к поражению планов Петра Великого. Английское правительство увидело первую попытку русских отнять у Британии Индию. Однако истинное покорение Средней Азии началось в XIX веке.

Утвердившись в Средней Азии раньше России, Великобритания уже получала из своих азиатских колоний дивиденды. Так, наладив торговлю с Индией и Китаем, Англии удалось покрыть дефицит экспортно-импортных операций с европейскими и американскими компаниями. К азиатским колониям Британии, помимо Индии, примыкали Бахрейн, Оман, Аден (Южный Йемен), Мальдивы, Лабуан и другие.

Российские предприниматели в тот момент были не готовы соперничать с британскими коммерсантами

на равных условиях. Ограниченное количество товаров из России пользовалось спросом на азиатских рынках: мука, сахар, кожа, металлическая посуда, ситец. Военные и граждане неоднократно обращались к правительству с предложениями защитить российский экспорт от иностранной конкуренции, призывая не допустить появления англо-индийских товаров на рынках Бухары, Самарканда и Хивы [6].

Первым русско-британским противостоянием можно обозначить совместное планирование Павлом I и Наполеоном Бонапартом военного похода в Индию. Павел I попытался изгнать англичан с полуострова Индостан, отправив туда в 1801 году 41 полк донских казаков и артиллерию. Но исполнению масштабных планов помешали нарушение союзнической Францией обещания предоставить России помощь и гибель российского императора, в убийстве которого были замешаны англичане.

В начале XIX века под российский протекторат переходят Мингрелия, Имеретия и Гурия. Великобритания призвала Персию стать барьером на пути вероятного продвижения российских войск в Индию.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что главной причиной геополитического противостояния двух держав являлось стремление утвердиться в Евразии с целью приобретения одностороннего преимущества в торговле и получения прибыли.

В 1829 году Россия и Турция подписали Адрианопольский мирный договор. По результатам договора Османская империя уступала восточное побережье Черного моря и крепости: Анапа, Поти. В Лондоне данную расстановку сил расценили как угрозу колониальным владениям в Индии. Англичане мыслили стратегически и пришли к выводу о том, что усиление России на Кавказе неизбежно приведет к попыткам российского правительства стабильно закрепиться в Персии. Утвердившись в Иране, русские должны продвинуться в Афганистан, который являлся воротами в Индию. Возможному развитию событий следовало воспрепятствовать. Согласно плану Лондона, на Кавказе должен был появиться турецкий вассал. Британия уже политически воздействовала на Турцию. Будто бы держась в стороне, Англия получила бы возможность манипулировать новым государством, используя его в антироссийских целях.

Кроме стратегической защиты Индии, у Лондона была и тактическая цель. В начале XIX века английские коммерсанты уже изучили торговый путь через Трапезунд, соединявший Турцию с Персией. Когда Россия присоединила крепость Поти, британцы встревожились, что коммерческая артерия может быть отрезана.

Российская империя активно прилагала усилия на захват Кавказских земель. Целями России в Закавказье являлись увеличение территории, создание безопасных путей сообщения, стремление прекратить постоянные набеги горских народов, развитие экономики. В 1810-х годах в состав российского государства вошли Картли-Кахетинское царство, а также Закавказские ханства – Гянджинское, Шекинское, Кубинское, Тальшинское. Несмотря на объявление согласия на присоединению, регионы Кавказа вели борьбу за национальное освобождение. Сформировались два главных региона, в которых проводилась вооруженная борьба за независимость: западный (Черкесия и Абхазия) и Северо-Восточный (Чечня и Дагестан). Англия оказывала сугубо протекционистскую поддержку данным регионам. В русско-британских отношениях происходил период противоборства, так как и для Англии, и для России Средняя Азия становится стратегическим районом.

По окончании Отечественной войны 1812 года международное положение Российской империи улучши-

лось, а также стабилизировалась обстановка на Кавказе. После заключения Бухарестского мирного договора в 1812 году между Россией и Турцией в Лондоне обсуждались намерения закрепления за Великобританией ряда земель Кавказа. Основными последователями британской политики на Кавказе считались такие влиятельные государственные деятели и дипломаты, как Д. Уркарт, Г. Пальмерстон, Ф. Понсоби, Ч. Стрэдфорд Каннинг.

Лондон акцентировал особое внимание на Кавказ с началом Кавказской войны 1817 года: «Эта неблагоприятная для России ситуация усилила надежды британских лидеров на превращение региона в самостоятельную часть колониальных планов Великобритании, а не как средство запугивания и противодействия России» [7]. Британское правительство энергично принялось исследовать Кавказ. Приобретение информации о кавказских народах происходило наряду с подрывной работой британских агентов и торговым вторжением на данную территорию. Великобритания, преследовавшая свои политические интересы, предполагала воспрепятствовать Российской империи контролировать Чёрное море. На начальном этапе британские агенты проводили работы с адыгскими вождями, уговаривали их не принимать присягу покорности России.

Главную роль в истории английского шпионажа на Кавказе занял секретарь посольства Великобритании в Турции Дэвид Уркарт. Он оказывал внушительное воздействие на английскую и немецкую прессу, формируя ее отношение к политике России на Северном Кавказе.

В 1834 г. Д. Уркарт прибыл на военном корабле в Сухум-кале. Газета «Таймс» опубликовала: «Цель экспедиции заключается в том, чтобы поднять горцев Кавказа на более активную борьбу против русских». Уркарт поставил в известность закубанских горцев, что прислан королем Англии Вильгельмом IV, который желал помочь Черкесии. В Геленджике и Анапе Д. Уркарта интересовала численность русских гарнизонов, способы снабжения, отношение черкесов к русским, типы укрепления и условия судоходства. Таможенные и карантинные постановления, действия английских агентов, нарушающих суверенитет России, поощрялись британским правительством. Николай I был вынужден запретить жителям других стран общаться с черкесским населением и посещать кавказское побережье.

Временный визит Уркарта на Кавказ способствовал открытию эпохи агитации, направленной на поддержание сопротивления в регионе и созданию условий для его отделения от России. Этот британский дипломат обладал талантом распространять свои идеи, увлекать людей и создавать обстановку интриги: в 1835 году Уркарт поручил майору В. Сэрлу создать отряд черкесской кавалерии и обучить его европейским методам ведения войны.

За время своего трёхлетнего пребывания другой английский агент Джеймс Белл смог детально изучить быт, социальную и экономическую систему горцев. Этот британский шпион оказался более осведомленным агентом, так как жил среди причерноморских племен и часто посещал восточные районы Черкесии, Кубани и Лабы.

Будучи передовой морской державой, Великобритания активно использовала возможности своего флота для военной разведки, снабжая оружием горцев и обостряя российско-британские отношения: в мае 1835 года в четырнадцати километрах от Геленджика русский сторожевой корабль задержал британский парусный корабль, подозреваемый в перевозке оружия. Так была задержана шхуна «Лорд Спенсер».

В ноябре 1836 года русский военный корабль «Аякс» поставил на якорь британскую шхуну «Виксен» в райо-

не порта Суджук-Кале. В это время на судне находилось 800 фунтов пороха и большое количество пушек. На момент задержания с её борта уже было выгружено 800 пудов пороха и немаловажная численность орудий. Это была провокация, санкционированная первым секретарём английского посольства в Константинополе Дэвидом Уркартом. Также в организации подстрекательства принимала участие польская эмиграция во главе с Чарторыйским, бывшим членом Негласного комитета Александра I.

Летом 1838 года на реке Адагум состоялось собрание черкесов. Британские агенты вновь пытались убедить их, что для успешных действий нужно объединить всех адыгов в борьбе с Россией. Обещая скорую помощь от Англии, британские агенты добились от черкесов обета на ведение вечной войны против России. Эта клятва – задумка Уркарта, который надеялся объединиться с другими горцами «под одной властью и под общим знаменем»¹. Однако планы британской секретной разведывательной службы с помощью адыгейской феодальной верхушки распространить национальный обет на другие племена горцев не осуществились. В одном из отчетов российских административных властей на Кавказе информировалось, что английские эмиссары находятся в неблагоприятном положении, они потеряли доверие жителей горных районов и опасаются стать жертвами мести за ложные обещания.

Конец 1830-х – начало 1840-х – годы обострения Восточного вопроса, вызванного процессом распада многонациональной Османской империи. В 1833 г. между Россией и Турцией был подписан Ункяр-Искелесийский договор о союзнических отношениях. Турция не должна была пропускать военные суда европейских держав через проливы Босфор и Дарданеллы. В свою очередь, Россия гарантировала Турции военную помощь. Главной задачей британского кабинета и лорда Пальмерстона стала ликвидация данного союзнического договора и его замена коллективным соглашением держав.

К 1839 году Англия с помощью дипломатической деятельности секретных агентов смогла значительно укрепить свои экономические позиции в Османской империи, воспользовавшись вооруженным конфликтом между турецким султаном Махмудом II и пашой Египта Мухаммедом Али.

Так, был временно урегулирован Восточный вопрос подписанием Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг., которые обозначали победу английской дипломатии. Теперь Босфор и Дарданеллы были поставлены под общеевропейский контроль. Это позволило Англии укрепить свою деятельность на Северном Кавказе через агентуру, делая ставку на подчинение горцев влиянию учения мюридизма, сформированном в ходе Кавказской войны. Действительно, англичане доставили мюридам «50 тыс. комплектов вооружения, 200 орудий, боеприпасы и деньги... Кроме того, было направлено 40 иностранных офицеров в качестве военных инструкторов».

Начиная с 1840-х гг. главным идеологом мюридизма стал имам Шамиль. Данное религиозное учение призывало к священной войне (газавату) против неверных, не исповедующих ислам людей. Заняв значительные районы Дагестана и Чечни, Шамиль переходит к активным военным действиям против русских на Северном Кавказе.

В 1850 году разгорелся конфликт между католиками и православными по поводу владения Святыми местами в Иерусалиме и Вифлееме. Православную церковь поддержала Россия, католическую – Франция и Осман-

¹ Дэвид Уркарт. The Portfolio.

ская империя. Поддержка католиков Турцией вызвало недовольство у российского посольства. Дипломатическая миссия князя А.С. Меншикова в Константинополе потерпела поражение. Спор о Святых местах стал поводом для Крымской войны (1853–1856 гг.) между Россией и Турцией, поддерживаемой Великобританией и Францией.

С 1854 г. в Крымской войне начали боевые действия европейские государства, создавшие угрозу Российской империи, которая имела преимущества над Турцией. Англичане создали собственный план действий в войне: после успешного окончания экспедиции в Крыму английский штаб начинал завоевание Кавказа со стороны Турции и Таманского полуострова, оказывая помощь мюридам.

Антирусская деятельность британских агентов развернулась среди натухайцев, в районах Анапы и Новороссийска. В 1855 году началась бомбардировка Новороссийска. Однако англо-французское командование потерпело неудачу, ибо горцы отказались от нападения на блокадный Новороссийск.

12 мая 1855 года началась англо-французская операция в Керченском проливе, завершившаяся удачей. Захват Керчи давал возможность Англии приступить к активным операциям в районе Таманского полуострова с целью объединения с силами Шамиля. Так Великобритания собиралась атаковать Темрюк совместно с мюридами Сефер-бея. Но Россия, осведомленная занятием крепости Фанагория и города Тамань силами противника, отбила войска Сефер-бея и захватила важную крепость Карс.

Упорная сила русских войск на Таманском полуострове и в Западной Грузии определила исход Закавказской кампании в пользу Российской империи. Корреспондент газеты «Кавказ», описывая провал военно-стратегического и политического планирования британского военного командования на Кавказском фронте, заявил, что русская армия потерпела неудачу: «Падение Карса разрушило одну из сумасбродных, но исполненной надежд английской политики».

Для того чтобы ускорить распад государственной системы имама Шамиля и усилить переход горцев на сторону русских, бывший наместник Кавказа князь Воронцов в послании к военному министру писал: «...улучшить сколько возможно состояние тех из горцев, которые к вам переходят и этим ободрить намерения тех, которые держат сторону Шамиля по одному только принуждению и по страху его бдительности и часто жестокого правления»¹.

Кавказский мюридизм обманул ожидания англичан и турок. После окончания Крымской войны начальник Генерального штаба британской армии генерал-лейтенант Виндаш заявил, что кавказские горцы, в частности Шамиль, не оправдали надежд английского правительства.

Крымская война, несмотря на отбитые сопротивления англичан, показала слабость русской армии и флота. 30 марта 1856 года был подписан Парижский мирный договор, по которому Россия отдавала Турции крепость Карс в обмен на Крым, Севастополь и теряла военные укрепления на Черном море.

Подводя итоги исследования, можно выделить, что мощь России устрашала британских лидеров, абсолютно нетерпимых к любой гегемонии на континенте, а также «устраивала их своей политикой поддержания европейской стабильности и готовностью к сотрудничеству с Лондоном».

Великобритания опасалась возникновения диктатуры единственной державы.

Для Великобритании итоги Крымской войны и диверсий против России не принесли желаемых результатов. Развязывая войну против России, Англия надеялась восстановить политическое равновесие на международной арене в соответствии со своим приоритетом. Лорд Маниерс, поддерживаемый Пальмерстоном, заявил: «Если мы должны сделать их (черкесов) независимыми, то я не могу найти слов, чтобы охарактеризовать низость политики Англии в этом случае. Вы снабжаете черкесов оружием, вы ведёте кампанию в союзе с ними, вы не жалеете ни оружия, ни боеприпасов, чтобы они смогли энергично сражаться против общего врага (русских), и после того, как они спасли для вас крепость Карс, которую бы вам не спасти своими силами, вы отказываетесь от них и позволяете России осуществить её планы завоевания в Азии».

Напряжённые дебаты, происходившие в английской палате лордов при ратификации Парижского мира, свидетельствуют об истинных намерениях британского правительства в отношении Северного Кавказа. Британия стремилась под видом «независимости» создать подневольную, марионеточную Черкесию, включить горцев в число английских колоний.

В конце 1850-х гг. Великобритания пыталась возобновить деятельность мюридов. Но поставка оружия и агентура не дали успехов. Тогда, англичане решили спровоцировать переселение горцев в Османскую империю, тем самым показав покровительство султанской Турции. В результате болезней и тяжёлого пути погибло около 100 тыс. горцев.

Таким образом, цели Великобритании – «отторжение от России Кавказа и Крыма», защита Индии от Российского государства и освоение Трапезунда, не оправдались. Создание подневольного «черкесского государства», возглавляемого Шамилем, провалилось.

В Крымской войне Россия потерпела тяжёлое поражение. После окончания войны Российская империя была сосредоточена на проведении социально-экономических и политических реформ. Важная задача – ликвидация движения Шамиля – была устранена взятием имама в плен в ауле Гуниб.

Несмотря на английское противодействие, в 1865 года при Александре II Кавказ и всё Закавказье были объявлены частями Российской империи. Но позорным пятном для российской дипломатии стали ограничения Парижского мира: Россия потеряла право владения флотом и укреплениями на Черном море, тем самым утратив защиту южных рубежей.

В 1870 г. благодаря деятельности министра иностранных дел А.М. Горчакова, Россия восстановила свой суверенитет на Черном море.

Заключение

В британском проекте Северный Кавказ представлял собой стратегический регион, созданный для противодействия укреплению позиций России на Северном Кавказе и в бассейне Чёрного моря. Политика Османской империей и Англии в отношении Северного Кавказа, носила консервативный характер, поскольку эти государства не были заинтересованы в улучшении положения горских народов и в сближении их с Россией.

Формирование мюридистского движения на Северном Кавказе было вызвано растущим противостоянием горского населения действиям российской администрации и усилением деятельности англо-турецкой агентуры. Мюридизм обогащал своих лидеров и укреплял феодальный строй среди горцев, проповедуя войну. Однако

¹ Хроника Мухаммед-Тахира ал-Карахи. С. 240–241.

данное движение разоряло простых горцев, сохраняло их отсталое положение.

Планы Великобритании и Османской империи в отношении Северного Кавказа потерпели неудачу в годы Крымской войны, что ознаменовало стабильность русско-кавказских связей.

Кавказский мюридизм не оправдал надежд правящих кругов этих стран. В результате войны Россия была экономически и политически ослаблена. Военные действия привели к ослаблению позиций Российской империи на международной арене. Тем не менее, планы создания марионеточной «Черкесии» остались нереализованными. Русским войскам удалось подавить мюридистское движение.

Несмотря на поражение в Крымской войне, Россия сохранила существенное влияние на международной арене. Российская империя могла бы и впредь играть стабилизирующую роль в Европе. Однако победители в Крымской войне совершили всё возможное, чтобы Петербург перестал играть ведущую роль в политике. Всё это ограничило внешнеполитические задачи России борьбой за отмену унижительных и суровых статей Парижского мира о нейтрализации Чёрного моря. Это резко сокращало дипломатический потенциал России, ставило её в зависимость от той державы, которая обещала бы реальную помощь в решении этого вопроса.

Поражение мюридистского движения не означало отказа Великобритании от завоевательной политики на Северном Кавказе. На протяжении всей второй половины XIX века среди горских народов Северного Кавказа продолжали действовать британские и турецкие агенты. Так в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. при содействии Османской империи и Великобритании было спровоцировано новое выступление мюридов, которое российским войскам удалось подавить.

Важным историческим событием в жизни горского населения стало присоединение народов Северного Кавказа к России. Оно открыло путь для поступательного развития и имело важные политические, экономические и культурные последствия. Были покончены феодалные междоусобицы, препятствовавшие развитию производительных сил, отменены рабство и торговля рабами, с 1851 по 1897 годы население Кавказа увеличилось на 95%, были построены железные дороги, развивались научно-исследовательские работы по изучению минеральных ресурсов Северного Кавказа.

Литература

1. Брокгауза и Ефрона энциклопедический словарь / Кауфман И.М. // Брасос – Веш. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 45. – (Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров; 1969–1978, т. 4).
2. John Robert Seeley. The Expansion of England: Two Courses of Lectures, 1883. – с. 108.

3. Мижуев, Павел Григорьевич (1861–1932.). История колониальной империи и колониальной политики Англии / П.Г. Мижуев. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1909. – [2], 216, 30, [1] с.; 25. – (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время / Изд. под ред. Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого).
4. Виноградов В.Н. «Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии», Новая и новейшая история № 5, 2006. С. 182–209.
5. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. – История СССР. 1983, N 2, с. 54.
6. Семенов Л.С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975. С. 49–77.
7. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. / под ред. Н.С. Киняпиной. М., 1978. С. 132.

ANGLO-RUSSIAN CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS IN 1830–1860 YEARS.

Kuraev A.N., Myakinina N.P., Baranova V.A.

Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University), National Research Nuclear University "MEPhI"

Political relations between Russia and Great Britain have not lost their significance in the modern world. England is historically one of Russia's main economic and military partners. Proof of this can be the fact that the victories of Russia in the campaign of 1812 and in foreign campaigns of 1813–1814 were won thanks to the English supply of military materials, as well as direct British assistance with money. However, the political situation between states has not always remained stable. In the 19th century, England decided to prevent the growing influence of Russia in the Balkans. It began what was called the "Big Game" in the 20th century. The purpose of the study: to prove the subversive activity of Britain towards the Russian Empire during the Crimean (1853–1856) and Caucasian Wars (1817–1864).

Keywords: politics, Russian Empire, England, North Caucasus.

References

1. Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary / Kaufman I.M. // Brasos – Vesh. – М.: Soviet Encyclopedia, 1971. – P. 45. – (Great Soviet Encyclopedia: [in 30 volumes] / chief editor A.M. Prokhorov; 1969–1978, vol. 4).
2. John Robert Seeley. The Expansion of England: Two Courses of Lectures, 1883. – с. 108.
3. Mizhuev, Pavel Grigorievich (1861–1932). History of the colonial empire and colonial policy of England / P.G. Mizhuev. – 2nd ed., add. – St. Petersburg: Brockhaus-Efron, 1909. – [2], 216, 30, [1] pp.; 25. – (History of Europe by era and country in the Middle Ages and modern times / Published under the editorship of N.I. Kareev and I.V. Luchitsky).
4. Vinogradov V.N. "Lord Palmerston in European diplomacy", New and Contemporary History No. 5, 2006. pp. 182–209.
5. Bliev M.M. Caucasian War: social origins, essence. – History of the USSR. 1983, No. 2, p. 54.
6. Semenov L.S. Russia and England. Economic relations in the middle of the 19th century. L., 1975. S. 49–77.
7. The Eastern question in Russian foreign policy. Late XVIII – early XX centuries. / ed. N.S. Kinyapina. M., 1978. P. 132.

Влияние реализации положений «Индо-тихоокеанской стратегии» США на российско-индийские отношения

Гэ Синьжун,

профессор, доктор наук по русскому языку и литературе,
профессор института русского языка, Хэйлунцзянский
университет
E-mail: 2004185@hlju.edu.cn

В современном мире российско-индийские отношения имеют большое значение и вызывают интерес со стороны международного сообщества. Традиционно, Россия и Индия являются дружественными государствами и стратегическими партнерами. Между ними установлены партнерские отношения в политической, экономической, военной и других областях. С введением администрацией Дж. Байдена новой версии американской «Индо-Тихоокеанской стратегии» США рассматривают Индию как «ключ» к ее продвижению. Под влиянием Соединенных Штатов отношения между Россией и Индией сталкиваются с новыми вызовами и требуют актуального рассмотрения. Изучение влияния «Индо-Тихоокеанской стратегии» США на российско-индийские отношения позволяет сделать вывод о том, что Индия в большей мере ориентирована на США. Однако американские факторы не могут оказать значительного влияния на российско-индийские отношения. Для России развитие отношений с Индией способствует препятствованию закреплению доминирующей роли США в регионе, укреплению ее влияния в нем, и пр. Для Индии, по сравнению с американо-индийскими отношениями, отношения с Россией более стабильны. Развитие отношений с РФ способствует сдерживанию расширения влияния США в Южной Азии.

Ключевые слова: «Индо-Тихоокеанская стратегия», российско-индийские отношения, американо-индийские отношения.

В последние годы, в целях содействия реализации «Индо-Тихоокеанской стратегии», Соединенные Штаты укрепили свое сотрудничество с Индией в политической, экономической, военной областях, сфере безопасности и других. В этом контексте в той или иной степени будет рассмотрен процесс сотрудничества между Россией и Индией, и направления российско-индийских отношений, которое находится в центре внимания других государств мира.

«Индо-Тихоокеанская стратегия» США

Термин ИТР является сокращением от понятия «Индо-Тихоокеанский регион». Еще при администрации Б. Обамы географическое понятие «Индо-Тихоокеанский регион» часто появлялось в отчетах и заявлениях Конгресса Соединенных Штатов и Тихоокеанского командования [2]. В контексте «Индо-Тихоокеанской стратегии» геостратегическое положение Индии в регионе было значительно улучшено. Соединенные Штаты рассматривают ее в качестве ключевого игрока в реализации «Индо-Тихоокеанской стратегии», поэтому они стремятся добиться ее глубокой интеграции в свой стратегический план. Также они ориентированы на поддержание лидерства Индии в регионе Индийского океана и способствуют ее развитию и укреплению.

В то же время Соединенные Штаты хотят получить «дивиденды» от процесса развития Индии. Внимание Соединенных Штатов к Индии проявляется в укреплении двусторонних политических контактов и увеличении частоты встреч и обменов мнениями на высшем уровне. В сфере экономики они увеличивают инвестиции в Индию и таким образом обеспечивают экономические и торговые контакты. Также они стремятся проводить совместные учения по обеспечению безопасности в военной сфере, в то же время увеличивая экспорт оружия и оборудования в Индию, надеясь, что в результате этого она сможет занять большую роль в их стратегии.

В то же время Соединенные Штаты очень настороженно относятся к действиям России в регионе Индийского океана и считают, что ее действия могут ограничить их влияние. Ввиду дружественных отношений и сотрудничества между Россией и Индией Соединенные Штаты проявляют значительное внимание к Индии, чтобы она обеспечила им поддержку для проведения их политики в регионе [6].

Ответом на «заискивания» со стороны Соединенных Штатов со стороны Индии стали ее значительные уступки. Она получила передовое военное оружие и технологии из Соединенных Штатов и приняла участие в сотрудничестве с ними в рамках механизма четырехстороннего диалога по безопасности, намереваясь использовать мощь США для достижения статуса великой державы с сильной армией. В целом, «Индо-Тихоокеанская стратегия» укрепила стратегическое взаимодействие между Соединенными Штатами и Индией. Исходя из общих ин-

тересов, Индия позитивно относится к стратегии США в целом.

Стратегия Соединенных Штатов по развитию Индо-Тихоокеанского региона и стратегия России по ее «повороту на Восток» значительно совпадают географически, что неизбежно приводит к пересечению их интересов.

Прежде всего, с военной точки зрения, четырехсторонний диалог по безопасности, возглавляемый США, а также действия отдельных акторов, таких как Соединенные Штаты, Великобритания и Австралия, усилили милитаризацию региона. Это заставит Россию направить усилия на усиление своей безопасности в регионе.

Политически Соединенные Штаты пытаются расширить свое влияние в Индо-Тихоокеанском регионе, пытаясь заставить страны этого региона принять чью-либо сторону в противостоянии между США и Китаем. Они провоцируют раскол в региональных организациях сотрудничества, таких как АСЕАН, и усиливают региональную нестабильность. Политическое влияние России в регионе по-прежнему очень ограничено, и обострение конфликтов между странами региона будет очень пагубно сказываться на дружеских контактах России с ними.

С экономической точки зрения Соединенные Штаты увеличат инвестиции в регион и увеличат торговлю и экспорт, что может сократить долю России на рынке и нанести ущерб ее экономическим интересам в регионе.

Сотрудничество России со странами Индо-Тихоокеанского региона в первую очередь основано на российских инициативах Большого евразийского партнерства и Евразийского экономического союза и ориентировано на постоянное укрепление отношений сотрудничества со странами Индо-Тихоокеанского региона. Так как «Индо-Тихоокеанская стратегия» Соединенных Штатов оказывает влияние на геополитические интересы, безопасность и экономические интересы региона, а также в виду того, что США стремятся доминировать в области военной безопасности и экономического развития Индо-Тихоокеанского региона, Россия не сможет занять позицию невмешательства. Она будет активнее участвовать в делах региона, защищать свои интересы в нем и обеспечивать продвижение и реализацию своей стратегии «поворота на Восток».

Вызовы, стоящие перед российско-индийскими отношениями в рамках «Индо-Тихоокеанской стратегии» США

В «Индо-Тихоокеанской стратегии» Соединенных Штатов Индия, очевидно, занимает ключевое положение. Соответственно, активное продвижение Индии стало важной стратегической целью Соединенных Штатов. В этом контексте «американский фактор» создал значительные трудности для развития российско-индийских отношений. В 2023 году Соединенные Штаты и Индия подписали совместное заявление, в котором также упоминалось сотрудничество с Россией.

Внешнеполитические стратегические разногласия, вызванные географическими различиями

Между Индией и Россией существуют очевидные географические различия. Национальную «политику продвижения на восток» Индии можно проследить с 1990-х гг. На данном этапе правительство Моди также проводило политику продвижения на Восток в качестве основной

стратегии своей внешней политики, постоянно укрепляя связи со странами Восточной и Юго-Восточной Азии и пытаясь усилить свое влияние на Азиатско-Тихоокеанский регион и даже весь мир.

Дискурс «Индо-Тихоокеанского региона» формируют Соединенные Штаты. С тех пор как администрация Д. Трампа официально запустила «Индо-Тихоокеанскую стратегию» в 2017 году, многие страны, включая Индию, сформулировали свою внешнюю политику, основанную на Индо-Тихоокеанском регионе в качестве стратегических рамок. В рамках «Индо-Тихоокеанской стратегии» Индия и Соединенные Штаты придают большее значение развитию своего двустороннего партнерства.

Россия негативно относится к формированию системы, возглавляемой Соединенными Штатами. Она никогда не использовала географическое понятие «Индо-Тихоокеанский регион» в официальных документах. В американской «Индо-Тихоокеанской стратегии» РФ была отодвинута на второй план, ее участие в делах Азиатско-Тихоокеанского региона было проигнорировано. Поэтому Россия считает, что «Индо-Тихоокеанская стратегия» – это всего лишь концепция, придуманная Соединенными Штатами для борьбы с Китаем, и решительно выступает против международных попыток Запада доминировать в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, полагая, что это служит лишь геополитическим интересам отдельных стран. Общая региональная концепция Азиатско-Тихоокеанского региона всегда фигурировала в официальных документах России.

С позиций геополитического познания, когнитивный конфликт при построении стратегического планирования развития России и Индии препятствовал развитию дипломатического стратегического взаимодействия этих двух стран. Исходя из различий в геополитических когнитивных конфликтах, Россия и Индия также имеют большие различия во внешнеполитических стратегиях. Россия сосредоточилась на содействии развитию «Большого евразийского партнерства» и стремится укреплять сотрудничество с Китаем, в то время как Индия в большей мере заинтересована в формировании сети тесного сотрудничества с «Группой четырех», состоящей, помимо нее, из Соединенных Штатов, Японии и Австралии. Пересечение стратегических рамок двух дискурсивных структур неизбежно приведет к конфликту стратегических интересов.

Перекрестное влияние экономических стратегий на сотрудничество в сферах торговли и рынка

В «Индо-Тихоокеанской стратегии» Соединенные Штаты стремятся построить экономический порядок в Индо-Тихоокеанском регионе, соответствующий экономическим интересам США, уделяя особое внимание инвестициям в инфраструктуру, торговлю, энергетику и другие экономические сферы. В этом контексте Соединенные Штаты укрепили свое экономическое сотрудничество с Индией.

В сфере торговли, Россия и Соединенные Штаты имеют определенную степень совпадения в вопросах экспорта в Индию, в первую очередь энергоносителей. Увеличение объема торговли между США и Индией неизбежно приведет к сужению российского рынка в этой стране, что очень пагубно сказывается на его развитии. На сегодняшний день объем торговли и инвестиций между Россией и Индией относительно невелик по сравнению с другими странами, уровень торговли невысок, хотя есть много возможностей для их развития. Индия имеет большое число граждан и широкий экономический потребительский рынок. Соединенные Штаты спровоцировали конфронтацию между Индией и Китаем, что

серьезно политизировало экономические и торговые вопросы Индии, а также усилило ее торговый протекционизм. Это также окажет негативное влияние на торговлю между Россией и Индией.

Негативное влияние на военное взаимодействие и сотрудничество в сфере безопасности

В «Индо-Тихоокеанской стратегии» США формируется акцент на развитии союзнических отношений с Австралией, Японией и Индией, и механизм четырехстороннего диалога по безопасности, в котором Соединенные Штаты будут играть важную роль. Администрация Дж. Байдена рассматривает четырехсторонний диалог по вопросам безопасности как ключевой проект в реализации «Индо-Тихоокеанской стратегии» и на этой основе совершенствует структуру и реализацию механизма диалога, а также существенно увеличивает инвестиции в проекты сотрудничества. Четырехсторонний диалог по безопасности стал для Соединенных Штатов механизмом сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Его главной стратегической целью является сдерживание стремительного роста Китая в АТР. В этом контексте отношения между Соединенными Штатами и Индией станут более тесными. В вопросах сотрудничества это влияет на совместные проекты России и Индии.

Соединенные Штаты рассматривают четырехсторонний диалог по безопасности как основной политический инструмент для сдерживания усиления Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так как его механизм сосредоточен на сотрудничестве в военной сфере. Военные инвестиции и расходы четырех стран продолжают увеличиваться. Индия придерживается сбалансированной дипломатической стратегии в отношениях между двумя крупнейшими державами, Соединенными Штатами и Россией, и проводит политику разнонаправленного альянса «как левых, так и правых» для наибольшей реализации своих национальных интересов. Основным механизмом сотрудничества Индии и Соединенных Штатов является механизм четырехстороннего диалога безопасности, в то время как Организация БРИКС, ШОС и трехсторонний механизм Китай-Россия-Индия обеспечивают взаимодействие Индии и России. В последние годы Индия проводила реальную политику в рамках «четырёхстороннего диалога» Соединенных Штатов, Японии, Индии и Австрии, и ее политика имела очевидные западные тенденции.

Перспективы российско-индийских отношений

В целом, хотя Россия и Индия по-прежнему имеют значительные различия во внешней стратегии и международном сотрудничестве, общий тон дружественного сотрудничества между двумя странами принципиально не изменится. Отношения сотрудничества между двумя странами имеют долгую историю. У них нет серьезных конфликтов интересов в области безопасности, территориальной и экономической сферах. В будущем две страны продолжат развивать особое стратегическое партнерство и реализовывать сотрудничество.

Развитие стратегического партнерства и укрепление партнерских коммуникаций и сотрудничества

Несмотря на определенные различия в политических позициях России и Индии, две страны по-прежнему занимают важное место во внешнеполитических стратегиях друг друга. В 2023 году Россия опубликовала новую версию своей Концепции внешней политики, в которой Китай и Индия перечислены отдельно в качестве основ-

ных дипломатических объектов в Евразии одновременно, что демонстрирует важность для России развития отношений с Индией. В «Концепции» указывалось, что Россия продолжит укреплять свое стратегическое партнерство с Индией, расширять сотрудничество во всех областях на основе взаимной выгоды и будет уделять особое внимание укреплению двусторонних торговых, инвестиционных и технологических связей, чтобы обеспечить защиту от деструктивных действий недружественных стран и их союзов [8].

Со своей стороны, Индия не полностью принимает «Индо-тихоокеанскую стратегию» Соединенных Штатов. У нее существуют определенные разногласия с США по многим вопросам. Например, Индия не склонна рассматривать стратегию развития Индо-Тихоокеанского региона как исключительную и целенаправленную стратегию развития. Эта позиция несовместима с жесткими целенаправленными целями Соединенных Штатов по сдерживанию Китая. В сентябре 2022 года в рамках «Индо-Тихоокеанской экономической структуры», важного расширения «Индо-Тихоокеанской стратегии» США, Индия решила выйти из торговых переговоров, не видя реальных выгод, и имея возражения против экономической системы, возглавляемой Соединенными Штатами. 12 июня 2023 года министр иностранных дел Индии Субраманиам Джайшанкар выступил с заявлением о том, что Индия рассчитывает на продолжение сотрудничества с Россией в рамках особого стратегического партнерства [1].

В итоге, Индия занимает важную позицию в российской стратегии построения большого евразийского партнерства, которая также нуждается в значительной поддержке Индии в процессе содействия развитию стран БРИКС и ШОС. У Индии также есть множество требований к политическому взаимодействию с Россией. Во-первых, Индия хочет использовать свои контакты с Россией для усиления своих позиций в диалоге с западными странами. Во-вторых, Индия нуждается в поддержке России в стремлении получить статус постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Таким образом, общий тон партнерского взаимодействия между Россией и Индией в краткосрочной перспективе не изменится.

Укрепление торгового сотрудничества и сокращение разрыва в торговле

С точки зрения структуры, экономики России и Индии в значительной степени дополняют друг друга, и каналы экономического и торгового сотрудничества между двумя странами будут продолжать расширяться. В экономике России доминирует тяжелая промышленность, в то время как уровень развития легкой промышленности и сельского хозяйства невысок. Тяжелая промышленность Индии и военная промышленность являются относительно отстающими в своем развитии, и существует большой спрос на некоторое высокотехнологичное оборудование. С непрерывным развитием экономик двух стран взаимодополняемость их экономических систем становится все более заметной. В последние годы население Индии постоянно растет, а индийский потребительский рынок огромен. В условиях санкций со стороны западных стран Россия также активно осваивает новые рынки в Азии. Кроме того, судя по общему обменному курсу, российский импорт китайских товаров невыгоден для России, поэтому она более склонна импортировать индийские товары и активнее искать альтернативные товары в Индии.

Это также является благоприятным аспектом российско-индийской торговли.

С точки зрения торговли энергоносителями, за первые пять месяцев 2023 года Индия импортировала 37 млн тонн российской нефти, что почти в 11 раз больше, чем за аналогичный период 2022 года. За весь 2022 год Индия импортировала 33,4 млн. тонн российской нефти. После эскалации кризиса на Украине в 2022 году Индия стала основным потребителем российской нефти [5]. Объем товарооборота между двумя странами будет продолжать расти и в будущем. С точки зрения торговли сельскохозяйственной продукцией, по сравнению с 2021 годом объем ее торговли между Российской Федерацией и Индией в 2022 году увеличился на 60% и составил 1,7 миллиарда долларов США, и перспективы дальнейшего развития сотрудничества также значительны [4].

Основываясь на анализе объема товарооборота между двумя странами, можно заключить, что огромное положительное сальдо торгового баланса России с Индией трудно будет изменить в краткосрочной перспективе. В 2022 году объем двусторонней торговли между Россией и Индией значительно увеличился, достигнув беспрецедентных 335 миллиардов долларов США. Это существенное увеличение почти полностью обусловлено взрывным ростом поставок сырой нефти, угля и удобрений из России в Индию, в то время как объем экспорта Индии и структура торговли с Россией практически не изменились [7]. Таким образом, в будущем у России будет огромное положительное сальдо торгового баланса с Индией, и дисбаланс в торговле между двумя странами будет продолжать расти.

Развитие сотрудничества в области военной безопасности и создания совместных предприятий по производству оружия

У России и Индии имеются продолжительные традиции военного сотрудничества. Обе страны будут продолжать поддерживать тесное военное сотрудничество в течение длительного времени. Прежде всего, импорт боевой техники для индийской армии в основном поступает из России. Долгосрочное углубленное военное сотрудничество между двумя странами сформировало военную зависимость Индии от России. Вооружение Индии и РФ сильно взаимосвязано. Как эксплуатация вооружения, так и его последующее техническое обслуживание, предполагают продолжение сотрудничества с Россией. По сравнению с дорогостоящим американским оборудованием, оборудование российского производства по-прежнему сохраняет свои преимущества на индийском рынке военной техники. Притом, что доля России на рынке сокращается, это стимулируется не изменениями в традиционных дружественных отношениях между двумя странами. Это является результатом международной политики Индии и представляет собой неизбежный результат изучения Индией новых возможностей для развития на международной арене.

6 декабря 2021 года президент России Владимир Путин посетил Индию, провел переговоры с премьер-министром Индии Нарендрой Моди и подписал соглашение о российско-индийском плане военно-технического сотрудничества на 2021–2030 годы. 15 августа 2023 года посол Индии в России Паван Капур посетил стенд «Брамос» на форуме «Армия-2023» и сообщил, что две страны намерены применить опыт «Брамос» в производстве оружия и военной техники [3]. В будущем две страны создадут новое совместное предприятие по производ-

ству вооружений. Соответственно, они предпочтут активно осуществлять военное сотрудничество и продолжат поддерживать «особое и преференциальное стратегическое партнерство».

Кроме того, развитие военного сотрудничества между Индией и Соединенными Штатами также ограничено. Например, Индия всегда бдительно относится к участию Соединенных Штатов в морских операциях в Индийском океане. В последние годы, хотя Индия редко публично выступала против действий Соединенных Штатов в нем, она по-прежнему рассматривает угрозы безопасности, создаваемые долгосрочным укреплением США в Индийском океане. Что касается участия Индии как в американо-индийских военных учениях, так и в учениях «Дунфан-2022» с участием Китая, России, Монголии и других стран, Соединенные Штаты признали, что Индию и Россию связывают долгосрочные отношения в области военной безопасности, и трудно изменить их длительный характер. Ими реализуется долгосрочная модель военного сотрудничества за короткий промежуток времени.

Выводы

В контексте «Индо-Тихоокеанской стратегии» Соединенных Штатов внешняя стратегия Индии в большей степени ориентирована на Соединенные Штаты и западные страны, что заставляет Индию и Россию сталкиваться с определенными проблемами в политической, экономической и военной сферах сотрудничества. Однако в целом американские факторы не окажут значительного влияния на российско-индийские отношения в краткосрочной перспективе. Для России развитие отношений с Индией способствует предотвращению закрепления доминирующего положения Соединенных Штатов в регионе, укреплению своего влияния в регионе Индийского океана, изучению и стабилизации рынков вооружений и энергоносителей в Южной Азии и содействию реализации стратегического плана «Большого евразийского партнерства». Для Индии, по сравнению с американо-индийским взаимодействием, отношения с Россией более стабильны. Развитие отношений с РФ способствует сдерживанию расширения влияния США в Южной Азии. Поддержка России также необходима в таких вопросах, как региональная борьба с терроризмом.

Литература

1. В Индии выступили за сотрудничество с РФ в рамках особого партнерства URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1112485-v-indii-vystupili-za-sotrudnichestvo-s-rf-v-ramkakh-osobogo-partnerstva> (дата обращения: 2.09.2023 г.).
2. Ли Юнься, Юй Хуан. Влияние «Индо-Тихоокеанской стратегии» США на китайско-индийские отношения // Журнал Яньбяньского университета (издание по социальным наукам). – 2023. – № 2. – 62–72.
3. Посол Индии рассказал о сотрудничестве с Россией в области вооружения URL: <https://ria.ru/20230815/vooruzhenie-1890207602.html?ysclid=lld-hmltbb156509091> (дата обращения: 2.09.2023 г.).
4. Россия и Индия значительно увеличили торговлю агропродукцией в 2022 году URL: https://www.alt.ru/external_news/98757/?ysclid=lldpqhghq6704086406 (дата обращения: 3.09.2023 г.).
5. Россия нарастила экспорт нефти в Индию в 11 раз URL: <https://www.rbc.ru/business/09/08/2023/64d31e539a79475bf802abab?ysclid=ll3e0qjl4b193739840> (дата обращения: 3.09.2023 г.).

6. Тан Сяосун, Сюй Мэнъин. Исследование позиционирования роли Соединенных Штатов в Индии в рамках «Индо-Тихоокеанской стратегии» // Всемирный экономический и политический форум. – 2020. – № 4. – С. 32–56.
7. Теряет ли Россия Индию? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/teryaet-li-rossiya-indiyu/?ysclid=ll3ehiiw4e725418246> (дата обращения: 4.09.2023 г.).
8. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 4.09.2023 г.).

THE IMPACT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF THE “INDO-PACIFIC STRATEGY” OF THE UNITED STATES ON RUSSIAN-INDIAN RELATIONS

Ge Xinrong
Heilongjiang University

Russia-India relations are a very important bilateral relationship in the world today and are of general concern to the international community. Russia and India are traditional friendly strategic partners with each other, and have established preferential strategic partnerships in political, economic, military and other fields. With the introduction of the Biden administration's new version of the US “Indo-Pacific Strategy”, the United States increasingly regards India as the key to the advancement of the strategy, and has taken a series of measures to win over India to promote the implementation of its strategy. Affected by U.S. factors, the relations between Russia and India are facing new challenges. The study of the influence of the “Indo-Pacific Strategy” of the United States on Russian-Indian relations allows us to conclude that India is more oriented towards the United States. However, American factors cannot have a significant impact on Russian-Indian relations. For Russia, the development of relations with India contributes to preventing the consolidation of the

dominant role of the United States in the region, strengthening its influence in it, etc. For India, in comparison with US-Indian relations, relations with Russia are more stable. The development of relations with the Russian Federation helps to curb the expansion of US influence in South Asia.

Keywords: “Indo-Pacific Strategy”; Russia-India Relations; US-India relations.

References

1. India advocated Cooperation with the Russian Federation within the Framework of a Special Partnership URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1112485-v-indii-vystupili-za-sotrudnichestvo-s-rf-v-ramkakh-osobogo-partnerstva> (access: 2.09.2023).
2. Li Yunxia, Yu Huang. The Impact of the US “Indo-Pacific Strategy” on Sino-Indian Relations // Journal of Yanbian University (social science edition). – 2023. – № 2. – 62–72.
3. The Ambassador of India Spoke About Cooperation with Russia in the Field of Armaments URL: <https://ria.ru/20230815/voorzhenie-1890207602.html?ysclid=lldhmltbb156509091> (access: 2.09.2023).
4. Russia and India Significantly Increased Trade in Agricultural Products in 2022 URL: https://www.alt.ru/external_news/98757/?ysclid=lldpqhggq6704086406 (access: 3.09.2023).
5. Russia has Increased Oil Exports to India by 11 times URL: <https://www.rbc.ru/business/09/08/2023/64d31e539a79475bf802abab?ysclid=ll3e0qjl4b193739840> (access: 3.09.2023).
6. Tang Xiaosong, XuMengying. A Study of the Positioning of the Role of the United States in India within the Framework of the “Indo-Pacific Strategy” // World Economic and Political Forum. – 2020. – No. 4. – P. 32–56.
7. Is Russia Losing India? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/teryaet-li-rossiya-indiyu/?ysclid=ll3ehiiw4e725418246> (access: 4.09.2023).
8. Decree on Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (access: 4.09.2023).

Жарков Арсений Александрович,
аспирант Дипломатической академии Министерства
иностраных дел Российской Федерации
E-mail: senychzharkov@yandex.ru

«Мягкая сила» – один из наиболее важных на современном этапе инструментов во внешнеполитическом арсенале государства, который позволяет не только обеспечить его крепкое положение на международной арене, но также различными методами достигнуть своих внешнеполитических целей и достойно защитить свои национальные интересы. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть один из существующих в политической науке методологических подходов к исследованию феномена «мягкой силы» – «системный», который состоит в признании «мягкой силы» как системы со своими целями и структурами, состоящей из некоторого количества равноправных элементов, каждый из которых в отдельности действует в строго определённой сфере человеческого социума, а в совокупности обеспечивают как высокую эффективность «мягкой силы», так и её широкое распространение в глобальном масштабе.

Ключевые слова: «мягкая сила», «системная парадигма», «система», «элементы «мягкой силы», «международная дипломатия», «культура», «образование».

Концепт «мягкой силы» в современной политической науке

Уже на протяжении тридцати лет феномен «мягкой силы» привлекает внимание учёных в таких областях, как теория международных отношений, политология, культурология и даже социолингвистика [27]. О её возросшем значении свидетельствуют как пристальное внимание исследователей – и отечественных, и западных, – так и частое упоминание в официальных документах – внешнеполитических концепциях, декларациях, договорах – таких ведущих государств, как США, Китай, Россия, Германия, Франция и Великобритания [17, 18]. Помимо этого, как показывают недавние события в отношениях России с Африкой (многие западные издания, в том числе BBC, CNN, WSJ и другие, в своих статьях указывают на активное использование Россией инструментов «мягкой силы» для продвижения своего влияния на континенте), успехи российской дипломатии (о чём свидетельствуют заключённые на прошедшем форуме Россия – Африка с более чем 48 странами двусторонние договоры об укреплении сотрудничества, расширении политической и экономической кооперации, а также углублении культурного взаимодействия) во многом обязаны именно правильному использованию инструментов «мягкой силы», которое осуществляется по нескольким направлениям и является крайне эффективным. Таким образом, именно «мягкая сила» играет если не ключевую, то одно из ключевых, ролей в современной геополитике.

Впрочем, несмотря на это, в научном сообществе до сих пор вызывает ожесточённые споры не только сам термин «мягкая сила» – вернее сказать, правомерность его использования, трактования и перевода, – но и его наполнение: к примеру, один из ведущих специалистов в России в этой сфере, М.А. Неймарк, в своей статье пишет, что «исходной проблемой в осмыслении «мягкой силы»... являются существующие терминологические разночтения, которые сказываются на понятийном аппарате и на понимании содержательного наполнения»; другой известный учёный-международник, Е.М. Харитонов, также отмечает отсутствие ясности как в терминологии, так и отсутствие в самой представляющей её целостной концепции «мягкой силы» «достаточной с научной точки зрения строгости» [22; 27]. В связи с этим, как справедливо указывает М.М. Лебедева, на сегодняшний момент «существует такое бесконечное множество трактовок «мягкой силы» и переводов данного термина», что в разделах политической науки, связанных с изучением феномена «мягкой силы», воцарился «теоретический хаос»: каждое новое осмысление, каждая новая экспликация только лишь добавляет причин для дальнейшего переосмысления и доработки концепции «мягкой силы» [18]. Впрочем, учитывая широкое распространение и использование «мягкой силы» как в теоретическом, так и в практическом аспектах, представляется вполне справедливым любое её рассмотрение в рамках исследования строить на конвенциональной теории, разработанной американским политологом Дж. Наем в конце 80-х – начале 90-х годов.

Напомним, что впервые сам термин «мягкая сила» появился в статье под одноимённым названием “Soft power”, опубликованной в 1990 году;

в ней Дж. Най в рамках доминирующей в США неолиберальной школы и вдохновляемый разработанной Ф. Фукуямой концепцией «конца истории» утверждает, что в условиях быстрого развития информационных технологий, приближающимся крахом bipolarной системы и повышения роли негосударственных акторов в международных отношениях традиционные инструменты ведения внешней политики, представляющие из себя различные насильственные способы убеждения и оказания грубого влияния (т.н. “hard power”), непременно должны уступить место более тонким и гибким способам оказания влияния, таким, которые бы не имели в своей основе явных оттенков принуждения, а помогали добиваться поставленных целей путём более изящным и приемлемым как со стороны агента, оказывающего влияние, так и со стороны объекта, подвергаемого таковому [7]. В качестве такого нового способа Най вводит понятие «мягкая сила», под которым подразумевает в своей ранней итерации «силу, основанную на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики» [7]. В отличие от «жесткой силы», сводимой к принуждению, «мягкая сила» строится на «убеждении... в привлекательности материальной и духовной культуры, политической и экономической системы, истории и системы образования, которые в конечном итоге... оказываются более эффективными во влиянии на массовую аудиторию как в своей стране, так и в странах, на которые пытается влиять страна, имеющая мощную «мягкую силу» [20]. Эта сила, продолжает свою мысль Най в дальнейшей публикации, построена на тех простых и общедоступных вещах, которые доступны множеству людей, которые они любят, и которые в силу привычки считают неотъемлемой частью их жизни: «По сути», – говорит он. – «Большая часть американской «мягкой силы» была произведена Голливудом, Гарвардом, Майкрософтом, и Майклом Джорданом» [6]. В этом отношении, утверждает М.А. Неймарк, «мягкая сила» определяется как «способность получить желаемое через привлечение, а не подавление» [22]. Очевидно, что под «желаемым» сам автор концепции, Дж. Най, отталкиваясь от понимания многозначного термина «сила» как возможности агента (то есть субъекта, совершающего некое действие) путём определённого неинвазивного воздействия изменить поведение объекта, подразумевает некую «цель», лежащую в сфере интересов актора (в экономической, политической, культурной или какой-либо другой плоскости); как указывает М.М. Лебедева, эти цели могут варьироваться от краткосрочных до долгосрочных, но все они относятся к группе важнейших внешнеполитических задач, которые стоят перед государством [18]. Очевидным становится, что основной целью «мягкой силы» является не открытое вмешательство в суверенные дела другого актора под предлогом укрепления влияния (так, по мнению Най в более поздней публикации, поступают «авторитарные режимы России и Китая»), а ненавязчивое «подталкивание» объекта к волюнтаристскому осознанию того, что привлекающий его внимание актор (государство или ТНК) обладает схожими с ним интересами, традициями, историей, культурой, за счёт частичного или полного совпадения которых объект может начать испытывать к нему понимание и симпатию [9; 6]. Иными словами, конечной целью, подытоживает Дж. Най, является создание у объекта «привлекательного и приятного восприятия иной культурной общности», достижение в процессе взаимодействия такого состояния, чтобы у него создалось впечатление в схожести его собственных целей и интересов с таковыми у иной социокультурной и политической общности [6].

Таким образом, становится возможным охарактеризовать «мягкую силу» следующим образом: «мягкая сила» – это невоенные, ненасильственные, неинвазивные методы тонкого психологического воздействия на объект и его поведение, позволяющие государственным и негосударственным акторам достигать в процессе убеждения и подкупа своих целей в сферах политики, экономики и культуры.

Основные подходы к исследованию «мягкой силы». «Системная» парадигма

В любом исследовании, посвящённом описанию и анализу «мягкой силы», предупреждает М.А. Неймарк, следует исходить из многозначности и полифоничности данного термина, порождённого закономерным и «естественным» появлением множества авторов-интерпретаторов, которые наделяют концепт новыми смыслами» [22]. В этих условиях, как уже указывалось выше, относительную целостность всей концепции «мягкой силы» удаётся поддерживать за счёт разделяемого практически всем научным сообществом критерия целеполагания: М.М. Лебедева указывает, что многие исследователи при анализе «мягкой силы» попадают в своеобразную методологическую ловушку, пытаясь отказаться от сложившейся системы подходов к её изучению и разработать свой собственный; Д.М. Ковба также предупреждает, что огромное количество научных трудов и «повсеместное использование этого концепта... привело к размытости его содержания и необходимости систематизировать основные подходы к его трактовке в трудах исследователей» [18, 17].

Как ответ на этот своеобразный вызов, в современной политической науке сложилось два основных подхода, две доминирующие парадигмы, которые представляется возможным выделить при глубоком и всестороннем рассмотрении всех многочисленных, кажущихся спорадическими, теоретических интерпретаций феномена «мягкой силы» – «имиджеологическая» и «системная» – и которые на данный момент представляют два разных методологических подхода к феномену «мягкой силы», но каждый из которых, по выражению американского исследователя Н. Сноу, «взаимно дополняет и последовательно сменяет друг друга» [10].

Первый, «имиджеологический» подход, уже рассмотренный в более ранней публикации, имеет в своём базисе такое понятие, как «имидж», под которым автор понимает «устойчивый, перманентный искусственный образ, формируемый в рамках «мягкой силы» заинтересованным агентом у объекта и направленный на создание и упрочнение в массовом сознании иной социокультурной общности притягательного и очаровывающего образа актанта, который, в отличие от распространённого в реалистском понимании термина «пропаганда», не навязывается объекту, а в определённом смысле аккуратно «встраивается» в его мировосприятие на основании испытываемых восхищения и доверия» [16]. Имидж, как разновидность образа, обладает гораздо бо льшей устойчивостью, перманентностью и статичностью, что позволяет ему, во-первых, получать широкое распространение, а во-вторых, гораздо дольше оставаться в массовом сознании аудитории [16]. Имея в своём основании архетип, то есть «структурный элемент восприятия человеческого сознания, который отражает коллективное постоянное представление о некоей вещи или же их совокупности, имидж представляет из себя своеобразный искусственный образ-конструкт, создаваемый заинтересованным субъектом и проециру-

емый на объект с целью достижения им определённого эмоционально-психологического состояния, при котором он будет более склонен к принятию культурных, политических и идеологических доминант субъекта [16]. В рамках «имиджеологической» парадигмы, таким образом, «мягкая сила» рассматривается как способность актора использовать разработанные методики формирования и продвижения имиджа на международной арене, что, как справедливо отмечает Е.М. Харитоновна, во многом роднит данный подход с понятиями «маркетинг» и «национальный брендинг», но далеко не исчерпывает всю сложность концепции «мягкой силы» и не ограничивается исключительно имиджем государства [27].

Второй подход, «системный», как следует из названия, построен на понятии «системы», которая, по Л. Бертоланфи, представляет из себя «набор взаимодействующих элементов... структуру, элементы которой действуют друг на друга», и которые, как указывали Р. Акофф и Ф. Эммери, «в силу взаимного прямого или косвенного воздействия не могут быть независимыми» [11, 24]. В рамках системы, субстанциональными свойствами которой являются структурность, строгая организация («иерархичность»), целостность («эмерджентность»), делимость и адаптивность, «мягкая сила» рассматривается как определённая совокупность взаимосвязанных и дополняющих друг друга элементов, обладающих своими свойствами и функциями, которые связаны, прежде всего, общностью структуры и целей, и которые отличаются высокой эффективностью и широким спектром действия в соответствующих им сферах деятельности всего социума [24]. Соответственно, говоря о «системном» подходе к «мягкой силе», основной фокус будет смещаться с анализа одного общего понятия на анализ целой группы элементов, объединённых в систему на основании общего критерия – целеполагания, которому подчинены все составляющие эту систему элементы. Основной целью «мягкой силы» как системы, исходя из наиболее базового её определения, данного Дж. Наем и приведённого выше, является обеспечение и защита национальных интересов государства мирным, бесконфликтным путём одновременно в нескольких сферах – политической, экономической и духовной [13, 19]. Таким образом, в рамках данной парадигмы можно привести следующее широкое определение «мягкой силы», которое сформулировала отечественный исследователь О.Г. Леонова: «мягкая сила – совокупность внешних и внутренних факторов государства, в которых в сконцентрированном виде находят своё выражение национальная идея страны и её миссия в глобальном мире» [19].

Элементы или компоненты, которые составляют систему «мягкой силы», по утверждению Ведерниковой М.И., несмотря на разницу в подходах и трактовках, в общем и целом «идентичны у каждого автора», и, как уже указывалось выше, выделяются согласно влиянию на определённую сферу деятельности общества – политическую, экономическую и духовную [14]. В соответствии с этим принято выделять следующие составные элементы данной системы: международную дипломатию/ правительство, бизнес/инновации и культуру/образование, связанные в её рамках, прежде всего, чёткой ориентированностью на достижение поставленной цели [23]. «Элементы «мягкой силы», – пишет Дж. Най. – «Это активы, которые производят привлекательность»; привлекательность как духовную, под которой понимается мощь духовной культуры государства, так и материальную, связанную с высокими экономическими и социальными показателями развития общества этого государства, наличием эффективных методов производства, техно-

логического и научного превосходства [6]. Таким образом, схематически можно представить систему «мягкой силы» в следующем виде (рис. 1).

Рис. 1. Система «мягкой силы»

Как можно заметить, каждый из приведённых элементов представляет из себя как бы отдельное «измерение», строго соответствующее конкретной сфере жизни общества, и каждое из которых можно подробно рассмотреть, как частное проявление общей системы «мягкой силы», выделить и проанализировать основные механизмы, модели и техники, используемые акантами в рамках оказания влияния на этих подуровнях. Как совершенно справедливо замечает Д.А. Ковба, исследование «структуры и трёх основных компонентов «мягкой силы» позволяет довольно глубоко изучить «специфику отношений с другими государствами, международный имидж, участие в международных организациях, экономическую модель, инвестиционную привлекательность и деятельность, а также привлекательность национальных культурных ценностей, культуры и образа жизни населения» [17].

Первый элемент, публичная дипломатия¹/правительство, относится к политической жизни общества и включает в себя, по мнению российского исследователя А.О. Наумова, во-первых, политическую идеологию – «набор значимых для общества ценностей, которых государство придерживается как внутри страны, так и за её пределами», во-вторых, внешнюю политику, рассматриваемую другими участниками международного общения как легитимную и авторитетную, и, в-третьих, политическое влияние, под которым понимается характер дипломатических отношений с другими государствами, участие в международных организациях и широкая вовлечённость в глобальные процессы [21]. Также к этому элементу составители так называемых индексов «мягкой силы» относят такие показатели, как количество дипломатических сотрудников за рубежом, структурную организацию и эффективность деятельности служб внешних сношений и примерный объём дипломатической поддержки и помощи другим странам [27]. В рамках стратегии «мягкой силы», направленной на обретение лидерства или гегемонии и имплицитующей активную внешнеполитическую деятельность, грамотное и эффективное использование этого элемента, по утверждению Д.М. Галаротти, позволяет оперативно разрешать конфликты дипломатическими средствами и оказывать влияние и достигать национальных интересов посредством авторитета и дипломатического веса, не прибегая к нарушению международных законов, норм и институтов [1].

Второй элемент, бизнес/инновации, относится к экономической сфере общества и включает в себя, по мнению А.О. Наумова, роль и статус в международных экономических организациях, мировой финансовой системе, мощь национальной экономической системы, её уникальную модель и мощный экономико-технологический потенциал, свидетельствующий об её высокой эффективности и привлекательности в плане открытости и инноваций

¹ В современной политической науке «публичная дипломатия» – определённый комплекс внешнеполитических мер, которые направлены на изучение, информирование и формирование позитивного зарубежного общественного мнения в отношении определённого государства [21].

[21]. В современных реалиях глобализации и взаимозависимости наличие строгой бизнес-стратегия и повышение инновационности представляют из себя важнейшие инструменты, обеспечивающие государству более выгодное и высокое положение в международной иерархии и позволяющие в полной степени реализовывать его экономический потенциал. Согласно Е.С. Емельяновой, основные вехи «мягкой силы» в плане инновации и бизнеса – человеческий капитал, то есть наличие высококвалифицированной и образованной рабочей силы, чья высокая производительность труда поддерживается мощными социоэкономическими институтами и более чем достойной системой компенсации труда, научно-технологические разработки, то есть научный потенциал государства, наличие развитой системы поддержки науки, наличие сети разветвлённых многопрофильных научных учреждений и возможность генерировать научные знания и совершать открытия, и международная кооперация, то есть широкие программы экономического и технологического сотрудничества с другими государствами [15].

Третий элемент, культура/образование, относится к духовной сфере общества и включает в себя, по мнению М.Р. Арпентьевой, такие компоненты, как культурно-исторический потенциал – «набор значимых для общества ценностей, не сводимых исключительно к массовой культуре, привлекательных для других народов и культур»), достаточно широкое распространение и влияние институтов и достижений национальной культуры, искусства и языка в глобальном масштабе, мощная академическая традиция в области системы образования, включая наличие признанных во всём мире высших учебных заведений, пользующихся известностью, активную вовлечённость в международные культурно-образовательные проекты по обмену, а также успехи в спорте и образовании [12]. Сам создатель концепции «мягкой силы» Дж. Най, рассуждая о её «ресурсах», называл сферы культуры и образования «важнейшими инструментами влияния», обеспечивающими «международное признание значения и размеров культурного прошлого и настоящего государства» и содействующими «расширению межкультурных отношений и обменов» [8; 12]. Именно от этого элемента, по большому счёту, и зависит не только эффективность, но и тот потенциал «мягкой силы», которую может использовать государство; «мягкая сила» возникает тогда, – подводит итог отечественный исследователь М.Р. Арпентьева. – «Когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами» [8].

Таким образом, рассмотрев в рамках данной статьи два основных методологических подхода к определению феномена «мягкой силы» – «имиджеологического» и «системного» (но всё-таки сосредотачиваясь именно на последнем из них) – становится очевидно, что «мягкая сила», несмотря на её широкое практическое использование в современных международных отношениях без исключения всеми ведущими акторами, с точки зрения теории, тем не менее, остаётся крайне «сырой» и требует дальнейшего исследования и – в особенности – систематизации. Существующие на сегодняшний день две парадигмы представляют большие возможности для более глубокого понимания и анализа «мягкой силы», в случае с «имиджеологической» парадигмой выделяя и рассматривая механику и техники формирования имиджа государства, а в случае с «системной», – раскладывая этот монументальный конструкт на составляющие части и наглядно демонстрируя в результате изучения каждого отдельного элемента, что «мягкая сила» представляет из себя многофункциональную и всеобъемлющую систему, использование которой позволяет го-

сударственным и негосударственным акторам использовать и распространять своё влияние практически во всех сферах деятельности общества с высокой эффективностью и меньшими затратами и рисками. В рамках «системной парадигмы» «мягкая сила» рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов – международной дипломатии/правительства, бизнеса/инноваций, культуры/образование, – существующих в рамках данной системы, выполняющих определённые функции и строго соответствующие той сфере человеческой жизнедеятельности, на которую они и направлены – политической, экономической и духовной.

Литература

- Gallarotti G.M. Soft Power: What Is It, Why It Is Important, and the Conditions under Which It Can Be Effectively Used // Journal of Political Power, Wesleyan University. 2011. № 4 (1). pp. 25–29.
- Gray C.S. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century. – New York: Strategic Studies Institute, 2011. – 73 p. – ISBN: 58487–486–4
- Knight J. The limits of soft power in higher education // University World News. 2014. № 305. [Электронный ресурс]. – URL: The limits of soft power in higher education (universityworldnews.com) (дата обращения: 22.08.2023).
- Lock, E. Soft Power and Strategy: Developing a “Strategic” Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. – London: Routledge, 2010. – pp. 32–50.
- Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power – New York: Basic Books, 1990. – 336 p. – ISBN: 978–0465007448.
- Nye, J. Flexible power: The means to succeed in world politics // Foreign Power. – New York: Public Affairs, 2004. – 221 p. – ISBN: 58648–225–4.
- Nye, J. Soft power // Foreign Policy. 1990. № 79 (80). pp. 153–171.
- Nye, J. Soft power: the evolution of a concept // Journal of Political Power, school of government, Harvard University. 2021. № 14 (1). pp. 5–9.
- Nye, J. What China and Russia don't get about “soft power” // Foreign Policy. 2013. [Электронный ресурс]. – URL: What China and Russia Don't Get About Soft Power – Foreign Policy (дата обращения: 22.08.2023).
- Snow N. Rethinking Public Diplomacy. – Abingdon: Routledge, Routledge handbook of public diplomacy, 2008. – 304 p. – ISBN: 9780415953016.
- Von Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. – N. Y., 1968. – 289 p. [Электронный ресурс]. – URL: Von_Bertalanffy_Ludwig_General_System_Theory_1968.pdf (monoskop.org) (дата обращения: 22.08.2023).
- Арпентьева М.Р. Концептуальные проблемы теории «мягкой силы» // Дневник АШПИ. 2018. № 1(33). – Барнаул: изд-во АЛТГУ. С. 41–43.
- Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник БГУ. Политологические науки. 2013. № 14. С. 134.
- Ведерникова М.И. Имидж страны как элемент «мягкой силы» // Дневник АШПИ. 2018. № 1 (33). – Барнаул: изд-во АЛТГУ. С. 37.
- Емельянова Н.Н. Имидж России в условиях новых вызовов XXI века: Монография. М.: изд-во Руснайс, 2020. – 124 с. – ISBN: 978–5–4365–2264–7.

16. Жарков А.А. Образ государственной власти России начала XX века в массовой культуре Великобритании: попытка формирования имиджа государства (на основе трудов М. Бэринга). – МГУ, диссертация, электронный каталог «Истина», 2018. С. 16–18.
17. Ковба Д.М. Основные подходы к исследованию «мягкой силы» в отечественной политической науке // Научный журнал «Дискурс-Пи». Право. 2017. № 1(14). С. 143–146.
18. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3 (54). С. 213–220.
19. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель – Observer. 2013. № 4. С. 29–32.
20. Макаревич М.Ф. Структура и возможности «мягкой силы» // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. № 1 (778). – С. 28.
21. Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: Курс лекций. М.: изд-во Московского университета, 2019. – 205 с. – ISBN: 978–5–19–011395–2.
22. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике // Обозреватель – Observer. 2016. № 1 (16). С. 32–38.
23. Русакова О.Ф. Дискурс soft power как компонент гуманитарной дипломатии: инструментально-измерительный анализ // Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 93–95.
24. Соколов М.А. Системный подход как исследовательская программа в творчестве Л. Бертоланфи // Вестник ПГГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 8–9.
25. Уивер, У. Наука и сложность. 1949. [Электронный ресурс]. –URL: Наука и сложность (cyberleninka.ru) (дата обращения: 16. 08. 2023).
26. Фукуяма. Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2015. – 252 с. –ISBN: 978–5–17–089637–0.
27. Харитоновна Е.М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 21–54.

«SYSTEM PARADIGM» IN THE COMPLEX OF «SOFT POWER»

Zharkov A.A.

Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The “soft power” is one of the most important foreign policy instruments at the disposal of modern nations; one that not only permits a state to assert itself on the international stage, but also allows for a wide variety of methods whereby it can both fulfill its foreign policy goals and successfully defend its national interests. The present article seeks to explore and analyze one of the two most ubiquitous methodological approaches towards the concept of “soft power” that is referred to as “systemic” approach, thereby the “soft power” is regarded as a certain system with its own objectives and as having a limpid structure that consists of various but equal elements; these elements work separately and in unison at the same time, in the former case acting in a certain societal spheres, and in the latter case providing for both the great efficacy and the wide spread of “soft power” on a global scale.

Keywords: “soft power”, “systemic paradigm”, “system”, “soft power” elements”, “international diplomacy”, “culture”, “education”.

References

1. Gallarotti G.M. Soft Power: What Is It, Why It Is Important, and the Conditions under Which It Can Be Effectively Used // Journal of Political Power, Wesleyan University. 2011. № 4 (1). С. 25–29.
2. Gray C.S. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century. – New York: Strategic Studies Institute, 2011. – 73 с. – ISBN: 58487–486–4
3. Knight J. The limits of soft power in higher education // University World News. 2014. № 305. [Электронный ресурс]. – URL: The limits of soft power in higher education (universityworldnews.com) (дата обращения: 22.08.2023).
4. Lock, E. Soft Power and Strategy: Developing a “Strategic” Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. –London: Routledge, 2010. – С. 32–50.
5. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power –New York: Basic Books, 1990. – 336 с. – ISBN: 978–0465007448.
6. Nye, J. Flexible power: The means to succeed in world politics // Foreign Power. – New York: Public Affairs, 2004. – 221 с. – ISBN: 58648–225–4.
7. Nye, J. Soft power // Foreign Policy. 1990. № 79 (80). С. 153–171.
8. Nye, J. Soft power: the evolution of a concept // Journal of Political Power, school of government, Harvard University. 2021. № 14 (1). С. 5–9.
9. Nye, J. What China and Russia don't get about “soft power” // Foreign Policy. 2013. [Электронный ресурс]. –URL: What China and Russia Don't Get About Soft Power – Foreign Policy (дата обращения: 22.08.2023).
10. Snow N. Rethinking Public Diplomacy. – Abingdon: Routledge, Routledge handbook of public diplomacy, 2008. – 304 с. – ISBN: 9780415953016.
11. Von Bertalanfy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. – N. Y., 1968. – 289 с. [Электронный ресурс]. –URL: Von_Bertalanffy_Ludwig_General_System_Theory_1968.pdf (monoskop.org) (дата обращения: 22.08.2023).
12. Arpentyeva M.P. Conceptual problems of “soft power” theory // Bulletin of Altaic Political Research School. 2018. № 1 (33). – Barnaul: Altay State University. pp. 41–43.
13. Bobylo A. M “Soft power” in international policy: peculiarities of national strategies // Bulletin of Buryat State University. Politology. 2013. № 14. P. 134.
14. Vedernikova M.I. Image of a state as an element of a “soft power” concept // Bulletin of Altaic Political Research School. 2018. № 1 (33). – Barnaul: Altay State University.p. 37.
15. Emelyanova N.N. Russia’s image in the face of 21st challenges: monograph / Emelyanova N.N. – М.: Rusnice edition, 2020. – 124 p. – ISBN: 978–5–4365–2264–7.
16. Zharkov A.A. The image of Russia in the popular culture of Britain at the beginning of the 20th century as an attempt of establishing the state’s image (based on M. Baring’s literature works). – MSU, dissertation, electronic catalogue “Istina”, 2018. pp. 16–18.
17. Kovba D.M. Basic “soft power” study approaches in Russian scientific tradition // “Discourse – P” scientific journal. Jurisprudence. 2017. № 1 (14). pp. 143–146.
18. Lebedeva M. M. “Soft power”, its concept and approaches // Bulletin of Moscow State University of International Affairs. 2017. № 3 (54). pp. 213–220.
19. Leonova O.G. Soft power as resource in state’s foreign policy // Observer. 2013. № 3. Pp. 29–32.
20. Makarevich M. F. “Soft power” structure and its possibilities // Moscow State University of Linguistics bulletin. Social sciences. 2017. № 1 (778). p. 28.
21. Naumov M. F. “Soft power” and public diplomacy: lecture course / Naumov A.O. – М.: Moscow State University edition, 2019. – 205 p. – ISBN: 978–5–19–011395–2.
22. Neymark M. A. “Soft power” in international politics // Observer. 2016. № 1 (16). pp. 32–38.
23. Rusakova O.F. Soft power discourse as element of humanitarian diplomacy: instrumental and measurement approach // Humanitarian sciences. 2015. № 2. pp. 93–95.
24. Sokolov M.A. System approach as a research program in the works of L. Bertalanfi // Perm State Institution of Pedagogy. Humanitarian and social sciences. 2022. № 3. pp. 8–9.
25. Weaver W. Science and complexity. 1949. [Electronic resource]. – Наука и сложность (cyberleninka.ru) (accessed on: 16.08.2023).
26. Fukuyama F. The end of history and the last man // Translation from eng. – М.: AST edition, 2015. – 252 p. – ISBN: 978–5–17–089637–0.
27. Kharitonova E.M. The soft power of the United Kingdom: dissertation on competition of a scientific degree of PhD in political sciences. – М.: IMEMO of Russian Academy of Sciences, 2017. – pp. 21–54.

Исследование политики охраны нематериального культурного наследия России в рамках концепции культурного пространства

Ван Наньнань,

к. филол.н., лектор, Институт русского языка Даляньского университета иностранных языков (ДУИЯ), Китайский центр исследований языков Северо-Восточной Азии при Государственном комитете по языковой политике и реформе (ДУИЯ), Русский центр ДУИЯ
E-mail: wangnannan528@mail.ru

Лян Инин,

студент, Институт русского языка Даляньского университета иностранных языков (ДУИЯ)

В современной академической арене терминологический аппарат «культурное пространство» выступает как критический конструкт, определяющий основные векторы антропологической исследовательской парадигмы. В контексте российской культурной политики, данный категориальный аспект находит особенный резонанс в академических кругах, активно исследующих русскую филологическую ландшафту. В данном исследовании, на основе обзора литературы, анализируется актуальность концепции культурного пространства для политики сохранения нематериального культурного наследия в России и вносятся предложения по ее оптимизации. Показана взаимосвязь между принципом культурного пространства и охраной нематериального культурного наследия. Изучение и обсуждение российской политики охраны нематериального культурного наследия может послужить теоретической основой и эмпирической базой для охраны, возрождения источников и дальнейшего развития нематериального культурного наследия в Китае.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие; культурное пространство; политика охраны

Публикация подготовлена в рамках поддержанного проекта молодёжного фонда гуманитарных и общественных наук Министерства образования Китая 2021 года «Исследование категории оценки китайского и российского политического дискурса» № 21YJC740055 и проекта фундаментальных исследований Департамента образования провинции Ляонин 2021 года «Исследование оценочной семантики китайского и российского медийно-дипломатического дискурса» № LJKR0420.

Введение

В современной академической арене терминологический аппарат «культурное пространство» выступает как критический конструкт, определяющий основные векторы антропологической исследовательской парадигмы. Этот концептуальный инструмент особенно преобладает в метадискурсе, касающемся презервации и культурной трансмиссии нематериального наследия, а также в экзегезе общественных культурных сфер. В контексте российской культурной политики, данный категориальный аспект находит особенный резонанс в академических кругах, активно исследующих русскую филологическую ландшафту.

На протяжении последних декад, исследовательские эндеаворы на национальной и глобальной арене представляют полифонический анализ стратегических подходов Российской Федерации к охране нематериального культурного наследия, предлагая соответствующие модели его оптимизации. Среди академических акторов российской сцены, Ахундова, Миронова и Сидоренко сформулировали ключевые архитектурные принципы, институционализированные в законодательных и регулятивных рамках, особенно в контексте презервации фольклорного корпуса (Ахундова, 2001). Юдин подчеркивает стратегическую императивность охраны нематериального культурного наследия в рамках укрепления национальной безопасности и формирования коллективной идентичности (Юдин, 2015:17). Каширина артикулирует директивы международного сотрудничества между Российской Федерацией и ЮНЕСКО в этой доменной области (Каширина, 2017). Додонова критически деконструирует существующие практики в области презервации нематериального культурного наследия и идентифицирует проблемные фрагменты (Додонова, 2018:56).

В международной академической сфере исследователи активно интегрированы в этот дискурсивный контекст. Например, китайский ученый Ма Цян проводит сопоставительный анализ концептуальных и практических аспектов российской политики в сфере нематериального культурного наследия, сверяя их с политическими директивами, и анализирует взаимосвязь российских фольклорных традиций с религиозными культурными системами, рассматривая это через призму культурного пространства [12]. Че Тонгбо исследует разнообразные векторы российской политической стратегии в данной доменной зоне [7]. Мультиаспектный анализ российской политики в сфере охраны нематериального культурного наследия освещается в работах Янь Цюцзю, Ли Чэн и Сюй Юньмина, в которых артикулированы экономические факторы, роль фольклорного туризма в ревитализации культурного наследия и специфика таких его характеристик как территориальность, живость и многообразие [15]. Чэн Дэнмэй акцентирует внимание на нормативных основаниях российской политики в области охраны нематериального культурного наследия и выяв-

ляет дисфункциональные элементы в текущей политической архитектуре [8].

Интегративные характеристики культурно-пространственной идентичности выполняют функцию несомненных критериев, не подлежащих уступкам в рамках активностей, направленных на консервацию и трансляцию нематериального культурного наследия. В сфере российской культурной географии заметен значительный массив исследовательских работ, фокусирующихся на механизмах консервации и передачи нематериальных культурных активов. Однако, существует явный дефицит аналитических разработок, которые бы концентрировались на политических фасетах данной проблематики в рамках культурно-пространственной среды. В этом контексте, текущий исследовательский проект амбициозно стремится устранить этот научный вакуум, опираясь на существующий академический репозиторий в данной дисциплине с целью детального анализа динамики культурно-пространственных взаимодействий в российской политической агентде консервации нематериального культурного наследия.

Для достижения вышеопределенных исследовательских задач мобилизуется строгий методологический арсенал, интегрирующий документоцентрический анализ и междисциплинарные исследовательские подходы. Фаза сбора данных характеризуется высокой степенью целенаправленности, систематичности и методической дисциплинированности, с особым акцентом на синтез данных из разнообразных национальных и международных баз данных. Такая концептуальная ориентация позволяет гарантировать полифакторный и комплексный анализ исследуемого объекта. Кроме того, данный проект оперирует вне узких рамок одной академической дисциплины и активно адаптирует теоретические и методологические инструменты из сферы иностранных языков и литературоведения, а также социальных и гуманитарных наук. Эта мультидисциплинарная ориентация обеспечивает возможность для более интенсивной и глубокой интерпретации официальных документов и академических материалов, изданных государственными органами Российской Федерации в контексте стратегии консервации нематериального культурного наследия.

Концепт культурного пространства

В лексиконе современного академического диалога термин «культурное пространство» представляет собой критический аналитический артефакт, демонстрирующий интегративные свойства в размышлениях о пространственно-временных и социокультурных коннективитетах. В контексте глобализированной эпистемологической рамки, данная концепция объединяет и коррелирует не только с пространственными и временными показателями, но и с социальными и историографическими аспектами, открывая новые перспективы для философского осмысления пространственности. Генри Лефевр, французский социолог-философ, внес значимый вклад в разработку инновационного триадического методологического ансамбля, позволяющего учесть пространственные, социальные и исторические факторы в их динамическом взаимодействии.

Культурное пространство, как критически важная переменная в развивающихся цивилизационных алгоритмах, подвергается непрерывным процессам модификации, трансформации и перестройки. Через адаптивное преобразование природного окружения и последующую генерацию цивилизационных сценариев, человечество создает и архивирует коллективные культурные архети-

пы. В контексте акцентированной глобализации и плодотворной международной интеграции, межкультурные связи проявляются в множественных и разнообразных формах. Эта ситуационная сложность привлекает внимание академических сообществ различных геополитических зон к аналитическому осмыслению механизмов создания, структурирования и функциональной активности культурных пространств. Следует подчеркнуть, что вариативность интерпретаций данного концепта обуславливает необходимость его специфической теоретической и операциональной деконструкции.

В более ограниченной интерпретации термин «культурное пространство» можно рассматривать как концептуальную рамку нематериального культурного наследия, что согласуется с директивами ЮНЕСКО, сформулированными в декаде 1990-х годов. ЮНЕСКО придерживается концептуальной линии, в соответствии с которой культурное пространство может быть определено как географически и временно концентрированная область народных или традиционных культурных практик. Данная модель предполагает возможность пространственно-временной когерентности как интегральной части традиционных платформ для культурных выражений.

В рамках систематического анализа культурной антропологии промежуточные критерии классификации шедевров нематериального культурного наследия сублимируются в концептуальных параметрах «культурного пространства». Данный семантический конструкт представляет собой не просто театральную сцену для культурной экспрессии, но актует как динамический механизм, обеспечивающий актуализацию различных социокультурных практик в рамках определенной коммунальной или групповой идентичности. В данном контексте «культурное пространство» служит как среда для рецидивирующих традиционных культурных действий, так и фокальной точкой для традиционных модусов культурной экспрессии, предусматривающих как пространственные, так и хронотопические измерения. В эпоху усиленной экономической глобализации и активности транснациональных коммерческих механизмов, политико-экономические коннективности между различными геополитическими и этнокультурными формациями подвергаются процессу интенсификации и глубокой структуризации. Это, в свою очередь, акцентуирует множественные метаморфозы и интеграционные процессы, имеющие место на широкой глобальной арене. Особое внимание при этом уделяется взаимодействию пространственно-временных матриц, которые играют ключевую роль в обеспечении сохранения культурной диверсификации и устойчивого развития. Все вышеуказанные динамические элементы напрямую влияют на концептуальное осмысление и функциональное устройство «культурного пространства», выдвигая его на передний план академического исследования и политического дискурса. Подобное утонченное понимание «культурного пространства» представляет собой плодотворный инструментальный для аналитического охвата сложных социокультурных процессов и механизмов, функционирующих в современном обществе.

Основные условия для проведения политики охраны нематериального культурного наследия в России

Политические условия

Диагностика культурного ландшафта в Российской Федерации, с её этнокультурной гетерогенностью и региональными идентичностями, функционирует как критический

фактор в ориентире культурно-политической стратегии. Эта стратегия призвана обеспечивать сохранение, культивацию и диффузию культурного наследия. В контексте этого процесса институциональные архитектуры – в том числе государственные органы – выделяют существенность курации и трансмиссии нематериального культурного наследия, релевантность которого экстраполируется и на академическую доменную сферу.

В сосредоточении этого дискурса присутствует не столько культурологическая, сколько политическая валентность. Внедрение парадигмы нематериального культурного наследия на территориальную матрицу России сопровождается интерсекцией с нарастающими в обществе тенденциями националистической и патриотической направленности. Это взаимодействие выявляет себя в усилении фокуса на национальной идентичности в рамках государственной структуры и трансформирует парадигму в инструментарий для культурно-политической агенды, нацеленной на конструирование национального единства и государственной идентификации.

С исторической перспективы, политические векторы Российской Федерации в сфере охраны культурного наследия прошли через эволюционные этапы. В эпоху советского режима началось формирование системы государственного регулирования в этой области. Пост-советская эра, в контексте идеологической дезинтеграции, привела к реверсии к традиционным культурным нормативам. В периоды политических флуктуаций акценты в практике сохранения культурного наследия подвергались реинтерпретациям. В отношении курации нематериального культурного наследия был сформулирован комплекс законодательных и регулятивных мер. Это включает в себя Государственные указы о подкреплении культурной сферы, а также законодательство о международной охране культурного наследия. К примеру, Постановление о защите национальных исторических памятников, активированное в начале XXI века, прошло стадии модификации и амплификации. Этот законодательный акт предлагает таксономическую классификацию более чем ста национальных и региональных исторических объектов по трём ключевым доменам: традиционные, религиозные и современные. В рамках этой классификации традиционные архитектурные стили, такие как барокко, неоренессанс и неоклассицизм, интегрированы в категорию традиционных, в то время как религиозный сектор включает в себя византийские храмы, православные мечети и христианские святыни.

В рамках институциональной морфологии и диалектических отношений между культурным наследием и актуальными социополитическими демандами, реализуется интегральный набор эколого-консервативных тактик и проработанных операционных протоколов. Через призму Государственного нормативного акта, предназначенного для пресервации национальной культурной идентичности, артикулируются как декларативные, так и функциональные аспекты с целью укрепления и развертывания национального культурного динамизма. Такой законодательный инструментарий направляет свою фокусировку на активацию культурного просвещения и социальной ответственности, дополняя это стимулированием национального самосознания и ориентацией на повышение уровня культурной интеграции в общественном пространстве на федеральном уровне.

Презервация имматериального культурного наследия концептуализируется как критическая переменная в рамках сохранения и динамичного эволюционирования национального культурного кодекса, а также унитарности и когезии в формировании синтетического культурного геоэкологического комплекса Российской Федерации. Такая

концептуальная ориентация культурной политики находится в синергии с нормативными постулатами и доктринами, актуальными в контексте существующего политико-управленческого механизма Российской Федерации.

Экономические условия

В аспекте макроэкономической модуляции Российской Федерации пространственно-временной отрезок 1980-х годов олицетворяет собой период экономического турбулентного затишья, последовавшее на фоне стагнационной эпохи, занимающей конечный период существования Советского Союза. Постсоветская экономическая траектория, ориентированная на инициацию с 1992 года, демонстрирует всплески экономического ревитализационного процесса, которые, несмотря на все, вновь обрели рецессивный характер в 1998 году.

В декаде 1990-х государственное управленческое воздействие артикулировалось на активизацию экономического потенциала через совокупность регулятивных мероприятий, включая стимулирование сектора малого и среднего предпринимательства, фасилитацию инвестиционных потоков и пересмотр параметров заработной платы и пенсионного возраста. Однако, начиная с 2001 года, динамика российской экономики снова подверглась рецессивному удушью, с деградацией темпов роста до менее 5% к 2005 году.

Данный период характеризуется острым бюджетным дефицитом, коррелированным с инфляционными процессами и девальвацией национальной валюты, что исключительно негативно сказалось на уровне жизни населения. Контекстуально эта ситуация обрамлена сложной международно-политической конъюнктурой, особенно под давлением экстерналичных факторов, основанных на динамике отношений с Западными странами. В рамках данного историко-социокультурного момента остро стоит вопрос сохранения культурной стабильности и преемственности национальных культурных кодов. Это актуализирует необходимость пресервации культурного пространства, институционализированного на основе нематериального культурного наследия, в интересах поддержания национального единства и выполнения стратегических государственных задач.

Следует учитывать, что в условиях интенсификации глобализационных процессов и ускорения урбанизационных тенденций, национальная культурная идентичность Российской Федерации подвергается многофакторному экстерналичному воздействию. Одной из катализирующих перемен является деградация сельской демографической структуры, что влечет за собой затруднения в сохранении коренных культурных практик. Кроме того, старение демографического состава населения и последующая потеря пожилых носителей культурных кодов, в комбинации с утратой интереса к традиционным культурным формам среди молодежи, агрегирует культурные дисбалансы.

В рамках стратегических действий по сохранению и развитию национальной культуры, правительство Российской Федерации инициировало целый ряд конференций, а также приняло ряд законодательных актов, включая Закон РФ «О культуре», «О национально-культурной автономии», и «О народном творчестве». Кроме того, была разработана Концепция охраны и развития нематериального культурного наследия народов РФ на период 2009–2015 годов и учрежден специальный бюджетный фонд на сумму 50 миллионов рублей для культурных инициатив. В этом контексте, государство обязуется ежегодно аллоцировать бюджетные ресурсы для поддержания и развития культурного пространства.

Культурные условия

В Российской Федерации, являющейся полиморфным государственным союзом с обширной хронологией геокультурных, исследовательских и этнических различий, стратегические рамки для консервации нематериального культурного наследия представляют собой интегральный элемент современных модернизационных агенд. Этот феномен охватывает сложную иерархию социокультурных структур, начиная от региональных культурных архетипов и заканчивая общенациональным культурным эпистемом.

В качестве национального субъекта с многофасетным историографическим и культурологическим наследием, Российская Федерация выработала целенаправленные механизмы для защиты и продвижения нематериального культурного наследия. В данном контексте, эта сфера выходит за рамки статического компонента и является динамически эволюционирующим элементом общественно-культурного комплекса, к которому подрастающие поколения формируют ответственное и рефлексивное отношение. Спектр подлежащих сохранению и активной трансформации культурных форм охватывает широкий диапазон: от архаичных музыкальных ритуалов до современных инициатив в области театрального искусства, кинематографии и визуальной культуры. Период, начиная с ранних 1990-х годов, представляет собой интенсивную фазу социокультурных преобразований, переплетающуюся с комплексом противоречивых динамических перемен. Этот временной отрезок олицетворяет высокий уровень конфликтности и сложности, одновременно демонстрируя возможности адаптационной эффективности государственного аппарата в контексте инновационных реформ эпохи постсоветской трансформации.

В этой исторической рамке, указанные кардинальные сдвиги в социополитической динамике генерировали значительные флуктуации, затрагивающие основополагающие структуры политической системы. Несмотря на это, данный период можно интерпретировать как фазу максимизации потенциала для социокультурной экспансии, активизации национальной самоидентификации и креативного развития уникальных художественных парадигм. В результате этой фазы стала возможной концептуализация новых идеологических и теоретических фреймворков, которые внесли значительный вклад в политическую агенду Российской Федерации, особенно в части стратегий по сохранению и развитию нематериального культурного наследия.

В эпоху ускоренного процесса глобализации, характеризующегося интенсивным транснациональным потоком культурных конструктов, осознание и изучение рисков культурной гегемонизации и культурного империализма становятся все более актуальными. Данная динамика культурной глобализации приводит к инвазивному проникновению артефактов и идентичностей, часто отражающих доминирующие культурные парадигмы, в традиционные культурные ландшафты, чем потенцирует размывание этнокультурной специфики и разнообразия.

В этом контексте Российская Федерация активизирует меры по консервации нематериального культурного наследия. Данные усилия подкрепляются как государственной политикой, так и гражданскими инициативами, организованными на множественных уровнях общественной структуры. Идеологический и политический климат в стране формирует почву для высокого уровня национальной самоидентификации, что, в свою очередь, стимулирует активные попытки сохранения культурного пространства в его автентичной форме.

Изучение и сохранение нематериального культурного наследия субъективируются в академических кругах, где преподаватели и студенты активно занимаются документацией и исследованием объектов этого культурного пространства. Результаты этих академических исследований в виде систематизированных архивов представляют собой интеллектуальный капитал, влияющий на практики и стратегии сохранения культурных традиций. В сфере государственного регулирования и через каналы гражданского общества реализуются разнообразные проекты, направленные на сохранение и популяризацию традиционного искусства. Примеры включают в себя различные формы народного искусства, такие как Измайловский и Ельчинский танцы, которые отражают региональные культурные особенности и тем самым становятся частью глобального культурного диалога.

Специфика культурного пространства в политике охраны нематериального культурного наследия в России

Локальность

В контексте культурной экологии, пресервация интангибельного культурного наследия (ИКН) артикулирует когерентную связь с биосоциальным субстратом, на котором данная культурная феноменология осуществляет свою операциональную функциональность. Однако, эта интеграция не является унитарной: она предполагает диалектическую взаимосвязь между культурным артефактом и его окружающей milieu, представляя собой глубоко интегрированную систему.

Субсидиарно, перцептивная ценность ИКН для социокультурной коллективности не просто поднимает вопросы его долгосрочной устойчивости, но и выдвигает требования к комплексному финансовому инструментарию, направленному на его сохранение и развитие. Здесь можно отметить законодательные нормативы, такие как статья 33 Закона Российской Федерации «О региональной национальной автономии», которая формулирует не только правовую, но и культурную автономию этнических групп, подчеркивая их уникальный вклад в культурную ткань региона.

Третьим вектором является неизбежность культурной эрозии ИКН при отсутствии адекватного внимания и инвестиционного вложения. Это наглядно иллюстрируется примером Республики Саха, где интегрированные стратегии сохранения культурного наследия, например, эпического нарратива Олонхо-Якутия, были осуществлены через комплексное планирование, включая создание культурных хабов, документальное фиксирование и стимулирование академической и исследовательской активности.

Также следует отметить синергетическую роль государственного регулирования и институциональных механизмов в культурной сфере. Проекты, например, в области фольклорного туризма и этнического искусства, не просто активизируют региональную культурную динамику, но и выступают как платформы для долгосрочного преемственного сохранения ИКН. Через организацию различных культурных инициатив – от этнических фестивалей до художественных экспозиций – эти механизмы эффективно усиливают социокультурный импакт и способствуют долгосрочному устойчивому развитию интангибельного культурного наследия.

Разнообразие

В целях оптимизации стратегических решений по консервации и диффузии нематериального культурного на-

следия в Российской Федерации критическим является адекватное понимание комплексного этнокультурного, религиозного и регионального спектра государства. Данные указывают на экзистенцию свыше 150 этнических коллективов в России, каждый из которых характеризуется уникальными культурными маркерами, включая религиозные доктрины, языковые конвенции и социокультурные паттерны. Индивидуальные этно-культурные идиосинкразии находят манифестацию в различных формах нематериального культурного наследия, что акцентирует необходимость его многослойной консервации и культурной трансмиссии.

В первоочередном порядке Российская Федерация институционализирует ригорозный механизм отбора и идентификации носителей нематериального культурного наследия. Статистические метрики свидетельствуют, что на текущий момент более 6 000 таковых носителей получили формальное учрежденное признание, среди которых свыше 400 на уровне национальных и муниципальных административных единиц. Следовательно, фокус смещается на курирование и укрепление многогранных культурных практик и пространств, в том числе фольклора, традиционных художественных форм и перформативных модальностей культуры. Такие культурные формы как народные искусства и фольклор обладают существенным влиянием на конструирование и укрепление национальной идентичности.

В контексте музыкальной эстетики, примечательной является фигура русского композитора Василия Григоровича Козака, чье творческое наследие, включая композиции как «Иван» и «Подмосковный вечер», иллюстрирует роль музыкального артефакта в активации национального самосознания и культивации социальной гармонии.

На плоскости изобразительных и перформативных искусств, различные стилистики народной живописи, музыкальные жанры и хореографические формы выступают как инструментарий для консервации и развития национального культурного капитала. Эти элементы представляют собой инварианты художественного наследия, которые требуют систематической охраны и промоции на всех иерархических уровнях социальной структуры.

В академическом ландшафте Московского государственного университета (МГУ) можно выявить продуктивную взаимодействующую связь с Федеральным министерством культуры и Российской национальной библиотекой. Этот мультидисциплинарный союз характеризуется комплексом научно-исследовательских инициатив, конечными продуктами которых являются публикации в научных периодических изданиях. В схожей манере, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) укрепляет академические и культурные связи с Министерством культуры Российской Федерации через стратегически обусловленное соглашение. В рамках данного соглашения формируются образовательные программы, ориентированные на глубокий анализ и реализацию проектов в сфере культурного наследия. Параллельно этим выдающимся академическим учреждениям, есть и другие ведущие исследовательские платформы, специализирующиеся в данной области. К примеру, Московская государственная консерватория имени М.С. Шереметова не только занимается образовательной деятельностью, но и служит инициатором создания научно-исследовательского центра, фокусированного на проблематике нематериального культурного наследия. Аналогичную концентрацию научных усилий можно наблюдать и в исследовательском институте,

функционирующем при Санкт-Петербургской государственной консерватории.

Инновационность

В контексте акселерирующего технологического развития, диалектическая интеракция с культурной сферой стоит в центре внимания. Экспоненциальное прогрессирование технологий предлагает двойственный эффект на культурные динамики: с одной стороны, ускоряется интеграционный процесс культурных элементов, с другой – инструменты для культурного проникновения становятся более доступными и эффективными. В этом рамке, Российская Федерация активно инкорпорирует технологические инновации для оптимизации и расширения домена нематериального культурного наследия. Особый акцент делается на модернизацию традиционных ремесел и мастерств, включая их диффузию через современные коммуникационные каналы, такие как массовые медиа, интернет-платформы и телевизионные сети.

Государственные органы Российской Федерации уделяют приоритетное внимание разнообразным стратегиям в области образования и пропаганды, охватывающим множественные медиаформаты, от текстовых до аудиовизуальных. Это способствует усилению образовательного и информационного потенциала, прикладного к наследникам культурных проектов.

Тем не менее, существующая в России политическая стратегия в сфере сохранения нематериального культурного наследия не лишена сложностей и ограничений. Дисгармония и отсутствие координации в политическом проектировании создают препятствия для разработки и реализации целостных и согласованных программ. В этом контексте, хотя за последнее десятилетие был активизирован сбор традиционных культурных ресурсов народов России, эти инициативы остаются фрагментированными и децентрализованными, включая как государственные, так и частные исследовательские учреждения. Одной из актуальных проблем является отсутствие унифицированного управленческого органа, способного координировать все эти множественные действия.

Эмпирический анализ функциональной активности негосударственных субъектов в области презервации и защиты нематериального культурного наследия (НКН) на территории Российской Федерации демонстрирует наличие критических дефицитов в управленческой инфраструктуре. Заслуживает внимания отсутствие интегрированного координационного агентства, фактор, снижающий глобальную эффективность системного управления в рассматриваемом домене. Параллельно стоит акцентировать неотложную потребность в законодательной нормативизации данного сегмента с целью улучшения его резилиентности и прогнозируемости.

Комплексная экономическая динамика в Российской Федерации оказывает негативный импакт на государственные финансовые аллокации, направленные на презервацию регионального культурного архетипа. Ограниченный объем бюджетных средств не соответствует изначально прогнозированным параметрам, что генерирует экосистему, благоприятную для коммерциализованных организаций, эксплуатирующих сложившуюся ситуацию, и угрожает интегритету и доверию к институциональным механизмам, ответственным за сохранение НКН. Это происходит на фоне относительной финансовой стабильности в геополитическом контексте Российской Федерации. Присутствует явный недобор эффективных инструментов для количественной и качественной оценки, а также мониторинга про-

ектных и организационных инициатив в сфере презервации НКН. В результате, ключевые регуляторы, такие как Совет Российской Федерации, Министерство культуры, а также Министерство промышленности и торговли, не осуществляют адекватных мероприятий для решения этой проблематики.

Сравнение политики охраны нематериального культурного наследия в России и Китае

Как Россия, так и Китай придают высокий приоритет сохранению и развитию нематериального культурного наследия, уделяя этой задаче значительные ресурсы на уровне специализированных институтов. В Китае каталог нематериальных культурных артефактов является наиболее обширным на глобальной арене. Эта страна зарегистрировала примерно 300 объектов в Репрезентативном списке нематериального культурного наследия человечества, включая позиции на национальном, провинциальном и муниципальном уровнях.

Аналогично, Российская Федерация также демонстрирует заметные достижения в данной сфере. В Репрезентативный список внесены более 200 национальных и 400 провинциальных компонентов нематериального наследия. В целях обеспечения эффективной охраны и трансмиссии уникального культурного и исторического легата страны, на федеральном уровне приняты соответствующие законодательные акты, в частности, Федеральный закон «Об охране нематериального культурного наследия» и Федеральный закон «Об интеллектуальной собственности».

Тем не менее, несмотря на схожесть целевых установок, существуют определенные диспаратности в подходах к сохранению нематериального культурного наследия между Китаем и Россией, которые обусловлены спецификой национальных контекстов. В отличие от России, китайская система охраны нематериального культурного наследия остается несовершенной на национальном уровне. В настоящее время, 20 провинций, автономных районов и муниципалитетов Китая, подчиненных Центральному правительству, разработали региональные законодательные нормы, включая такие документы как «Мнения Народного правительства провинции Хэнань» и «Мнения Народного правительства провинции Чжэцзян».

Прежде всего, концептуальные подходы к сохранению нематериального культурного наследия в Китайской Народной Республике и Российской Федерации заметно различаются на уровне государственного регулирования. В Китае акцентированное внимание уделяется не столько охране материальных культурных активов, сколько культивированию и трансферу нематериальных культурных ресурсов. Государственные органы здесь действуют как катализаторы, в то время как образовательные учреждения, локальные сообщества и НПО служат платформами для дальнейшего продвижения и развития этих ресурсов.

Во-вторых, семантические основы понятий «традиция» и «фольклор» в этих двух странах не идентичны. В китайской культурологической парадигме «традиция» двойственно воспринимается: с одной стороны, акцентируется важность фольклора, с другой – отсутствует строгое требование к его охране. В России, напротив, нематериальная культура формируется эволюционно, через практические механизмы и образовательные процессы, без явного деления на исторические и современные культурные явления.

В-третьих, в Китае отсутствуют жесткие критерии для аккредитации «народных артистов», в отличие от Рос-

сии, где существует более строгая система аккредитации и регулирования в этом секторе.

В-четвертых, Китай применяет более системный и интегральный подход к анализу культурных коннотаций, ценностей и характеристик, в отличие от России, где отсутствует унифицированный подход к концептуализации и наследованию культурного багажа.

В-пятых, Китай проявляет высокую степень академической детализации в исследовании народных артистов, в отличие от России, где такие исследования и классификации не проводятся на должном уровне, что снижает акцент на правовом статусе и идентификации артистов.

В-шестых, в Китае наблюдается активное участие государственных и общественных структур в диффузии нематериального культурного наследия, а в России отсутствует целенаправленная деятельность по его трансферу и распространению.

В-седьмых, современная Китайская Народная Республика акцентирует внимание на сохранении традиционных навыков, в то время как в Российской Федерации этот аспект культурной политики не выделяется в качестве приоритетного.

Важным аспектом китайской стратегии в области охраны нематериального культурного наследия (НКН) является диалектический подход к защите как отдельных единичных культурных явлений, входящих в каждую категорию НКН, так и всестороннему сохранению культурно-пространственной активности наследия в агрегированном виде. Такое балансирование стоит в центре задач по сохранению нематериального культурного наследия на территории Китая и требует идентификации ключевых методологических принципов для его решения. Несмотря на наличие определенных схожих характеристик с российской моделью охраны НКН, прямое копирование российских методов и подходов в китайском контексте невозможно и недопустимо.

Полезный опыт

Существует наилучшая необходимость акцентировать внимание на охране культурных доменов, являющихся средой трансляции этнокультурных идентичностей разнообразных этнических общностей и географических регионов. Эти домены пронизаны жизненными ценностями и психосоциальными аспирациями массового населения. В качестве концептуального фундамента для реализации этой задачи следует применять региональный, интегративный и целеполагающий подход. Таким образом, следует структурировать механизмы охраны нематериального культурного наследия в приграничных и других специфических районах, укрепляя при этом международные механизмы сотрудничества и охраны данной категории наследия.

В параллельном контексте актуализируется задача доработки и усиления нормативно-правового основания в сфере охраны нематериального культурного наследия в Российской Федерации. Это включает в себя оптимизацию управленческих процессов, уточнение и совершенствование законодательной базы, разработку конкретных и сфокусированных нормативных актов, способствующих эффективной реализации политик в данной области. Целью является формирование глобальной, но гибкой нормативно-правовой структуры, которая будет подкреплена разноуровневыми местными законами и регулятивными актами. Целесообразно также создание автономного органа, задачей которого будет решение комплексных вопросов, возникающих в процессе охраны нематериального культурного наследия. При этом следует активировать международные механизмы сотрудничества, которые включают в себя не только законодательные и финансовые аспекты, но и контроль,

оценку и инспекцию охраняемых объектов, а также международное участие в данной сфере. Между Китаем и Россией существует потенциал для расширения сферы совместного взаимодействия по вопросам межкультурного наследия. Это может включать в себя организацию совместных исследовательских и образовательных мероприятий, достижение консенсуса в рамках многосторонних проектов, участие в международных конференциях и выставках, а также развитие сотрудничества на уровне этнических, гражданских и государственных структур. Важно поощрять активное участие общества в данном процессе и предусматривать соответствующие финансовые и исследовательские ресурсы для его поддержки.

Для глубинного понимания и прогрессивной защиты традиционных культурных ландшафтов, характерных для разнообразных этнических коллективов на территории Российской Федерации, предполагается не только интенсифицировать научно-исследовательскую активность, но и активизировать информационный обмен с экспертами и учеными на национальном и международном уровнях. Такая активизация предполагает организацию академических обменов, совместных исследовательских инициатив, а также экспедиций для непосредственного изучения объектов культурного наследия.

Чтобы адекватно реагировать на вызовы, связанные с сохранением нематериального культурного наследия, предлагается реорганизация подходов к управлению этой сферой через создание специализированного агентства. Данная организация будет акцентировать свою деятельность на разработке и координации национальной стратегии и планов действий по защите нематериального культурного наследия. Это включает в себя аудит и оценку существующих механизмов сохранения, а также руководство национальными усилиями по его охране.

Специализированное агентство будет также интегрировать в себя функции анализа внутренней динамики проектов и моделей культурного развития, особенно в контексте культурно-экологических заповедников. Оно будет ответственно за концептуализацию, реализацию и мониторинг национальных программ, направленных на поддержку и развитие нематериального культурного наследия различных этнических групп в России. Агентство будет фокусироваться на мобилизации общественного участия и стимулировании культурного обмена и межгруппового сотрудничества. Предусматривается активная работа по взаимосвязи с локальными экономическими и социальными инициативами, что способствует устойчивому развитию и сохранению традиционных культур.

Заключение

Имматериальное культурное наследие (ИКН) пронизано глубокими культурными и духовными атрибутами, которые являются фундаментом для выживания, эволюции и культурной преемственности народов. Этот аспект национальной культуры играет критическую роль в укреплении культурного самосознания и в развитии глобальной цивилизационной матрицы. Политики по сохранению ИКН в Российской Федерации оказывают влияние на культурную топографию не только через модификацию самого культурного пространства, но и путем индуцирования пространственно-временных трансформаций, способствующих развитию и диссеминации ИКН.

Охрана ИКН является многодисциплинарным и комплексным предприятием, требующим международного взаимодействия и обмена передовыми практиками. Те-

кущие стратегии, связанные с управлением культурным пространством для сохранения ИКН, находятся в стадии разработки и подвергаются критике по различным аспектам. В Российской Федерации наблюдаются определенные пробелы в институциональных механизмах охраны ИКН, которые касаются как политической агенды, так и экономических реалий. В контрасте к этому Китай имеет более выраженные управленческие структуры по охране ИКН, хотя и сталкивается с ограничениями из-за недостатков в институциональных механизмах.

Для дальнейшего укрепления международного сотрудничества в сфере ИКН, Китай и Россия должны интенсифицировать культурные обмены и совместные инициативы. Это включает в себя не только распространение и образование в сфере традиционной культуры и искусства, но и формирование фундамента для двустороннего сотрудничества по охране ИКН. Особое внимание следует уделить интеграции ИКН в стратегии построения «экологической цивилизации», что способствует повышению экологического сознания и морально-этических стандартов населения.

Анализ политики охраны нематериального культурного наследия в России позволяет сделать следующие выводы.

1. Отдельные страны должны уточнить роль охраны культурных пространств, усилить охрану нематериального культурного наследия и культурных пространств, в которых оно сохраняется и развивается, а также создать надежные системы управления и правила охраны и передачи нематериального культурного наследия.

2. На национальном уровне следует укреплять обмены и сотрудничество между регионами и этническими группами, чтобы изучать политику и успешный опыт друг друга в области охраны нематериального культурного наследия.

3. На гражданском уровне важно усилить пропаганду и распространение прекрасной традиционной культуры своей страны, а также повысить осведомленность общественности о работе и важности сохранения нематериального культурного наследия.

Китаю следует и далее изучать опыт России в области охраны нематериального культурного наследия, следовать особенностям культурного пространства, укреплять и совершенствовать политику в области нематериального культурного наследия, а на практике постоянно обогащать и совершенствовать систему и механизм охраны нематериального культурного наследия в соответствии с национальными условиями Китая. Обеспечить пространство для выживания и возрождения нематериального культурного наследия и поддерживать жизнеспособность нематериального культурного наследия в течение более длительного периода времени.

Литература

1. Александрова Анна Юрьевна, & Аигина Екатерина Вячеславовна (2016). Туристский вектор в актуализации культурного наследия. Современные проблемы сервиса и туризма[J]. 10 (2), 19–28.
2. Афанасьев Олег Евгеньевич. Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества: роль и функции в туризме. Современные проблемы сервиса и туризма[J]. 10 (3), 7–17.
3. Каргин Анатолий Степанович, Костина Анна Владимировна Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке. 2008.
4. Куштанина Елена Викторовна. Региональная культурная политика: государственные обязанности

в сфере культуры в региональном законодательстве. Вопросы государственного и муниципального управления [J]. (2), 111–130.

5. Октябрьская, И.В. Концепция культурного наследия: мировой и российский опыт формирования. Вестник Новосибирского государственного университета [J]. 12 (3), 20–31.
6. Сиволап, Т. Е. К вопросу сохранения культурного наследия в России: некоторые аспекты решения проблемы. Наука о человеке: гуманитарные исследования [J]. 80–89.
7. Че Тонгбо. Меры охраны нематериального культурного наследия России [J]. Популярная литература и искусство, 2016.
8. Чэн Дяньмэй, Теория и практика охраны российского культурного наследия [Дж], Фольклорные исследования, 2015, № 119(01): 88–95.
9. Гуань Синь, Строительство культурного пространства и защита традиционных фестивалей [J], Культурный журнал, 2009, 19(05):55–59.
10. Лю Куйли, О защите нематериального культурного наследия Китая в условиях глобализации [J], Henan Social Sciences, 2007, 87(01):25–34+171.
11. Лю Чжаохуэй. Сравнительное исследование защиты нематериального культурного наследия между Китаем и Россией: аналитическая перспектива, основанная на культурном пространстве [J]. Журнал Южного центрального университета национальностей (издание для гуманитарных и социальных наук), 2010.
12. Ма Цян, Защита российского нематериального культурного наследия, служащего политическим нуждам [J], Журнал Юньнаньского педагогического университета (издание философии и социальных наук), 2015, 47(05): 125–132.
13. У Бинъань, Пространство народной культуры: главный приоритет защиты нематериального культурного наследия Китая [J], Форум народной культуры, 2007, 153(01):98–100.
14. Сяо Фан, Си Хуэй. Основные характеристики и принципы защиты культурного пространства нематериального культурного наследия [J]. Культурное наследие, 2022, 76(01):9–16.
15. Ян Цюцзюй, Ли Чэн, Сю Юньмин, Текущее состояние охраны нематериального культурного наследия и культурной политики России [J], Журнал Университета Хэйхэ, 2022, 13(04): 169–171.
16. Чжан Бо, Охрана культурного пространства нематериального культурного наследия [J], Qinghai Social Sciences, 2007, 163(01):33–36+41.

STUDY OF THE POLICY OF PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE CONCEPT OF CULTURAL SPACE

Wang Nannan, Liang Yining

Institute of Russian language Dalian University of Foreign languages

In the modern academic arena, the terminological apparatus “cultural space” acts as a critical construct that defines the main vectors

of the anthropological research paradigm. In the context of Russian cultural policy, this categorical aspect finds particular resonance in academic circles that are actively studying the Russian philological landscape. This study, based on a literature review, analyzes the relevance of the concept of cultural space for the policy of preserving intangible cultural heritage in Russia and makes proposals for its optimization. The relationship between the principle of cultural space and the protection of intangible cultural heritage is shown. The study and discussion of Russian policies for the protection of intangible cultural heritage can serve as a theoretical basis and empirical basis for the protection, revitalization of sources and further development of intangible cultural heritage in China.

Keywords: intangible cultural heritage; cultural space; protection policy

References

1. Alexandrova Anna Yuryevna, & Aigina Ekaterina Vyacheslavovna (2016). Tourist vector in updating cultural heritage. Modern problems of service and tourism [J]. 10 (2), 19–28.
2. Afanasyev Oleg Evgenievich. Masterpieces of the oral and intangible cultural heritage of humanity: role and functions in tourism. Modern problems of service and tourism [J]. 10 (3), 7–17.
3. Anatoly Stepanovich Kargin, Anna Vladimirovna Kostina Preservation of the intangible cultural heritage of the peoples of the Russian Federation as a priority of Russian cultural policy in the 21st century. 2008.
4. Kushtanina Elena Viktorovna. Regional cultural policy: state responsibilities in the field of culture in regional legislation. Issues of state and municipal administration [J]. (2), 111–130.
5. Oktyabrskaya, I.V. The concept of cultural heritage: world and Russian experience of formation. Bulletin of Novosibirsk State University [J]. 12 (3), 20–31.
6. Sivolap, T.E. On the issue of preserving cultural heritage in Russia: some aspects of solving the problem. Human Science: Humanistic Studies [J]. 80–89.
7. Che Tongbo. Measures for the protection of the intangible cultural heritage of Russia [J]. Popular literature and art, 2016.
8. Cheng Dianmei, Theory and practice of protecting Russian cultural heritage [J], Folklore Studies, 2015, No. 119(01): 88–95.
9. Guan Xin, Construction of cultural space and protection of traditional festivals [J], Cultural Journal, 2009, 19(05):55–59.
10. Liu Kuili, On the protection of China's intangible cultural heritage under globalization [J], Henan Social Sciences, 2007, 87(01):25–34+171.
11. Liu Zhaohui. A comparative study on the protection of intangible cultural heritage between China and Russia: An analytical perspective based on cultural space [J]. Journal of South Central University of Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition), 2010.
12. Ma Qiang, Protecting Russian Intangible Cultural Heritage Serving Political Needs [J], Journal of Yunnan Normal University (Philosophy and Social Sciences Press), 2015, 47(05): 125–132.
13. Wu Bing'an, Folk Culture Space: The Top Priority for Protecting China's Intangible Cultural Heritage [J], Folk Culture Forum, 2007, 153(01):98–100.
14. Xiao Fang, Xi Hui. Basic characteristics and principles of protecting the cultural space of intangible cultural heritage [J]. Cultural Heritage, 2022, 76(01):9–16.
15. Yang Qiuju, Li Cheng, Xu Yunming, Current Status of Intangible Cultural Heritage Protection and Cultural Policy of Russia [J], Journal of Heihe University, 2022, 13(04): 169–171.
16. Zhang Bo, Safeguarding the Cultural Space of Intangible Cultural Heritage [J], Qinghai Social Sciences, 2007, 163(01):33–36+41.